

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

На правах рукописи

Долгополов Кирилл Андреевич

**Стратификационные факторы конвенциональности
уголовного наказания**

Специальность 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты
и процессы

Диссертация на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Научный консультант:
доктор социологических наук,
профессор Лушников Д. А.

Ставрополь – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
 Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования конвенциональности уголовного наказания	
1.1. Интерпретация конвенциональности уголовного наказания в социально-гуманитарном знании	33
1.2. Социальное неравенство как фактор конвенциональности уголовного наказания	66
1.3. Исследования социоструктурных факторов конвенциональности уголовного наказания в зарубежной науке: отношение к преступности и уголовному наказанию в общественном сознании	113
1.4. Теоретико-методологическое обоснование исследования конвенциональности уголовного наказания	140
Выводы по главе 1	184
 Глава 2. Анализ конвенциональности уголовного наказания в современном обществе	
2.1. Неравенство в уголовном наказании в отечественной судебной и пенитенциарной практике	187
2.2. Динамика отношения российского общества к уголовному наказанию	211
2.3. Критерии и показатели влияния стратификационных факторов на конвенциональность уголовного наказания	248
Выводы по главе 2	274
 Глава 3. Социологический анализ стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания за преступления экономической направленности в современном российском обществе	
3.1. Стратификационные различия в отношении к уголовному наказанию в современном российском обществе	276
3.2. Оценка функциональности и легитимности уголовного наказания за экономические преступления в правоприменительной деятельности.....	349
3.3. Стратификационные аспекты конвенциональности уголовного наказания за экономические преступления в представлениях осужденных к лишению свободы.....	402
Выводы по главе 3	431
Заключение.....	438
Список литературы	447
Приложения.....	467

Введение

Актуальность исследования конвенциональности уголовного наказания вытекает из необходимости понимания динамического баланса, который основывается на взаимосвязи между признанием легитимности правовой нормы и социальным восприятием адекватности наказания за ее нарушение. Это предполагает, что установленная норма должна быть универсальной и обязательной для каждого члена общества, не нарушая при этом права индивида и не завися в своей реализации от его социального статуса.

В современной социальной стратификации происходит разрыв между восприятием нормы у высших, средних и низших слоев. То есть стратификационный фактор обуславливает разные уровни конвенциональности норм, в том числе уголовного права. Производство нормы рассматривается как институционализированная профессиональная деятельность, что вступает в противоречие с конвенциональной природой нормы и отражает классово-слоевые интересы положения индивида/группы/общности в социальной стратификации.

Важно понимать, что конвенциональность уголовного наказания достигается посредством формирования широкого социоструктурного консенсуса, который определяет, что считается справедливым наказанием в конкретной ситуации, что в конечном итоге способствует созданию доверия к правопорядку и уголовно-правовой системе в целом. Конвенциональность также отражает атрибутивные характеристики социального, выступая не только как инструмент формирования и воспроизводства социальных отношений, но и как отражение естественной потребности человека и общества в установлении консенсусных, неконфликтных и понятных отношений, которые не требуют дополнительной рефлексии. Конвенции в отношении одних и тех же объектов могут различаться в разных обществах

из-за различий в культуре, менталитете, а также социально-экономических и социально-политических условиях жизни.

Таким образом, отношение к наказанию и его легитимность в общественном сознании тесно связаны с восприятием правовой нормы и отношением к ней. Конвенциональность наказания основывается на оценке нормы и адекватности наказания за ее нарушение, стремясь к балансу между легитимностью нормы и легитимностью наказания, учитывая все аспекты социальной структуры. Это создает основу для формирования наказания, которое было бы «правильным» или «заслуженным» в глазах большинства членов общества, принимая во внимание специфические функциональные аспекты определенных действий.

Актуальность исследования стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания тесно связана с текущим состоянием правовой системы и общественных отношений в Российской Федерации, динамикой преступности и социальной напряженностью, порождаемой различиями и противоречиями, возникающими между формализованным применением уголовных санкций и различающимися характером отношения к ним со стороны дифференцированных по статусу социальных общностей и групп. Мы полностью поддерживаем высказывания Президента РФ В. В. Путина заявил, что либерализация уголовного наказания по экономическим статьям будет продолжена. Так В.В. Путин сказал: «Эти статьи нужно либерализовать. Нет необходимости по экономическим статьям человека сажать за решетку, выбирать в качестве меры пресечения содержание под стражей»¹.

Такие заявления указывают на признание необходимости снижения степени репрессивности в отношении экономических преступлений, аргументируя это отсутствием необходимости в применении меры пресечения в виде содержания под стражей за подобные деяния.

¹ <https://www.interfax.ru/russia/675362>

Социальное неравенство и стратификация влияют на применение и восприятие уголовного наказания. Исследование влияния этих факторов необходимо для понимания механики социальной справедливости, легитимации нормы и наказания в общественном сознании и разработки стратегий нивелирования негативных последствий проявлений неравенства в сферах производства и применения норм уголовного права (то есть структурно сбалансированной уголовной политики).

В социальной и правовой практике существуют глубокие противоречия между общественными ожиданиями относительно уголовного права и реальностью его применения, что требует социологического исследования функциональности и легитимности уголовного наказания. Наличие подобного противоречия подтверждает заявление Председателя Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко: «Говоря о срочности [работы по либерализации статей УК РФ], я думаю, что здесь не нужна спешка. Здесь нужна серьезная аналитическая работа с участием экспертов, бизнеса, юристов. Мы обсуждали уже эту тему в СФ и условились, что мы с января месяца начнем такой диалог со специалистами [в этой области], внимательно проанализируем. Если мы увидим, что где-то надо менять УК РФ, а не сложившуюся судебную практику, мы таким образом и поступим...»².

Изучение взаимосвязи между социальными нормами и уголовными санкциями позволяет анализировать, как изменения в общественных ценностях и нормах отражаются на уголовном законодательстве и практике его применения

Отсутствие конвенциональности уголовного наказания способствует появлению глубоких социальных противоречий и конфликтов, взаимодействие которых формирует сложную структуру социальных отношений и влияет на стабильность и справедливость общественного порядка. К таким противоречиям необходимо отнести диссонанс между

² <https://tass.ru/ekonomika/19598637>

представлениями общества о правосудии и действительностью, способный приводить к усилению социального недовольства и разрушению доверия к правопорядку и судебной системе, подрывая легитимность правовой системы в глазах граждан. Так, по данным фонда «Общественное мнение», 44 % граждан страны считают, что уголовное наказание в России следует ужесточать, 11 % опрошенных уверены, что его, наоборот, нужно смягчать, а 27 % вообще не смогли ответить на предложенный вопрос ³.

Неадекватное назначение уголовного наказания усиливает социальное неравенство и стратификацию, когда представители различных социальных слоев подвергаются несправедливым или несоразмерным наказаниям, что усиливает межклассовые социальные барьеры и разрывы.

Неконвенциональность наказания детерминирует общественный дискурс о его легитимности. Легитимация уголовного наказания тесно связана с его соответствием моральным, этическим и социальным стандартам общества, утрата которых может привести к кризису уголовно-правовой системы.

Разрешение этих противоречий требует обстоятельного анализа и системных изменений в области уголовного законодательства и судебной практики.

Актуальная новизна исследования стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания определяется необходимостью констелляции мнений и подходов ключевых акторов правоприменительной деятельности, в частности, самих осужденных, представителей правоохранительной и судебной системы, а также общества в целом. Данный подход к исследованию стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания позволяет на более глубоком уровне изучать динамику социальных отношений, ценностей и норм, определяющих отношение к наказанию. Он несет возможность более точного выявления и осмысления

³ ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 3–5 марта 2023 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6 %.

противоречий в системе уголовного судопроизводства, а также способствует разработке стратегий улучшения и оптимизации системы назначения уголовного наказания.

Вышеизложенное обуславливает актуальность и перспективность исследования ключевых противоречий в сфере конвенциональности уголовного наказания в современном российском обществе, а также стратификационных факторов, обуславливающих особенности современной правоприменительной деятельности.

Степень научной разработанности темы исследования. В научном тезаурусе понятие «конвенция» окончательно закрепляется благодаря европейским «конвенционалистам» К. Айдукевичу, Р. Карнапу, Э. Леруа, А. Пуанкаре и др.

В лингвистике используются понятия «конвенция», «языковая конвенция» и «конвенциональное значение» как основы договорных отношений и правил в семиотической интерпретации означающего и означаемого (Д. Дэвидсон, Т. ван Дейк, В. Кинч, М. В. Колтунова, М. В. Лебедев, Дж. Серль, В. В. Целищев и др.).

В социальной психологии уделяется внимание конвенциональности взаимодействия в работах М. Аргайла, А. Грэхема, Н. Гудмана, А. Фернхема, Т. Шибутани и др. В отличие от социолингвистов социальные психологи не всегда склонны отождествлять понятия «конвенция», «правило» и «норма».

Представитель аналитической философии Д. Льюис определяет конвенцию как регулярность, что вызывает дискуссии, в которых участвуют Т. Бердж, М. Гилберт, Э. Лепор, Р. Милликен, С. Миллер, Р. Сагден, М. Стоун, Г. Харман. Различия в подходах Д. Льюиса и М. Гилберта к конвенции отражают более общую научную дискуссию о модели мотивации индивида в индустриальную и постиндустриальную эпоху – модели *homo economicus* противопоставляется модель *homo sociologicus*.

Обратная, негативная, сторона конвенциональности общественных отношений раскрывается Дж. Дьюи в понятии «кора конвенций» (*crust of*

convention), когда ригидный каркас конвенций выступает в роли силы, препятствующей социальным изменениям и социальному развитию (подобные взгляды характерны для К. Маркса, марксистов и неомарксистов, У. Огборна и других представителей концепции лага).

Конвенциональность на макроуровне социальной организации проявляется в макроконвенциях, исследование которых – прерогатива представителей концепций общественного договора/социального контракта (Д. Готье, Р. Клоуард, Ф. Петтит, Ф. Пивен, Дж. Роулз и др.).

В социологии основоположником концепции конвенциональности является М. Вебер, использовавший понятия «конвенция», «конвенциональные договоренности» и «конвенциональное мышление». В интерпретативной социологии, во многом продолжающей мировоззренческую научную традицию М. Вебера, делается акцент на микро-основаниях социальных конвенций (Г. Гарфинкель, А. Щюц и др.). Интеракционная социология И. Гофмана повлияла на разговорный подход в социологии, вскрывающий конвенциональный характер речевых взаимодействий (Г. Джефферсон, Х. Сакс, Э. Щеглофф и др.).

В рамках конструктивистских теорий и подходов продолжается линия на понимание интерактивного аспекта конвенциональности как основы мира повседневности и intersubjectивных смыслов (П. Бергер, Т. Лукман). Подобная логика прослеживается и в интегральных теориях П. Бурдьё, Э. Гидденса и Ю. Хабермаса.

В критическом реализме конвенции выступают как атрибут и инвариант социальной реальности, «созданной до нас умершими» (М. Арчер, У. Аутвейт, Р. Бхаскар). В работах отечественных ученых акцентируется представление об имманентности конвенций и конвенциональном характере социальных отношений, конвенциональности как атрибутивного свойстве, собственно, социального (Д. А. Лушников, Л. А. Микешина, Л. А. Осьмук и др.).

Социальное неравенство как фактор уголовного наказания рассматривалось в уголовном праве, антропологии, психологии и социологии преступности, объединенных в рамках институционализировавшейся в XIX веке криминологии. Одним из первых направлений, занимавшихся проблемами наказания, была «классическая школа уголовного права», опиравшаяся на идеи просветителей XVIII века (Ч. Беккариа, И. Бентам, А.-М. Герри, Дж. Говард, И. Кант, А. Кетле, П. А. Фейербах и др.).

Представители «радикального направления в социологии преступности» (К. Маркс, Ф. Энгельс) в наиболее проработанном виде представили концепцию влияния социально-структурных (классовых) факторов, социального неравенства и расслоения на преступность и наказание.

Антропологический подход в исследованиях преступности и наказания связывается с работами Ч. Ломброзо, его продолжателей-неоломброзианцев, сторонников «вероятностного подхода» и генетических концепций (Ш. Глюк и Э. Глюк, Г. Годдард, Р. Дагдейл, П. Джекобс, Г. Кайзер, Э. Кречмер, Э. Смит, С. Уолцер, Э. Ферри, М. Шлапп, Э. Хуттон, У. Шелдон, В. П. Эфраимсон и др.).

Во многом в противовес антропологическому подходу во второй половине XIX века начинает формироваться «неоклассическая школа уголовного права» (Э. Дюркгейм, Ф. фон Лист, А. Принс, Г. Тард). В конечном итоге теории биологической предрасположенности наследственности в преступности пали под ударами критики, основной из которых нанесли социологи И. Валлерстайн и К. Уайл.

В рамках клинической криминологии (Ф. Граматика, Б. ди Туллио, Ж. Пинатель, Х. Дельгадо, С. Чавкин и др.) была продолжена линия Р. Гарофало и Э. Ферри на неприятие кары как средства уголовного наказания и сдерживания преступности, основанная на применении хирургических и медикаментозных методов, сочетающихся с использованием психоанализа. И хотя представители этого направления в

качестве объекта исправления всегда имели конкретного субъекта, с его индивидуальными специфическими проблемами, и здесь мы обнаруживаем определенное влияние фактора социального неравенства на уголовное наказание.

Становление социологического подхода в исследовании преступности и наказания, положенного Э. Дюркгеймом и продолженного в работах Чикагской социологической школы, выражается в нескольких основных направлениях: концепции социальной дезорганизации (Э. Берджесс, Г. МакКей, Р. Парк, К. Шоу), развитии теории аномии (Л. Вирт, Ш. Ганн, Р. Мертон, Р. Клоуард, А. Козн, Л. Олин, Т. Селлин), теории стигматизации (Г. Беккер, С. Глюк и Е. Глюк, И. Гофман, Э. Лемерт, Ф. Танненбаум) и теории дифференцированной ассоциации Э. Сазерленда (взгляды которого подверглись критике со стороны Р. Берджесса и Р. Акерса, представителей бихевиоризма, включившими в теорию дифференцированной ассоциации бихевиористскую схему оперантного поведения и обозначившими свой подход как «теорию социального обучения»).

Радикальная социология девиантного поведения подпитывалась идеями неомарксизма, теориями аномии и стигматизации (Р. Куинни, Э. Шур и др.).

Анализ неравенства в наказании в отечественной судебной и пенитенциарной практике опирается на работы таких ученых, как А. В. Аверин, Н. А. Белова, Т. В. Васильева, И. А. Гизатуллин, С. И. Гирько, Д. В. Горбань, О. С. Ефремова, И. Г. Коршакевич, М. В. Минстер, И. А. Остапенко, О. В. Расторопова, Е. Н. Рахманова, Ж. Я. Резник, М. Н. Становский, А. А. Тарасов, Ф. Г. Шахкелдов.

Исследования социоструктурных факторов конвенциональности уголовного наказания в социологии различаются по направленности и акцентуации того или иного их набора. Распространенной является точка зрения о том, что правовая система не может нормально функционировать без определенного уровня доверия и легитимации обществом действий

правоохранительной и судебной систем (А. Дикэй, К. Каукинен, С. Колавеччия, Д. Мелосси, В. Ранн, Т. Рудольф, Р. Спаркс, В. Ченли). Х. Кури и Т. Фердинанд исследовали отношение к преступности и наказанию в странах Восточной Европы в период крушения коммунистических режимов, затронувших глубинные трансформации социальной структуры этих государств.

Влияние расовых представлений, стереотипов и предрассудков на отношение к уголовному преступлению и наказанию исследовали такие ученые, как С. Гартнер, Д. Довидио, А. Донелла, Р. Лэнгуорси, Дж. Маттисон, С. Мирлис-Блэк, М. Пифли, Д. Робертс, Дж. Смит, Дж. Уайтхед, Дж. Хорвитц, М. Хуг. Исследование влияния на восприятие уголовного наказания фактора гендерных различий осуществляется в рамках как социологического, так и социально-психологического знания (Б. Голт, Г. Клоре, Дж. Сабини, Н. Шварц и др.). Фактор возраста также является существенным в восприятии преступности и оценке уголовного наказания (Ф. Каллен, Дж. Кларк, Р. Лэнгуорси, Р. Матерс, Дж. Уайтхед, С. Хал). Фактор страха перед преступностью акцентируется в работах А. Армборста, С. Бокса, М. Джендли, Дж. Джозефа, М. Идрисса, К. Ито, Д. Карна, М. Молоне, К. Сарафониту, С. Уолласа, М. Уолтера, Дж. Эндрюса. Страх перед преступностью и отношение к уголовному наказанию имеют и социально-территориальную, и социально-поселенческую выраженность (Дж. Вайс, Р. Вейшейт, Р. Вилсон, Дж. Волкер, Д. Гарофало, К. Гелб, У. ДеКессерди, Ф. Доннермейер, М. Коллинс, К. Молруни, А. Паттерсон, Д. Фальконе, К. Таннел, Дж. Уилсон, Л. Уэлс, М. Шварц, М. Холл). Исследования К. Вилалья и Г. Фондевила показали связь между отношением к преступности и наказанию и недоверием к институту полиции.

Большое количество исследований осуществляется в криминализованных обществах развивающихся стран. Так, мексиканские ученые П. Гаитан-Росси и К. Шен выделили три зоны страха перед преступностью: чувство незащищенности, оценка риска оказаться жертвой

преступления и избегающее поведение. Эти факторы детерминируют уровень виктимизации, недоверие и нелояльность к окружающим, низкую оценку эффективности полиции. А. Альмангза-Авендадо, А. Гомес-Сан Луис и М. Ромеро-Мендоза раскрыли детерминанты формирования чувства незащищенности, страха перед преступностью и оценки строгости уголовного наказания.

Целый ряд исследователей (Р. Лэндсворти, Д. Моксон, Дж. Робертс, Дж. Сандерс, Дж. Тилли, Дж. Уайтхед, Л. Хамилтон, М. Хуг) обратили внимание на влияние отношения к преступности и уголовному наказанию принадлежности респондентов к тому или иному социальному классу и/или социальному слою.

Особенности и характеристики отношения к уголовному наказанию в современном российском обществе раскрываются в работах О. Н. Бирик, С. И. Дементьева, И. Я. Козаченко, М. П. Мелентьева, З. А. Николаевой, М. Д. Шаргородского, И. В. Шмарова и др.

Функциональности и легитимности уголовного наказания за экономические преступления в правоприменительной деятельности посвящены работы И. А. Агаева, М. Алексеева, С. С. Алексеева, М. М. Бегичева, А. В. Власова, К. В. Злоказова, В. Л. Горичевой, К. С. Кривякина, М. С. Луценко, К. А. Лягина, Е. А. Новиковой, В. И. Романовой, С. П. Хрустальной, М. И. Шепелева, С. Ф. Шумилина и др.

Несмотря на разработанность проблемы социальных конвенций и конвенциональности отношений, вопросы конвенциональности уголовного наказания и стратификационных факторов в современной социологической науке не получили должного отражения.

Все вышесказанное позволило сформулировать **проблему данного исследования**, которая заключается в противоречии между формальным и институционализированным характером законотворческой деятельности и конвенциональной природой генезиса и легитимности норм уголовного права.

Объект исследования – конвенциональность уголовного наказания в современном обществе.

Предмет исследования – влияние социального неравенства и стратификации на конвенциональность уголовного наказания за экономические преступления в современном российском обществе.

Цель исследования – выявление и характеристика влияния стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания в современном российском обществе.

В соответствии с целью, объектом и предметом исследования поставлены следующие **задачи**:

1. Осуществить интерпретацию понятия конвенциональности уголовного наказания в социально-гуманитарном знании.
2. Систематизировать результаты теоретико-методологических исследований влияния социального неравенства на уголовное наказание в мировой криминологии и социологии.
3. Охарактеризовать методологические принципы определения влияния социального неравенства на отношение общества к преступности и уголовному наказанию.
4. Разработать теоретико-методологическое обоснование исследования конвенциональности уголовного наказания
5. Исследовать неравенство в уголовном наказании в отечественной судебной и пенитенциарной практике.
6. Проанализировать динамику отношения российского общества к уголовному наказанию.
7. Сформулировать и верифицировать критерии и показатели социологического анализа конвенциональности уголовного наказания.
8. Исследовать особенности и характеристики стратификационных различий в отношении к уголовному наказанию в современном российском обществе.

9. Осуществить оценку функциональности и легитимности уголовного наказания за экономические преступления в правоприменительной деятельности.

10. Выявить специфику конвенциональности уголовного наказания за экономические преступления в представлениях осужденных к лишению свободы.

Гипотеза-основание: Социальная стратификация современного российского общества оказывает определяющее влияние на конвенциональность уголовного наказания, степень которой коррелирует с социально-экономическим статусом индивида, его образовательным уровнем и принадлежностью к определенным социальным группам. Это проявляется как в дифференциации восприятия уголовного наказания в социальной структуре, так и в различиях в применении уголовного наказания в отношении представителей разных страт.

Гипотезы-следствия:

1. Существует прямая зависимость между уровнем социальной стратификации и степенью конвенциональности уголовного наказания: чем выше положение группы/общности в стратификации, тем более конвенциональными становятся подходы к уголовному наказанию.

2. Отношение к уголовному наказанию за экономические преступления значительно отличается у представителей различных социальных слоев, что обусловлено различием в социально-экономическом положении, ценностных ориентирах и конвенциях, складывающихся относительно уголовного наказания.

3. В российском обществе прослеживается тенденция к декриминализации некоторых экономических преступлений, что связано с изменением общественного мнения и конвенционального восприятия уголовного наказания под влиянием социально-экономических факторов.

4. Социальная стратификация влияет на легитимность уголовного наказания в глазах общества: представители менее статусных социальных

групп воспринимают наказание как менее справедливое и обоснованное в силу различий в социальном положении.

5. Проявляющаяся зависимость между социально-экономическим статусом осужденного и характером уголовного наказания (его строгостью, длительностью) свидетельствует о наличии социальной дифференциации в системе уголовного правосудия

Научная новизна исследования:

– впервые в отечественной социологической науке дана социологическая интерпретация понятия «конвенциональность уголовного наказания», которая понимается как степень консенсуса в обществе по отношению к целям и функциям наказания, определяемым государством, включая согласие с выбором типов наказаний и их соответствие совершенному преступлению, с учетом возможных альтернативных форм наказания;

– теоретически установлено и методологически обосновано, что неравенство в наказании тех или иных дифференцированных в социальной структуре индивидов и групп во многом является отражением системы разделения труда, социального неравенства и стратификации общества. Эта социально-структурная основа неравенства в назначении уголовного наказания легитимизируется в ценностно-нормативной системе доминирующей культуры, производя противоречия и отклонения в ее восприятии со стороны дифференцированных в социальной структуре индивидов, по-разному воспринимающих норму в силу своего социального положения и статуса. Источником рефлексии нормы уголовного права, базовым источником нормативности является конвенциональность нормы (степень согласия с нормой), которая является основой легитимизации нормы (ее поддержки, одобрения в общественном мнении) и последующей легализации в нормативно-правовом акте. Все это составляет ценностно-нормативную основу нормативного морфогенезиса, нормотворчества, рефлексии и коррекции/снятия нормы;

– в отечественной социологии охарактеризованы методологические принципы зарубежной криминологии, что позволило раскрыть и систематизировать факторы конвенциональности различных социально-демографических, социально-поселенческих и социально-статусных групп в отношении к уголовному наказанию. Проявление стратификационного фактора конвенциональности уголовного наказания охарактеризовано на основании методологии научного анализа влияния социального неравенства на данный вид наказания в различных областях научного знания выражается через конвенциональные взаимодействия между индивидами, компонентами социальной структуры, а также в обобщенной и солидаризированной оценке нормы и наказания в общественном мнении всего общества;

– методологически обоснована и раскрыта роль стратификационных факторов в восприятии обществом конвенциональности уголовного наказания за экономические преступления, что позволяет исследовать глубинное влияние социального неравенства на легитимность правовых норм и уровень доверия к правоприменительным институтам. Теоретико-методологическое обоснование исследования конвенциональности уголовного наказания позволило разработать операционализированную систему критериев и показателей, а также уточнить и расширить понимание механизмов формирования общественного консенсуса через социологическую связку «конвенциональность — легитимность — общественное доверие»

– определено, что в мировом уголовном праве, антропологии, психологии и социологии преступности определяющим социоструктурным фактором отношения к уголовному преступлению и наказанию является социальный статус индивида. В современном российском обществе это обуславливает возникновение у стратифицированных социальных групп и общностей различающихся страхов перед преступностью, которые, в свою очередь, детерминируют то или иное отношение к преступности и оценке уголовного наказания;

– доказано, что сложная социальная структура и стратификация общества способствуют формированию различных уровней конвенциональности, определяемых в зависимости от макро-, мезо- и микроуровней социальной реальности и положения определенных общностей, групп и индивидов в социальной морфологии. В отношении уголовного наказания за экономические преступления представители высшего класса конвенционально солидарны в необходимости гуманизации мер наказания, в отличие от них, представители большей части среднего и низшего классов выступают за ужесточение наказания. Различия в стратификационных позициях и классовых интересах детерминируют наличие коллективной стигматизации и противоречия между наблюдаемой гуманизацией уголовной политики государства и репрессивными настроениями общества;

– установлено, что восприятие уголовного наказания в обществе определяется следующими факторами: вероятность применения наказания, степень его строгости, восприятие справедливости и реабилитационный потенциал, которые имеют различное влияние на социальные группы. Восприятие вероятности применения наказания оказывает значительное влияние на отношение к уголовному правосудию. Результаты проведенного исследования указывают на низкий уровень доверия к неизбежности наказания за преступления. Отношение к уголовному наказанию в современном российском обществе формируется не только на основе личного опыта, но и под влиянием медийного освещения и общественного мнения, значимость которых превышает воздействие других факторов. Главным фактором, от которого зависит восприятие степени строгости наказания, является факт повторного совершения аналогичного преступления. На восприятие справедливости уголовного наказания определяющее влияние оказывают стратификационные характеристики, такие, как субъективная оценка социального положения в обществе, профессиональный статус и уровень доходов;

– теоретически обосновано и эмпирически доказано наличие существенного дисбаланса между понятиями «законность» и «справедливость» в практике уголовного наказания лиц, совершивших экономические преступления. Установлено, что правоприменительная деятельность преимущественно ориентирована на формальное обеспечение законности, при этом принципы справедливости зачастую игнорируются, в особенности в отношении лиц с низким социальным статусом, что приводит к восприятию уголовного наказания как чрезмерно сурового и несправедливого, подрывая легитимность правовой системы и уровень общественного доверия к институтам права;

– впервые в отечественной социологической науке на основе анализа данных, собранных в ходе интервью с лицами, отбывающими наказание за экономические преступления, и результатов опросов, проведенных среди этой категории осужденных, установлено, что конвенциональность наказания зачастую не достигается в правоприменительной практике. Осужденные за экономические преступления видят в своих наказаниях проявление социального неравенства и дискриминации, в то время как представители следствия и судебных органов оперируют необходимостью соблюдения закона. При этом срок наказания за совершенные преступления находится в прямой зависимости от социального статуса осужденного. Чем ниже уровень образования, доходов и профессиональный статус личности лица, совершившего преступление, тем более строгим является вынесенный приговор;

– доказано, что различия в классово-стратификационной структуре и возникающие на этой основе противоречия обуславливают разнонаправленные тенденции в либерализации, декриминализации и, наоборот, ужесточении отношения к уголовному наказанию за экономические преступления. Общественное мнение и правоприменительная практика стремятся найти компромисс между потребностью в строгих мерах для защиты общественных интересов и необходимостью гуманизации

наказания за преступления в экономической сфере. Конвенциональность отношения к уголовному наказанию за экономические преступления в современном обществе представляет собой баланс между различиями в конвенциональности высших, средних и низших слоев и являет собой макроконвенцию (общественный договор).

Положения, выносимые на защиту:

1. Конвенция есть возникающее между социальными субъектами неформальное соглашение, то есть неформальный солидаризированный ценностно-нормативный конструкт. Конвенциональность – это свойство конвенций, выражающееся в той или иной степени согласия данных субъектов с распространенной конвенцией, выступающей в формах разделяемых определенным коллективом ценностей, норм и правил. Конвенциональность уголовного наказания – это степень согласия общества относительно декларируемых государством целей и функций наказания, применяемых им видов наказания, адекватности наказания содеянному, при учете имеющихся в обществе альтернатив наказания.

Стратификационные факторы конвенциональности уголовного наказания характеризуют влияние социального дифференцирования и неравенства на восприятие и отношение к уголовному наказанию среди разнообразных социальных групп и общностей, формирующих структуру общества.

2. Систематизация и анализ классических и современных теорий социологии девиантного поведения и криминологии по основанию влияния социального неравенства на уголовное наказание позволяет утверждать, что этот фактор определяет различные аспекты неравенства: 1) в производстве и воспроизводстве норм уголовного права; 2) в институционализации и легализации различных норм; 3) в значимости тех или иных норм; 4) в отборе институциональных агентов институтов уголовного права и наказания; 5) в применении тех или иных норм к обвиняемому в процессе судопроизводства, а также в классификации вида совершенного преступления; 6) в назначении

вида наказания; 7) в условиях отбытия наказания; 8) в восприятии и оценке обвиняемого, на которые влияют его стигматизация и/или принадлежность к профессиональному преступному сообществу, девиантным или делинквентным субкультурам и группам. Данный теоретический результат возможно рассматривать как методологический инструмент исследования конвенциональности уголовного наказания в современной России.

3. Методологические принципы исследования влияния социального неравенства на отношение общества к преступности и уголовному наказанию позволили выявить следующие закономерности и сформулировать ряд выводов: 1) конвенциональность опосредована социальной структурой и стратификацией общества; 2) чем сложнее и неоднороднее социальная общность/общество, тем больше уровней формирования конвенций, количество конвенциональных отношений на макро-, мезо- и микроуровнях социальной реальности, конвенциональных нонконформистов в социальной структуре; 3) общественный договор/социальный контракт (макроконвенция между обществом и властью) касается мнения большинства и всегда предполагает наличие конвенциональных нонконформистов, определяемых не только через их личностную позицию, но и через их положение в социальной структуре; 4) конвенциональность уголовного наказания за те или иные преступления детерминирована объективными условиями существования общества и его восприятием данных условий.

Конвенциональность уголовного наказания зависит от состояния общественного сознания в определенный исторический период: от социального самочувствия, социальных настроений, репрезентаций и оценок текущего состояния, социальных ожиданий и т. д.; 5) в современном обществе, со сложной системой разделения труда, социальной структурой и стратификацией, существуют дифференциации в конвенциональности уголовного наказания во мнении различных социальных общностей, поэтому данная конвенциональность определяется через мнение большинства; 6) общество готово принять введение уголовной ответственности и наказания

за преступления, связанные с распространением и употреблением наркотиков. Однако государство не идет на ужесточение карательных мер и введение уголовной ответственности. То же касается отношения к преступлениям коррупционной направленности и возможности введения смертной казни. Государство в своей уголовной политике «забегает вперед» в либерализации относительно мнения большинства. Следовательно, можно констатировать проблематичность конвенционального принятия уголовного наказания по данным статьям УК РФ, поскольку низка степень согласия общества относительно декларируемых государством целей и функций наказания, применяемых им видов наказания, адекватности наказания содеянному и т. д.; 7) в стабильные периоды развития общество склонно к гуманизации своего отношения к уголовному наказанию и этим поддерживает тренд системы уголовного правосудия на либерализацию, в периоды кризисных социально-экономических условий преобладает разнонаправленный процесс ужесточения отношения к уголовному наказанию; 8) снижение степени конвенциональности уголовного наказания в периоды кризисных социально-экономических условий выражается в определенной радикализации общественного сознания и ужесточении отношения к уголовному наказанию.

4. Конвенциональность уголовного наказания определяется стратификационными факторами и процессом социальной дифференциации, что влияет на восприятие справедливости, легитимности и эффективности наказаний за экономические преступления в современном российском обществе. Конвенциональность уголовного наказания операционализируется через уровень доверия к системе уголовного наказания, восприятие общественного участия в формировании уголовной политики и оценку соответствия наказания общественным нормам и ценностям. Легитимность наказания исследуется через показатели уровня доверия к полиции и судам, восприятие законности и прозрачности судебных процессов, а также общей оценки легитимности уголовной политики и наказаний. Стратификационные

факторы проявляются в социальном неравенстве и различиях в доступе к ресурсам и возможностям среди различных социальных групп. Эмпирические показатели включают влияние социального статуса на восприятие справедливости наказания, оценку различий в доступе к правосудию и правовым ресурсам, а также субъективное восприятие дискриминации в уголовном судопроизводстве.

5. Негативными факторами, влияющими на осуществление уголовного судопроизводства в России и детерминирующими проявления социального неравенства в назначении и исполнении уголовного наказания, являются:

- 1) коррупция органов следствия в досудебном урегулировании путем примирения сторон;
- 2) возможности оказания внешнего административного, политического и финансового давления на суд;
- 3) отсутствие реальной независимости судей;
- 4) судебный произвол;
- 5) коррупция в судебных практиках;
- 6) либерализация уголовной ответственности, декриминализация ряда нарушений и замена уголовной ответственности назначением штрафов для преступлений в сфере экономической деятельности;
- 7) социально-демографические (половозрастные) различия;
- 8) социально-профессиональный статус правонарушителя, включающий его профессиональное и должностное положение;
- 9) коррупция в пенитенциарных учреждениях;
- 10) дополнительные платные услуги для осужденных в уголовно-исправительных учреждениях.

6. Социоструктурными и стратификационными факторами конвенциональности уголовного наказания, выраженными в отношении к преступности и уголовному наказанию, являются:

- 1) пол/гендер;
- 2) раса/национальность;
- 3) негативные расовые и этнические стереотипы и предрассудки;
- 4) возраст;
- 5) уровень образования;
- 6) уровень доходов;
- 7) социально-территориальная общность (город/село, тип и плотность жилищной застройки);
- 8) социальный статус (социальный слой/класс); самооценка принадлежности к социальному слою;
- 9) политическая ориентация (либеральная/консервативная, умеренная/радикальная и т. д.);

10) конфессиональная принадлежность, уровень религиозности; 11) наличие опыта жертвы преступления («опыт виктимизации»); 12) каналы коммуникации о ситуации с преступностью; 13) уровень информированности населения о проблемах с преступностью; 14) фактор медийного и политического использования и «информационной накачки» проблематики страха перед преступностью; 15) оценка уровня конфликтности и криминализации в собственной социально-поселенческой общности; 16) оценка социально-экономического положения в стране; 17) страх перед преступлением (социальный и индивидуальный); 18) уровень доверия к полиции («оценка репутации полиции»), доверие как институциональное (как к социальному институту), так и индивидуальное (доверие к конкретным институциональным агентам); 19) оценка коррумпированности полиции; 20) оценка коррумпированности муниципальной и государственной власти; 21) мнение о наличии связей между правительственными структурами и организованной преступностью; 22) чувство незащищенности от криминала; 23) оценка риска оказаться жертвой преступления; 24) избегающее и самоизоляционное поведение; 25) уровень социальной солидарности в местном сообществе территориальной локации проживания, «сплоченность соседей», практики общения; 26) субъективная оценка серьезности правонарушения; 27) отношение к уголовному наказанию и карательным санкциям (отношение к целям уголовного наказания, отношение к интенсивности санкций, отношение к тем или иным формам санкций).

7. Общественное восприятие конвенциональности уголовного наказания связано с прозрачностью и понятностью решений правоохранительных органов. Большинство респондентов (72,4 %) указывают на недостаток объяснения со стороны правоохранительных органов своих действий и решений. Восприятие справедливости и беспристрастности правоохранительных органов и судебной системы может быть связано с социальным статусом респондентов. Проведенное исследование показало наличие возрастных различий в восприятии

конвенциональности уголовного наказания. Молодые люди чаще склонны считать, что все имеют равные шансы быть признанными виновными, что может отражать их меньший жизненный опыт или, наоборот, веру в прогрессивные изменения в обществе.

В ходе исследования определены стратификационные факторы, оказывающие влияние на конвенциональность уголовного наказания и отношение к нему в современном российском обществе. Образование оказывает существенное влияние на конвенциональность в отношении полиции. Респонденты с более высоким уровнем образования чаще соглашались с окончательными вердиктами суда, что может быть связано с более глубоким пониманием правовых процессов и осознанием роли полиции в судебной системе. Гендерная принадлежность также играет важную роль в конвенциональности, особенно в отношении института полиции в РФ. Хотя специфические выводы могут зависеть от контекста и культурных особенностей, общий анализ указывает на влияние гендера на восприятие конвенциональности. Также отмечается важность отношения к судебной системе в контексте конвенциональности. Респонденты, выражающие недоверие к судебной системе и видящие ее как орган, защищающий интересы богатых и власть имущих, склонны к более низкой конвенциональности. Классификация респондентов по переменным, таким, как образование, пол, отношение к судебной системе, социальный статус, тип занятости и другим, позволила выявить группы с различными уровнями конвенциональности.

8. С помощью факторного анализа были выявлены четыре ключевых фактора, влияющих на восприятие уголовного наказания. Вероятность наказания особенно высока среди молодых мужчин и представителей рабочих профессий. Степень жесткости наказания важна для группы с высшим образованием и занимающих статусные должности. Восприятие справедливости наказания особенно заметно среди женщин среднего возраста и лиц пенсионного возраста. Восприятие реабилитационного

потенциала наказания важно для молодежи, студентов, а также людей с высшим образованием, занятых в сфере оказания услуг. Полученные результаты также свидетельствуют о том, что конвенциональность уголовного наказания зависит от стратификационных факторов, таких, как образование, профессия, возраст и пол. Люди с высшим образованием и занимающие высокоранговые должности имеют более строгий и репрессивный взгляд на уголовное наказание, тогда как молодые люди и лица, занятые в сфере оказания услуг, более склонны акцентировать внимание на реабилитационном потенциале уголовного наказания.

Факторы стратификации, включая пол, образование, тип занятости, социальный статус и отношение к судебной системе, играют существенную роль в определении конвенциональности уголовного наказания. Мужчины и женщины, люди с различным уровнем образования и различным отношением к судебной системе имеют неодинаковые взгляды на уголовное наказание и его эффективность.

9. Существенная часть экономических преступлений приходится на возрастную категорию от 31 до 52 лет, которая на протяжении рассматриваемого периода демонстрирует высокий уровень криминальной активности. Наименьшая активность отмечается среди подростков и юношей в возрасте от 14 до 17 лет, что может быть связано с более строгим контролем со стороны взрослых и общества в целом. Лица, совершившие преступления в экономической сфере, в большинстве своем имеют среднее или высшее образование. Преобладающим мотивом для совершения преступлений в сфере экономической деятельности является стремление к материальной выгоде. Однако не следует исключать и статусные мотивы, включая стремление улучшить свое социальное положение или сохранить уже достигнутый социальный статус. Проведенный анализ структуры наказаний позволяет выявить, что значительная доля осужденных подвергается финансовым санкциям в виде штрафов. Также довольно распространены условные приговоры, что может свидетельствовать о

стремлении судебной системы к гуманизации наказаний. Отмечается низкий процент оправдательных приговоров, что может указывать на высокую степень доказанности виновности в рассматриваемых делах.

10. Функциональность уголовного наказания за экономические преступления включает в себя комплекс мер, направленных на предотвращение преступлений, реабилитацию лиц, совершивших преступление, и восстановление правопорядка через справедливое и законное применение наказаний.

Качественные эмпирические данные, полученные от информантов исследования, говорят о том, что в настоящее время к наиболее высокой степени конвенциональности, соответствующей тяжести причиненного экономического ущерба и степени назначенного наказания, относятся преступления против порядка обращения денег, драгоценных металлов, драгоценных камней и ценных бумаг, а также порядка учета прав на ценные бумаги, преступления против порядка осуществления внешнеэкономической деятельности, преступления против порядка кредитования и порядка удовлетворения требований кредиторов, незаконное предпринимательство и банковская деятельность. Большинство экспертов полагают, что наказания за эти типы экономических преступлений являются наиболее конвенциональными и соответствующими ожиданиям большинства акторов правового процесса. Частично конвенциональными, судя по результатам исследования, являются легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом, контрабанда, контрабанда при отягчающих обстоятельствах. Неконвенциональными, по мнению экспертов, участвовавших в исследовании, являются различные виды мошенничества, присвоение или растрата, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, а также взяточничество.

11. Различия в социально-экономическом положении, ценностных ориентирах и конвенциях ведут к дифференцированному восприятию уголовного наказания за экономические преступления среди различных

социальных слоев. Высокий социальный статус способствует восприятию наказания как менее строгого и более справедливого, что коррелирует с общей конвенциональностью подходов к уголовному правосудию. Данные исследований подтверждают, что большинство представителей высших страт чувствуют себя более защищенными в правовом и институциональном отношении.

Малообеспеченные индивиды чаще воспринимают систему уголовного судопроизводства негативно и оценивают наказания как несправедливые, поскольку для более высокостатусных групп экономические преступления являются наиболее распространенными и типичными, что проявляется в более конвенциональном отношении к мерам наказания за экономические преступления, в которых наиболее важен баланс между лишением свободы и экономическими санкциями.

В российском обществе наблюдаются две разнонаправленные параллельные тенденции: тенденция к декриминализации и одновременно ужесточению наказания за экономические преступления. Представители более низких и средних слоев склонны к ужесточению видов наказаний за экономические преступления, несущие большие вред и являющиеся прерогативой высших слоев. С другой стороны, представители этих же слоев склонны к декриминализации некоторых преступлений, связанных с нанесением меньшего экономического ущерба. Представители высшего класса и верхнего слоя среднего класса выражают стремление к либерализации уголовного законодательства в отношении экономических преступлений.

Существует явная зависимость между социально-экономическим статусом осужденного и характером уголовного наказания. Высокий социальный статус часто коррелирует с более мягкими и короткими наказаниями по сравнению с низшими слоями. Общественное мнение подтверждает, что правоохранительные органы и суды склонны относиться к представителям высшего класса более лояльно. Различия в уровне дохода,

образования, социально-профессиональном статусе и принадлежности к определенным социальным общностям и группам формируют дифференцированное восприятие уголовного наказания.

Теоретико-методологическая основа диссертации мультипарадигмальна и междисциплинарна. Исследование явления конвенциональности в социальном взаимодействии и социальных отношениях, а также интерпретации понятия «конвенция» основываются на комплексном подходе и анализе различающихся аспектов.

Структурно-лингвистическая основа исследования конвенций и конвенциональности социальных отношений позволяет рассмотреть данное явление в интерактивно-языковом локусе. В данном случае принимается установка концепции Дж. Серля об имманентности конвенции любому речевому акту и идеи Д. Дэвидсона о языковых конвенциях как механизме и атрибуте генезиса социальной конвенциональности. С позиции философского подхода продуктивны идеи аналитической философии Д. К. Льюиса о конвенции как интерактивной регулярности действий и убеждений, проявляющейся и воспроизводящейся на микроуровне различающихся диад, что связывает конвенциональность с разными уровнями в социальной структуре и стратификации. Социально-психологический подход привлекает внимание к конвенциональной коммуникации, из него благодаря Т. Шибутани акцентируется природа согласия и договора как следствие символической коммуникации. Следовательно, принимается тезис, что в конвенциональности уголовного наказания в символично-коммуникационной форме отражаются противоречия и интересы различных социальных общностей и групп.

Социоструктурная и, в частности, стратификационная дифференциация конвенциональности основывается на концепции «множественных субъектов» («субъектов множественного числа») М. Гилберта. Являя собой продолжение концепции социальных групп Г. Зиммеля и классовой теории К. Маркса, она акцентирует фактор солидаризации социальных субъектов в

коллективный групповой агрегат на основе общих интересов и определенной контингенции.

Макроконвенциональный аспект социоструктурной основы конвенциональности уголовного наказания (уровень общественного договора/социального контракта) основывается на концепциях «контрактной этики» Д. Готье и «согласия управляемых» Ф. Петтита.

Теоретическая значимость работы. Концепция конвенциональности уголовного наказания расширяет и детализирует представления о влиянии социального неравенства и стратификации на генезис, назначение и исполнение норм уголовного наказания. Данное исследование открывает возможности исследования фактора неравенства в уголовном наказании в отечественной судебной и пенитенциарной практике, а также позволяет глубже понять механизмы формирования восприятия уголовного наказания в различных слоях общества.

Исследование открывает новые перспективы для анализа взаимосвязи между уровнем доверия к судебной и правоохранительной системам и степенью ее конвенциональности. Результаты исследования детерминируют необходимость пересмотра текущих подходов к наказанию за экономические преступления с целью повышения его эффективности, справедливости и легитимации ее со стороны общества.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации системы уголовного судопроизводства, повышения ее эффективности и справедливости.

Полученные в ходе эмпирического исследования данные могут стать основой для пересмотра законодательства в области уголовного наказания за экономические преступления. Основываясь на конкретных цифрах, законодатели могут скорректировать нормы наказания, сделав их более адекватными и справедливыми, что в свою очередь может улучшить общественное восприятие судебной системы.

Результаты исследования могут быть внедрены в образовательный процесс, включая лекционные курсы вузов и программы повышения квалификации социологов права, юристов, судей, прокуроров и других специалистов в области правосудия. Это поможет подготовить кадры, способные работать в условиях нового, более справедливого и эффективного подхода к уголовному наказанию.

Кроме того, результаты исследования могут быть использованы органами уголовного судопроизводства для анализа текущей ситуации и разработки мер по улучшению условий содержания осужденных, а также по внедрению альтернативных методов наказания, которые могли бы способствовать успешной реабилитации осужденных и их возвращению в общество.

Исследование может стать инструментом для общественных организаций и правозащитников, позволяя им базировать свои аргументы на эмпирических данных при обращении с петициями и предложениями по улучшению системы уголовного наказания.

Информационная база исследования В работе использованы открытые статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), порталы открытых данных Министерства внутренних дел Российской Федерации, ГАС «Правосудие», «Кримстат», а также данные правовой статистики и тематических порталов в агрегированном виде.

Эмпирическая база исследования сформирована из авторских количественных и качественных исследований, а также эмпирической информации Единого архива социологических и экономических данных НИУ ВШЭ и Банка социологических данных РАН в частности.

Авторские исследования. 2020–2021: «Отношение различных групп населения к уголовному наказанию за различные виды преступлений». Формализованное интервью по выявлению различных аспектов конвенциональности уголовного наказания ($n = 3126$). Выборка кластерная, ошибка – 3,49 %.

2022: «Функциональность и легитимность уголовного наказания за экономические преступления в отечественной правоприменительной деятельности». Экспертный опрос 46 информантов, представителей органов внутренних дел, прокураторы и следственного комитета, а также сотрудников органов исполнения наказания и судебной системы, адвокатского и правозащитного сообщества.

2023: «Конвенциональность уголовного наказания за экономические преступления в представлениях осужденных к лишению свободы». Формализованное интервью с осужденными к лишению свободы за совершение экономических преступлений. Основным методом осуществления данного этапа исследования стал опрос лиц, осужденных к лишению свободы за совершение экономических преступлений, отбывающих наказание в четырех исправительных учреждениях УФСИН России. Общий объем выборочной совокупности составил 467 респондентов.

Соответствие паспорту научной специальности. Выбранная тема и содержание исследования соответствуют паспорту специальности 5.4.4–Социальная структура, социальные институты и процессы: 1. Социальная структура и социальная стратификация. Критерии социального расслоения; 2. Методологические подходы к изучению социальной структуры. Одномерность и многомерность стратификации. 5. Социальное неравенство, основные типы, показатели, факторы и тенденции. Новые формы неравенства в современных обществах и подходы к его изучению. 4. Критерии социально-экономической дифференциации. 5. Основные пути формирования новой социальной структуры. 8. Социальные отношения, их формирование, динамика, регулирование. Социальные конфликты. 15. Богатые и бедные группы населения. 24. Социальные процессы в изменяющейся социальной реальности. 28. Процессы и институты социализации.

Апробация работы и использование ее результатов осуществлены в учебной, исследовательской, экспертно-консультативной и публикационной формах.

Результаты диссертации внедрены в учебный процесс Ростовского института (филиала) ВГУЮ РПА Минюста России, а также в практическую деятельность Управления ФСИН России по Ставропольскому краю, Андроповского районного суда Ставропольского края, Шпаковского районного суда Ставропольского края.

Отдельные материалы обсуждались на конференциях, в том числе всероссийских и международных.

Объем и структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, содержащих десять параграфов, заключения, списка литературы, 7 приложений. Библиография – 215 единиц. Объем – 552 с.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования конвенциональности уголовного наказания

1.1. Интерпретация конвенциональности уголовного наказания в социально-гуманитарном знании

Понятие конвенциональности связано с категорией «конвенция», интерпретируемой в нескольких значениях, как разновидность международного договора и как неформальная договоренность социальных акторов, отношения которых регулируются нелегализованными латентными нормами и правилами. В семантическое поле данного понятия в социально-гуманитарном знании входят множество терминов, в социологии это, в первую очередь, «конвенциональные отношения», «конвенциональные ценности и нормы», «конвенциональное взаимодействие», «конвенциональное значение» и «конвенциональное знание». Несмотря на хабиутализацию данных терминов в научном тезаурусе социологического знания и относительно частое использование понятий «конвенция» и «конвенциональность» в теоретических и прикладных исследованиях, экспликация их содержания упирается в методологическую стену различающихся интерпретаций. Это еще в большей степени касается интерпретации понятия «конвенциональность уголовного наказания», во многом априорного в теории права, криминологии и социологии преступности, но выражаемого в иной терминологии.

Следует сразу указать на то, что конвенциональность уголовного наказания мы отличаем от так называемых конвенционных/конвенциональных преступлений, являющихся деликтами системы международного права и межгосударственных отношений и поэтому не входящих в объект-предметную область нашего исследования.

В философии явление конвенциональности осмысливается со времен античности в рамках дискуссии конвенционалистов и натуралистов о соотношении вещей и их словесных обозначений. Натуралисты,

последователи Платона, придерживались убеждения о соответствии слов и вещей, их естественной взаимосвязи, отсылающей к понятию «эйдос». Последователи взглядов Аристотеля, конвенционалисты, напротив, были убеждены в отсутствии этого соответствия – связь вещей и слов носит конвенциональный характер, основанный на соглашении сторон обозначать ту или иную вещь тем или иным словом.

Договорной (конвенциональный) характер социальных отношений был рассмотрен в рамках теории общественного договора (или «социального контракта» в современной редакции) представителями европейского Просвещения. Т. Гоббс рассмотрел вертикальную, иерархическую линию формирования договорных отношений (так называемый вертикальный общественный договор), затрагивающих социальные отношения между людьми и государством, легитимирующихся в процессе их установления, закрепления в общественном сознании и институциональных практиках.

Дж. Локк рассмотрел иную, горизонтальную, паритетную линию формирования договорных отношений (так называемый горизонтальный общественный договор), затрагивающих социальные отношения непосредственно между людьми, которые вырабатывают конвенциональные отношения в различных социальных группах. Следует отметить, что вертикальный и горизонтальный аспект/срез конвенциональных отношений является обязательным для анализа при исследовании неформальных договорных отношений в обществе.

Д. Юм рассматривал конвенции в интенциональном аспекте, как солидаризацию определенных общеразделяемых интересов, достижение которых предполагает установление правил, следование которым, в свою очередь, есть средство достижения данных интересов ⁴.

В научном тезаурусе понятие «конвенция» окончательно закрепляется благодаря европейским «конвенционалистам» А. Пуанкаре, Р. Карнапу, К. Айдукевичу, Э. Леруа и др. К. Айдукевич утверждает конвенциональность

⁴ Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. I. М. : Мысль, 1996. С. 530.

понятийного аппарата любой науки и любой научной парадигмы. Конвенция рассматривается как некое неформальное соглашение об интерпретации и последующей возможной дефиниции какого-либо понятия. Не только сам язык науки предстает как комплекс конвенций, но и правила его использования: набор и отбор понятий, их употребление в какой-либо связи, решение об аксиоматическом характере тех или иных вытекающих тезисов и т. д.⁵.

Р. Карнап утверждает конвенциональность не только понятий и правил их использования, но и всей теории и методологии научного знания. Главное требование к любой научной логической системе – ее непротиворечивость, которая полностью фундирует и язык системы, и правила его использования. Субъект произволен выбирать теорию и методологию, «работающую» относительно его объекта исследования, а легитимность его претензий должна поддерживаться «принципом терпимости» научно-исследовательского профессионального сообщества⁶. Следовательно, и результаты, полученные волюнтаристом-исследователем, необратимо приобретают конвенциональный характер. Эта позиция страдает субъективизмом в методологии, обращаясь в методологический индивидуализм и доходящим до методологического солипсизма и эпистемологического анархизма (П. Фейерабенд).

С другой стороны, К. Поппер утверждает, что конвенциональность социальных норм вовсе не предполагает их волюнтаристский, субъективно-произвольный характер и выступает против понимания социальных норм как неких искусственных образований: «Это непонимание проистекает из одного фундаментального заблуждения, а именно – из представления, что «соглашение» предполагает «произвольность», т. е. если мы можем свободно

⁵ Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. М. : РАН, 1996. Вып. 2: Гносеологические и логико-методологические проблемы. С. 231–253.

⁶ Карнап Р. Значение и необходимость. М. : Иностранная литература, 1959.

выбирать любую систему норм, то эти системы невозможно сравнивать между собой»⁷.

В современной лингвистике используются понятия «конвенция», «языковая конвенция» и «конвенциональное значение» как основы договорных отношений и правил в семиотической интерпретации означающего и означаемого. Это стало следствием «лингвистического поворота» в философии и языкознания работ Л. Витгенштейна, различающего мир фактов и мир языка и постулирующего проблему соответствия между фактом и выражением, описывающим и/или отображающим данный факт.

Т. ван Дейк и В. Кинч к конвенциям относили «законы, правила и привычки»⁸. Понимание конвенций как правил высказывания и употребления слов характерно для современной социолингвистики.

Дж. Серль в своей концепции речевого акта выделяет его интенциональный (в лингвистике – иллокутивный аспект, «иллокутивный акт») и конвенциональный аспекты. Языковые явления анализируются им функционально, не в дихотомии ложного-истинного, а в терминологии конвенций и интенций⁹. Дж. Серль переходит от использования понятия «конвенция» к понятию «правила», при этом иллокутивный акт (интенциональный, телеологический аспект речевого акта) рассматривается как действие, регулируемое правилами. Правила дифференцируются на «конститутивные», создающие новые виды поведения, а не просто воспроизводящие имеющиеся, и «регулятивные», заданные в рамках системы, выработанные предшествующим социальным опытом.

С позиции социологического знания исследование лингвистами языковой конвенциональности позволяет утверждать не только договорной

⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 97.

⁸ Дейк Т. А. ван, Кинч В. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. С. 55.

⁹ Серль Дж. Что такое речевой акт?// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151–169.

характер эпистемы эпохи, дискурса и дискурсивных практик той или иной среды, но и конкретных речевых актов, рассматриваемых с позиции анализа социального действия и/или процессов коммуникации между социальными акторами.

В. В. Целищев не дает дефиниции понятия «конвенция», но понимает его как некое произвольное соглашение, функционально удобное в процессе коммуникации. Конвенции позволяют экономить усилия в процессе общения и востребованы из соображений «удобства мышления, действия и целесообразности вообще»¹⁰.

В социалингвистике конвенция также рассматривается через понятия «правило» и «норма». Так, к примеру, М. В. Колтунова эксплицирует конвенцию через норму: «Конвенции представляют собой имплицитные базовые нормы коммуникативного поведения, следование которым является основным условием успешной коммуникации»¹¹.

М. В. Лебедев указывает на то, что конвенции в языке не являются следствием явных и четких соглашений, поскольку отсутствует сам факт подобных соглашений. Однако представители одной языковой среды при интерпретации речи опираются на правила, существующие в их сознании, и на их основании отделяют правильное употребление слов и значений от неправильного¹². Таким образом, в отличие от М. В. Колтуновой, М. В. Лебедев рассматривает конвенцию через категорию «правило».

Существует вопрос об эволюционном генезисе языкового знака и конвенций через их интерпретации, опираясь на категории первичного/вторичного и общего/частного. Является ли язык результатом конвенций или, наоборот, язык дает возможность артикулировать и вырабатывать конвенции. Так, по мнению Д. Дэвидсона: «Конвенция не

¹⁰ Целищев В. В. Конвенция // Проблемы логики и методологии науки / под ред. В. В. Целищева. Новосибирск : Наука, 1982. С. 7.

¹¹ Колтунова М. В. От постулатов прагматики к социокультурным конвенциям // Эмоции в языке и речи / ред. И. А. Шаронов. М. : Изд-во РГГУ, 2005. С. 277.

¹² Лебедев М. В. Стабильность языкового значения. М. : Эдиториал УРСС, 1998. С. 52.

является условием существования языка. Философы, рассматривающие конвенцию как необходимый элемент языка, ставят все с ног на голову: на самом деле язык есть условие для выработки конвенций»¹³. Собственно, перипетии этой дискуссии не являются важной промежуточной задачей нашего исследования, поскольку мы не ставим вопрос о глубинных эволюционно-антропологических основаниях генезиса социальных конвенций и языка как конвенциональной системы.

Ученый ставит вопрос о генезисе конвенций, обоснованно ссылаясь на отсутствие неких практик договоренностей между индивидами в процессе коммуникации. Данный тезис звучит риторически, если мы понимаем природу «естественной установки», типизаций и идеализаций с позиции интерпретативной социологии, в частности феноменологической социологии А. Шюца и этнометодологии Г. Гарфинкеля и др. С другой стороны, в рамках объективистской редакции социолингвистического подхода сам язык понимается как конвенциональная знаковая система, носящая по отношению к индивиду объективный характер.

В социальной психологии уделяется внимание конвенциональности взаимодействия в работах М. Аргайла, А. Фернхема, А. Грэхема, Т. Шибутани и др. В отличие от социолингвистов, социальные психологи не всегда склонны отождествлять понятия «конвенция», «правило» и «норма».

При этом не следует приписывать тождество понятиям «норма», «правило» и «конвенция». Так, по мнению М. Аргайла, А. Фернхема и А. Грэхема: «правила отличаются от конвенций, которыми обозначаются условные договоренности или обычаи, например, мода в одежде. Конвенции представляют собой элементы культуры, которые могут варьироваться, не затрагивая при этом выполнение задачи или достижение целей»¹⁴. Небезынтересен тот факт, что конвенции М. Аргайл распространяет и на

¹³ Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. М. : Праксис, 2003. С. 367.

¹⁴ Аргайл М., Фернхэм А., Грэхем А. Дж. Правила // Межличностное общение. Хрестоматия / Сост. Н. В Казаринова, В. М. Погорьша. СПб. : Питер, 2001. С. 83.

телесные, невербальные средства коммуникации ¹⁵: кинесику, мимику, жестику, что усложняет анализ мира конвенции, не сводя его исключительно к языковым конвенциям, к чему склонны социолингвисты.

Помимо вербальной коммуникации и кинесики социального действия У. Эко в своей работе «Отсутствующая структура: введение в семиологию» переносит понятие «конвенция» на изобразительное искусство и изображение как таковое ¹⁶. Следовательно, с помощью методов и логических схем визуальной социологии нами могут изучаться различные виды конвенций, попытаемся их дифференцировать по критериям внутреннего/внешнего, общего/частного:

- 1) конвенции в изображении межличностной коммуникации;
- 2) конвенции по сущности изображенного, конвенциональность состава представленных компонентов, их структуры и взаимосвязей, легитимность и легальность этих образов;
- 3) конвенции по времени и месту, уместности изображения в более широком – групповом, институциональном или общественном контексте;
- 4) конвенции на уместность самого изображения как способа передачи информации.

При анализе вербального аспекта коммуникации в социальной психологии относительно большое внимание уделяется языковым конвенциям, являющимся предметом изучения в социолингвистике, а также символическому аспекту коммуникации, базирующемуся на конвенциональных значениях. Так, по мнению Т. Шибутани: «Согласие создается преимущественно посредством символической коммуникации – взаимодействия, которое осуществляется с помощью тщательно разработанной системы конвенциональных символов, представляющих

¹⁵ Argyle M. Bodily communication. N. Y., 1977. P. 147–149.

¹⁶ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : ТОО ТК Петрополис, 1998. С. 131.

известные всем значения»¹⁷. Ученый широко использует эпитет «конвенциональное» применительно к явлению и процессу межличностного взаимодействия и коммуникации как таковой, помимо конвенциональных значений мы находим конвенциональные нормы, правила, конвенциональные представления.

Генезис конвенциональной коммуникации уходит корнями в глубокую первобытность, поэтому мир символической коммуникации сам по себе носит договорной характер и конвенциональными являются жесты, мимика и даже любые звуковые сигналы, ориентированные на других: восклицания, покашливания, подмигивания и т. п. «Символическая коммуникация – это конвенциональная форма социального взаимодействия, которая развивалась, по-видимому, от менее формальных типов взаимодействия ко все более легко контролируемым действиям. Успешное сотрудничество требует взаимной ориентации участников в отношении намерений друг друга, и жесты используются как инструменты для достижения такого согласия»¹⁸.

Однако следует разделять понятия «конвенция» и «обычай, традиция». Как отмечает Н. Гудман: «Термины «конвенция» и «обычай» являются вопиюще и запутанно неоднозначными. С одной стороны, обычное – это обычное, традиционное, ортодоксальное по сравнению с текущим, отклоняющимся от нормы, неожиданным, неортодоксальным. С другой стороны, конвенциональное – это искусственное, изобретенное, необязательное, в отличие от естественного, фундаментального, обязательного»¹⁹.

Представитель аналитической философии Д. К. Льюис определяет конвенцию как регулярность (регулярно повторяющаяся закономерность) в действиях, а также в убеждениях, в которую должны быть включены

¹⁷ Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д : Феникс, 1998. С. 129.

¹⁸ Там же. С. 135.

¹⁹ Goodman Nelson. «Just the Facts, Ma'am!». In *Relativism: Interpretation and Confrontation*, ed. Michael Krausz, Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1989. P. 80.

несколько человек (как минимум два человека). Данная регулярность (R) проявляется в том, что:

- 1) каждый человек, включенный в конвенцию R , ей подчиняется;
- 2) человек, включенный в конвенцию, ожидает/верит, что остальные тоже ей следуют;
- 3) человек предпочитает следовать R , если убежден, что и другие ей следуют;
- 4) все стороны заинтересованы в собственной подчиненности R ;
- 5) R не единственная из возможных регулярностей, отвечающая двум последним требованиям;
- 6) каждый человек, включенный в конвенцию R , знает предыдущие свойства и уверен, что другие тоже их знают²⁰.

Э. Лепор и М. Стоун, комментируя экспликацию Д. К. Льюиса, обращают внимание на то, что его понимание конвенции строится на рациональности и здравом смысле, в свою очередь строящемся на взаимно разделяемом знании.²¹ Нельзя не согласиться с данным мнением, не только конвенции зависят от специфики рациональности и содержания здравого смысла, но и рациональность и здравый смысл также имеют конвенциональную природу.

М. Гилберт подчеркивает, что определение конвенции Д. К. Льюисом требует почти полного соответствия и является излишне строгим. С другой стороны, он забывает о нормативном характере конвенций, то есть об их предписывающем статусе для большинства. Конвенции касаются не только того, как люди ведут себя на самом деле, но и того, как они должны себя

²⁰ Lewis D. K. *Convention: A philosophical study*. Harvard: Harvard University Press, 1969. P. 42.

²¹ Lepore E. Stone, M. *Imagination and Convention: Distinguishing Grammar and Inference in Language*. CPI Group (UL) Ltd, 2015. P. 11.

вести. Следовательно, конвенции являются не только соглашениями *де-факто*, но и *де-юре*²².

Т. Бердж согласен с Льюисом в том, что конвенция должна иметь общеразделяемую альтернативу, но отрицает то, что акторы должны полностью осознавать такую альтернативу. В качестве примера он приводит представление примитивного общества, не имеющего контактов с другими, о своем языке как единственно возможном и религиозно-легитимированном. Однако их языковая практика все же регулируется конвенциями, поэтому не стоит приписывать акторам излишнюю рациональность и рефлексия. Т. Бердж вводит в процесс генезиса конвенций фактор контингенции, утверждая, что они могут возникать исторически случайно, произвольно, а не являться непременно следствием действия исторических, социально-психологических, экономических и иных условий и закономерностей: «произвольность условных обозначений каким-то образом заключается в «логике ситуации», а не в «психологической жизни акторов»²³.

Включая в генезис конвенций фактор контингенции, Т. Бердж определенным образом противопоставляет свою концепцию взглядам Д. К. Льюиса. И в данном противопоставлении он идет дальше, включая в концепцию конвенциональности другие иррациональные факторы: «стабильность конвенций обеспечивается не только просвещенным личным интересом, но и инерцией, суеверием и невежеством»²⁴.

Акцентированию фактора случайности в генезисе конвенций, которое мы находим у Т. Берджа, противостоит концепция Р. Сагдена, рассматривающего конвенции как системы стратегий, обладающих эволюционной устойчивостью. Конвенции обладают функциями стабилизации и воспроизводства социального порядка, они проходят

²² Gilbert Margaret P., Game Theory and Convention (December 12, 2007). Game Theory and Convention. Synthese, Vol. 46, pp. 41–93, January 1981. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1071064>

²³ Burge Tyler. On Knowledge and Convention / Philosophical Review, 1975. 84: p. 253.

²⁴ Там же. Р. 253.

определенный эволюционный путь и являются самодостаточными по своей природе. Помимо этого, они встроены в механизмы групповой самоидентификации и могут противостоять нормативным новаторам, стремящимся создать новые конвенции²⁵. К примеру, Р. Сагден в качестве конвенций, являющихся следствием эволюционных стратегий, рассматривает права собственности и деньги.

Дискурс о конвенциях в рамках теоретико-игрового подхода показывает пределы математизации и рационализации социального действия и выбора, вызывающие к необходимости фундирования со стороны социологического знания. М. Гилберт обратилась к концепции социальных групп Г. Зиммеля. Подчеркивается фактор солидаризации социальных субъектов в коллективный групповой агрегат на основе общих интересов и определенной контингенции. Акторы объединяются во «множественные субъекты»/«субъекты множественного числа», в которых взаимосвязывают и концентрируют свои интересы и цели в общий интерес и цель группы. На основании объединения в группу начинают действовать механизмы групповой идентификации и вырабатывается внутригрупповая идентичность (общее «мы»), основанная на общих убеждениях, интересах и цели. На этом основании вырабатывается и социальный контроль как взаимоконтроль и взаимонаблюдение членами группы самих себя. По мнению М. Гилберт: «наша повседневная концепция социального соглашения – это совместно принятый принцип действия, групповой указ относительно того, как нужно действовать в определенных ситуациях»²⁶. Таким образом, участники конвенции составляют субъект множественного числа, поскольку они совместно договариваются, артикулируют и принимают некий групповой указ. Именно фактор совместного принятия конвенции составляет ее

²⁵ Sugden Robert, *The Economics of Rights, Co-operation, and Welfare*, 2nd ed., New York : Palgrave Macmillan, 2004.

²⁶ Gilbert Margaret. *On Social Facts*, New York : Routledge, 1989. P. 377.

социальную силу, детерминирует степень ее легитимности во мнении и поведении ее участников/«соучредителей».

С М. Гилберт некоторым образом солидаризируется С. Миллер, который вводит понятие «коллективный финал»²⁷, объясняющее необходимость для участников конвенции придерживаться общих, коллективных целей. В генезисе конвенций, как общеразделяемых правил и норм, важен компонент финализма – видения не только своих интересов и целей, но и некоторых конечных состояний их достижения. Именно за счет этого и поддерживается внутригрупповой конвенциональный консенсус.

Адаптируя концепцию «коллективного финала» С. Миллера под цели нашего исследования, мы можем утверждать, что конвенциональность уголовного наказания также предполагает определенное видение участниками конвенций/обществом в целом не только целей наказания делинквентов, но и определенного финала(ов) воздействия на них мер уголовного принуждения и наказания. И в отношении видения и интерпретации этого финала в обществе предполагаются некоторые стратификационные различия, что и актуализирует проблематику нашего исследования и наделяет его задачи определенной нетривиальностью.

Подход М. Гилберт существенным образом отличается от «индивидуалистическо-рациональной» концепции Д. К. Льюиса и в целом от апологетов теоретико-игрового подхода. «Льюисовская конвенция» может быть создана социальной общностью или группой без генерации множественного субъекта, она не гарантирует устойчивой лояльности и высокой легитимности конвенции. Участники «льюисовской конвенции» предпочитают ее и хотели бы, чтобы эту конвенцию предпочитали и другие, но ни не считают себя ответственными за ее соблюдение и не требуют этого соблюдения от других. Они лояльны конвенции на основе индивидуалистических и прагматичных интересов и предпочтений, но их

²⁷ Miller Seumas. Social Action: A Teleological Account. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

ответственность за воспроизводство и легитимность конвенции снижена, поскольку они не являются множественным субъектом.

Помимо этого, М. Гилберт приписывает конвенции определенный нормативный компонент, который не присутствует в модели конвенции Д. К. Льюиса. Она постулирует более директивный и телеологический характер воспроизводства и ретрансляции конвенций как коллективно выработанных «указов», которым должно следовать индивидам, зачастую и помимо своих желаний и воли.

Работы Р. Милликен явили собой определенную альтернативу научным взглядам большинства современников. Отставив в сторону экономические и социологические аспекты исследования конвенциональности в обществе, она обратилась к биологии и антропологии. По ее мнению, конвенция – это модель поведения, основанная на прецеденте ²⁸. В той или иной популяции конвенция генерируется и воспроизводится на основе свершившегося знакового события – прецедента, «вес» которого и определяет значимость конвенции. Однако в обществе воспроизводится множество различных моделей поведения и знаковых действий, которые не являются конвенциями. Чтобы являться конвенцией, они должны быть основаны на прецеденте, поэтому, с ее точки зрения, конвенции не являются эволюционными универсалиями и не возникают независимо друг от друга в разных популяциях. Механизм прецедентного генезиса конвенционального в культуре и обществе дополняется механизмом его воспроизводства, основывающимся на следующих факторах:

- 1) «недостатке воображения» или легитимных средств его проявления в социуме;

- 2) конформизме большинства членов общества, не рефлексировавших по поводу нормативного или ценностного аспектов конвенций, принимающих прецедент аксиоматически;

²⁸ Millikan Ruth. *Language: A Biological Model*. Oxford : Clarendon Press, 2005.

3) стремлении минимизировать риски посредством воспроизводства проверенных практик²⁹.

Р. Милликен идет вразрез традиции, идущей от Д. Юма к Д. К. Льюиса, в понимании конвенций как следствий рациональных решений акторов. В ее концепции рациональности не отводится центральная роль, напротив – рациональность выступает не следствием выбора акторами целей и средств их достижения, а следствием легитимации конвенционального прецедента. Рациональное в данном случае выступает под маской традиционного, в качестве стремления большинства конформистов к удобной, предсказуемой и не требующей перманентных рефлексий социокультурной среде.

Нельзя не отметить влияния на прецедентную концепцию конвенции Р. Милликен работ ряда современных антропологов и религиоведов (М. Элиаде, П. Радин, Дж. Кэмпбелл и др.), агентирующих на феномене мифического прецедента и понятия архетипа, заимствованного ими из аналитической психологии К. Г. Юнга. Именно сакральный прецедент, по их мнению, закладывает основу социального архетипа и его воспроизводства в ритуализированных архетипических действиях.

Следует отметить, что в конвенциональной теории есть место и для крайнего релятивизма, доходящего порой до эпистемологического анархизма в духе П. Фейерабенда. Именно это отчасти демонстрирует моральная философия Г. Хармана, постулирующего два основных тезиса:

1) нормы морали и моральные истины релятивны, поскольку являются порождением конвенций;

2) конвенции относительно одних и тех же объектов различаются в разных обществах в силу различий в культуре, менталитете, социально-экономических и социально-политических условиях жизни³⁰.

²⁹ Millikan Ruth. «A Difference of Some Consequence Between Conventions and Rules». 2008. *Topoi*, 27: 87–99.

³⁰ Harman Gilbert. *Moral Relativism*, in *Moral Relativism and Moral Objectivity*, ed. Gilbert Harman and J. J. Thompson, Cambridge : Blackwell, 1996.

С позиции конвенционального релятивизма Г. Хармана норма (включая и формальную правовую норму) и отклонение от нее относительно, одно деяние может рассматриваться в одном обществе как норма, а в другом – как отклонение. С одной стороны, эти тезисы вполне очевидны и приемлемы, так как предполагают учет специфики конвенциональности в разных обществах и культурах, что характерно для современной социальной, культурной антропологии и социологии. С другой стороны, перенесенные внутрь социальной структуры и стратификации современного общества, они фундируют и оправдывают релятивность отношения различных социальных общностей и групп к общим нормам права.

Различия в подходах Д. К. Льюиса и М. Гилберт к конвенции отражают более общую научную дискуссию о модели мотивации индивида в индустриальную и постиндустриальную эпоху – модели «*homo economicus*» («человека экономического») противопоставляется модель «*homo sociologicus*» («человека социологического»). «Человек экономический» является продуктом инструментальной рациональности и придерживается целерационального действия (по М. Веберу), он прагматичен и в той или иной степени корыстен и эгоистичен (в некоторых концепциях, к примеру – неoinституционалистской концепции оппортунистического поведения О. Уильямсона, даже эгоцентричен «вплоть до вероломства»). «Человек социологический» действует на основе своей идентичности и самоидентификации как члена той или иной группы/групп. С одной стороны, группообразование уже само по себе является следствием определенного ценностно-нормативного консенсуса (то есть разделяемых конвенций) большинства членов. А с другой стороны, индивид является участником конвенций и погружен в конвенциональную среду постольку, поскольку он идентифицирует себя с группой и ее нормами, интересами, ценностями и целями.

Р. Сагден, М. Гилберт и Р. Милликен в своих работах затронули эволюционный аспект генезиса и воспроизводства конвенций, они

представляют собой механизмы выживания общества, позволяющие вести согласованную совместную деятельность на основе выработанного опыта и общих значений, не требующих дополнительной рефлексии, а значит, исключающих дополнительные затраты времени в ситуации риска и неопределенности. Нормативные конвенции выполняют во многом подобные языковым конвенциям функции, директивная функция табу может быть не менее значительной, чем слова приказа. Смеем предположить, что экстраполяция функции эволюционного отбора на сферу конвенционального, уже высказанная в рамках социолингвистического знания, кажется весьма плодотворной.

Но у конвенций есть и обратная, негативная сторона, которую Дж. Дьюи связывал с «коркой конвенций» (*crust of convention*), когда конвенциональность выступает в роли силы, препятствующей социальным изменениям и социальному развитию.

«Корка конвенций» обуславливает инертность и ригидность ответа социальных систем на стимулы внешней среды, когда устоявшиеся социальные отношения выступают в качестве барьеров формирования и распространения социальных инноваций. В данной связи иллюстративны концепция К. Маркса о противоречии между становящимися новыми производительными силами и старыми производственными отношениями и концепция «культурного лага» У. Огборна, во многом являющаяся парафразом концепции Маркса. К примеру, конвенциональность цеховой системы препятствовала развитию мануфактурного производства, а конвенциональность схоластической университетской среды – развитию передового научного знания.

Соответственно, любые фазовые переходы в развитии социальных систем связаны с болезненными процессами объективного распада и сознательного разрушения некогда легитимных и конвенциональных структур, институтов и культур. Успешная модернизация предстает как разрушение конвенциональных социальных отношений в аграрном и

сословно-стратифицированном обществе, а позднее культура Постмодерна выступает как антитеза и инверсия культуры Модерна. В настоящее время мы наблюдаем параллельные разнонаправленные процессы глобализации и деглобализации/регионализации.

Коснемся некоторых аспектов современной рефлексии теории общественного договора (в нашем случае рассматриваемого как макро-конвенция). Дж. Роулз в своей работе «Теория справедливости» продолжил кантианскую линию презумпции ограничений на деятельность и функции государства. Опираясь на формализацию понятия справедливости в рамках теории игр, он утверждал рациональность индивида, которому выгодно в «исходной позиции» пойти на ограничения и принять некие общие принципы справедливости, социальной организации и этики ³¹. Индивид соглашается на определенную деперсонификацию, оставляя свои некоторые индивидуально-личностные характеристики и их проявление за «завесой невежества». То есть индивид «соглашается» на общую социальную организацию, нормы и правила исходя из собственных рациональных эгоистических посылок и индивидуальных стратегий, взятых Дж. Роулзом из теории игр:

1) «минимакса» (minimax – минимизация максимума, минимизации издержек, убыли и т. п.);

2) «максимина» (maximin – максимизация минимума, максимизации результата, прибыли и т. п.).

Констатируем, что данный подход в целом характерен для ученых, использующих аппарат теории игр и разрабатывающих на его основании теории и концепции справедливости.

Д. Готье является представителем того лагеря ученых, которые ставят под сомнение математическую логику и экономическую интерпретацию практической рациональности, выражая во многом противоположную позицию. Он выдвигает на первый план ценности и моральные ограничения,

³¹ Rawls John. A Theory of Justice, Cambridge, MA: Harvard University Press. Revised edition, 1999.

формулируя этику общественного договора («контрактная этика»), по которой моральные ограничения рациональны и оправданы, поскольку способствуют развитию индивида и общества с точки зрения развития их потребностей, интересов, предпочтений³².

По мнению Д. Готье, сотрудничество между эгоистическими и волюнтаристскими акторами возможно только в ситуации общеразделяемых ценностей и норм, шире – общей морали и права, политических и социокультурных оснований. Эгоцентричные стратегии выбора делают в конечном итоге невозможным общий оптимальный результат, что следует из известной «дилеммы заключенного» в теории игр. Если бы стороны в «дилемме заключенного» основывались в своих действиях на принципах соблюдения социального контракта, то они бы получили оптимальный результат. Но это невозможно без общеразделяемой морали и доверия как компонентов рациональности. В работах Д. Готье утверждается, что устойчивая модель социального контракта может быть основана на рациональности, интересах и потребностях, доверии, которые поддерживают паритетность и честность сторон и не позволяют им выходить за рамки социально-контрактных отношений.

Инструментальной рациональности общественного договора и конвенциональности в лице Дж. Роулза и сторонников концепции «*homo economicus*» («человека экономического», рационального, прагматичного, минимизирующего издержки и максимизирующего результат) Д. Готье противопоставил веберианский аспект анализа роли ценностной рациональности в социальных отношениях и взаимодействиях.

Ф. Петтит в отличие от представителей вышеобозначенных подходов включает в анализ общественного договора фактор власти и управления, акцентируя, таким образом, вертикальную, иерархическую линию формирования договорных отношений по Т. Гоббсу. Он утверждает общую

³² Gauthier David. *Moral Dealing: Contract, Ethics, and Reason*. Ithaca, Cornell University Press, 1990.

ошибку всех теорий общественного договора, основанных на концепции «согласия управляемых», игнорирующих возможности манипуляций и фальсификации этого согласия властью ³³. Легитимность социального контракта может быть поддержана нежеланием граждан вступать в конфликт с властью. Гражданский протест, недовольство и восстание – это явные признаки неудовлетворенностью социальным контрактом общества с государством и попытки его пересмотреть или отменить. Он исходит из республиканского понимания свободы как «не-господства», поэтому горизонтальный уровень социально-контрактных отношений и конвенциональности должен строиться на неполитических основаниях, таких, как доверие и уважение.

Р. Клоуард и Ф. Пивен в своей работе «Нарушение американского социального договора» углубляются в политическую динамику роста рабочего класса в 1930-х и 1960-х годах, придают особое значение социально-политическому и трудовому протестам и изучают факторы сокращения протеста с 1960-х годов. Они рассматривают социальное недовольство, протест и конфликты внутри общества как следствия нарушения общественного договора между властью и обществом в лице конкретных социально-профессиональных групп и социальных общностей ³⁴.

Как мы видим, и в теории общественного договора/социального контракта (который в рамках нашего исследования мы рассматриваем как социальную конвенцию на макроуровне социальной реальности) наблюдается такая же дифференциация на сторонников двух несколько противоположных подходов, которые с позиции социологической теории полярны в принятии дихотомий «нормативизм – волюнтаризм», «структура – актор». Во многом это и связано именно с тем, что общественный договор и является, собственно, макроконвенцией, в отношении которой на основании

³³ Pettit P. Republicanism: A Theory of Freedom and Government. Oxford University Press, U.S.A. (September 30, 1999).

³⁴ Piven F., Cloward R. Breaking of the American Social Compact. New Press, 1998.

определенной экспликации могут быть применимы накопленные теории и подходы в отношении исследования микро- и мезоконвенций. С другой стороны, возможна и редукция теории общественного договора до уровня теоретико-игрового анализа, теорий принятия решений, общественного выбора, равновесного выбора и т. п. Однако возможности подобной экспликации и редукции имеют ограниченный характер в рамках нашего исследования, хотя мы признаем за ними несомненную эвристическую ценность и потенцию.

В контексте нашего исследования возникает интересный научный вопрос: распространяются ли социально-контрактные отношения на область уголовного наказания, формально регулируемого нормативно-правовыми актами?

В социологии основоположником концепции конвенциональности является М. Вебер, использовавший понятия «конвенция», «конвенциональные договоренности» и «конвенциональное мышление». Конвенциональность рассматривается как основание социальных отношений и взаимодействий: «Содержание социального отношения может быть сформулировано по взаимному соглашению. Это означает, что все его участники дают определенные заверения (то ли друг другу, то ли вообще) по поводу своего поведения в будущем. В этом случае каждый участник соглашения рассчитывает – в той мере, в какой он рассуждает рационально, – прежде всего на то (с различной степенью надежности), что другой будет в своем поведении ориентироваться на смысл соглашения так, как он (то есть первое действующее лицо) этот смысл понимает»³⁵. Он полагал, что конвенции носят преимущественно рациональный характер, это специфика именно веберовской интерпретации конвенции, выше мы показали, что в современной науке этот тезис не аксиоматичен. М. Вебер выделяет уровни «социального консенсуса» и «согласия», первое распространяется на

³⁵ Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 633.

макроуровне социальной реальности, на все общество или его весомую часть, выражает нормативный аспект социальных отношений, а второе отражает уровень формирования конвенций в ситуации интерактивного взаимодействия на основании интерпретируемых акторами ожиданий.

В интерпретативной социологии, во многом продолжающей мировоззренческую научную традицию М. Вебера, делается акцент на микрооснования социальных конвенций. А. Шюц понимал конвенциональность в интерактивном ключе, как механизм формирования intersубъективности и мира повседневности в процессах социального взаимодействия. Являющаяся атрибутом intersубъективности общность идей, установок, убеждений и т. п. формируется посредством социального взаимодействия и консенсусных типизаций. Сами же типизации и идеализации, как свойства человеческого мышления, рассматриваются А. Шюцом как условия и следствия конвенционального взаимодействия. Конвенциональный характер норм и правил в ситуациях социального взаимодействия был наглядно продемонстрирован в «кризисных экспериментах» Г. Гарфинкеля, направленных на разрушение привычных рамок общения.

В рамках конструктивистских теорий и подходов продолжается линия на понимание интерактивного аспекта конвенциональности как основы мира повседневности и intersубъективных смыслов. П. Бергер и Т. Лукман в своей концепции «социального конструирования реальности» показывают важную роль конвенций, как механизмов объективации социальной реальности. Повседневные значения и знания являются результатом конвенций, но социальные образования и культурные системы предстают пред индивидами как объективная реальность. Следовательно, социальная реальность конструируется и воспроизводится акторами на уровне интерактивного взаимодействия.

Следствием конвенционального взаимодействия выступают типизации, которые так же, как и в феноменологии А. Шюца, выступают и условиями

интерактивного общения: «Иначе говоря, хотя довольно сложно применять жесткие образцы к взаимодействию лицом-к-лицу, но даже оно с самого начала упорядочено, если происходит в рамках привычного порядка повседневной жизни. Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу»³⁶. П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают неустойчивый характер конвенциональных образцов на уровне интерактивного взаимодействия, в ситуации неопределенности в поведении другого: «...образец не может вместить всего многообразия свойств субъективности другого, доступного моему пониманию в ситуации лицом-к-лицу»³⁷. Это важный нюанс, который касается существования определенного репертуара конвенций, которые индивид может перебирать и подбирать в ситуации взаимодействия с неопределенным и/или нетипичным другим. Фактически П. Бергер и Т. Лукман говорят о том, что в ситуации интерактивного взаимодействия выбор и селекция конвенций могут сами по себе носить конвенциональный характер, образуя некую конвенциональность второго уровня. На наш взгляд, этот аспект социального взаимодействия является одним из факторов и механизмов образования новых конвенций, когда контингентность, неопределенность, иррациональность взаимодействия купируются перебором и компоновкой/сборкой новой конвенциональной микросреды, контекстуальность взаимодействия становится фактором изменения взаимодействия.

Подобная логика наблюдается и в интегральных теориях П. Бурдьё и Э. Гидденса. Объективная социальная реальность по П. Бурдьё есть результат действующих или принимаемых конвенций: «...объективная реальность, на которую все явно или неявно ссылаются, в конечном счете представляет собой только то, что согласны считать таковой исследователи,

³⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. С. 55.

³⁷ Там же. С. 54.

включенные в поле в данный момент времени, и проявляет себя лишь посредством представлений, которыми ее наделяют те, кто взывает к ее суду»³⁸.

В теории «структуриации» Э. Гидденса акторы производят и воспроизводят структуры и сами оказываются регулируемыими ими. В противовес идеализации Т. Парсонсом объективности и надличностного характера институциональных структур Э. Гидденс стремился их гуманизировать, «очеловечить», интерпретируя их как результат конвенциональности и особых свойств «дуальности структуры». «Структура не существует независимо от знаний деятелей относительно того, что они делают в процессе повседневной деятельности. Субъекты деятельности всегда имеют представления о том, что делают: в виде некоторого описания, существующего на уровне дискурсивного анализа»³⁹. Средством считывания и рефлексии ситуаций взаимодействия у Э. Гидденса выступает «рефлексивный мониторинг действия».

В теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса под таковым подразумевается «действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия»⁴⁰. То есть фактор конвенциональности встраивается не только в механику социального действия, но и в его ценностно-нормативную ориентацию. Коммуникативное действие является действием конвенциональным: «Координация действий субъектов, которые, таким образом, обращаются друг с другом стратегически, зависит от того, насколько эгоцентрический подсчет собственной выгоды уравнивается подсчетом выгоды с противной стороны. Тогда степень кооперации и стабильности зависит от удовлетворения интересов участников взаимодействия.

³⁸ Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2001. С. 62.

³⁹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М. : Академический Проект, 2003. С. 71–72.

⁴⁰ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. СПб. : Наука, 2000. С. 12.

В противоположность этому я говорю о коммуникативном действии, когда акторы идут на то, чтобы внутренне согласовывать между собой планы своих действий и преследовать те или иные свои цели только при условии согласия относительно данной ситуации и ожидаемых последствий, которое или уже имеется между ними, или о нем еще только предстоит договориться»⁴¹.

Ю. Хабермас следующим образом раскрывает структуру коммуникативного действия:

1) «ориентация на взаимопонимание как механизм координации действий»;

2) «ситуация действия и ситуация речи»;

3) «фон жизненного мира», задающий условия и ресурсы взаимопонимания;

4) «сферы референций» или «притязания высказываний на значимость»: взаимопонимание подразумевает достижение согласия на уровне знания, нормы, оценок и чувств⁴².

Помимо этого, Ю. Хабермас выделяет еще и эволюционный динамический аспект конвенциональности в различных типах обществ, разделяя типы интеракции на трех следующих уровнях, в соответствии с теорией морального развития Л. Кольберга:

1) преконвенциональном (стадия конкретных логических операций);

2) конвенциональном (стадия низших формальных операций);

3) постконвенциональном (высшая логическая стадия морального развития).

Перед нами предстает своеобразная модель развития рациональной коммуникации на основе возрастания моральной конвенциональности. Стадиальность человеческого онтогенеза синонимична в ней стадиям эволюции обществ по пути образования сложных формализованных

⁴¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. СПб. : Наука, 2000. С. 200.

⁴² Там же. С. 324–340.

смысловых и коммуникативных систем. Основываясь на этом, можно утверждать, что социальная конвенциональность развивается по мере развития и усложнения обществ и на постконвенциональной стадии (по Кольбергу-Хабермасу) включает область формализованных институциональных конвенций и в целом социально-контрактные отношения между обществом и институтом государства.

Резюмируя, можно утверждать, что конвенциональное является атрибутивным свойством, собственно, социального. При этом, по мнению Л. А. Микешиной: «... они не рассматриваются как некие самостоятельные сущности, произвольно «членящие» мир и навязывающие человеку представления о нем, но понимаются как исторически сложившиеся и закреплённые соглашением конструкты, имеющие объективные предпосылки, отражающие социокультурный опыт человека, служащие конструктивно-проективным целям познания и коммуникации в целом»⁴³.

Конвенциональность является не только средством генезиса и воспроизводства социальных отношений, но и отражает естественную потребность человека, группы и общества в установлении консенсусных, неконфликтных, понятных и не нуждающихся в дополнительной рефлексии отношений.

По мнению Л. А. Осьмук: «Социальная конвенциональность имеет несколько основных значений:

- в широком смысле она понимается как свойство социальных субъектов сосуществовать на основе различных видов соглашения;
- в узком смысле – это: а) форма позитивных социальных взаимодействий и качественная характеристика объединения социальных субъектов в надперсональные общности; б) взаимодействие социальных миров, приводящее к формированию общей конвенциональной территории

⁴³ Микешина Л. А. Конвенции как следствие коммуникативной природы познания // Субъект, познание, деятельность. К 70-летию В. А. Лекторского. М., 2002; Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М., 2007. Гл. 2. С. 98.

(интерсубъективного мира) с конвенциональными нормами, ценностями и «правилами игры»⁴⁴.

Следует подчеркнуть важность разделения понятий конвенция и конвенциональность как отделение соглашения и согласованности. К сожалению, в современной науке эта дифференциация не имеет четких границ, не всегда осознается и выступает в качестве объекта анализа. Интерпретируя конвенциональность как согласованность, можно аналитически выделить следующие аспекты его исследования:

1) уровень согласованности (уровень социальной реальности и/или социальной структуры, на котором распространены и воспроизводятся те или иные конвенции: вертикальный и горизонтальный; макро- мезо- и микро- и т. д.);

2) степень согласованности (легитимность и распространенность конвенций, их общеразделяемый или локализованный характер);

3) факторы согласованности (условия генезиса, воспроизводства и трансляции конвенций в социуме);

4) механизмы согласованности (причинно-следственные связи в действии акторов, генерирующих, воспроизводящих или ретранслирующих конвенции);

5) субъекты (акторы/агенты) согласования.

Как мы установили выше, конвенциональность обнаруживает и бинарные социальные качества, и неоднозначный этический аспект, опосредованный дифференциацией в восприятии и легитимации компонентов ценностно-нормативной системы представителями разных социальных общностей и групп. Помимо этого, можно утверждать и социоструктурные различия в конвенциональности социальных отношений в конкретном современном обществе, здесь следует указать на наличие как

⁴⁴ Осьмук Л. А. Теоретические основания социальной конвенциональности : дис. ... д-ра социол. наук / Алтайский гос. университет. Барнаул, 2004. С. 12.

минимум нескольких уровней и сфер различающихся и операционально-замкнутых системообразующих конвенций.

1. Дифференциация в конвенциональности демографических общностей. П. Бергер и Т. Лукман указывали на разрывы между ценностями и практиками разных поколений, обусловленные различиями в социальном опыте, в свою очередь детерминированными быстрым темпом социальных изменений в современном индустриальном обществе. Эта закономерность была артикулирована ранее в максиме А. де Токвиля: «Каждое новое поколение – новый народ». Необходимо указать и на гендерный, и на семейно-брачный аспекты дифференциации норм, правил, ценностей, практик и т. п., составляющих как центральное ядро, так и периферию дифференцированных конвенциональностей.

2. Дифференциация в конвенциональности социоструктурных и стратификационных общностей. К примеру, различающаяся конвенциональность высшего, среднего и низшего классов, различия в конвенциональных отношениях внутри дифференцирующихся отраслевых, социально-профессиональных, этнических, этноконфессиональных и иных общностей.

3. Социокультурный аспект дифференцирующихся конвенциональностей. В рамках одного общества данная линия дифференциации идет по границам этнических, этноконфессиональных, конфессиональных, социально-профессиональных, политических и иных общностей и групп, которые обнаруживают в себе определенные отличия от норм, ценностей, правил и т. п., входящих в конвенциональную доминирующую культуру. Их объединяет то, что по отношению к господствующей в конкретном обществе «доминирующей культуре» они выступают в качестве субкультур, выражающих определенное ментальное и ценностно-нормативное отличие и своеобразие. К примеру, в системе современной Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН) мы

обнаруживаем целый комплекс социально-профессиональных субкультур с присущей им внутригрупповой конвенциональностью.

4. Внутригрупповой аспект конвенциональности. Мы утверждаем, что конвенциональность может быть редуцирована до микроуровня социальной реальности и носить внутригрупповой характер. Эта редукция вполне логична, поскольку неформальные договорные отношения не обязательно должны распространяться исключительно на большие социальные группы и общности и/или на все общество в целом. Уже само явление дифференциации конвенций в социальной структуре предполагает возможность подобной редукции, в конечном итоге низводящейся до уровня интерактивного взаимодействия. Подобная уверенность основана и на имеющейся лингвистической интерпретации конвенций как правил речевого акта, в большинстве своем происходящего на уровне межличностного интерактивного взаимодействия и/или обращенного к представителям малой группы.

Отсюда следует важный теоретико-методологический вопрос, упирающийся в проблему дифференциации научного мировоззрения: каковы направления генезиса конвенций и конвенциональности? В одном случае исследователь может акцентироваться на микроуровне социального взаимодействия и повседневных практик, на «социальном конструировании реальности». В этом случае мы будем иметь дело с субъективистским полюсом социального теоретизирования, как следствие, отрицающим существование макроконвенций и некоего, распространяющегося на все общество общественного договора/социального контракта.

В другом случае – конвенции выступают как нечто «созданное до нас умершими» (Р. Бхаскар) и функционируют в том числе и на макроуровне социальной реальности, что соответствует объективистскому полюсу социального теоретизирования. «Микроконвенции» являются следствиями общих регулирующих правил, так или иначе соотносятся с доминирующей культурой и порождают эффекты воспроизводства на уровне интерактивного

взаимодействия общего социального мира (объективацию, экстернализацию, репрезентацию и т. п.)

Следовательно, в соответствии с уровнями социальной реальности мы обнаруживаем следующие аналитически последовательные уровни конвенций и конвенциональности:

- 1) **макроконвенции** (на уровне, собственно, социетальной системы и ее компонентов и крупных подсистем: институтов и социальных общностей);
- 2) **мезоконвенции** (уровень локализованных социальных общностей, больших социальных групп и организаций);
- 3) **микроконвенции** (уровни взаимодействия в малой группе, интерактивного взаимодействия и речевого акта).

Одной из макроконвенций является общественный договор/социальный контракт, неформальная негласная конвенция о разделении отношений между государством, человеком/обществом.

Выше мы писали, что Т. Гоббс рассмотрел вертикальную, иерархическую линию формирования договорных отношений (так называемый вертикальный общественный договор), а Дж. Локк рассмотрел горизонтальную, паритетную линию формирования договорных отношений (так называемый горизонтальный общественный договор). Эти же линии соответствуют и уровням генезиса, воспроизводства и трансляции конвенций. Л. В. Осьмук выделяет следующие уровни и подуровни социальной конвенциональности:

I. Консенсусный уровень:

- 1) феноменологически-консенсусный;
- 2) нормативно-консенсусный.

II. Интерактивно-договорной уровень:

- 1) феноменологически-интерактивный;
- 2) деятельностно-интерактивный ⁴⁵.

⁴⁵ Осьмук Л. А. Теоретические основания социальной конвенциональности : дис. ... д-ра социол. наук / Алтайский гос. университет. Барнаул, 2004. С. 14.

То есть конвенциональность может являться результатом соглашений между акторами (как индивидуальными, так и коллективными), имеющими различное положение в социальной иерархии и взаимодействующими именно как неравноправные субъекты (это общественный договор и согласие с институциональными и правовыми нормами, ценностями и нормами доминирующей культуры). Высокая степень горизонтальной конвенциональности выражается в конформном поведении подавляющего большинства членов общества. Соответственно низкая степень горизонтальной конвенциональности будет выражаться в массовизации аномийных адаптаций (Р. Мертон), поведенческого и ценностно-нормативного неконформизма.

В другом случае, мы имеем дело с интерактивной конвенциональностью субъектов, взаимодействующих на горизонтальном уровне, то есть занимающих равное положение в социальной иерархии. Равенство в данном случае имеет условный характер ввиду многочисленности статусно-ролевого измерения неравенства в обществе. Оно выражается в равной необходимости и желании руководствоваться общепринятыми конвенциями или выработать в процессе интерактивного конвенционального взаимодействия новые, основанные на взаимопонимании и согласии.

Теперь попытаемся дифференцировать параметры/структуру социальной конвенциональности, руководствуясь категоризацией видов интерактивного согласия. Для этого необходимо определить достаточно широкие рамочные условия взаимодействия, относительно которых может различаться мнение его субъектов и их стремления к воспроизводству или выработке конвенций. Д. А. Лушников выделяет следующие «структурные основания ритуала интеракции»:

- 1) время (физическое, календарное, социальное);
- 2) пространство (физическое, но не социальное);
- 3) статусы и роли (социальное пространство);

- 4) правила;
- 5) информация (вербальная и невербальная);
- 6) «организм» (кинестика, состояние физическое/психическое);
- 7) ресурсы взаимодействия (в том числе и информационный, обмен ресурсами и благами в процессе взаимодействия) ⁴⁶.

Таким образом, согласие (или же несогласие) между индивидами может складываться в процессе конвенционального взаимодействия относительно:

- 1) времени взаимодействия (физического или социального);
- 2) параметров физического/географического пространства взаимодействия;
- 3) статусов и ролей взаимодействующих субъектов, специфики принятия, выполнения и репертуара, социальной дистанции между ними (социального пространства);
- 4) правил (то есть фактически уже имеющихся конвенций);
- 5) ценностей, которыми руководствуются субъекты (как терминальных, так и инструментальных по М. Рокичу);
- 6) норм взаимодействия (основанных на уже «выработанных ранее» конвенциях);
- 7) информации, задействованной в интерактивном взаимодействии (как вербальной, так и невербальной);
- 8) психофизического состояния субъектов, их «телесного статуса»;
- 9) ресурсов, используемых во взаимодействии (количество, качество, реципрокность, эквивалентность/неэквивалентность обмена и т. д.).

Неконвенциональный характер поведения будет связан с частичным или полным игнорированием или нарушением этих рамок взаимодействия. Согласно Д. А. Лушникову: «Социальная система и ее подсистемы

⁴⁶ Лушников Д. А. Социальная дезорганизация на микроуровне социальной реальности : монография. Ставрополь : Издательство СевКавГТУ, 2005. С. 208–209.

воспринимаются индивидом как дезорганизованные в случаях, когда их поведение оценивается как:

- 1) несвоевременное;
- 2) неуместное;
- 3) несоответствующее статусно-ролевой структуре;
- 4) неправильное, безнравственное и т. п.;
- 5) информационно несоответствующее;
- 6) не учитывающее организмических особенностей и/или ограничений;
- 7) ресурсно-несоответствующее»⁴⁷.

Возвращаясь к объект-предметной области нашего исследования, следует поставить следующий вопрос: в чем может выражаться согласие или несогласие стратифицированных членов общества относительно применяемого их государством уголовного наказания? Отталкиваясь от сущности и содержания наказания, можно вычленить следующие его компоненты, которые могут по-разному интерпретироваться членами общества исходя из дифференциации их позиций в социальной структуре и стратификации:

- 1) цели и функции наказания (возмездие, восстановление нарушенных прав, исправление, специальная превенция, общая превенция);
- 2) виды наказания (наказания, связанные с лишением свободы, и наказания, не связанные с лишением свободы: штраф, поражение в правах, принудительный труд, лишение свободы, ограничение свободы, телесные наказания, принудительное перемещение, смертная казнь);
- 3) адекватность наказания содеянному (сроки лишения свободы, величина штрафа и т. д.);
- 4) режим содержания в случае лишения свободы (также отражает и тяжесть меры наказания);
- 5) альтернативы имеющемуся наказанию.

⁴⁷ Лушников Д. А. Социальная дезорганизация на микроуровне социальной реальности : монография. Ставрополь : Издательство СевКавГТУ, 2005. С. 244.

Исходя из вышесказанного мы можем определенным образом интерпретировать и разграничить семантически близкие понятия «*конвенция*» и «*конвенциональность*». Если, собственно, «*конвенция*» есть возникающее между социальными субъектами неформальное соглашение, то есть неформальный солидаризированный ценностно-нормативный конструкт, то «*конвенциональность*» интерпретируется нами как свойство конвенций, выражающееся в той или иной степени согласия данных субъектов с распространенной конвенцией, выступающей в формах разделяемых определенным коллективом ценностей, норм и правил.

Таким образом, «*конвенциональность уголовного наказания*» – степень согласия общества относительно декларируемых государством целей и функций наказания, применяемых им видов наказания, адекватности наказания содеянному, при учете имеющихся в обществе альтернатив наказания. Следующей задачей нашего исследования выступает рассмотрение социального неравенства как фактора уголовного наказания в социально-гуманитарном знании, в частности уголовном праве, антропологии, психологии и в конечном итоге социологии преступности. Данные направления были сведены в криминологическое знание, являющееся, по сути, междисциплинарным синтезом вышеперечисленных направлений.

1.2. Социальное неравенство как фактор конвенциональности уголовного наказания

В первом параграфе нашего исследования мы рассмотрели явление конвенциональности, интерпретацию конвенциональности в социально-гуманитарном знании и дали собственную интерпретацию конвенциональности уголовного наказания. Текущей задачей нашего исследования является рассмотрение социального неравенства как фактора уголовного наказания в уголовном праве, антропологии, психологии и социологии преступности, объединенных в рамках институционализировавшейся в XIX веке криминологии.

Одним из первых направлений, занимавшихся проблемами наказания, была «классическая школа уголовного права», опиравшаяся на идеи просветителей XVIII века.

Ч. Беккариа в своем труде «О преступлениях и наказаниях» опирается на просветительскую концепцию естественных прав, равенства граждан перед законом. Поэтому он отрицает необходимость дифференциации наказания в социальной структуре и сословную специфику наказания: «И если верно даже, что неравенство является неизбежным или полезным для общества, то справедливо ли, чтобы оно выражалось в различии сословий, а не индивидов... Я ограничусь лишь вопросом об одних только наказаниях для дворянского сословия, утверждая, что наказания должны быть одинаковы как для первого, так и для последнего из граждан. Всякое различие по сословному признаку или по богатству предполагает для своего узаконения существование предварительного равенства, основанного на законах, одинаковых для всех подданных»⁴⁸.

Помимо этого, он выдвигает достаточно революционную для своего времени идею равенства в правах судьи и осуждаемого, равенстве как

⁴⁸ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Фирма «Стелс» БИМПЛ. Москва, 1995. С. 113.

гражданском, так и стратификационном: «Наиболее полезен закон, согласно которому каждый должен судиться себе равным, поскольку там, где царит свобода и счастье граждан, замолкают чувства, порождаемые неравенством»⁴⁹.

Дж. Говард посвятил свою научную деятельность исследованиям положения заключенных в Британии и других странах мира. Основной его работой считается «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе», на основании которой британским парламентом в 1779 году был принят «Акт о пенитенциарных учреждениях». Ученый начал выделять различные категории осужденных, относительно которых должны были быть выстроены специфические условия отбытия наказания. То есть он впервые с научной точки зрения связал дифференциацию заключенных в социальной и демографической структурах общества и необходимость дифференциации применяемого к ним наказания. Благодаря работам и усилиям Дж. Говарда в пенитенциарных учреждениях было установлено раздельное содержание мужчин и женщин, взрослых и несовершеннолетних преступников, а также разделение заключенных по видам совершенных ими деяний.

И. Кант коснулся проблематики наказания в своей работе «Метафизические начала учения о праве». Он выдвинул понятие «карающий императив», которое основано на концепте категорического императива и предполагает соразмерность наказания исключительно деянию индивида. На основании понятия карающего императива он пытался разработать принципы наказания: «Каков, однако, способ и какова степень наказания, которые общественная справедливость делает для себя принципом и мерилom? Единственный принцип – это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более чем в пользу другой»⁵⁰.

⁴⁹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Фирма «Стелс» БИМПЛ. Москва, 1995. С. 144.

⁵⁰ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения. В 8 томах. М., 1994. Т. 6. С. 367.

И. Кант обозначил и необходимость конвенциональности наказания, обозначив в качестве суверена не сам народ как таковой, а его объединенное мнение и волю. Таким образом, государство может какое-то время сохранять сословные различия, но только на протяжении того времени, пока эти различия и деления сохраняются в общественном мнении и легитимизируются большинством членов общества.

И. Бентам разработал собственную теорию наказания, отличающуюся от концепции И. Канта. Он подчеркивает изначальное социальное неравенство сторон с различающимися социальными статусами перед судом и в спорах между собой: «... получить вознаграждение от собственника, который прежде всего представляется воображению как человек, более способный перенести потерю. Но что станет с этим предположением, когда мы узнаем, что этот собственник – бедный поселянин, а потерпевшая сторона – богатый сеньор; что первый разорился бы, если бы ему пришлось заплатить пеню, которая так ничтожна для последнего? Таким образом, предположения должны руководить, но никогда не поработать нас. Законодатель должен сообразоваться с ними, чтобы установить общие правила, но он должен предоставить судье видоизменять их приложение, смотря по отдельным случаям»⁵¹.

Наказание должно быть соотнесено с социально-экономическим положением сторон и возможностями удовлетворения иска: «В оскорблениях против лица денежное вознаграждение может быть прилично или нет, смотря по богатству той и другой стороны»⁵².

Этот же принцип стратификационного неравенства И. Бентам предлагал распространить на ответчиков, социально-экономическое положение которых и социальные статусы могли различаться в случае правонарушений, в которых присутствовал сговор группы лиц: «Когда преступников несколько, то издержки удовлетворения должны быть

⁵¹ Бентам И. Избранные сочинения. Т. 1. СПб., 1867. С. 471–678.

⁵² Там же. С. 503.

распределяемы между ними пропорционально их богатству, – кроме того только, что это распределение должно видоизменяться по разным степеням их преступления. В самом деле, эта обязанность дать удовлетворение есть наказание, и это наказание было бы крайне неравномерно, если бы соучастники одного преступления, неравные по своему богатству, были уравнены в уплате».⁵³

Таким образом, в теории наказания И. Бентама мы можем выделить несколько аспектов:

- 1) необходимость учета социально-структурных характеристик сторон при назначении наказания;
- 2) внимание к социально-экономическому положению сторон в случае судебных решений, предполагающих денежное возмещение истцу;
- 3) экономические преступления – это именно тот вид преступлений, когда наиболее наглядно действие фактора социального неравенства и стратификации.

Дж. Говарда и И. Бентама относят к основателям такого направления (которое относят и к отдельным наукам), как пенология – наука о наказании, разработке и применении эффективных форм и методов наказания.

Сходные идеи высказывал и П. А. Фейербах, также относящийся к классической школе уголовного права. Однако его работы стали объектом критики со стороны В. Ф. Гегеля, который рассматривал право как проявление абсолютной идеи. Несмотря на данное идеалистическое понимание источников права, в идее Гегеля о том, что каждый человек может иметь собственное представление о справедливости и, как следствие, «собственное право», прослеживается понимание конвенционального характера генезиса правовых институтов. Легитимность законов основана на их восприятии большинством общества как справедливых, а понимание справедливости законов есть следствие социально-этической конвенциональности, из которой выходят конкретные правовые конвенции,

⁵³ Бентам И. Избранные сочинения. Т. 1. СПб., 1867. С. 613.

вырабатываемые гражданским обществом и легализуемые государством и государем.

«Конструируя свое право», индивид обязан принимать и меру наказания, которая должна полностью соответствовать ущербу от совершенного правонарушения. Наказание – проявление справедливости, а справедливость наказания есть возмещение сообразно деянию.

С позиции социоструктурного анализа, в этой идее есть определенный гуманистический потенциал, нивелирующийся ее идеализмом и несоблюдением в реальной правовой практике тех или иных государств. Социально-правовая дилемма о равенстве наказания за мелкую кражу, осуществленную простым человеком, и крупную кражу, осуществленную коррумпированным чиновником, находит в концепции В. Ф. Гегеля слишком радикальное решение с позиции высших социальных слоев.

С другой стороны, Гегель говорит о проявлениях социального неравенства и расслоения, в своей «Философии права» он акцентирует различия в положении разных сословий и пишет о «праве нужды»: «Жизнь как совокупность целей имеет право пойти наперекор абстрактному праву. Если, например, жизнь может быть поддержана посредством кражи куска хлеба, то этим, правда, поражается собственность другого человека, но было бы неправомерно рассматривать этот поступок как обычное воровство. Если бы человеку, жизни которого угрожает опасность, не было дозволено действовать так, чтобы сохранить ее, он был бы определен как бесправный, и этим отказом ему в жизни отрицалась бы вся его свобода. ...только нужда непосредственно настоящего может оправдать неправомерный поступок, ибо в несовершенстве его заключалось бы совершение неправа, причем наивысшего, а именно полное отрицание наличного бытия свободы»⁵⁴.

Определенная ревизия и критика идей классической школы уголовного права была связана с первыми статистическими исследованиями

⁵⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц ; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. М. : Мысль, 1990. С. 171.

преступности и наказания, осуществленными в первой половине XIX века. В 1927 году французский министр юстиции А.-М. Герри выпустил первый уголовно-статистический ежегодник. Именно с этого момента мы можем говорить о начале, собственно, научного эмпирического исследования наказания и преступности в целом. А.-М. Герри проанализировал преступность во Франции исходя из социоструктурных и социально-демографических критериев и показателей. Он установил распределение преступности по полу, возрастным когортам, уровню доходов, социальному происхождению заключенных в тюрьмах, проанализировал уровень и виды преступности в различных регионах Франции. Таким образом, впервые социальное неравенство и расслоение предстало в количественном калькулированном виде, основанном на применении определенного эмпирического инструментария и математического аппарата.

А. Кетле, один из основателей социологического знания и основатель социологического подхода в исследовании преступности, в своих статистических исследованиях сосредоточился на закономерностях преступности. Он установил, что в динамике преступности отсутствуют экстремумы, статистика показывает лишь незначительное уменьшение или увеличение уровня преступности. Также малодинамична и структура преступности по тем или иным видам совершаемых преступлений. Таким образом, ученый поставил под вопрос концепцию свободы воли, господствующую в трудах представителей классической школы уголовного права. Преступность предстала у А. Кетле как одно общее социальное явление, связанное с особенностями социальной структуры и социального расслоения, поэтому и ее динамика соотнобразуется с социальной динамикой.

А. Кетле разработал концепт факторов преступности, среди условий, приводящих индивида к правонарушению, «...среда, в которой он живет, семейные отношения, религия, в которой он воспитан, обязанности социального положения – все это действует на его нравственную сторону. Даже перемены в атмосфере оставляют на нем свой след: несколько градусов

широты могут изменить его нрав: увеличение температуры разжигает его страсти и располагает его к мужеству или насилию»⁵⁵.

Следовательно, существенные социальные изменения, изменения в социальной структуре и общественно-политическом устройстве, приводящие к изменению социального неравенства и социального расслоения, являются одним из основных механизмов, детерминирующих изменение динамики девиаций и делинквентности в обществе. Этот вывод А. Кетле был взят на вооружение основателями «радикального направления в криминологии» К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые в наиболее проработанном виде представили концепцию влияния социально-структурных (классовых) факторов, социального неравенства и расслоения на преступность и наказание.

Основным макромеханизмом воздействия на преступность К. Маркс и Ф. Энгельс считали революционные социально-политические изменения, радикальное реформирование общества, когда должны исчезнуть основные факторы преступности, социальное неравенство и эксплуатация трудящихся в капиталистическом обществе, с неизбежностью порождающие безработицу, бедность и нищету, различия в образовании, воспитании и культурном уровне разных общественно-политических классов.

В самом общем виде: «Наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования»⁵⁶. Однако конвенциональная основа генезиса этики, ценностно-нормативной и шире правовой системы в обществе социального неравенства заменяется потребностями и интересами правящих классов – «классов для себя», которые навязывают свое понимание нормы, фиксируют его в нормативно-правовых актах и подкрепляют полицейскими мерами и государственным

⁵⁵ Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. С-Пб., 1866. С. 100.

⁵⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. Издательство политической литературы, 1962. С. 531.

принуждением. Неравенство в отношении норм закона различных классов естественным образом порождает неравенство по отношению к наказанию.

К. Маркс и Ф. Энгельс опровергали использование механизмов устрашения и исправления, как главных факторов наказания, показав их социально-структурную, классовую сущность: «Наказание, как правило, оправдывалось как средство либо исправления, либо устрашения. Но какое право вы имеете наказывать меня для того, чтобы исправлять или устрашать других? И вдобавок еще история и такая наука, как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни утешить наказанием»⁵⁷.

К. Маркс и Ф. Энгельс выявили наиболее полную картину влияния фактора социального неравенства на уголовное наказание. Основываясь на их трудах, мы можем утверждать, что социальное неравенство и расслоение, специфика социальной стратификации и отражение в уголовном праве интересов и потребностей правящих классов детерминируют:

1) неравенство в производстве норм уголовного права (нормы пишутся законодателями, относящимися к социальным верхам, которые видят норму через свои «классовые очки», игнорируя интересы низших классов);

2) неравенство в институции и легализации различных норм (отбираются и устанавливаются нормы, удобные и безопасные для правящего класса);

3) неравенство в значимости тех или иных норм (на уровне наказания и уголовной политики одни нормы и проблемы могут акцентироваться как более важные, нежели другие);

4) неравенство в отборе институциональных агентов институтов уголовного права и наказания (отражение стратификации в отборе на должности, которые занимают представители социальных верхов);

⁵⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. Издательство политической литературы, 1962. С. 530.

5) неравенство в применении тех или иных норм к обвиняемому в процессе суда и в классификации вида преступления (влияние социального статуса и материально-коррупционных возможностей обвиняемого на классификацию его преступления по более «тяжелой» или более «мягкой» статье уголовного кодекса);

6) неравенство в назначении вида наказания (там, где представитель социальных верхов отделяется штрафом, представитель социальных низов может быть наказан лишением свободы);

7) неравенство в условиях отбытия наказания (к примеру, разница в видах режима в случае лишения свободы и условиях пребывания в местах лишения свободы).

Начало антропологического подхода в изучении преступности и наказания связывается с развитием физиогномики, френологии и исследованиями английских тюремных врачей. Но основателем антропологического подхода считается Ч. Ломброзо, основавший такое направление в исследовании преступности, как уголовная антропология. В ранний период своего научного творчества Ч. Ломброзо придерживался достаточно радикальных взглядов, связывая преступность почти исключительно с фактором наследственности.

В отношении институтов суда и назначения наказания Ч. Ломброзо хотел отменить суды как таковые, заменив их комиссией психиатров, задача которых сводилась к классификации обвиняемых и отнесении их к тому или иному типу прирожденных преступников. Позже он отказался от этой радикальной идеи и утверждал необходимость судов, но с приданными им антропологами-экспертами, эта практика была институционализирована и несколько десятилетий просуществовала в Италии. Если антрополог относил обвиняемого к типу прирожденного преступника, то это влекло за собой ужесточение наказания: «...задачей законодателя по отношению к прирожденным преступникам является главным образом устранение рецидивов путем пожизненной ссылки, которая, не прибегая к ужасу

смертной казни, достигает той же цели, то есть устраняет опасного человека навсегда»⁵⁸.

Казалось бы, идеи биологической обусловленности преступности и преступника как особого антропологического типа имеют с фактором социального неравенства мало общего. Однако в третьем томе последних изданий своей работы «Преступный человек» Ч. Ломброзо под влиянием идей Э. Ферри обратился к анализу ненаследственных, неантропологических и, в частности, социальных факторов преступности. Помимо географических и природно-климатических условий он выделил следующие демографические, экономические и социальные критерии анализа и факторы: 1) цивилизация и варварство; 2) скученность населения; 3) новые преступления (то есть преступления, связанные с техническими и социальными новациями); 4) плотность населения; 5) иммиграция и эмиграция; 6) рождаемость; 7) тип поселенческой общности – городское и деревенское население; 8) питание; 9) цены на хлеб; 10) массовый протест, восстания и бунты; 11) бедность, пауперизм; 12) влияние просвещения на преступность; 13) экономическое влияние – благосостояние населения; 14) воспитание – отклонения в семейном воспитании, преступное воспитание, родительская преступность и т. п.

С позиции целей и задач нашего исследования, важно понимание типикового характера применения к преступности и наказанию исключительно антропологических подходов. Однако антропология и наследственность человека в какой-то степени отражали социальное неравенство, это относилось в первую очередь к фактору наследуемых характеристик индивида, совершившего преступление. Другим проявлением антропологии и генетики социального неравенства являлись антропометрические исследования представителей высших и низших сословий, осуществляемые в рамках «антропогеографии» Ф. Ратцеля и французской школы «географии человека». К сожалению,

⁵⁸ Ломброзо Ч. Преступный человек. М. : Эксмо : МИДГАРД, 2005. С. 234.

антропометрические проявления социального неравенства и их влияние на преступление не были целью исследований в рамках антропологической школы.

Фактор влияния наследственности на преступность остается предметом исследования и в XX веке, здесь можно назвать концепции умственной отсталости преступников, конституциональную психологию У. Шелдона, медицинскую психологию Э. Кречмера, исследования аномалии половых X и Y хромосом, а также исследования структуры ДНК и головного мозга в рамках современной нейробиологии и нейропсихологии.

Под воздействием критики в рамках антропологической школы оформился «вероятностный подход» в оценке наследственного характера преступности (вероятностный подход был ранее предложен А. Кетле), в рамках которого утверждалось, что вероятность совершения преступления прирожденным преступником несколько выше, чем нормальным человеком. Антропологические факторы преступности и наказаний стали уступать социальным, что выразилось в появлении «уголовной социологии» Э. Ферри, основания которой он видел в применении позитивного метода, основанного на эмпирических исследованиях и статистических данных.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем утверждать, что в определенной мере антропологическая школа со своей теорией врожденной преступности подменяет социальные факторы антропологическими, предлагая бороться не с социальными причинами негативной наследственности, а с негативной наследственностью как таковой в лице конкретных обвиняемых, являющихся порождением той или иной социальной среды.

Во второй половине XIX века крах карательных систем наказания стал очевидным в большинстве стран Европы. К примеру, на волне огораживания и урбанизации в Англии на протяжении нескольких веков существовали массовые слои городских люмпен-пролетариев, пауперов и людей, занимающихся бродяжничеством, что привело к существенной

криминализации общества. Британское правительство принимало жесткие законы против бродяжничества, приговаривая к каторге и смертной казни десятки тысяч человек в год. Английское правосудие в полной мере продемонстрировало влияние социального неравенства на наказание, применяя «избирательное правосудие» к различным слоям и группам в социальной структуре общества. Конвенциональность подобных правовых практик была низкая, что выражалось в массовом неприятии жестких мер низами общества и увеличивающейся поддержке подобных оценок со стороны городских средних слоев и интеллигенции.

Несмотря на жесткость мер, кризис карательной системы правосудия и наказания с каждым десятилетием становился все более очевидным: «Англия испробовала все. Она вешала людей сотнями, отправляла их в ссылку тысячами; она применяла одиночное тюремное заключение, тюрьмы с обособленными отделениями, тюрьмы общие и все способы репрессий, какие только были придуманы. И что же! можем ли мы в конце XIX века указать в пользу той или иной системы на результаты, которые действительно были бы типичны и убедительны с точки зрения уменьшения преступности?»⁵⁹.

Э Ферри следующим образом вскрыл это дилемму: «Основные положения уголовного права в том его виде, как оно существовало до настоящего времени, сводится к следующим трем постулатам:

1. Преступник обладает такими же чувствами, как и всякий другой человек.
2. Главная цель наказания состоит в том, чтобы остановить рост и чрезмерное развитие преступности.
3. Человек одарен свободой воли или нравственной свободой и вследствие этого нравственно виновен и должен отвечать перед законом за свои преступления.

⁵⁹ Ферри Э. Уголовная социология. М. : ИНФРА-М, 2005. С. 565.

Но достаточно выйти из круга схоластических юридических исследований и априорных построений, чтобы найти следующие выводы экспериментальных наук, обратные предыдущим положениям:

1. Антропология доказывает фактами, что преступник не есть нормальный человек, что, наоборот, вследствие своих органических и психических ненормальностей, наследственных и приобретенных, он составляет специальный класс, особую разновидность человеческого рода.

2. Статистика доказывает, что возникновение, увеличение, уменьшение и исчезновение преступлений находятся в зависимости от других причин, а не от наказаний, вписанных в кодексы и применяемых судьями.

3. Опытная психология доказала, что мнимая свобода воли есть чистейшая субъективная иллюзия»⁶⁰.

Таким образом, несмотря на гуманистический пафос и прогрессивное видение невысокой роли наказания в динамике преступности, Э. Ферри не отошел от антропологической концепции биологического, наследственного неравенства индивидов перед законом. С другой стороны, он разрабатывает концепт «эквивалентов наказания», под которыми он понимал меры социального реформирования и социальных изменений в обществе, воздействующие на сами источники преступности.

Целью системы наказания является «социальная защита» общества от преступности. Э. Ферри признает, что преступная среда внутри общества, порождающая необходимость данной социальной защиты, во многом есть порождение социального неравенства, то есть проблем, характерных для социальных низов.

Основатель криминологии и сторонник позитивистской школы Р. Гарофало разработал концепт внушаемого преступниками страха и привязал к нему степень адаптации обвиняемого. Он поставил в зависимость адаптацию индивида в обществе и риск совершения им преступления, выведя

⁶⁰ Ферри Э. Уголовная социология. М. : ИНФРА-М, 2005. С. 53.

закон, предполагающий, что характер наказания должен определяться степенью приспособляемости индивида в обществе. Влияние социального неравенства на наказание здесь предстает в качестве оценки судом степени адаптации обвиняемого в обществе, адекватность которой может носить и достаточно субъективный характер⁶¹.

Также понятно, что на волне социально-демографических и социально-экономических проблем кризисного итальянского общества того периода в судебной практике массово наблюдалась стигматизация обвиняемых из низших социальных слоев. К примеру, факт отсутствия у конкретного обвиняемого постоянной работы (вызванный не его субъективными особенностями, а объективным состоянием рынка труда) мог трактоваться как фактор, снижающий его адаптацию в обществе, и привести к назначению более строгого уголовного наказания.

Рецидив преступления, совершенного представителем социальных низов в условиях крайней нужды (например, мелкое воровство), мог классифицировать обвиняемого не как «случайного преступника», а как «привычного преступника» и повлечь за собой более жесткое наказание в виде лишения свободы на более длительный период.

Во многом в противовес антропологическому подходу во второй половине XIX века начинает формироваться неоклассическая школа уголовного права, отвергающая фатальный характер преступления в пользу причинного и признающая приоритетность социального реформирования как главного фактора борьбы с преступностью.

А. Принс продолжает социологическую традицию изучения преступности, заложенную его земляком А. Кетле. Он напрямую связывает преступность с социальным неравенством и неблагополучием, акцентируясь, как и большинство его современников, на преступности социальных низов: «Равным образом и преступление находит себе легкую, верную добычу среди несчастных столицы. Незаконные и покинутые дети, дети наказанных

⁶¹ Garofalo R. *Criminologia*. Torino, 1891. P. 218.

преступников и проституток, бродяг и т. п. – все они предназначены служить делу преступления. Что же удивительного в том, что не имея ни семьи, ни традиций, ни постоянного места жительства, ни оседлых занятий, ни связей с правящими классами, эти люди испытывают только одни физические потребности, не имеют иных побуждений, кроме крайне эгоистических...»⁶².

Системность и адекватность в институте назначения уголовного наказания детерминируется, по мнению А. Принса, применением принципа системного воздействия на преступность. Именно несистемное «несовершенное состояние права» приводит к излишней субъективности и волюнтаризму судебных решений, стигматизации приговором представителей социальных низов и, в целом, к судебному произволу: «Не следует сожалеть о том, что судье предоставлена свобода, но следует сожалеть о том, что у него в распоряжении нет никакого компаса. Ни текст закона, ни судебная практика, ни доктрина не определяют, как ему следует поступать, и когда он, часто на авось, проявляет снисходительность или суровость, он ограничивается лишь тем, что отражает несовершенное состояние права»⁶³.

А. Принс предлагает отделять понятие социальной защиты общества от преступности (Э. Ферри) от понятия наказания. Преступность порождает опасности, которые можно предвосхищать и превентивно на них влиять. Но эта превенция у него носит достаточно четкий сословно-классовый характер: «В Бельгии мировой судья, видя перед собой бродягу или нищего, может по закону 27 ноября 1891 года приговорить его к семилетнему сроку. Факты праздности или прошения милостыни сами по себе неопасны; но опасна постоянная склонность к лени и тунеядству»⁶⁴.

⁶² Принс А. Преступность и репрессия: Уголовно-юридический очерк / Пер. под ред., с предисл. В. В. Пржевальский. М. : Кн. маг. Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1898. С. 5–6.

⁶³ Там же. С. 97.

⁶⁴ Там же. С. 72.

Ф. фон Лист разработал теорию целей наказания, классификацию преступников и мер воздействия на них. Он разработал концепцию воспитания молодых преступников посредством ряда принудительных по характеру мер, от направления в «добропорядочную семью» до лишения свободы в специализированных пенитенциарных учреждениях с жестким режимом содержания. Фактически ученый предлагал борьбу с малолетней и молодежной преступностью посредством вырывания индивида из социально-неблагополучной преступной среды и его социализации в отдельных особых условиях, пока у него не сформировался с возрастом «преступный характер». Последствия социального неравенства должны были сглаживаться при социализации в благополучной семье или в эгалитарной среде специальных пенитенциарных учреждений, ценностно-нормативная среда которых отстояла от ценностей и норм социальных низов и, тем более, социального дна.

Ф. фон Лист подчеркивал социально-экономический фактор преступности, то есть социально-профессиональный статус обвиняемого/преступника и его уровень материального благосостояния/уровень доходов: «каждое отдельное преступление возникает вследствие взаимодействия двух групп условий: с одной стороны, индивидуальных особенностей преступника, с другой – внешних физических и общественных, в особенности же экономических отношений»⁶⁵.

Хотя на работы Г. Тарда существенное влияние оказало ломброзианство и теория прирожденного преступника, в своей концепции личности преступника ученый пошел дальше, подчеркивая влияние среды и малой группы на формирование специфической субкультуры преступности и ее профессионализацию. Он разработал концепт «профессионального типа преступника»: профессиональная преступность отражает реалии

⁶⁵ Лист Ф. Учебник уголовного права: Общая часть: Разрешенный автором перевод с 12-го переработанного издания / Пер.: Ф. Ельяшевич ; предисл.: М. В. Духовской, проф. Моск. ун-та. М. : Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1903.

дифференциации различных видов преступной деятельности и их воспроизводство в относительно замкнутых малых группах и преступных сообществах («кастах» по Г. Тарду).

Неравенство социально-профессиональных статусов внутри профессиональных криминальных сообществ, их специализация являются отражением социальной дифференциации, происходящей в системе общественного разделения труда. Фактор социального неравенства в наказании в данном случае должен проявляться в полной мере: за аналогичное преступление простой человек и профессиональный преступник должны получить различающиеся наказания.

Разработанные Г. Тардом теории подражания и социального влияния предопределили его внимание к специфике самой преступной среды, в которой есть своя особая социализация, эмпатия и подражательность. Этим он предвосхитил появление в XX веке «теории дифференцированной ассоциации» Э. Сатерленда, который вдохновлялся и его работами. Фактически Г. Тард утверждает, что не случайный (и, в особенности – профессиональный) преступник живет за специфическими групповыми границами, отделенными от всего общества специфической ценностно-нормативной средой и конвенциональностью.

Существует групповая граница между преступным сообществом и обществом как таковым, в рамках своей среды преступник может являться еще большим конформистом, чем законопослушный гражданин: «Преступник знает и притом не сомневается, что он оправдан судом своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда – он опять-таки знает это – его окончательно не осудит, а чаще всего и совсем оправдает, лишь бы его грех был не против своих, против братьев»⁶⁶.

Таким образом, важным фактором влияния социального неравенства на уголовное наказание является неравенство не только внутри всего общества,

⁶⁶ Тард Г. Преступник и преступление. М., 1906. Преступник Часть 1 VIII. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/tard/tard.htm> (дата обращения: 10.06.2016).

но и внутри социально-профессиональных преступных групп и сообществ. Преступник профессионализируется в своей среде, противопоставляет ее обществу, он социализируется в иной ценностно-нормативной системе специфической культуры. При назначении наказания за одно и то же преступное деяние профессиональный преступник и простой законопослушный человек, по мнению Г. Тарда, не могут и не должны быть равны перед законом.

Э. Дюркгейм поразил современников тезисом о преступности как нормальном социальном явлении, сопутствующем процессам генезиса, развития и воспроизводства социального порядка: «Нет такого общества, в котором не существовала бы преступность. Правда, она изменяет форму: действия, классифицируемые как преступные, не всегда одни и те же, но всегда и везде существовали люди, которые поступали таким образом, что навлекали на себя уголовную репрессию»⁶⁷. Наказание рассматривается им в этом же ключе, как нормальное социальное явление. Отклонения от нормы во многом и поддерживают эту самую норму, отсутствие девиаций делает ее незримой не ценной для общества. Применительно к проблематике нашего исследования мы можем сделать логический вывод о том, что конвенциональность предполагает не только отклонения от консенсусных социальных конструкторов, но и встроенность отклонений в процессы их генерирования в ситуациях межличностного взаимодействия.

Следующий вывод, который следует из концепции нормальности преступности, заключается в понимании относительного характера самой нормы: «...действия, классифицируемые как преступные, не всегда одни и те же». Эта концепция значительно позже будет подхвачена Р. Мертоном, который выдвинет концепт «нормативного морфогенезиса», показывающий одновременно и эволюционно-стадиальный, и циклический характер выработки, легитимации и пересмотра нормативных систем. Р. Мертон опирался и на теорию представителя критического реализма в социологии

⁶⁷ Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев-Харьков : Ф. А. Иогансон, 1899. С. 72.

М. Арчер о различении процессов «морфостазиса» и «морфогенезиса» в обществе.

Э. Дюркгейм показал условность нормы и санкции относительно периода развития и состояния общества. Существуют различия между репрессивной уголовной политикой обществ с механической солидарностью и гуманизацией наказания в обществах с органической солидарностью. Помимо этого, на восприятие нормы и тяжести наказания влияет состояние общества, та или иная степень его стабильности. Распад ценностно-нормативной системы в период социальной дезорганизации и аномии приводит к отмене или критике целого ряда норм, демонстрирующих свою условность. Разрушение конвенциональной социальной среды сопровождается изменениями в социальной структуре и стратификации, когда норма и негативные санкции начинают дифференцироваться относительно целых социальных общностей и групп, а репрессивная уголовная политика также дифференцируется относительно компонентов социальной структуры.

Кто же является в обществе с органической солидарностью источником конвенциональности, нормативного морфогенезиса и социальной справедливости наказания по Э. Дюркгейму? Это социально-профессиональные общности («профессиональные корпорации»), которые призваны отстаивать интересы своих представителей, улаживать классовые конфликты, рефлексировать относительно социальных норм (в том числе норм уголовного права) с позиции своей общности и выступать в качестве инициаторов законотворческой деятельности⁶⁸. Именно их деятельность и коллективные компромиссы в социально-профессиональной структуре призваны решить проблемы влияния социального неравенства и расслоения на справедливость в назначении наказания.

⁶⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда (этюды об организации высших обществ). Одесса, 1900. С. 324–327.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что относительность нормы применительно к негативной социальной санкции (для нас – уголовному наказанию) может проявляться:

1) в различии понимания нормы, девиации и наказания в различных цивилизациях, культурах, обществах;

2) в соответствии нормы периоду/стадии развития общества (к примеру, существовавшие в СССР более строгие наказания за хищения госсобственности);

3) в соответствии нормы состоянию общества, находится ли оно в состоянии стабильности или социальной дезорганизации и аномии, когда распадается ценностно-нормативная система (или, к примеру, общество, находящееся в состоянии войны или эпидемиологического бедствия, применяет жесткие санкции за нарушения режимных мер);

4) в различии понимания нормы, девиации и наказания внутри общества, разных его компонентов в социальной структуре и стратификации, охвата нормой всего общества или тех или иных социальных категорий, общностей и групп;

5) в легитимации нормы, степени легитимности – насколько ее поддерживают в обществе или в каком-либо компоненте его социальной структуры (сферах, институтах, организациях, социальных общностях и группах);

6) в виде самой нормы, является ли она формальной/неформальной, правовой, нравственной, религиозной и т. д.;

7) в стадийности эволюции нормы, на какой стадии развития находится та или иная норма: генезиса, репродукции или пересмотра/снятия, это во многом определяет отношение к норме.

Таким образом, отношение к наказанию, его легитимность во мнении общества тесно связаны с восприятием самой правовой нормы и отношением к ней. Конвенциональность наказания зиждется на оценке нормы и адекватности наказания за ее нарушение.

С позиции макроконвенций и социального контракта конвенциональность конкретного уголовного наказания – это баланс между легитимностью нормы и легитимностью наказания. Норма должна быть «для всех», а наказание «правильным» и «заслуженным».

В XX веке были продолжены попытки вдохнуть новые идеи в ломброзианство и связать преступность с биологической предрасположенностью. Эти исследования велись в рамках концепций умственной отсталости преступников, конституционной предрасположенности к преступлению и генетической обусловленности преступного поведения.

Р. Дагдейл первым связал преступность с умственной отсталостью, исследовав смену поколений в семье «Джуксов», в которой слабоумие сопровождало преступности ⁶⁹. Ученый объявил о существовании несомненной связи фактора слабоумия и склонности к совершению преступлений у «асоциальных личностей».

Позже Г. Годдард посредством метода монографического анализа семейных линий исследовал две линии семьи Калликаксов и стал утверждать наличие четкой связи между слабоумием, его наследованием и склонностью к преступному образу жизни ⁷⁰. Его исследования заключенных в пенитенциарных учреждениях подтверждали его гипотезы, 70 % из них он обозначил как слабоумных.

Развитие данного направления привело к разработке и массовизации применения тестовых методик оценки умственных способностей (тесты Бинэ-Симона и I. Q.). Но дальнейшие исследования в середине XX веке отвергли основные гипотезы и выводы данной школы, показав отсутствие массового слабоумия у заключенных.

⁶⁹ Dugdale R. L. The Jukes. N. Y., 1877. URL: https://books.google.ca/books?id=p-4_AAAAIAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false

⁷⁰ Goddard H. H. The Kallikak family: A study in the heredity of feeble mindedness. New York : MacMillan, 1912.

Концепции умственной отсталости преступников существенным образом повлияли на неравенство в уголовном наказании представителей социальных низов, фактически легитимируя распространяющиеся в некоторых странах Европы и США практики стерилизации и кастрации неполноценных членов общества. Представители данного направления подменяли неполноценность социальную неполноценностью биологической, игнорируя тот факт, что недоразвитость являлась следствием ненормальных условий жизни. Таким образом, они стигматизировали представителей социальных низов и андеркласса, отказывая им в равенстве перед законом с другими гражданами. Подобные концепции были удобны тем, что они игнорировали социальные и классовые противоречия, а тяжесть ответственности за преступность переносили с плеч государства и власти на головы отдельных якобы биологически неполноценных индивидов и семей.

Концепции конституциональной предрасположенности к преступлению основывались на развитии физиологии и эндокринологии и связывали склонность к преступлению с эндокринными расстройствами, которые отражаются во внешности индивида. Основатели данного направления М. Шлапп, Э. Смит и Э. Хуттон утверждали возможность выявить прирожденного преступника по его антропометрии ⁷¹.

Э. Хуттон предлагал достаточно радикальные меры для наказания «прирожденных преступников»: «Устранение преступности может быть достигнуто только путем искоренения физически, психологически и морально неприспособленных индивидов или путем их полного отделения и помещения в социально здоровую (асептическую) среду» ⁷². Как можно с определенной очевидностью предположить, вероятность попадания в категорию «неприспособленных» была тем выше, чем ниже был социальный статус индивида в стратификационной системе.

⁷¹ См.: Schlapp M. G., Smith E. H. The new criminology. N. Y., 1928; Hooton E. A. The American Criminal. An anthropological study. Cambridge, 1939.

⁷² Hooton E. A. The American Criminal. An anthropological study. Cambridge, 1939. P. 309.

У. Шелдон и Э. Кречмер сосредоточились на связи типов строения тела с характером и темпераментом индивида и его склонностью к проявлению агрессии и преступного поведения⁷³.

Ш. Глюк и Э. Глюк разработали концепцию «преступного потенциала», выраженного в особенностях строения тела и, как следствие, предрасположенности индивида к преступному поведению⁷⁴. Однако реализацию данного потенциала ученые поставили в прямую зависимость от воздействия окружающей социальной среды и социализации, на первое место они ставили социокультурную, а не биологическую детерминацию преступности.

Ш. Глюк и Э. Глюк создали тест для прогнозирования преступного поведения, состоящего из двух частей, теста Роршаха и шкалы социального прогноза, который основывался на социальных характеристиках: степени контроля ребенка со стороны родителей и характере отношений в семье. Помимо этого теста ученые разработали таблицу для судебного корпуса, на основании которой судья мог назначить «адекватное наказание» подсудимому, оценив его «преступный потенциал»⁷⁵.

Попытки в 70-х годах XX века провести сплошное обследование детей в США в возрасте от 6 до 15 лет для выявления их возможного преступного потенциала, к счастью, были сорваны возмущением со стороны гражданского общества. Иначе, можно с достаточной уверенностью предположить, что это привело бы к стигматизации целого поколения американских детей из социальных низов и неблагополучных семей, ограничивая их социальные шансы и усугубляя их вину в случае назначения уголовного наказания как индивидам с определенным «преступным

⁷³ См.: Sheldon, William H. The varieties of human physique: An introduction to constitutional psychology. New York : Harper & Brothers, 1940; Кречмер Э. Медицинская психология. СПб.: Союз, 1998.

⁷⁴ См.: Glueck S., Glueck E. Criminal Careers in Retrospect. New York : The Commonwealth Fund, 1943; Glueck, S., Glueck, E. Juvenile Delinquents Grown Up. Pp. ix, 330. New York : The Commonwealth Fund, 1940.

⁷⁵ Glueck S., Glueck E. Delinquency and crime. Springfield : Charles C. Thomas Pub, 1974.

потенциалом». Фактически можно было бы говорить о новых критериях социальной стратификации и изменениях в стратификационной модели.

Генетический подход в исследовании преступности появляется почти одновременно с появлением самой генетики в начале XX века. Одним из первых направлений этого подхода было использование близнецового метода: попытки проверить возможную предрасположенность к преступному поведению, исследуя пары однояйцевых и разнаяйцевых близнецов (И. Ланге, К. Легран, Ф. Штумпфль, Г. Кранц, К. О. Христиансен, Ф. Экснер и др.). Это направление оказалось практически тупиковым и не повлияло каким-то существенным образом на практику назначения наказания.

Второе направление генетического подхода в исследовании преступности называют хромосомной фазой, поскольку ученые в данном случае сосредоточились на исследовании аномальности половых хромосом (П. Джекобс, Г. Кайзер, В. П. Эфраимсон, С. Уолцер и др.). Можно констатировать, что и это направление не привело к установлению жестких зависимостей между наследственностью и преступностью.

В конечном итоге, теории биологической предрасположенности наследственности в преступности пали под ударами критики, основной из которых нанесли социологи. И. Валлерстайн и К. Уайл провели социологическое исследование, в ходе которого американцам предлагалось анонимно выбрать правонарушения из списка 49 правонарушений, которые они совершали в своей жизни. Девяносто девять процентов респондентов признались в совершении одного или нескольких правонарушений из представленного списка. Из чего социологи сделали следующие выводы:

«1) что незаконное поведение является обычным явлением, а не ненормальным социальным или психологическим проявлением;

2) то, станет ли человек преступником, больше зависит от того, что общество делает с ним, чем от того, что он делает с обществом;

3) что некоторые граждане могут совершать преступления и при этом стать выдающимися учеными, учителями, руководителями и умными

родителями» ⁷⁶. Таким образом, И. Валлерстайн и К. Уайл фактически верифицировали идею Э. Дюркгейма о нормальности преступности для общества.

В рамках клинической криминологии (Ф. Граматика, Б. ди Туллио, Ж. Пинатель, Х. Дельгадо и др.) была продолжена линия Р. Гарофало и Э. Ферри на неприятие кары как средства уголовного наказания и сдерживания преступности, основанная на применении хирургических и медикаментозных методов, сочетающихся с использованием психоанализа. И хотя представители этого направления в качестве объекта исправления всегда имели конкретного субъекта, с его индивидуальными специфическими проблемами, и здесь мы обнаруживаем определенное влияние фактора социального неравенства на уголовное наказание.

Ж. Пинатель разработал методики оценки «преступной способности» и на основе сочетания этого критерия и уровня социальной адаптации делал прогнозы индивидуального преступного поведения ⁷⁷. Высокая степень преступных наклонностей, сочетающаяся с низким уровнем социальной адаптации, по мнению ученого, характерна для рецидивистов и профессиональных преступников. В данных случаях оба критерия/показателя обнаруживают тесную взаимосвязь и взаимозависимость:

1) низкий уровень социальной адаптированности приводит индивида к преступлению, а уголовное наказание и лишение свободы – к социализации в преступном сообществе и увеличению преступных способностей;

2) в свою очередь, увеличение преступных способностей снижает возможности его адаптации в обществе в качестве законопослушного гражданина, профессионализирует его преступные способности и ведет к совершению повторного преступления.

⁷⁶ Wallerstein J. S., Wyle C. J. Our law-abiding law-breakers. Probation, 25, 1947, 107–112, 118.

⁷⁷ Пинатель Ж. Методология сравнительной криминологии // Проблемы сравнительного правоведения / Академия наук СССР. Институт государства и права. М., 1978. С. 78–91.

Следовательно, методика Ж. Пинателя, его прогноз индивидуального преступного поведения, легитимирует такой показатель социального неравенства и расслоения, как низкую социальную адаптацию индивида в обществе. Получается, что у человека из социальных страт низшего класса «С» и андеркласса, оказавшегося в трудной социальной ситуации, несравненно большая вероятность стать человеком с преступными способностями, чем у представителей среднего и высшего классов.

С другой стороны, Ж. Пинатель подчеркивает, что самый опасный вид преступников – это индивиды, сочетающие в себе высокую степень преступных способностей и высокий уровень социальной адаптации. Здесь мы имеем дело в основном с преступностью представителей среднего и высшего классов – «белых воротничков». По мнению ученого, высокая адаптированность данных категорий позволяет им минимизировать риски и уходить от уголовной ответственности.

Таким образом, методика Ж. Пинателя является механизмом социальной стигматизации, так как воспроизводит социальное неравенство и расслоение, в большей степени классифицируя представителей социальных низов как индивидов с преступными способностями и улавливая преступные способности представителей средних слоев и высшего класса только лишь на судебной скамье.

Методы прогнозирования преступного поведения, разрабатываемые представителями клинической криминологии, фактически продолжали ломброзианскую традицию и приводили к стигматизации социальных низов. С. Чавкин писал о том, что 43 % несовершеннолетних, содержащихся в тюрьмах США, не совершали правонарушения, а были зачислены в категорию лиц, нуждающихся в надзоре, поскольку были склонны к девиантному поведению ⁷⁸. То есть первичная девиация (проступки)

⁷⁸ Чавкин С. Похитители разума. Психириургия и контроль над деятельностью мозга : пер. с англ. 1981.

приводила подростка к его стигматизации как индивида, совершившего акт вторичной девиации (правонарушение, делинквентность).

Начало социологического направления в криминологии связано с Чикагской социологической школой и выражается в нескольких основных направлениях: концепции социальной дезорганизации, развитии теории аномии, теории стигматизации и теории дифференцированной ассоциации.

Э. Берджесс рассмотрел социальную дезорганизацию как следствие ускоренной урбанизации, индустриализации и типа социально-поселенческой общности в городе (района на социальной карте города). К. Шоу и Г. МакКей исследовали неравенство в социально-поселенческих общностях и его корреляцию с уровнем преступности ⁷⁹. Районы с сосредоточением беднейших слоев населения давали наибольший уровень преступности, «социальной дезорганизации» и социальных отклонений: «Установлено, что преступность тесно связана с изменениями в населении, неадекватным жильем, бедностью, наличием негров и иммигрантов, туберкулезом, психическими расстройствами и преступностью среди взрослых» ⁸⁰.

В свою очередь, отношение представителей правоохранительных органов и судейского корпуса к выходцам из неблагополучных районов было предвзятым, особенно это касалось, как указывает К. Шоу, афроамериканцев и иммигрантов первого и второго поколения. Это отношение отражалось в обстоятельствах ведения уголовных дел, судопроизводстве и назначении уголовного наказания.

В первой половине XX века происходит оживление интереса к концепции аномии Э. Дюркгейма. Это было связано с выходом работ Р. Мертон «Социальная структура и аномия» и Л. Вирта «Урбанизм как

⁷⁹ См.: Shaw Clifford R., Zorbaugh Harvey, McKay, Henry D. & Cottrell, Leonard S. Delinquency Areas. Chicago University of Chicago Press, 1929; Shaw, Clifford R. & McKay, Henry D. Juvenile Delinquency in Urban Areas. Chicago : University of Chicago Press, 1942; Shaw, Clifford R. Brothers in Crime. Philadelphia : Albert Saifer, 1952.

⁸⁰ Henry D. Juvenile Delinquency in Urban Areas. Chicago : University of Chicago Press, 1942. P. 4.

образ жизни»⁸¹. Мертоновская интерпретация аномии как разрыва между ценностями и способами их достижения и дифференциация «аномийных адаптаций» вошли в основу нескольких концепций социологии делинквентности. Вероятность совершения преступления и более строгого наказания выше у тех индивидов, которые относятся к аномийным адаптациям «инновация» и «бунт», но не всегда это именно социальные низы. Представители низших слоев в стратификационной иерархии в большей степени не удовлетворены своим социальным и материальным положением, что заставляет их прибегать к тому или иному типу аномийной адаптации. Однако и представители среднего и высшего классов используют эти адаптации, но это в большей степени касается экономических преступлений и преступлений, связанных с политической деятельностью.

Р. Клоуард и Л. Олин в своем исследовании, касающемся преступности несовершеннолетних, показали разрывы между интериоризированными ценностями, которые прививает общество (ценности «американского образа жизни», «американского успеха», массового потребления и культурной индустрии), и возможностями их легального достижения⁸². Социальное неравенство генерирует и воспроизводит данные разрывы, порождая у подростков неудовлетворенность и противоречия, которые те пытаются компенсировать и разрешить, используя нелегальные, асоциальные и преступные стратегии. Благодаря этой работе в США был принят закон о предупреждении преступности несовершеннолетних, применение которого позволило сбить темпы роста преступности данной категории.

Т. Селлин в отличие от Р. Клоуарда и Л. Олина сосредоточился не на противоречиях между ценностями доминирующей культуры и способами их достижения, а на конфликте между культурными ценностями различающихся групп и общностей внутри социальной структуры, уделяя

⁸¹ Wirth L. Urbanism as a Way of Life // AJS 44. P. 1–24.

⁸² Cloward R., Ohlin L. Delinquency and Opportunity, a Theory of Delinquent Gangs. Glencoe : The Free Press, 1960.

повышенное внимание этническим общностям (афроамериканцев, латинос и чиканос, итальянских иммигрантов первого и второго поколения и др.)⁸³. Различия в культуре и ценностях вызывают непонимание, озлобление, неприятие, блокируют эмпатию и затрудняют сочувствие.

Как пенолог Т. Селлин затронул и влияние данной этносоциальной дифференциации в социальной структуре американского общества на назначение уголовного наказания. Этой проблеме посвящена его работа «Расовые предрассудки при отправлении правосудия». Т. Селлин так характеризует свою работу: «Можно было бы отказывать судье в обычных чертах человеческой натуры и предполагать, что он может освободить справедливость от всех предрассудков. Заметное влияние расовых и национальных предрассудков в отправлении правосудия раскрывается в исследовании средней продолжительности приговоров, определенных и неопределенных, для заключенных-иностранцев, негров и белых мужчин, полученных из судов в 1931 году и переданных на рассмотрение штатов и федеральных властей, в тюрьмы и исправительные учреждения для взрослых в Соединенных Штатах. Наблюдаемые большие и относительно постоянные различия должны быть в значительной степени приписаны человеческому равенству в судебной администрации и как доказательство того, что равенство перед законом является социальной фикцией»⁸⁴.

Исследования о влиянии расового и национального неравенства на принятие решений в суде о назначении наказания ведутся в США до сих пор, и данная проблематика не утратила свою актуальность, скорее, наоборот – ее значимость растет с каждым годом по мере обострения межрасовых противоречий в американском обществе. Из последних концептуальных работ данного направления мы выделим диссертацию Ш. Ганна «Оценка влияния расы на принятие решений в суде по делам несовершеннолетних:

⁸³ Sellin T. Culture conflict and crime. New York : Social Science Research Council, 1938.

⁸⁴ Sellin T. Race prejudice in the administration of justice // American Journal of Sociology. 1935. P. 212.

сравнение методов», защищенной относительно недавно, в 2017 году, в Университете Цинциннати. Она примечательна и специфична тем, что в ней сравниваются пять методологий исследования влияния расового фактора на назначение наказания с применением методов статистики.

Ш. Ганн отмечает: «Результаты всех пяти статистических методов показали, что представители небелой молодежи значительно чаще, чем белой молодежи, задерживаются до вынесения судебного решения, помещаются в изолятор, подвергаются тюремному заключению после вынесения судебного решения»⁸⁵. Однако если наложить на расовую структуру в США экономическую структуру и социально-профессиональную структуру как ее часть, то получается, что расовый фактор коррелирует с социально-экономическим. Такие категории населения, как афроамериканцы, латинос, азиаты, индейцы и иммигранты первого и второго поколения в совокупности занимают более низкие позиции в социальной структуре и стратификации общества.

Эта же проблема существует и в странах Латинской Америки, где в высшем классе и верхней страте среднего класса доминируют креолы, а небелые категории населения занимают более низкие социальные позиции. То же мы можем сказать о проблемах, вызываемых расово-этнической и родоплеменной дифференциацией и неравенством населения в странах Африки, Ближнего Востока и Азии.

Таким образом, проблемы влияния на назначение уголовного наказания расово-этнического и социального факторов являются актуальными не только для американского общества и системы правосудия, но и обществ, где существует расово-этническое измерение социальной стратификации.

⁸⁵ Gann S. Estimating the Effect of Race on Juvenile Court Decision-Making: A Comparison of Methods. A Dissertation Submitted to the Graduate School of the University of Cincinnati in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy (Ph.D.) in the School of Criminal Justice of the College of Education, Criminal Justice, and Human Services. August. 2017. P. 4.

А. Козн в своей работе «Подростки-правонарушители: культура банды» продолжил аналитическую линию, проложенную Т. Селлиным, но пошел дальше в топологии и фрагментации объекта исследования, доведя его до культурных и идентификационных границ малых групп. Он установил, что большинство членов молодежных банд являются выходцами из семей рабочего класса и имеют проблемы с успеваемостью и поведением в школе. Невозможность жить по более высоким стандартам хотя бы среднего и низшего слоев среднего класса приводит к разочарованию и субкультурному неконформизму. Как пишет А. Козн: «Независимо от того, используется ли термин «преступная субкультура», многие используют эту концепцию, когда приписывают поведение подростков-правонарушителей плохому влиянию окружающей среды. Влияние культуры часто воспринимается как должное. Кодексы поведения, убеждения, вкусы, предрассудки и т. п. в определенной степени определяются культурой. Внутри культур есть субкультуры. Субкультура правонарушителя указывает на ту культуру, в которой преступность стала традицией»⁸⁶.

А. Козн является основоположником изучения преступных субкультур, направления развитого в современной западной, в особенности – американской, социологии делинквентности. Следует отметить, что не только фактор участия в преступном сообществе, но и принадлежности к делинквентной субкультуре является негативным обстоятельством при принятии судебного решения о назначении уголовного наказания, о чем, к примеру, свидетельствуют исследования Г. Шуберта⁸⁷.

Со времен исследований Р. Гарофало социологи отмечали неравенство в выраженности интересов тех или иных классов в уголовном законодательстве. Констатировалось, что не все деяния, за которые следует уголовное наказание, являются общественно опасными и что норма

⁸⁶ Cohen A. K. Delinquent boys: The culture of the gang. Free Press, 1955.

⁸⁷ Schubert G. Subcultural Effects on Judicial Behavior: A Comparative Analysis // The Journal of Politics. Vol. 42. No. 4. 1980. P. 951–992.

устанавливается в интересах высших слоев, правящего класса и элит. Отсюда стремление ученых-социологов найти неправомерные интерпретации делинквентности.

Один из основоположников теории «стигмы» («стигматизации»), Ф. Танненбаум, опираясь на работы социологов-интеракционистов (в первую очередь, Дж. Мида), разработал концепцию о негативном влиянии на формирование личности девианта/делинквента «драматизации зла» (*«dramatization of evil»*), приводящем к тому, что за индивидом закрепляется, воспроизводится и накапливается негативное реноме. По мнению Ф. Танненбаума: «Весь процесс превращения в преступника в процессе стигматизации, определения, идентификации, разделения, описания, подчеркивания, осознания и самосознания становится способом стимулировать, предлагать, подчеркивать и вызывать те самые черты, на которые жалуются»⁸⁸.

Ранее С. Глюк и Е. Глюк выявили закономерность, что привод подростков в полицию в большей степени влияет на рецидив, их криминализацию и выбор карьеры профессионального преступника, чем осуждение. Вышеупомянутое социологическое исследование И. Валлерстайна и К. Уайла⁸⁹ о высоком уровне латентной криминализации населения подтвердило гипотезу Т. Селлина о порочности практики сравнения осужденных и неосужденных в поисках отличительных характеристик преступников.

Э. Сазерленд исследует «беловоротничковую преступность» и приходит к выводу о том, что по материальному ущербу и общественной опасности деяния представителей верхней страты среднего класса и высшего класса значительно превосходят низший класс и представителей социального дна – «андеркласса». Однако именно на представителей низшего класса

⁸⁸ Tannenbaum F. Crime and the community. Boston : Ginn and Company, 1938. P. 19.

⁸⁹ Wallerstein J. S., Wyle C. J. Our law-abiding law-breakers. Probation, 25, 1947.

обрушивается вся мощь репрессивного аппарата государства, а «белые воротнички» в большинстве своем уходят от уголовной ответственности⁹⁰.

Из исследования Э. Сазерленда, на наш взгляд, вытекает множество выводов, однако мы обозначим на данном этапе следующие:

1) преступность в социальной структуре не является собой некоей «пирамидальной модели», в которой уровень преступности понижается при движении снизу-вверх по социальной стратификации (однако и относительно равномерное распределение преступности по социальной иерархии представляется всего лишь гипотезой);

2) модели преступления, осуждения и уголовного наказания являются вероятностными, вероятность оказаться осужденным правонарушителем выше у представителей социальных низов, нежели социальных верхов;

3) в обществе с классовой стратификацией конвенциональность уголовного наказания отражается не только в его восприятии недифференцированным большинством, но и в позиции различающихся социоструктурных общностей и групп;

4) фактор влияния социального неравенства на уголовное наказание представляется доказанным.

Все это поставило вопросы об относительном характере детерминант преступности и моральном праве со стороны «латентных преступников» осуждать других людей, как и об условности права вышестоящих в социальной структуре и стратификации слоев и групп устанавливать ту или иную уголовно-правовую норму и уголовное наказание за ее нарушение. Исходя из специфики объекта нашего исследования мы можем констатировать, что результаты этих исследований поставили вопрос о конвенциональности нормы и негативной социальной санкции относительно

⁹⁰ Сатерленд Э. Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности : сборник статей : перевод с английского. М. : Прогресс, 1966. С. 45–59.

внутренних макроконвенций различных классов, слоев, общностей и социально-профессиональных групп в социальной структуре общества.

Э. Лемерт в работе «Социальная патология» привел этапы криминализации будущего правонарушителя, связанные с процессом стигматизации:

- 1) нарушение индивидом нормы;
- 2) интерактивное вынесение негативной оценки окружающими;
- 3) «вторичное отклонение», нарушение нормы, компенсаторное, вызванное обидой и негативным отношением к осуждающему окружению;
- 4) наказание, влекущее стигматизацию индивида;
- 5) принятие осужденным индивидом роли преступника ⁹¹.

Г. Беккер в своей работе «Аутсайдеры: социологическое исследование отклоняющегося поведения» изложил результаты исследования биографии наркоманов и пришел к выводу, что осуждение со стороны общества подкрепляет и закрепляет их преступное поведение. Девиантное поведение, по мнению Г. Беккера, не имеет жестких принципиальных особенностей и является результатом конструирования социальной реальности: «Социальные группы создают отклонения, применяя эти правила к конкретным людям и обозначая их как посторонних. С этой точки зрения отклонение – это не качество деяния, совершаемого лицом, а следствие применения другими лицами правил и санкций в отношении правонарушителя. Девиант – это тот, к кому этот ярлык был успешно применен; девиантное поведение – это поведение, которое люди так называют» ⁹².

Исследования представителей теории стигматизации показали:

- 1) избирательный характер правосудия и уголовного наказания, воспроизводящий и усугубляющий последствия социального неравенства,

⁹¹ Lemert E. M. Social pathology. New York : McGraw-Hill, 1951.

⁹² Becker H. S. Outsiders: Studies in the sociology of deviance. New York : Free Press, 1963.

стигматизирующий социальные низы за нарушение норм, установленных высшими слоями в своих интересах;

2) стигматизация разделяется на *индивидуальную* (когда объектом данного процесса выступает отдельный индивид) и *коллективную* (когда в результате прописывания и институции высшими слоями уголовно-правовой нормы «под себя», в своих классовых интересах, происходит логичная стигматизация социальных низов, в большей степени предрасположенных к нарушению данной нормы);

3) коллективная стигматизация генерирует и воспроизводит социальное неравенство в наказании (к примеру, кражи, совершенные представителями социальных низов, влекут более суровые наказания, чем хищения представителей высших слоев, отсюда интерес в рамках нашего исследования именно к экономическим преступлениям);

4) не существует абсолютных признаков преступления, преступность деяния определяется конвенциональными нормами, и реакция окружающих на их нарушение и является базовой и определяющей в классификации;

5) конвенциональное осуждение (стигматизация) само по себе является одним из источников преступности.

Э. Сазерленд, уйдя в своих научных поисках несколько в сторону от теории стигматизации, разработал собственную «теорию дифференциальной ассоциации», базирующейся на девяти основных пунктах.

1. Преступное поведение является результатом научения.

2. Преступному поведению учатся в ситуации интерактивного взаимодействия.

3. Обучение преступному поведению происходит в малых группах в результате межличностного общения.

4. Обучение преступному поведению включает в себя (а) методы совершения преступления и (б) конкретное направление мотивов, побуждений, рационализаций и установок.

5. Конкретное направление мотивов и побуждений выявляется из интерпретаций правовых норм как благоприятствующих или неблагоприятствующих жизнедеятельности индивида.

6. Человек становится правонарушителем из-за перевеса определенных ситуаций, благоприятных для нарушения закона, по сравнению с определениями ситуаций, неблагоприятных для нарушения закона.

7. Процесс обучения преступному поведению включает в себя все те же механизмы, участвующие и в любом другом обучении.

8. Хотя преступное поведение является выражением общих потребностей и ценностей, оно не объясняется этими общими потребностями и ценностями, поскольку некриминальное поведение является выражением тех же потребностей и ценностей.

9. Дифференциальная связь различается по частоте, продолжительности, приоритету и интенсивности. Наиболее частые, самые продолжительные, самые ранние и ближайшие воздействия будут наиболее эффективными или определяющими в изученном поведении⁹³.

Взгляды Э. Сазерленда подверглись критике со стороны Р. Берджесса и Р. Акерса, представителей бихевиоризма, включившими в теорию дифференциальной ассоциации бихевиористскую схему оперантного поведения и обозначившими свой подход как «теорию социального обучения».

1. Преступному поведению учатся в соответствии с принципами оперантной обусловленности (переформулировка принципов № 1 и № 8 Сазерленда).

2. Криминальное поведение изучается как в несоциальных ситуациях, которые усиливают или являются дискриминационными, так и в результате такого социального взаимодействия, в котором поведение других людей

⁹³ Sutherland E. H. Principles of criminology (4th ed.). Philadelphia: Lippincott. 1947. P. 6-7.

усиливает или является дискриминационным для преступного поведения (переформулировка принципа № 2 Сазерленда).

3. Основная часть обучения преступному поведению происходит в тех малых группах, которые составляют основной источник подкрепления личности (переформулировка принципа № 3 Сазерленда).

4. Обучение преступному поведению, включая конкретные методы, отношения и процедуры избегания, является функцией эффективных и доступных подкреплений, а также существующих непредвиденных обстоятельств подкрепления (переформулировка принципа № 4 Сазерленда).

5. Конкретный класс изучаемых форм поведения и их частота возникновения зависят от эффективных и доступных подкреплений, а также от правил или норм, с помощью которых эти подкрепления применяются (переформулировка принципа № 5 Сазерленда).

6. Преступное поведение – это функция норм, являющихся дискриминационными для преступного поведения, изучение которых происходит тогда, когда такое поведение более сильно подкреплено, чем некриминальное поведение (переформулировка принципа № 6 Сазерленда).

7. Сила криминального поведения является прямой функцией количества, частоты и вероятности его усиления (переформулировка принципа № 7 Сазерленда) ⁹⁴.

Таким образом, преступник научается/обучается быть преступником, он социализируется в специфической групповой ценностно-нормативной среде, отвергающей нормы и ценности доминирующей культуры или избирающей иные методы (аномийные адаптации по Р. Мертону) их достижения.

Относительно проблематики нашего исследования можно указать на следующие выводы, вытекающие из приложения теорий дифференциальной ассоциации и социального обучения:

⁹⁴ Burgess R. L., Akers R. L. A differential association-reinforcement theory of criminal behavior. Social Problems. 14ю 1966. P. 132–145.

1) динамика преступности (а также динамика и структура уголовного наказания) детерминирована социальным неравенством в обществе и, в свою очередь, не только отражает его, но и воспроизводит себя внутри специфических криминальных и полукриминальных групп и сообществ, отгороженных от остального общества групповыми границами, поддерживаемыми программами групповой идентификации, особой криминальной идентичностью, субкультурными особенностями и системой социального контроля;

2) структура и динамика преступности являются отражением социального неравенства в обществе и его инверсией в особых ценностно-нормативных внутригрупповых границах;

3) уголовное наказание «производится» неформальными криминальными и полукриминальными группами в социальной структуре общества посредством криминальной и полукриминальной социализации в рамках ограниченной ценностно-нормативными границами особой внутригрупповой среды;

4) структура преступности и ее динамика (и, как следствие, структурные характеристики в статистике уголовного наказания) находятся в определенной зависимости от распространенности тех или иных криминальных и полукриминальных групп, сообществ, субкультур;

5) уголовное наказание преступника обусловлено не столько случайностью, сколько всей его жизнедеятельностью и криминальной карьерой, оно является логичным и закономерным результатом его социализации и поведения;

6) обучение индивида преступному поведению происходит в конвенциональной социальной среде, с особыми, отличными от всего общества внутригрупповыми конвенциональными нормами и правилами;

7) уголовное наказание может не рассматриваться преступниками как конвенциональная негативная оценка и санкционирование их противоправных деяний со стороны общества, напротив – оно может

представляться как своеобразный ритуал перехода (инициация), необходимый преступнику, как неизбежная стадия и социально-профессиональное испытание в его преступной карьере;

8) уголовное наказание может рассматриваться преступником через инверсию конвенциональных и легальных норм и санкций криминальной и полукриминальной субкультурой, не как негативное социальное санкционирование, а, напротив, как лифт восходящей вертикальной мобильности в среде и структуре профессиональной преступности.

Радикальная социология девиантного поведения выросла на фоне социально-экономической и социально-политической дестабилизации западного общества в 60–70-х годах XX века и подпитывалась идеями неомарксизма, теориями аномии и стигматизации. Представители данного направления подчеркивали неравенства в привлечении к уголовной ответственности, существующие в социальной структуре общества.

Придерживаясь концепции о повсеместной криминализации в иерархии социальной структуры и стратификации общества, они рассматривали преступность как явление, связываемое с социальными низами в силу их определенной социальной незащищенности. Как отмечал представитель радикальной социологии девиантного поведения Р. Куинни: «Криминальная реальность в обществе зиждется на интерпретации преступного и непроступного... В основе процессов криминализации лежат классовые конфликты и противоречия... В качестве преступных классифицируются действия, противоречащие интересам господствующих экономических классов... Будет ли то или иное деяние оценено как преступное или нет, решает класс, имеющий власть и занимающийся законотворческой деятельностью»⁹⁵.

Закон и наказание являются атрибутом социального неравенства и инструментом господства высших слоев. Устанавливая норму и санкцию за ее нарушение, власть имущие тем самым стигматизируют те слои и группы,

⁹⁵ Quinney R. The Social Reality of Crime, Little, Brown, 1974. P. 380–388.

которые будут за эту норму выходить в силу особенностей своего социального положения и условий жизнедеятельности. Более того, господствующие классы криминализируют поведение, которое противоречит или угрожает их интересам. Некоторые представители радикальной социологии девиантного поведения пошли далеко в своей критике социального неравенства как источника преступности и объявили преступным классовое общество как таковое.

Э. Шур написал работу с радикальным названием «Наше преступное общество», в котором обозначил ряд тезисов, направленных на осуждение криминогенных последствий образа жизни американского общества:

« – американское общество преступно, поскольку оно является обществом неравноправных;

– американское общество преступно, потому что в наших культурных ценностях есть элементы, порождающие преступность;

– американское общество преступно, поскольку оно создало «дополнительные» преступления путем чрезмерной регламентации общественной жизни;

– американское общество преступно потому, что оно руководствуется нереальными и недействующими принципами при подходе к проблемам преступности»⁹⁶.

Таким образом, представители радикального направления в социологии девиантного поведения в своих работах фактически установили предельные границы рассмотрения влияния фактора социального неравенства и расслоения на уголовное наказание. Они во многом повторили и акцентировали в неомарксистской редакции основные положения теорий социальной дезорганизации, аномии и стигматизации. В первую очередь это касается концепта «коллективной стигматизации», рассмотренного как противоречие между нормами, выражающими интересы господствующего «класса для себя», и криминализацией этими нормами расположенных ниже

⁹⁶ Шур Э. Наше преступное общество. М. : Прогресс, 1977. С. 33–40.

в социальной иерархии «классов в себе». Преступность выступила как естественное порождение классового неравенства, воспроизводящееся в социальной структуре и стратификации капиталистического общества.

Отношение к наказанию, его легитимность во мнении общества тесно связаны с восприятием самой правовой нормы и отношением к ней. Конвенциональность наказания зиждется на оценке нормы и адекватности наказания за ее нарушение. Конвенциональность конкретного уголовного наказания – это баланс между легитимностью нормы и легитимностью наказания. Норма должна распространяться на всех членов общества, независимо от их положения в социальной структуре. Что, однако, не означает отсутствия в обществе понимания особого положения или чрезвычайного характера действий носителей определенных статусов в силу их специфической функциональности (действия командира в условиях войны, пилота терпящего аварию самолета или особое положение с охраной чиновников высшего управленческого звена). Наказание же конвенционально, когда оно «правильное»/«заслуженное» по мнению большинства членов общества.

Однако сама норма носит относительный характер, и эта относительность нормы применительно к уголовному наказанию может проявляться:

- 1) в различии понимания нормы, девиации и наказания в различных цивилизациях, культурах, обществах;
- 2) соответствии нормы периоду/стадии развития общества;
- 3) соответствии нормы состоянию общества, находится ли оно в состоянии стабильности или социальной дезорганизации и аномии, когда распадается ценностно-нормативная система;
- 4) различии понимания нормы, девиации и наказания внутри общества, разных его компонентов в социальной структуре и стратификации, охвата нормой всего общества или тех или иных социальных категорий, общностей и групп;

5) легитимации нормы, степени легитимности – насколько ее поддерживают в обществе или в каком-либо компоненте его социальной структуры (сферах, институтах, организациях, социальных общностях и группах);

6) виде самой нормы, является ли она формальной/неформальной, правовой, нравственной, религиозной и т. д.;

7) стадийности эволюции нормы, на какой стадии развития находится та или иная норма: генезиса, репродукции или пересмотра/снятия, это во многом определяет отношение к норме.

Анализ классических и современных теорий в социологии девиантного поведения и криминологии позволил нам сформулировать определенные выводы, касающиеся влияния фактора социального неравенства на уголовное наказание:

1) преступность в социальной структуре не являет собой некоей «пирамидальной модели», в которой уровень преступности понижается при движении снизу-вверх по социальной стратификации (однако и относительно равномерное распределение преступности по социальной иерархии представляется всего лишь гипотезой);

2) модели преступления, осуждения и уголовного наказания являются вероятностными, вероятность оказаться осужденным правонарушителем выше у представителей социальных низов, нежели социальных верхов;

3) в обществе с классовой стратификацией конвенциональность уголовного наказания отражается не только в его восприятии недифференцированным большинством, но и в позиции различающихся социоструктурных общностей и групп;

4) избирательный характер правосудия и уголовного наказания, воспроизводящий и усугубляющий последствия социального неравенства, стигматизирующий социальные низы за нарушение норм, установленных высшими слоями в своих интересах;

5) стигматизация разделяется на *индивидуальную* (когда объектом данного процесса выступает отдельный индивид) и *коллективную* (когда в результате прописывания и институции высшими слоями уголовно-правовой нормы «под себя», в своих классовых интересах, происходит логичная стигматизация социальных низов, в большей степени предрасположенных к нарушению данной нормы);

6) коллективная стигматизация генерирует и воспроизводит социальное неравенство в наказании (к примеру, кражи, совершенные представителями социальных низов, влекут более суровые наказания, чем хищения представителей высших слоев, отсюда интерес в рамках нашего исследования именно к экономическим преступлениям);

7) не существует абсолютных признаков преступления, преступность деяния определяется конвенциональными нормами, и реакция окружающих на их нарушение и является базовой и определяющей в классификации;

8) конвенциональное осуждение (стигматизация) само по себе является одним из источников преступности;

9) динамика преступности (а также динамика и структура уголовного наказания) детерминируется социальным неравенством в обществе и, в свою очередь, не только отражает его, но и воспроизводит себя внутри специфических криминальных и полукриминальных групп и сообществ, отгороженных от остального общества групповыми границами, поддерживаемыми программами групповой идентификации, особой криминальной идентичностью, субкультурными особенностями и системой социального контроля;

10) структура и динамика преступности является отражением социального неравенства в обществе и его инверсией в особых ценностно-нормативных внутригрупповых границах;

11) уголовное наказание «производится» неформальными криминальными и полукриминальными группами в социальной структуре общества посредством криминальной и полукриминальной социализации в

рамках ограниченной ценностно-нормативными границами особой внутригрупповой среды;

12) структура преступности и ее динамика (и, как следствие, структурные характеристики в статистике уголовного наказания) находятся в определенной зависимости от распространенности тех или иных криминальных и полукриминальных групп, сообществ, субкультур;

13) уголовное наказание преступника обусловлено не столько случайностью, сколько всей его жизнедеятельностью и криминальной карьерой, оно является логичным и закономерным результатом его социализации и поведения;

14) обучение индивида преступному поведению происходит в конвенциональной социальной среде, с особыми, отличными от всего общества внутригрупповыми конвенциональными нормами и правилами;

15) уголовное наказание может не рассматриваться преступниками как конвенциональная негативная оценка и санкционирование их противоправных деяний со стороны общества, напротив – оно может представляться как неизбежная стадия и социально-профессиональное испытание в его преступной карьере;

16) уголовное наказание может рассматриваться преступником через инверсию конвенциональных и легальных норм и санкций криминальной и полукриминальной субкультурой, не как негативное социальное санкционирование, а, напротив, как лифт восходящей вертикальной мобильности в среде и структуре профессиональной преступности.

Мы можем с уверенностью констатировать влияние фактора социального неравенства на уголовное наказание. Данное влияние генерируется и воспроизводится самой социальной структурой современного капиталистического общества с классовой стратификацией. Это подводит нас к внешне тривиальному, но на самом деле весьма глубокому выводу о том, что неравенство в наказании тех или иных дифференцированных в социальной структуре членов общества во многом является отражением

системы разделения труда, социального неравенства и стратификации этого самого общества. Эта социально-структурная основа неравенства в назначении уголовного наказания легитимизируется в ценностно-нормативной системе доминирующей культуры, производя противоречия и отклонения в ее восприятии со стороны дифференцированных в социальной структуре индивидов, по-разному воспринимающих норму в силу своего социального положения и статуса.

Что же может/должно являться в таком обществе источником рефлексии нормы уголовного права, базовым источником нормативности? На наш взгляд, это конвенциональность нормы (степень согласия с нормой), которая является основой легитимизации нормы (ее поддержки, одобрения в общественном мнении) и последующей легализации в нормативно-правовом акте. Все это составляет ценностно-нормативную основу нормативного морфогенезиса, нормотворчества, рефлексии и коррекции/снятия нормы. Этот механизм относится не только к современному капиталистическому обществу с классовой стратификацией, а ко всем формам сложных непотестарных обществ, где произошел переход от правового обычая к институции правовых институтов и формальным вторичным нормам.

В потестарных обществах, где господствует правовой обычай, конвенциональность нормы и наказания является следствием воли трансцендентных субъектов и сил (тотемных предков, богов и т. п.) и непосредственного интерактивного взаимодействия членов группы/общества, невозможного в сложных стратифицированных обществах. Кто же может являться субъектами и источниками конвенциональности нормы в классовом обществе? Это, безусловно, в первую очередь индивиды, но индивиды обобщенные и солидаризированные в своем мнении и агрегированные в социальные общности и группы.

Таким образом, применительно к проблематике нашего исследования (стратификационным факторам конвенциональности уголовного наказания),

конвенциональность уголовного наказания устанавливается, проявляется и отражается:

- 1) в конвенциональных взаимодействиях между индивидами;
- 2) конвенциональных взаимодействиях между компонентами социальной структуры (результаты и качество этого взаимодействия можно проследить по общности и дифференцированности мнения представителей различных стратификационных, социально-профессиональных и иных общностей, поэтому так важен учет фактора социального неравенства и расслоения);
- 3) в конечном итоге в обобщенной и солидаризированной оценке нормы и наказания в общественном мнении всего общества.

Второй пункт данного тезиса полностью соотносится с идеей Э. Дюркгейма о том, что в обществе с органической солидарностью источником конвенциональности, нормативного морфогенезиса и социальной справедливости наказания являются социально-профессиональные общности («профессиональные корпорации»). В том числе и их деятельность, установление консенсусной межгрупповой и институциональной среды, коллективных компромиссов в социально-профессиональной структуре призваны решать проблемы влияния социального неравенства и расслоения на справедливость в назначении наказания.

Опираясь на вышеизложенный анализ, мы можем выделить следующие виды неравенства, являющиеся следствием влияния фактора социального неравенства в обществе на уголовное наказание:

- 1) неравенство в производстве норм уголовного права;
- 2) неравенство в институции и легализации различных норм;
- 3) неравенство в значимости тех или иных норм;
- 4) неравенство в отборе институциональных агентов институтов уголовного права и наказания;

- 5) неравенство в применении тех или иных норм к обвиняемому в процессе суда и в классификации вида преступления;
- 6) неравенство в назначении вида наказания;
- 7) неравенство в условиях отбытия наказания;
- 8) неравенство в восприятии и оценке обвиняемого, на которое влияет его стигматизация и/или принадлежность к профессиональному преступному сообществу, девиантным или делинквентным субкультурам и группам.

Проанализировав социальное неравенство в качестве фактора уголовного наказания, мы определили следующую задачу нашего исследования – рассмотрение неравенства в уголовном наказании в отечественной судебной и пенитенциарной практике.

1.3. Исследования социоструктурных факторов конвенциональности уголовного наказания в зарубежной науке: отношение к преступности и уголовному наказанию в общественном сознании

Актуальной задачей нашего исследования является рассмотрение социоструктурных факторов конвенциональности уголовного наказания в зарубежной науке.

По мнению А. Dicey, в западной науке традиционной является точка зрения о том, что правовая система не может нормально функционировать без определенного уровня легитимации, без ее поддержки обществом⁹⁷. Взаимосвязанность системы уголовного правосудия и общественного мнения порождает отношения взаимозависимости, где каждый из указанных институтов поддерживает легитимность другого.

С. Kaukinen и S. Colavecchia также акцентируют функцию легитимации обществом действий правоохранительной и судебной систем⁹⁸. Готовность членов общества сообщать о правонарушениях, готовность участвовать в судебном процессе в качестве свидетелей и присяжных, вера в законность действий правоохранителей и оценка справедливости наказания – это фундаментальный консенсус, без которого не может эффективно функционировать правоохранительная система и институт уголовного наказания. Конвенциональность наказания возникает как вертикальный социальный контракт (общественный договор), как системный эффект во взаимоотношениях общества и правовых институтов.

С другой стороны, нарушение этого консенсуса, по мнению С. Kaukinen и S. Colavecchia, влечет за собой неготовность соблюдать закон, уход в неформальные системы регуляции, влекущие за собой прецеденты

⁹⁷ Dicey A. V. Lectures on the relation between law and public opinion in England during the 19th Century. London : Macmillan, 1962.

⁹⁸ Kaukinen C., Colavecchia S. Public perceptions of the courts: An examination of attitudes toward the treatment of victims and accused // Canadian Journal of Criminology. 41. 1999. P. 365–385.

самоуправства, линчевания и т. п. Конвенциональность и легитимность в широком социально-философском измерении – сущностно, процессуально и логически взаимосвязанные понятия и явления.

V. Chanley, T. Rudolph, W. Rahn в своем исследовании «Истоки и последствия общественного доверия к правительству» доказывают, что относительно идеальным состоянием для руководства государством является ситуация как можно более глубокого доверия общества к системе уголовного правосудия ⁹⁹. Данное доверие позволяет решать вопросы управления социальным развитием, не прибегая к политическим мерам, которые должны рассматриваться, скорее, как исключение в чрезвычайных ситуациях. Отсюда следует вывод о том, что политизация действий правоохранительных органов и решений судебной системы является показателем уменьшения доверия к ним, нарушения социального контракта между обществом и данными институтами, отсутствия конвенциональности относительно их деятельности внутри общества.

Очень важным представляется выявление и исследование исторических закономерностей и циклического характера отношения общества к преступности и конвенциональности наказания. В данном случае большинство исследований акцентируются на связи между отношением к преступности и социально-экономическими условиями жизни общества.

Циклический аспект восприятия системы правосудия выделяет в своих исследованиях D. Melossi ¹⁰⁰. Он утверждает наличие корреляции между представлениями о преступности, отношением общества к преступникам и социально-экономическим положением в стране. Во времена экономического подъема, относительного роста и стабильности общество склонно к более гуманной оценке преступности, гуманизации и либерализации уголовного наказания. С другой стороны, в условиях экономического спада, кризиса и

⁹⁹ Chanley V. A., Rudolph T. J., Rahn W. M. The origins and consequences of public trust in government // *Public Opinion Quarterly*. 64. 2000. P. 236–256.

¹⁰⁰ Melossi D. Changing representations of the criminal // *British Journal of Criminology*. 40. 2000. P. 296–320.

депрессии мнения, представления и оценки преступности и наказания со стороны общества ужесточаются, а отношение к личности преступника дегуманизируется.

R. Sparks дополняет исследования D. Melossi в части наказания и условий содержания преступников в учреждениях пенитенциарной системы¹⁰¹. Он проводит анализ «тюремных режимов», то есть условий содержания в местах лишения свободы по формальным и неформальным критериям содержания, внутренних взаимоотношений и управленческих решений. Таким образом, социолог установил зависимость между ужесточением тюремных режимов и кризисным социально-экономическим положением в стране.

R. Sparks приходит к выводу о необходимости социально-инженерного и управленческого воздействия на дифференциацию степени жесткости условий содержания в пенитенциарных учреждениях («тюремных режимов») и постановку их в соответствие с социально-экономической ситуацией в стране. Главный критерий, по мнению социолога, таков: условия жизни низшего слоя низшего класса не должны быть хуже условий содержания преступников в местах лишения свободы.

H. Kury и T. Ferdinand исследовали отношение к преступности и наказанию в странах Восточной Европы в период крушения коммунистических режимов¹⁰². По их мнению, ужесточение отношения к преступности и деконвенциональность наказания были следствиями не только кризисного социально-экономического состояния стран бывшего социалистического лагеря, но и аномии и вызываемой ею социальной неопределенности широких слоев населения.

¹⁰¹ Sparks R. Penal «austerity»: The doctrine of less eligibility reborn? In R. Matthews & P. Francis, *Prison 2000: An international perspective on the current state and future of imprisonment*. London : Macmillan, 2000.

¹⁰² Kury H., Ferdinand T. Public opinion and punitivity // *International Journal of Law and Psychiatry*. 22. 1999. P. 373–392.

Резюмируя результаты исследований представителей циклического направления изучения преступности, можно прийти к бесспорному заключению о существовании связи между социально-экономическим развитием, динамикой и конвенциональностью наказания.

Важным фактором, влияющим на конвенциональность уголовного наказания, является фактор социально-демографической дифференциации. Социально-демографические характеристики членов общества, их распределение по категориям пола, возраста, расы, социально-территориальной и социально-экономической структуры во многом предопределяют и детерминируют их оценки уместности, справедливости и адекватности наказания. С одной стороны, в данной оценке важна категориальная принадлежность преступника, а с другой стороны – категории, через которые общественным сознанием воспринимается и оценивается жертва. Следовательно, конвенциональность уголовного наказания зависит от сложившихся в обществе представлений, установок и идей, касающихся отдельных категорий и групп населения. Все это обуславливает востребованность в исследованиях социально-демографических факторов и характеристик, влияющих на восприятие обществом преступления и наказания, социологических и социально-психологических подходов к изучению социальных стереотипов.

J. Hurwitz и M. Peffley убедительно доказали влияние негативных расовых стереотипов на отношение американцев к уголовному преступлению и наказанию. Используя методику компьютерного телефонного интервьюирования (CATI) и вероятностный подход, исследователи провели ряд опросов экспериментально-формирующего характера и обнаружили устойчивые искажения восприятия белыми афроамериканцев в контексте проблемы преступности¹⁰³. Белые американцы, поддерживающие утверждение, что большинство преступников в стране относятся к расовым

¹⁰³ Hurwitz J., Peffley M. Public perception of race and crime: The role of racial stereotypes // American Journal of Political Science. 41. 1997. P. 375–402.

и этническим меньшинствам, более склонны поддерживать ужесточение наказания и карательную криминальную политику государства. Однако данный стереотип работает преимущественно по отношению к насильственным преступлениям, что во многом связано с объективной ситуацией и отражающей ее криминальной статистикой, свидетельствующей о том, что доля преступников (в первую очередь по статьям УК, связанным с применением насилия) среди афроамериканского населения США превосходит все другие расовые общности.

J. F. Dovidio, J. K. Smith, A. G. Donella и S. L. Gaertner рассмотрели влияние на восприятие уголовного наказания и отношение к преступникам фактора «расовых предрассудков», фактически – устойчивых предубеждений и представлений, основанных на расовых стереотипах и воспроизводящих их на уровне общественного сознания ¹⁰⁴. В этой связи ученые призывают различать не только расовую характеристику преступника и жертвы, но и расовую ангажированность самого наблюдателя. К примеру, участники исследования, отметившиеся наибольшими расовым предрассудками и относящиеся к категории «белые», были более склонны рекомендовать высшую меру наказания – смертную казнь – для афроамериканцев, нежели чем для белых.

С другой стороны, белые («white») с низкими показателями наличия расовых предрассудков были склонны рекомендовать высшую меру наказания для афроамериканских подсудимых только в том случае, если это решение поддерживал присяжный-афроамериканец. То же самое касалось и поддержки решения присяжного-латинос в отношении подсудимых, относящихся к категориям «чиканос» и «латинос» (сейчас эта категория обобщена статистически как «Hispanic»). Таким образом, мы наблюдаем действие негласных договоренностей, выработку внутригруппового мнения и конформизма. Все это относит исследователя к проблеме не только

¹⁰⁴ Racial attitudes and the death penalty / J. F. Dovidio, J. K. Smith, A. G. Donella, S. L. Gaertner // Journal of Applied Social Psychology. 27. 1997. P. 1468–1487.

внутригруппового договорного, но и конвенционального характера выработки решения судом присяжных.

Следует отметить, что действенность этого фактора оспаривается рядом исследователей, к примеру R. H. Langworthy и J. T. Whitehead указывают на страновую специфичность полученных данных, наличие расового измерения в социальной структуре и стратификации американского общества ¹⁰⁵. Поэтому данная корреляция, на их взгляд, не носит явного детерминирующего характера применительно к другим странам, где нет подобной социоструктурной специфики.

Такие ученые, как M. Hough, J. Roberts ¹⁰⁶, а также J. Mattison и C. Mirrlees-Black ¹⁰⁷, основываясь на данных, полученных в ходе исследований в Великобритании, выразили скепсис в обоснованности столь определяющего влияния расового фактора на отношение к преступности и наказанию. Но данную зависимость они обнаружили и на британском материале.

Резюмируя результаты исследований о конвенциональности уголовного наказания, исходя из расовой дифференциации в социальной структуре, в частности – влиянии расового фактора на отношение общества к преступности и уголовному наказанию, можно прийти к достаточно обоснованному компромиссному выводу. Расовый фактор (расовые репрезентации, стереотипы и предрассудки) имеет немаловажное значение в восприятии уголовного наказания в тех обществах, где существует расовое измерение социальной структуры и стратификации. И глубина этого измерения определяет ту или иную степень зависимости восприятия уголовного наказания от расы.

¹⁰⁵ Langworthy R. H., Whitehead J. T. Liberalism and fear as explanation of Punitiveness // *Criminology*. 24. 1986. P. 575–591.

¹⁰⁶ Hough M., Roberts J. Attitudes to crime and punishment: Findings from the British Crime Survey. London : HMSO, 1998.

¹⁰⁷ Mattison J., Mirrlees- Black C. Attitudes to crime and criminal justice: Findings from the 1998 British Crime Survey. London : HMSO, 2000.

Исследование влияния на восприятие уголовного наказания фактора гендерных различий осуществляется преимущественно в рамках социально-психологического знания. В исследованиях N. Schwarz и G. L. Clore делается акцент на эмоциональных различиях между мужчинами и женщинами, характерный для социально-психологического аспекта данной проблематики¹⁰⁸. Различия в психоэмоциональном восприятии, обусловленные гендерными особенностями социализации и психофизиологии пола и взросления, детерминируют дифференциацию мнений и оценок уголовного преступления и наказания у мужчин и женщин.

В. А. Gault и J. Sabini¹⁰⁹ утверждают, что различия в социализации представителей разных полов детерминируют различающиеся «эмоциональные ориентации», влекущие дифференциации в восприятии и реакции на внешние стимулы. «Следовательно, когда происходит преступление, один человек может сосредоточиться на желании наказать преступника. В противоположность этому другой человек может сосредоточиться на жертве, проявить сочувствие и желать утешить ее»¹¹⁰.

Проведя несколько исследований, В. А. Gault и J. Sabini пришли к выводу о существовании устойчивых и воспроизводящихся гендерных дифференциаций в отношении к уголовному наказанию, которые основаны на половом диморфизме в эмпатии. Мужчины в большей степени склонны придерживаться жестких санкций в отношении к преступникам и проявляют к ним меньше сочувствия, в противоположность им женщины более гуманны и эмпатичны.

Исследователи подтвердили результаты, полученные N. Schwarz и G. L. Clore, о различиях в эмоциональном восприятии как факторе,

¹⁰⁸ Schwarz N., Clore G. L. Mood, misattribution and judgement of well-being: Informative and directive functions of affective states // Journal of Personality and Social Psychology. 45. 1983. P. 513–523.

¹⁰⁹ Gault B. A., Sabini J. The role of empathy, anger, and gender in predicting attitudes toward punitive, reparative and preventative public policies. Cognition and Emotion. 14. 2000. P. 495–520.

¹¹⁰ Там же. P. 497.

влияющем на оценку содеянного, личностей преступника и жертвы и отношение к наказанию. Помимо этого, данные, полученные этими двумя научными коллективами, позволили скорректировать политику по либерализации уголовного наказания в США в пользу мероприятий и социальной рекламы, нацеленных на развитие у граждан чувства эмпатии по отношению не только к личности жертвы, но и в определенной мере преступника.

Фактор возраста также является существенным в восприятии преступности и оценке уголовного наказания. Дифференциация мнений индивидов в отношении преступления и наказания по возрасту отражает период их социализации, специфику возрастной психологии и физиологии. Данная зависимость прослеживается в социологических и психологических исследованиях в различиях индикативности отдельных показателей.

R. H. Langworthy и J. T. Whitehead пришли к выводу, что возрастной фактор отношения к преступлению и наказанию связан с дифференциацией респондентов по уровню страха перед преступностью, коррелирующего именно с возрастом ¹¹¹. Исследователи утверждают, что пожилые люди более склонны к строгой и карательной оценке преступления, чем молодежь и люди среднего возраста.

C. Hale объясняет дифференциацию по возрасту страха перед преступностью большей боязнью стать объектом преступления именно у пожилых людей ¹¹². Но данный страх он связывает не с возрастом, а с опытом переживания этого страха в соответствующих кейсах, чем опять же подчеркивает важность такого критерия в восприятии преступности и уголовного наказания, как возраст. C. Hale отличает страх перед преступностью от осведомленности, внимания и озабоченности, которые рассматривает как нормальные адаптивные реакции.

¹¹¹ Langworthy R. H., Whitehead J. T. Liberalism and fear as explanation of punitiveness // *Criminology*. 24. 1986. P. 575–591.

¹¹² Hale C. Fear of crime: A review of the literature // *International Review of Victimology*. 4. 1996. P. 79–150.

F. T. Cullen, G. A. Clark, J. B. Cullen и R. A. Mathers в ходе своего фундаментального исследования отношения к преступности и уголовному наказанию в США обнаружили корреляцию карательного отношения с возрастом респондентов. Более возрастные жители страны придерживались и более карательного отношения к преступности и уголовной политике ужесточения наказания¹¹³.

Следует отметить тот факт, что «страх перед преступностью» является одним из основных критериев и показателей изменения отношения общества к уголовному наказанию, с помощью которого социологи и социальные психологи, занимающиеся проблемами делинквентности, измеряют уровень криминализации общества и ее восприятие общественным сознанием. Однако страх перед преступностью не является самодовлеющим фактором, он является следствием отражения в общественном и индивидуальном сознании объективных социальных, политических и социокультурных процессов, способствующих криминализации общества.

S. Box, C. Hale и G. Andrews в своем исследовании «Объяснение страха преступности»¹¹⁴, проведенном в Великобритании, выделяют следующие основные показатели, демонстрирующие различия в восприятии преступности:

- 1) раса (выше мы отмечали, что такие группы неамериканских исследователей, как R. H. Langworthy и J. T. Whitehead, M. Hough и J. Roberts, J. Mattison и C. Mirrlees-Black, выделяли влияние расового фактора на отношение к наказанию, но акцентированность его на уровне массового сознания связывали прежде всего с обществами, в которых расовое измерение социальной стратификации имеет выраженное значение);
- 2) пол;
- 3) возраст;

¹¹³ Attribution, salience and attitudes toward criminal sanctioning / F. T. Cullen, G. A. Clark, J. B. Cullen, R. A. Mathers // *Criminal Justice and Behaviour*. 12. 1985. P. 305–331.

¹¹⁴ Box S., Hale C., Andrews G. Explaining fear of crime // *The British Journal of Criminology*. Volume 28. Issue 3. Summer 1988. P. 340–356.

4) уровень социальной солидарности в местном сообществе территориальной локации проживания, «сплоченность соседей»;

5) доверие к полиции, доверие как институциональное (как к социальному институту), так и индивидуальное (доверие к конкретным институциональным агентам);

6) уровень конфликтности в местном сообществе;

7) наличие опыта жертвы преступления (так называемый опыт виктимизации);

8) восприятие риска;

9) субъективная оценка серьезности правонарушения.

S. Voh, C. Hale и G. Andrews приходят к выводу, что восприятие уголовного преступления и наказания должно гуманизироваться в общественном сознании как следствие постепенного преодоления страха преступности.

К подобному же выводу пришел К. Ito, проведя серию социологических исследований проблем отношения к преступности и уголовному наказанию в Японии ¹¹⁵. Он подчеркивал, что восприятие преступности не всегда отражает ее реальность, и именно этой асимметрии и посвящены основные работы англо-саксонской криминологии и социологии преступности. К. Ito призвал обратить внимание в политике уголовного правосудия на влияние страха перед преступностью, на определенное непонимание природы и характера преступности, распространенное в общественном сознании японского общества.

С позиции оценки релевантности данных исследований, выполненных англо-американскими и азиатскими учеными, уместно сослаться на результаты европейских континентальных исследований. К примеру, греческий социолог С. Zarafonitou также обнаружила корреляцию между страхом перед преступностью, виктимизацией и отношением к

¹¹⁵ Ito K. Research on the fear of crime: Perceptions and realities of crime in Japan // Crime and Delinquency. 39. 1993. P. 385–393.

преступлению и уголовному наказанию. Недоверие к возможности государства в лице его правоохранительных органов защитить граждан усиливает страхи перед преступностью¹¹⁶. С. Zarafonitou на основании анализа множественной регрессии обнаружила связь между наличием опыта жертвы преступления, чувством незащищенности, страхом перед преступностью и отношением к уголовному преступлению и наказанию. Индивиды, бывшие жертвами преступления, в три раза больше чувствуют свою незащищенность.

Социологи в последние годы фиксируют тенденцию к ужесточению отношения к преступности и уголовному наказанию в странах Европы и США. Эта тенденция связывается с ухудшением социально-экономического положения в результате кризисных явлений в мировой экономике. Поэтому криминализация и страх перед преступностью как ее следствие являются видимой причиной, но не глубинным фактором, детерминантой данного процесса.

Помимо этого, М. Idriss, М. Jendly, J. Karn, М. Mulone подчеркивают определенную ограниченность и специфику, присущие исследованиям страха перед преступностью методами социологических опросов, с использованием методики анкетирования и стандартизированного и полустандартизированного интервьюирования¹¹⁷. Исследователи часто закладывают в программу исследования ограниченное количество факторов и не всегда ответственно работают с множественными распределениями, с изменчивыми и субъективными факторами. Также сам страх перед преступностью может являться не следствием страха оказаться жертвой преступления, а отражать более широкий комплекс факторов, ведущих к ощущению незащищенности, уязвимости в социальной среде. К примеру,

¹¹⁶ Zarafonitou С. Fear of Crime and Victimization: The Greek Experience // Fear of Crime-Punitivity. New Developments in Theory and Research (Kury, H., ed.) Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer; Bochum. 2008. P. 159–172.

¹¹⁷ International Report on Crime Prevention and Community Safety / М. Idriss, М. Jendly, J. Karn, М. Mulone // Trends and Perspectives, Montreal: International Centre for the Prevention of Crime. 2010. P. 198.

M. Idriss, M. Jendly, J. Karn, M. Mulone утверждают, что на страх перед преступностью влияют ситуация и отношения на работе, страх потери работы.

Тем не менее вышеизложенный анализ показывает, что:

1) страх перед преступностью, боязнь оказаться жертвой преступления (помимо этого, страх того, что жертвами окажутся ближайшие родственники);

2) имеющийся у индивида/респондента опыт жертвы преступления являются важными факторами отношения к уголовному преступлению и наказанию в общественном сознании и должны быть операционализированы в программе социологического исследования конвенциональности уголовного наказания.

H. Kury и J. Obergfell-Fuchs выделяли следующие факторы по отношению к уголовному преступлению и наказанию:

1) уровень информированности населения о проблемах с преступностью;

2) уровень информированности СМИ о проблемах с преступностью;

3) политическая ориентация (либеральная/консервативная, умеренная/радикальная и т. д.);

4) социальные и экономические проблемы;

5) религиозная структура, конфессиональные отношения и религиозность населения ¹¹⁸.

M. Walter акцентирует фактор медийного и политического использования проблематики страха перед преступностью и, как следствие, интенсификации карательной функции уголовного правосудия. Он говорит, что эксплуатация подобных тем в СМИ и политиками является благодатной почвой для возникновения «народных теорий» и социального давления на

¹¹⁸ Kury H., Obergfell-Fuchs J. Public attitudes towards sanctioning // H. J. Albrecht and H. Kury (Eds), Research on crime and criminal justice at the Max Planck Institute. Freiburg, 1998. P. 41–49.

власть, которые не способствуют либерализации наказания и декриминализации ¹¹⁹. Таким образом, медийная и политическая информационная «накачка» данной проблематики в общественном сознании способствует как ужесточению реакции общества на уголовную преступность, так и более карательному характеру отношения к уголовному наказанию. Как часто мы наблюдаем в политической практике, авторитаризирующийся режим склонен скрывать усиления репрессий против оппонентов и расширение границ уголовного вмешательства за необходимостью жесткого подавления криминализации общества. Фактически подобный политический режим подменяет решение социально-экономических проблем политикой ужесточения уголовного наказания, что отнюдь не способствует их решению.

R. H. Langworthy и J. T. Whitehead обнаружили корреляцию отношения к преступлению и наказанию с религиозностью и консервативной политической ориентацией респондентов ¹²⁰. Религиозная и консервативная ориентация маркирует склонность к более жесткой и карательной оценке преступления и уголовного наказания. В свою очередь, респонденты с либеральной политической ориентацией склонны объяснять преступное поведение неблагополучно сложившимися для делинквента объективными факторами внешней среды.

Страх перед преступностью и отношение к уголовному наказанию имеют и социально-территориальную и социально-поселенческую выраженность, что показывают результаты многочисленных социологических исследований. В своих крайних проявлениях и акцентуациях он способствует формированию устойчивой ойкофобии – страха возвращения в собственное жилище, страха проживания в конкретном жилище в условиях определенного социального окружения.

¹¹⁹ Walter M. Prevention of Crime in Local Society-Where will it Lead to // Penal Justice. Vol. 12, 2002. P. 1305.

¹²⁰ Langworthy R. H., Whitehead J. T. Liberalism and fear as explanation of punitiveness // Criminology. 24. 1986. P. 575–591.

С. Hale и J. Q. Wilson отмечали эффект самоизоляции городских микрорайонов в условиях криминализации и возникновения страхов перед окружающими и соседями, что характерно для неблагополучных районов, районов, в которых меняется состав населения в пользу низшего класса, маргинальных и деклассированных элементов и, как следствие, увеличивается отток представителей среднего класса ¹²¹.

J. Garafalo отмечает, что страх перед преступностью в подобных социально-поселенческих общностях ведет к вынужденной самоизоляции людей, которые стараются больше оставаться дома и избегать занятий и действий, которые могут оказаться опасными ¹²². У многих развиваются страхи и социальные стереотипы в отношении представителей низшего класса и андеркласса, которые препятствуют солидаризации местного сообщества. А. Н. Patterson пишет, что основные опасности и страхи в таких криминализованных социально-поселенческих общностях вызывают пешие перемещения по району и поездки в общественном транспорте ¹²³.

Также мы видим сочетание факторов криминализации социально-поселенческой общности и возраста в восприятии преступности и страха перед ней. S. Wallace и J. Joseph исследовали реакцию пожилых людей на криминализацию и заметили у них распространенность социального эскапизма, вызванного страхом перед преступностью ¹²⁴. Пожилые люди боялись выходить из дому и передвигаться по району, вследствие чего переходили на режим максимальной самоизоляции.

Таким образом, на развитие страха перед преступностью влияет оценка населением уровня криминализации в конкретных социально-поселенческих

¹²¹ Wilson J. Q. *Thinking about Crime*, by, Pp. 231. New York : Basic Books, 1975.; Hale C. *Fear of crime: A review of the literature* // *International Review of Victimology*. 4. 1996.

¹²² Garafalo J. *The fear of crime: Causes and Consequences* // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 82. 1981. P. 839–857.

¹²³ Patterson A. H. *Fear of crime and other barriers to the use of public transportation by the elderly* // *Journal of Architectural and Planning Research*. 2. 1985. P. 277–288.

¹²⁴ Wallace S. *Race versus class in health care of African-American elderly* // *Social Problems*. 37. 1990. P. 517–533; Joseph J. *Fear of crime among the black elderly* // *Journal of Black Studies*. 27. 1997. P. 698–718.

общностях. Следовательно, данная оценка также должна быть включена в программу социологического исследования отношения к преступности и конвенциональности уголовного наказания в качестве интерпретируемого понятия и операционализированного показателя.

Нельзя не отметить того факта, что большинство зарубежных исследователей в вопросе отношения общества к преступности выделяют значимость социально-территориального фактора, то есть дифференциацию мнений респондентов по их проживанию либо в сельской, либо в городской социально-поселенческой общности.

В исследованиях J. F. Donnermeyer, W. S. DeKeseredy, K. Gelb, M. D. Schwartz, K.D. Tunnell, M. Hall, R. A. Weisheit, D. N. Falcone, L. E. Wells, J. Walker, M. Collins, P. Wilson было показано, что общей закономерностью, выявленной не только в развитых, но и в развивающихся странах с относительно большой долей аграрного населения, является более жесткое и карательное отношение к уголовному правосудию и наказанию у жителей сельской местности¹²⁵. Жители сельской местности менее терпимы к преступности и более склонны к принятию в отношении правонарушителей жестких правовых санкций.

К примеру, K. Mulrooney и J. Wise провели лонгитюдное социологическое исследование отношения населения к уголовному преступлению и наказанию по квотной выборке, смоделированной на данных «Канадского исследования выборов» (CES). Отношение населения (в данном

¹²⁵ Donnermeyer J. F. and DeKeseredy W. S. Rural criminology. New York, NY : Routledge, 2014. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203094518>; Gelb K. Predictors of punitiveness: Community views in Victoria. Melbourne, Vic : Sentencing Advisory Council, 2011. URL: <https://www.sentencingcouncil.vic.gov.au/sites/default/files/publicationdocuments/Predictors%20of%20Punitiveness%20Community%20Views%20In%20Victoria.pdf>; DeKeseredy W. S., Donnermeyer J. F., Schwartz M. D., Tunnell K. D. and Hall M. Thinking critically about rural gender relations: Toward a rural masculinity crisis/male peer support model of separation/divorce sexual assault // Critical Criminology. 15(4). 2007. P. 295–311; Weisheit R. A., Falcone D. N. and Wells L. E. Crime and policing in rural and small-town America (3rd edn). Prospect Heights, IL : Waveland Press, 2006.; Walker J., Collins. M. and Wilson P. How the public sees sentencing: an Australian survey. Australian Institute of Criminology, 1987. URL: <https://aic.gov.au/file/5879/download?token=bXvOUtBf>

случае относящегося к категории избирателей) к карательным санкциям устанавливалось на основании трех основных критериев:

- 1) отношения жителей села и города к целям уголовного наказания;
- 2) отношения к интенсивности санкций;
- 3) отношения к тем или иным формам санкций ¹²⁶.

Социологи на основании полученных данных разработали «индекс наказания (карательности)», показывающий дифференциацию отношения к преступлению и наказанию в социальной структуре современного общества. Парные распределения продемонстрировали исследователям наличие устойчивой корреляции восприятия преступления и наказания с социально-территориальной структурой – сельское население стабильно придерживалось более жесткого и карательного отношения к целям уголовного наказания, интенсивности и формам санкционирования.

По мнению К. Mulrooney и J. Wise, показательным является отношение канадцев к молодым правонарушителям, совершившим жестокое преступление насильственного характера: «В сельских районах поддержка наказания остается относительно стабильная, впервые упав ниже 50 % в 2008 году и снова поднявшись в 2011 году (58,3 %), до достижения самого низкого уровня в 2015 году (47 %). И наоборот, 52,1 % городских респондентов выступали за наказание в 2004 году, и эта цифра постоянно снижалась, и только 35,7 % высказались за наказание в 2015 году. Впоследствии по этому параметру разрыв между городом и деревней значительно вырос» ¹²⁷. Исследователи установили более высокие значения индекса наказания/карательности у канадских избирателей, проживающих в сельской местности.

Анализ тройных распределений в исследовании К. Mulrooney и J. Wise (проведенном в 2019 году) показал «партийность» различий в мнении

¹²⁶ Mulrooney K., Wise J. Punitive attitudes across geographical areas: Exploring the rural/urban divide in Canada // International Journal of Rural Criminology. Volume 5. Issue 1 (November). 2019. P. 19–46.

¹²⁷ Там же. P. 29.

горожан и жителей села, которую они связывают с фактором влияния на селян политического популизма и, в частности, «логики уголовного популизма», а также с фактором электорального таргетирования (нацеленности политической агитации и риторики на определенные части избирателей, различаемые в том числе и по социально-территориальному признаку). Различия в риторике власти относительно электоральных категорий горожан и жителей сельской местности детерминируют различия в восприятии социально-политических процессов и отношения к уголовному наказанию. Определенную глубину социоструктурного разрыва общества в развитых странах продемонстрировали и прошедшие президентские выборы в США 2020 года, показавшие идейно-политические различия в репрезентациях жителей мегаполисов и крупных городов (в большинстве своем поддержавших демократов) и жителей сельской местности (в большинстве поддержавших республиканцев).

А. Armbrorst провел социологическое исследование на всей территории ФРГ в 2017 году ($N = 1272$), которое было посвящено влиянию двух видов страха перед преступностью на формирование карательных установок у населения страны. Страх перед преступностью делился на социальный страх перед преступностью (внешний по отношению к личности, страх правонарушений против населения) и индивидуальный (страх оказаться жертвой преступления). Помимо этого, мнения респондентов дифференцировались исходя из критерия восприятия населением различающихся целей уголовного наказания, разделяющегося на три вида целей:

- 1) уголовное наказание как кара, возмездие;
- 2) наказание как сдерживание преступности;
- 3) необходимость реабилитации преступников¹²⁸.

¹²⁸ Armbrorst A. How fear of crime affects punitive attitudes // European Journal on Criminal Policy and Research. 23. 2017. P. 461–481.

Как показывают данные исследования А. Armbrorst, представленные в таблице 1, более низкий индекс карательности у респондентов соответствует более гуманному отношению к целям наказания (необходимость реабилитации правонарушителей) и демонстрирует несколько меньший страх перед преступностью. У категорий респондентов с высоким индексом карательности и придерживающихся целей возмездия и сдерживания социальный страх перед преступностью более выражен, чем индивидуальный страх.

Таблица 1 – Индекс карательности и страх перед преступностью

Параметры	Признаки	Индекс карательности	Социальный страх перед преступностью	Индивидуальный страх перед преступностью
Цель наказания	Возмездие (362)	60,0	35,0	29,1
	Сдерживание (342)	61,2	36,0	28,0
	Реабилитация (492)	19,0	31,8	27,6
Пол	Мужской (618)	56	34,8	26,1
	Женский (654)	54,8	32,8	30,5
Возраст	Менее 30–40 лет (336)	54,0	22,2	28,8
	> 40–60 (470)	55,0	32,7	26,4
	> 60 и старше (450)	57,0	44,5	30,2
Образование	Нет/неполное среднее (360)	62,0	40,2	30,0
	Высшее среднее (373)	58,7	35,3	27,2
	Технический колледж/университет (443)	46,0	26,6	28,0

Женщины более гуманны, нежели мужчины и у них немного более выражен индивидуальный страх перед преступностью, чем у мужчин. Эта выраженность индивидуального страха понятна в силу больших опасений оказаться жертвой преступления именно у женщин, чувствующих себя

более беззащитными и в большинстве своем неспособными на физический отпор.

В возрастных категориях наблюдается рост индекса карательности по мере взросления и старения. Наименьший страх перед преступностью у молодежи и людей среднего возраста в категории «менее 30–40 лет», но у них наблюдается и более высокая позиция в балансе страхов страха индивидуальной преступности, нежели чем у людей среднего и пожилого возрастов в категориях «> 40–60» и «> 60 и старше». Можно констатировать тот факт, что с возрастом растет именно социальный страх перед преступностью, который косвенно фиксирует общее беспокойство за состояние дел в стране и восприятие уровня криминализации общества.

Данные исследования А. Armbrorst свидетельствуют о значимости в отношении к преступлению и наказанию фактора образования респондента. Мы наблюдаем корреляцию между уровнем образования и более гуманным отношением к уголовному наказанию. Также наблюдается снижение социальных и индивидуальных страхов по мере роста образованности.

Данные исследования, представленные на рисунке 1, демонстрируют разницу страхов преступности в отношении различных видов правонарушений. Видно, что существует значительное различие в восприятии и отношении к преступлениям против общества в целом и против личности в частности. В последней категории преступлений только кража со взломом показывает значительную разницу между гневом (= 1,6) и страхом (Икс-х–Икс-х–= 1,9). Также это свидетельствует о том, что граждане чаще выражают негодование преступлениями против общества и испытывают в большей степени социальные, а не индивидуальные страхи перед преступностью.

В целом, следует указать на то, что подобное отношение к преступности и уголовному наказанию в большей степени соответствует относительно благополучной ситуации с криминализацией в развитых странах, где население не испытывает существенных страхов перед

преступностью на уровне повседневной жизни и интерактивных взаимодействий в социально-поселенческой общности.

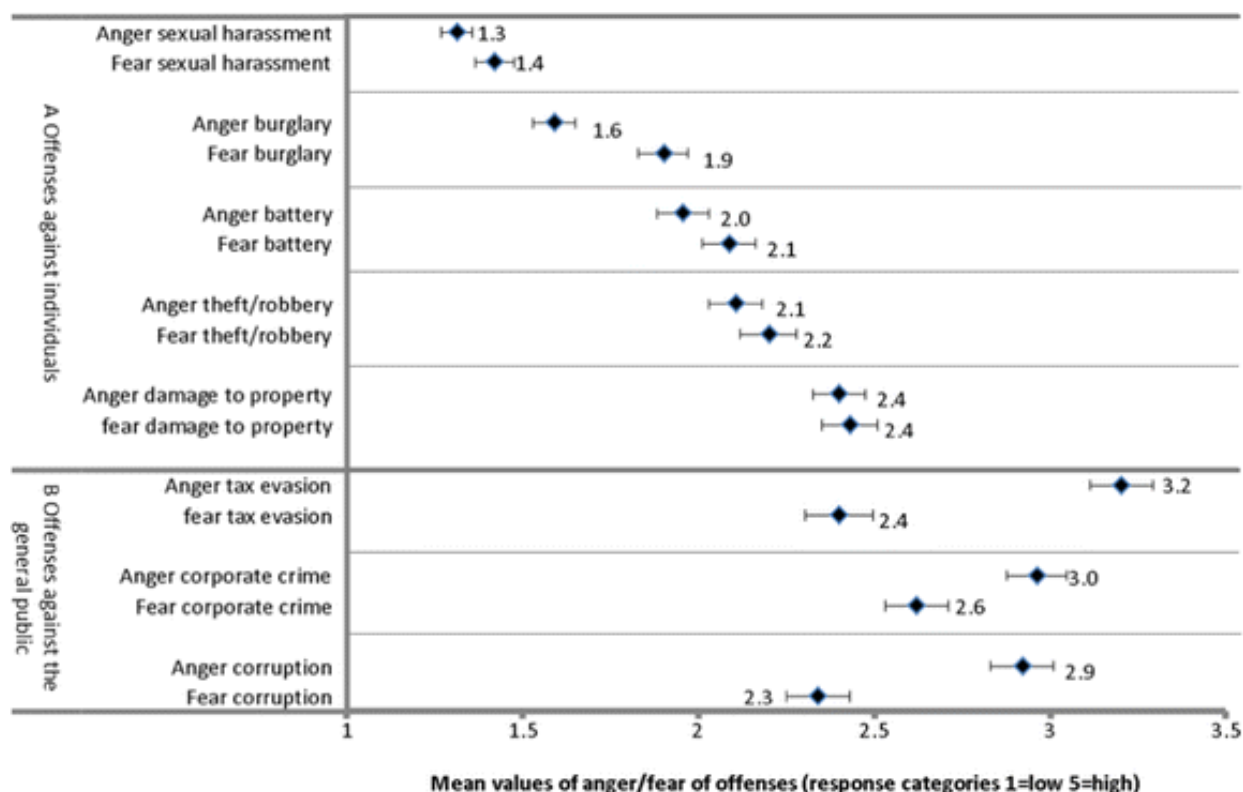

Рисунок 1 – Сравнение средних значений с доверительными интервалами: страх преступления в отношении различных видов правонарушений

Для контраста укажем на исследования в обществе с высоким уровнем криминализации и криминального насилия на уровне повседневности.

Мексиканские ученые P. Gaitán-Rossi и C. Shen выделили три зоны страха перед преступностью: чувство незащищенности, оценка риска оказаться жертвой преступления и избегающее поведение. Эти факторы детерминируют уровень виктимизации, недоверие и невежливость к окружающим, низкую оценку эффективности полиции ¹²⁹. Убийства обуславливают избегающее поведение и ощущение незащищенности, а уровень социального неравенства и бедность коррелируют с оценкой рисков виктимизации.

¹²⁹ Gaitán-Rossi P., Shen C. Fear of Crime in Mexico: The Impacts of Municipality Characteristics // Social Indicators Research. 135. 2018. P. 373–399.

Исследования С. Vilalta и G. Fondevila показали связь между отношением к преступности и наказанию и недоверием к полиции. Основной причиной данного недоверия является восприятие и оценка коррупции в полицейской среде ¹³⁰. Социологи утверждают, что оценка репутации полиции является одним из основных факторов страхов перед преступностью и, как следствие, карательного отношения к уголовному наказанию. Репутация полиции и качество жизни населения в Мексике суть взаимосвязанные величины.

А. М. Almanza-Avendaño, М. Р. Romero-Mendoza и А. Н. Gómez-San Luis раскрыли детерминанты формирования чувства незащищенности, страха перед преступностью и оценки строгости уголовного наказания (Рисунок 2).

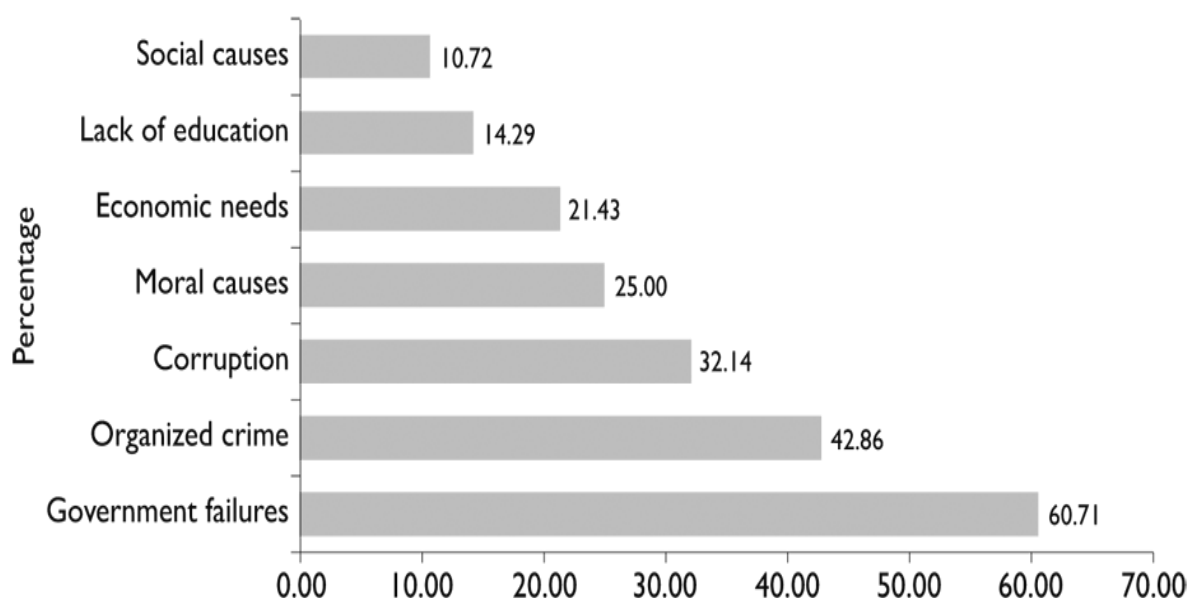

Рисунок 2 – Предполагаемые причины чувства незащищенности от криминала

Как отмечает данный коллектив мексиканских социологов: «Что касается причин отсутствия безопасности, респонденты заявили, что главной причиной было «правительство», которое они критиковали за бездействие или за «допущение роста организованной преступности»; а также недостаток соответствующих стратегий безопасности, включая отсутствие политической

¹³⁰ Vilalta C., Fondevila G. Perceived Police Corruption and Fear of Crime in Mexico // Mexican Studies/Estudios Mexicanos. 2020. 36 (3): 425–450.

воли или качественного полицейского наблюдения в городе. Еще одна причина, о которой они упомянули, – это сговор между правительством и организованной преступностью»¹³¹.

Таким образом, в криминально неблагополучных обществах на оценку преступления и уголовного наказания влияет:

- 1) уровень доверия к полиции (оценка репутации полиции);
- 2) оценка коррумпированности полиции;
- 3) оценка коррумпированности муниципальной и государственной власти;
- 4) мнение о наличии связей между правительственными структурами и организованной преступностью.

Рассмотрение столь различающихся по уровню криминализации обществ, как североамериканские, западноевропейские и мексиканское, позволяет выделить весь спектр факторов и силу их воздействия на отношение к уголовному наказанию. Без данной полярности отсутствовала бы полнота описания столь сложного явления, и мы ограничились бы изучением относительно благополучных с криминальной точки зрения сообществ.

Одним из важных социоструктурных факторов отношения к уголовному преступлению и наказанию является социальная стратификация, положение общности/группы/индивида в сложной системе координат, состоящей из профессии, социально-профессионального статуса, образования, дохода, престижа. Социальный статус индивида связан с вероятностью повседневной уличной виктимизации, поскольку в большинстве своем соотносится с определенной поселенческой локализацией и т. п. Это обуславливает, как следствие, определенный уровень страха перед преступностью, который в свою очередь

¹³¹ Almanza-Avendaño A. M., Romero-Mendoza M. P., Gómez-San Luis A. H. Feelings of insecurity regarding organized crime in Tamaulipas, Mexico. Salud Publica Mex [Internet]. 28 de junio de 2018 [citado 26 de diciembre de 2020]; 60 (4, jul-ago):442-50. URL: <https://saludpublica.mx/index.php/spm/article/view/8087>

детерминирует то или иное отношение к преступности и оценке уголовного наказания.

Целый ряд исследователей, J. Sanders, L. Hamilton, R. H. Langworthy, J. T. Whitehead, M. Hough и J. Roberts, обратили внимание на влияние на отношение к преступности и уголовному наказанию принадлежности респондентов к тому или иному социальному классу и/или социальному слою (социальному классу в американской «репутационной модели» социальной стратификации и «классу»/«страте»/«социальному слою» в европейской модели социальной стратификации, включающей не деление на слои/классы, а разделяющей стратификацию на три класса: А, В, С, каждый из которых в свою очередь включает стратифицированные слои)¹³².

Британские исследователи М. Hough и Д. Мохон заметили, что представители рабочего класса и представители их семейств/домохозяйств более склонны к карательному отношению к преступности и одобрению наказаний в виде лишения свободы. Это различие наблюдается и по характеру труда представителей одного и того же класса, к примеру «В» и «С», работники умственного труда, занимают по отношению к уголовному наказанию более гуманную позицию, нежели работники физического труда¹³³.

Аналогичным образом результаты британского исследования преступности М. Hough и J. Roberts показывают, что респонденты с низким уровнем образования и респонденты из домашних хозяйств, не занимающиеся физическим трудом, чаще считали приговор мягким и недооценивали суровость существующей практики вынесения приговоров¹³⁴.

¹³² Hough M., Roberts J. Attitudes to crime and punishment: Findings from the British Crime Survey. London: HMSO. 1998; Langworthy R. H., Whitehead J. T. Liberalism and fear as explanation of Punitiveness // Criminology. 24. 1986. P. 575–591.; Sanders J., Hamilton L. Is there a «common law» of responsibility? // Law and Human Behaviour. 11. 1987. P. 277–298.

¹³³ Hough M., Moxon D. Dealing with offenders: Popular opinion and the views of victims. Findings from the British Crime Survey // The Howard Journal. 24. 1985. P. 160–175.

¹³⁴ Hough M., Roberts J. Attitudes to crime and punishment: Findings from the British Crime Survey. London: HMSO. 1998.

В своем крайнем проявлении уголовное наказание предполагает высшую меру, отношение к данному виду наказания в социоструктурном и стратификационном аспекте показывает определенные пределы дифференциации отношения социальных слоев и классов к уголовному преступлению.

J. L. Tilley, основываясь на результате собственного исследования, утверждает, что репрезентации среднего и высшего класса формируют «идеологию юридических лиц» (имеются в виду обвинение, судья и присяжные) через негативные образы восприятия низшего класса, к которому в большинстве своем принадлежат преступники, которым назначают смертную казнь¹³⁵. Полученные в ходе исследования данные свидетельствовали о том, что репрезентации социального неравенства в случае их распространения в результате социальных изменений негативного характера, кризисных социально-экономических условий и т. п. вызывают рост одобрения криминальных стереотипов в отношении представителей низшего класса, андеркласса, различных депривированных меньшинств. В свою очередь данный процесс прямым образом влияет на изменение отношения представителей высшего и среднего классов на возможность, необходимость и целесообразность применения высшей меры уголовного наказания – смертной казни. Фактически мы видим действие фактора «коллективной стигматизации» в социальной стратификации оценки и восприятия уголовного наказания.

Обобщая многочисленные исследования социоструктурных факторов конвенциональности уголовного наказания в зарубежной науке, выражаемых в отношении к преступности и уголовному наказанию в общественном сознании, мы можем выделить ряд критериев и показателей данного явления, которые необходимо учесть при построении модели структурной и факторной операционализации (Таблица 2).

¹³⁵ Tilley J. L. Social Class and Capital Punishment: A Theoretical and Empirical Analysis. Online Theses and Dissertations. 209. 2014. URL: <https://encompass.eku.edu/etd/209>

Таблица 2 – Социоструктурные факторы конвенциональности уголовного наказания, выраженные в отношении к преступности и уголовному наказанию

№ п/п	Операционализируемые факторы и показатели
1	Пол/гендер
2	Раса/национальность
3	Негативные расовые и этнические стереотипы и предрассудки
4	Возраст
5	Уровень образования
6	Уровень доходов
7	Социально-территориальная общность (город/село, тип и плотность жилищной застройки)
8	Социальный статус (социальный слой/класс); самооценка принадлежности к социальному слою
9	Политическая ориентация (либеральная/консервативная, умеренная/радикальная и т.д.)
10	Конфессиональная принадлежность, уровень религиозности
11	Наличие опыта жертвы преступления («опыт виктимизации»)
12	Каналы коммуникации о ситуации с преступностью
13	Уровень информированности населения о проблемах с преступностью
14	Фактор медийного и политического использования и «информационной накачки» проблематики страха перед преступностью
15	Оценка уровня конфликтности и криминализации в собственной социально-поселенческой общности
16	Оценка социально-экономического положения в стране
17	Страх перед преступлением (социальный и индивидуальный). Страх перед преступностью делился на социальный страх перед преступностью (внешний по отношению к личности, страх правонарушений против населения) и индивидуальный (страх оказаться жертвой преступления)
18	Уровень доверия к полиции («оценка репутации полиции»), доверие как институциональное (как к социальному институту), так и индивидуальное (доверие к конкретным институциональным агентам)
19	Оценка коррумпированности полиции
20	Оценка коррумпированности муниципальной и государственной власти
21	Мнение о наличии связей между правительственными структурами и организованной преступностью
22	Чувство незащищенности от криминала
23	Оценка риска оказаться жертвой преступления
24	Избегающее и самоизоляционное поведение
25	Уровень социальной солидарности в местном сообществе территориальной локации проживания, «сплоченность соседей», практики общения
26	Субъективная оценка серьезности правонарушения
27	Отношение к уголовному наказанию и карательным санкциям: 1. Отношения к целям уголовного наказания; 2. Отношения к интенсивности санкций;

В последнем пункте таблицы 2 мы отметили отношение населения к уголовному наказанию и карательным санкциям. Критерий восприятия населением различающихся целей уголовного наказания разделялся исследователями на три вида целей:

- 1) уголовное наказание как кара, возмездие;
- 2) наказание как сдерживание преступности;
- 3) наказание через необходимость реабилитации преступников.

Как нам показывает анализ мнений западных ученых-пенологов, а также изучение материалов социологических исследований, «уголовный популизм», манипуляция со стороны политиков и СМИ данными о росте преступности в собственных целях отнюдь не редкое явление и важный фактор, влияющий на изменение уголовной политики в государстве. Однако подобный «уголовный популизм» демонстрирует и обратную сторону этого явления – невозможность отрыва стратегии и мер уголовной политики от мнения большинства членов общества.

Одним из важных аксиоматических выводов, распространенных в западной науке и практике, является признание неразрывности между уголовной политикой и общественным мнением, убежденность в том, что уголовная политика должна соответствовать мнению общественности. Уголовная политика должны быть «разумной» (то есть фундаментально соответствовать конструкту «здорового смысла», характерного для повседневной рациональности большинства) и «эмпирически обоснованной», то есть основанной на ценностях, убеждениях и идеалах, связанных с вопросами закона и порядка в общественном сознании.

Данные исследований социоструктурных факторов конвенциональности уголовного наказания в зарубежной науке (отношения к преступности и уголовному наказанию в общественном сознании), свидетельствуют об актуальности нахождения сущностной близости и

логических соответствий между восприятием уголовного наказания представителями дифференцированных в социальной структуре и стратификации социальных общностей и групп и мерами по гуманизации, либерализации, коррекции санкций уголовного наказания, проводимыми на уровне уголовной политики государства.

Выражать уверенность в возможности построения некоего совершенного баланса между оценкой деяния и уголовного наказания общественным мнением и соответствующими ими санкциями, одобряемыми большинством, представляется достаточно наивным идеализмом, не соответствующим реалиям борьбы с преступностью и специфике функционирования системы уголовного правосудия. Скорее, конвенциональность уголовного наказания, максимально легитимизирующая уголовно-правовую систему, ставит вопрос о нахождении относительно непротиворечивых соответствий между восприятием преступления и наказания в общественном сознании.

1.4. Теоретико-методологическое обоснование исследования конвенциональности уголовного наказания

В данной части работы мы обобщим, концептуализируем и представим теоретико-методологическое обоснование модели нашего исследования. Необходимость программного методологического раздела объясняется тем, что в нем будет обосновано различие криминологического и социологического подходов к анализу конвенциональности уголовного наказания. В этом случае возникает необходимость выстроить связку: **конвенциональность – легитимность – общественное доверие**. Построение такой концепции определит необходимость обоснования выбора объектов наблюдения по тем или иным проблемам конвенциональности.

Первой задачей нашего исследования явилась интерпретация конвенциональности уголовного наказания в социально-гуманитарном знании. Ранее было установлено, что можно определенным образом интерпретировать и разграничить семантически близкие понятия «*конвенция*» и «*конвенциональность*». Если, собственно, «*конвенция*» есть возникающее между социальными субъектами неформальное соглашение, то есть неформальный солидаризированный ценностно-нормативный конструкт, то «*конвенциональность*» была интерпретирована как свойство конвенций, выражающееся в той или иной степени согласия данных субъектов с распространенной конвенцией, выступающей в формах разделяемых определенным коллективом ценностей, норм и правил.

Интерпретация основного понятия предмета исследования была финализирована следующим образом: «*конвенциональность уголовного наказания*» – степень согласия общества относительно декларируемых государством целей и функций наказания, применяемых им видов наказания, адекватности наказания содеянному при учете имеющихся в обществе альтернатив наказания.

Выделим основные семантические основания данных интерпретаций:
– конвенция – «неформальное соглашение»;

– конвенциональность – «свойство конвенций», «выражающееся в той или иной степени согласия»;

– конвенциональность уголовного наказания – «степень согласия общества с наказанием».

То есть мы имеем дело с неформальными соглашениями, их свойствами, выражающимися в степени согласия индивидов с ценностями и нормами, которые они транслируют и/или воспроизводят. Степень согласия как показывает *интерсубъективный характер конвенции*, так и содержит компонент идентичности и идентификации, то есть «*легитимации*» нормы. Отсюда возникает вопрос о соотносительности в одном смысловом поле и семантическом пространстве понятий «конвенция», «конвенциональность», «*легитимация*» и «*легитимность*».

М. Вебер не оставил дефиниции легитимности, которую он понимал больше в политическом аспекте, как признание/непризнание власти. Подобное понимание доминирует в социально-гуманитарном знании и в настоящее время, проблема легитимности – это проблема политическая, отражающая отношение к власти со стороны большинства или всего общества. Помимо типов легитимности (традиционной, рационально-легальной и харизматической), М. Вебер выделял ее уровни: 1) легитимность народная, как признание народом прав власти на господство; 2) легитимность внешняя, признание власти со стороны внешнеполитических акторов; 3) легитимность индивидуальная, оценка самой власти своих прав на осуществление господства.

Но, так или иначе, легитимность по М. Веберу это политическое явление, соотносимое с явлениями и институтами политического лидерства, власти, господства и государства. Понятие легитимности сегодня трактуется в социологии как «признание, объяснение и оправдание социального порядка, действия, действующего лица или события. В правоведении противопоставляется легальности (собственно законности), как обладающая не юридической, но моральной функцией оправдания, прежде всего, власти

по критериям авторитета и целей»¹³⁶. В этом определении мы обнаруживаем отход от области, собственно, политического.

Отход от политической интерпретации легитимности тем не менее несет за собой шлейф привязки к социальному неравенству, статусности и власти. Поэтому понятие легитимности было легко адаптировано под нужды социологии управления и практики менеджмента и предстало в виде «социальной» и «организационной» легитимности. Так, по мнению S. Aureli: «В области управления социальная легитимность означает степень, в которой широкая общественность и другие заинтересованные стороны поддерживают конкретное поведение или программу, реализуемую частной или государственной организацией. Это относится к социальному признанию организаций (также называемому «организационной легитимностью»). Другими словами, эта концепция социально сконструирована в том смысле, что она отражает соответствие между поведением узаконенной сущности и разделяемыми (или предположительно разделяемыми) убеждениями некоторой социальной группы. Легитимность зависит от коллективной аудитории (оценщиков), которая одобряет или поддерживает поведение индивидуального или коллективного актора»¹³⁷.

В отличие от социологии управления в социологии права акцент переносится на легальность нормы, а не на ее легитимность. Легитимность понимается как неформальная оценка формальной и, как следствие, легальной нормы. Следовательно, изучаются как консенсуальные состояния, так и разрывы между легальностью и легитимностью нормы, взаимозависимость и взаимообусловленность этих явлений. Есть и оценки в духе критической теории, нивелирующие сами понятия легитимности и легитимации. Так, A. Hyde считает, что понятия «легитимность» и

¹³⁶ Российская социологическая энциклопедия / под ред. академика Г. В. Осипова. М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 259.

¹³⁷ Aureli S. Social Legitimacy // Encyclopedia of Sustainable Management / S. Idowu, R. Schmidpeter, N. Zu L. Capaldi, M. Del Baldo, R. Abreu (eds). Springer, Cham, 2020. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02006-4_678-1

«легитимация» не существуют в измеримой форме; оценивает некоторые неудачные последствия чрезмерного их использования в исследованиях права. «Ни один из них не представил ни малейшего эмпирического доказательства существования предполагаемого воздействия на общественное мнение, называемого легитимацией. Антропологи права не предполагают в качестве рабочего положения, что, как того требует теория легитимации, существует какая-либо тенденция в массовом поведении или убеждениях отражать правовые нормы как таковые, по крайней мере, без значительной силы санкций. Согласно значительно более слабой версии теории легитимации, у части населения нет необходимой склонности придерживаться норм правовой системы только потому, что они были обнародованы должным образом. Легитимация может предложить привлекательный способ обсуждения социологического воздействия права, не затрагивая его существенное моральное содержание»¹³⁸.

Более поздняя, современная интерпретация легитимности в социологии выходит за рамки политического дискурса и связывается не столько исключительно с поддержкой, оправданием и признанием политической власти, сколько с консенсусом относительно правильности, уместности, правомерности того или иного действия или явления. К примеру, J. Chen интерпретируют легитимность как «...ценность, благодаря которой что-то или кто-то признается и принимается как правильное и надлежащее»¹³⁹. Одно из авторитетных определений легитимности в социологии дано M. Suchman: «обобщенное восприятие или предположение о том, что действия субъекта

¹³⁸ Hyde A. The Concept of Legitimation in the Sociology of Law // Trevino A. J. The Sociology of Law: Classical and Contemporary Perspectives (1st ed.). 2008. Routledge. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315135069>

¹³⁹ Chen J. Useful Complaints: How Petitions Assist Decentralized Authoritarianism in China. New York : Lexington Books, 2016. P. 165.

желательны, правильны или уместны в рамках некоторой социально созданной системы норм, ценностей, убеждений и определений»¹⁴⁰.

Как следствие, понятие «легитимность» покидает поле политической семантики и дискурса и обретает аксиологические и деятельностно-поведенческие коннотации. Легитимность теперь касается любой ценности и нормы, которые признаются обществом, что детерминирует их аналитическое рассмотрение на различных уровнях социальной реальности. Легитимность может быть редуцирована на минимальный уровень интерактивного взаимодействия и интересубъективности – малую группу в виде диады.

Легитимности сопутствует понятие «*легитимации*», как деятельностно-поведенческому, динамическому проявлению процесса и механизма выработки и подкрепления легитимности. Легитимация – это акт выработки и подкрепления легитимности, легитимация – процесс, а легитимность – убеждение, возникшее в его следствии. Легитимация и легитимность соотносятся и как частное и общее, и как процесс и его результат. Легитимация синонимична и тождественна «*легитимизации*», процессуальной выработке, деятельностному наполнению и воплощению легитимности.

По мнению С. Johnson, Т. J. Dowd и С. L. Ridgeway, процесс, посредством которого социальный объект истолковывается как легитимный, предполагает выделение четырех стадий, посредством которых новые социальные объекты, как индивидуальные (достойные/недостойные индивидуумы), так и коллективные (организационные формы), получают легитимацию: 1) инновация; 2) локальное подтверждение; 3) распространение; 4) общее подтверждение¹⁴¹. Ученые признают и

¹⁴⁰ Suchman M. C. Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches. Academy of Management Review. 20(3). 1995. P. 574.

¹⁴¹ Johnson C., Dowd T. J. and Ridgeway C. L. Legitimacy as a Social Process // Annual Review of Sociology. 32 (2006): 53–78. URL: <http://www.jstor.org/stable/29737731>.

оборотную, негативную сторону данного явления и процесса – легитимация статус-кво, то есть принятие широко распространенных консенсусных схем/верований в обществе в целом часто способствует стабильности неоптимальных действий и практик, которые создаются в результате этих новых индивидуальных и коллективных социальных объектов.

Рассмотрим механизм генезиса легитимности, представленный в работе С. Johnson, Т. J. Dowd и С. L. Ridgeway, детализируем и дадим трактовку его стадий.

1. Инновация. Прецедент первой легитимации или новый/специфический способ/форма/смысл легитимации. Те или иные первоначальные или специфические действия подкрепляющего характера, направленные на объект легитимизации, признающие, объясняющие и оправдывающие социальный порядок, действия, действующее лицо или событие.

2. Локальное подтверждение. Легитимность на уровне индивид – индивид – малая группа. Интерактивная и внутригрупповая легитимация. Подкрепление и закрепление легитимности на уровне действий индивида (социального действия, направленного на других), интерактивного межличностного взаимодействия Я – Ты и на уровне групповой динамики

3. Распространение. Межгрупповая экспансия способов и форм подкрепления легитимности относительно определенного объекта.

4. Общее подтверждение. Распространение убеждения о легитимности какого-либо индивида, действия, элемента нематериальной культуры на уровень социальных общностей и всего общества. В конечном итоге появляющаяся генерализированная легитимация, выражающаяся в типизации, реификации и хабиутализации объекта.

Нельзя не отметить, что *легитимность – это состояние конвенциональное. Однако представленный механизм генезиса легитимности позволяет убедиться в том, что легитимность – это производное явление от конвенциональности. Основной момент*

легитимности и легитимации – подкрепление уже произведенной нормы и ценности. Генезис легитимности объекта предполагает подкрепление уже существующей его нормализации и убеждения в его нормальности/признанности/приемлемости/оправданности.

Применительно к объект-предметной области нашего исследования конвенция описывает процесс и результат генезиса нормы, а легитимность действует постфактум, как оценка легализованной нормы уголовного наказания. С точки зрения криминологического подхода – восприятие, рефлексия, критика нормы в большей степени востребует понятие легитимности нормы и конструкт легитимность – легитимация. Но с позиции социологического подхода этого явно недостаточно, поскольку легитимность ничего не говорит ни о появлении самой нормы, ни о возможных альтернативах ее пересмотра.

На этапе операционализации понятий эмпирического исследования уголовного наказания легитимность будет выражаться в рефлексии существующей нормы/условий наказания, как «отношение к...», «восприятие...», «оценка...», «мнение о...». То есть будет касаться отношения не только к уже существующей, но и к легализованной норме. Но легитимность нормы де-факто и ее легальность де-юре мало нам скажет о ее генезисе и о возможности ее пересмотра посредством взвешивания в индивидуальном и общественном сознании тяжести содеянного, вины и наказания осужденного. К примеру, вопрос: «Считаете ли Вы, что наказание за ... в виде лишения свободы на ... года является справедливым?», – в исследовании конвенциональности конкретизируется уточнениями: «А какой срок лишения свободы за ... Вы считаете справедливым?», «Согласны ли Вы с точкой зрения о необходимости снижения срока наказания за ...?» и т. п.

Следующим понятием и явлением в выстроенной концептуальной связке: конвенциональность – легитимность – общественное доверие, является «доверие».

Интерсубъективность и конвенциональность нормы предполагает, что в процессе интеракции индивиды основываются на общеразделяемых значениях, смыслах и стереотипах, что ведет к экономии информационно-энергетических затрат головного мозга, поскольку не предполагает активизации критического мышления и рефлексии социального действия. Здесь уместно сослаться на концептуальное видение конвенции через ситуацию взаимодействия в рамках интерпретативной социологии. По А. Щюцу взаимозаменяемость перспектив – это совпадение у индивидов в интеракции интерпретаций смысла понятий. Механизмы повседневной **типизации** основаны на двух постулатах: 1) постулат взаимозаменяемости точек зрения: в интеракции индивид принимает на веру обстоятельства контактов и предполагает, что другие поступают так же; 2) различия во взглядах, мнениях, представлениях не имеют значения в конкретных взаимодействиях. Типизация по А. Щюцу – основа смыслового конструирования и наполнения жизненного мира. С этой позиции можно утверждать, что типизация – это один из основных механизмов как выработки конвенций, так и самой конвенциональности социального взаимодействия.

В связке: конвенциональность – легитимность – общественное доверие, следующая значимая категория – это доверие. Данное понятие и явление в современной социологии исследуется на четырех уровнях анализа, как:

- 1) межличностное доверие;
- 2) организационное доверие;
- 3) межорганизационное доверие;
- 4) институциональное доверие.

Исследования доверия носят междисциплинарный характер, в нее регулярно вносят вклад исследователи из всех наук, особенно социологии, психологии, политологии, антропологии, науки управления и с недавних пор нейробиологии, поведенческой экономики и даже информатики. Но нас интересует специфика социологического аспекта изучения доверия.

Социологи склонны подчеркивать реляционные характеристики доверия, которые обычно классифицируются в соответствии с уровнем агрегирования (например, индивидуальный уровень, уровень сообщества, уровень популяции, организационный уровень и социальный уровень). В нашем случае уровень агрегирования затрагивает комбинацию социальных общностей в модели социальной стратификации в России.

Рассмотрим некоторые, наиболее значимые и распространенные, интерпретации данного понятия. О. Schilke, M. Reimann, и К. S. Cook следующим образом определили доверие: «Мы определяем доверие как готовность объекта (т. е. доверителя) стать уязвимым для другого объекта (т. е. доверительного управляющего). Принимая на себя этот риск, доверитель предполагает, что доверительный управляющий будет действовать таким образом, который будет способствовать благополучию доверителя, несмотря на то, что действия доверительного управляющего находятся вне контроля доверителя»¹⁴². Здесь основное – готовность доверителя для принятия риска и ситуации уязвимости/зависимости от другого лица (доверительного управляющего).

Одним из авторитетных интерпретаций доверия является определение U. B. Kassebaum: «Межличностное доверие – это ожидание будущего поведения другого человека и сопровождающее его чувство спокойствия, уверенности и безопасности в зависимости от степени доверия и степени связанного с ним риска. Это другое лицо должно вести себя согласованно, несогласованно, но лояльно или, по крайней мере, в соответствии с субъективными ожиданиями, хотя оно/он имеет свободу и выбор действовать по-другому, поскольку невозможно или добровольно нежелательно контролировать его. Этот другой человек также может восприниматься как

¹⁴² Schilke O., Reimann M. & Cook K. S. (2021). Trust in social relations // *Annual Review of Sociology*. 47. P. 245.

представитель определенной группы»¹⁴³. Здесь же выделяется аспект экспектаций доверителя по отношению к доверительному управляющему. Доверие предстает как ожидание будущего поведения другого индивида. Также заметим, что здесь акцентируется и важность типизации и социальной стереотипизации – гетеростереотип другого, как представителя какой-либо социальной общности или группы.

На основе анализа научных социологических источников постараемся обобщить структурные компоненты доверия:

1. Доверенное лицо.

Доверие затрагивает как минимум две стороны, вступающие в интерактивное взаимодействие и/или выражающие отношение к другому визави или вне ситуации интерактивного контакта. Это доверитель (индивид, которые доверяет, доверяется) и доверенное лицо/доверительный управляющий (тот, который является объектом доверия).

2. Перспектива, взгляд в будущее.

К примеру, одно из наиболее кратких определений межличностного доверия дали R. S. Burt and M. Knez, которые утверждали, что «доверие – это ожидаемое сотрудничество»¹⁴⁴. Н. Луман рассматривал доверие как ситуацию предвосхищения будущего в социальном взаимодействии.

3. Неопределённость. Еще Г. Зиммель рассматривал доверие как некое промежуточное состояние неопределенности, когда индивид колеблется между знанием и незнанием. Н. Луман следующим образом описал это состояние: «Тот, кто знает все о конкретной проблеме, которую нужно решить, принимает рациональное решение и не нуждается в доверии. Тот, кто ничего не знает о конкретной проблеме, не может доверять, а только надеяться. Решение о доверительном управлении вынуждает доверителя

¹⁴³ Kassebaum U. B. Interpersonelles Vertrauen: Entwicklung eines Inventars zur Erfassung spezifischer Aspekte des Konstrukts. Ph.D. thesis, Universität Hamburg, Hamburg, 2004. URL: <http://www.sub.uni-hamburg.de/opus/volltexte/2004/2125>.

¹⁴⁴ Burt R. S. and Knez M. Kinds of third-party effects on trust // *Rationality and Society*. 7(3). 1995. P. 275.

выбирать один из множества возможных сценариев, предлагаемых будущим»

145

4. Экспектация, ожидание по отношению к доверительному лицу.

Экспектация – это установка, убеждение, направленное в будущее в ситуации неопределенности. Доверие – это ожидаемое поведение. Индивид склонен к уменьшению неопределенности на основании ожиданий определенных, предсказуемых моделей поведения и типизированных социальных действий. К примеру, подобным образом работают модели ролевого поведения, стереотипы (при этом как автостереотипы, так и гетеростереотипы).

5. Риск.

Это неотъемлемый компонент ситуации доверия. Неоправдавшиеся экспектации повышают неопределенность ситуации взаимодействия, несут вред межличностному общению, поскольку работают на его разрыв.

6. Отказ от контроля.

Доверитель в определенной степени отказывается от контроля за действиями доверительного управляющего, данный отказ может носить, впрочем, как добровольный, так и принудительный характер. С одной стороны, отсутствие контроля над ситуацией заставляет доверять, с другой – доверие есть перепоручение контроля доверительному исполнителю.

7. Аффективный, поведенческий и когнитивный компоненты.

По мнению R. H. Fazio and R. E. Petty: «Люди могут выражать отношение и, следовательно, доверие тремя способами: с помощью аффективной, поведенческой и когнитивной реакции»¹⁴⁶. Аффективная реакция доверия выражается в чувстве уверенности и безопасности. Поведенческий аспект выражается как вербальное намерение или как

¹⁴⁵ Luhmann N. Vertrauen: ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. 3rd edition. Enke, Stuttgart, 1989. P. 134.

¹⁴⁶ Fazio R. H., Petty R. E. Attitudes: Their Structure, Function, and Consequences // Psychology Press. New York, 2008. P. 8.

поведение, ориентированное на взаимодействие. Когнитивный аспект затрагивает размышления индивида о риске, оценку ситуации взаимодействия и характеристику/качества доверительного управляющего.

С точки зрения нашего исследования, нас интересует доверие к норме уголовного наказания, правоохранительной и судебной системам. Это доверие основывается на агрегировании на уровне социально-дифференцированных социальных общностей (страт, классов) в стратификационной системе современного российского общества. То есть мы имеем дело не столько с межличностным, сколько с институциональным доверием.

Однако даже институциональное доверие соотносится и испытывает влияние «фоновое» доверия в обществе в целом, которое называется «генерализированным» или «обобщенным». Если в психологии генерализированное доверие рассматривается, скорее, как черта личности, то в социологии оно исследуется на уровне состояния общественного сознания и культурной специфики.

По мнению К. S. Cook, R. Hardin и M. Levi: «Термин «обобщенное доверие» обычно описывает субъектов, оказывающих определенный уровень доверия независимо от личности доверительного управляющего и характера ситуации»¹⁴⁷. Это определенный ресурс солидаризма и мобилизации общества, который демонстрирует его внутреннюю системную связанность, совместимость и комплементарность его компонентов. Не зря Р. Патнем, говоря о прогрессирующем упадке гражданского участия и социального активизма, связывает данный процесс со снижением социального доверия, входящего вместе с нормами и сетями в его конструкт «социального капитала».

¹⁴⁷ Cook K. S., Hardin R. and Levi M. Cooperation Without Trust? // Russell Sage Foundation. 2005.

Уровень обобщенного доверия в той или иной степени (прямо и косвенно) отражает следующие признаки:

- 1) состояние и восприятие криминогенной обстановки;
- 2) степень социальной солидарности на уровне микросоциума и общества в целом;
- 3) интенсивность коммуникаций внутри группы/общности/общества, уровень эмпатии в межличностных отношениях и взаимодействиях;
- 4) состояние системы социального контроля как в своей формальной, так и в неформальной форме;
- 5) уровень социального самочувствия, тревожности;
- 6) отношение к правоохранительным органам, уровень доверия им;
- 7) отношение к органам власти, доверие к власти.

Анализ научной литературы и данных эмпирических исследований показывает, что межличностное доверие генерализируется в обобщенное и является фактором того или иного уровня институционального доверия. Но адекватна и аналитическая инверсия данной каузальной цепочки – уровень институционального доверия свидетельствует о том, что общество коммуникационно и эмпатически связано на уровне межличностного взаимодействия и что уровень межличностного доверия не является низким.

Помимо этого, мы находим многочисленные социологические подтверждения тому, что институциональное доверие к правоохранительным органам, судебной системе, системе исполнения наказания и их институциональным агентам (как индивидуальным, так и коллективным) связано не только с оценкой их деятельности (что всегда эмпирически очевидно), но и фундаментально – с **оценкой справедливости нормы уголовного наказания**. Именно это является глубинной социальной и культурной основой оценки всей системы уголовного наказания, и тут мы с неизбежностью возвращаемся к явлению конвенций и конвенциональности оценки нормы.

Возвращаясь к концептуальной связке: конвенциональность – легитимность – общественное доверие, можно констатировать, что она носит каузальный, последовательный и взаимоувязанный характер. Доверие является атрибуцией легитимности, его следствием, основанным на опыте и подкреплении поведения, его проявлением в аффективных, поведенческих и когнитивных реакциях.

Обобщим вышеприведенный анализ понятий в концептуальной цепочке: конвенциональность – легитимность – общественное доверие до нескольких основных тезисов, которые описывают механизм генезиса, развития, оценки, рефлексии и критики уголовного наказания в обществе.

1. Генезис нормы – это выработка согласованной конвенции, то есть возникающего между социальными субъектами неформального соглашения, неформального солидаризированного ценностно-нормативного конструкта, что наиболее явственно в традиционном обществе и обычном праве, но также очевидно для индустриального общества с классовой стратификацией. Норма в своем неформальном виде и появляется как конвенция, этот эффект на микроуровне социальной организации связан с процессами интерактивного взаимодействия и групповой динамики в малых группах. Исходя из теоретико-методологической дихотомии «нормативизм – волюнтаризм» следует отметить, что норма может и волюнтаристски навязываться большинству со стороны: на микроуровне – лидером группы, а на макроуровне – властью, политическим лидером в ходе радикального реформирования или революционных изменений. Даже в ситуации нерадикального реформирования относительно велика роль субъективного фактора и волюнтаристского поведения и нормотворчества.

2. Конвенциональность есть свойство конвенций, выражающееся в той или иной степени согласия индивидов с конвенцией относительно нормы наказания, выступающей в формах разделяемых определенным коллективом ценностей, норм и правил.

3. Легитимность – конвенциональное состояние, это производное явление от конвенциональности. Эту вторичность и производность она доказывает тем, что является в своих легитимациях подкреплением уже произведенной и устоявшейся нормы и ценности. Легитимность выступает как убеждение в нормальности/признанности/приемлемости/оправданности объекта. Легитимация есть социальное действие, поведение, процесс, подкрепляющее и воспроизводящее какую-либо степень легитимности нормы.

4. Общественное доверие норме уголовного наказания и институтам/институциональным агентам является проявлением их восприятия социумом как в той или иной степени легитимных явлений.

5. Нормотворчество на макро- и мезоуровнях социальной организации носит и формальный, и неформальный характер и также имеет конвенциональную природу, поскольку осуществляется не столько коллективными акторами, сколько конкретными институциональными агентами. Макроконвенции между государственной властью и обществом носят черты неформального «общественного договора» или «социального контракта» (в американской редакции).

6. Конвенциональность нормы в современном обществе интересует власть в качестве источника собственной легитимности, она исследуется социологическими методами и моделируется обратной связью с гражданским обществом. В большинстве своих проявлений демократический характер связи власти и общества – это методы поддержания властью своей конвенциональности и легитимности в общественном сознании. Как следствие конвенциональности и легитимности возникает общественное доверие к определенным институтам государства.

7. Нормативные конвенции и конвенциональность нормы на макро-, мезо- и микроуровнях социальной организации выражается в следующих сферах социальной морфологии:

1) общественно-государственные конвенции, неформальный общественный договор между властью/государством и обществом и конвенциональность этого отношения;

2) институционально-организационные конвенции и конвенциональность;

3) стратификационные, нормативный консенсус внутри социальной структуры (вернее, ее части – социальной стратификации) общества;

4) внутригрупповые;

5) межличностные.

В современном российском обществе, с классово-слоевым типом стратификационной системы, пирамидальной моделью социальной стратификации и высоким уровнем социального неравенства, актуальным является стратификационное измерение конвенциональности нормы уголовного наказания. На этом уровне социальных отношений и взаимодействий вскрываются структурные противоречия между компонентами социальной системы, становится понятна степень их сводимости и дифференцированности.

Рассмотрение концептуальной связки «конвенциональность – легитимность – общественное доверие» позволяет более глубоко осмыслить природу и механизмы формирования общественного согласия относительно норм уголовного наказания. Проведенный теоретический анализ показал, что конвенциональность уголовного наказания связана с процессами легитимации норм, что, в свою очередь, влияет на уровень общественного доверия к правоприменительным институтам.

Для эмпирического исследования конвенциональности уголовного наказания необходимо операционализировать основные понятия и выделить конкретные единицы анализа, которые будут изучаться в рамках исследования. Данные единицы анализа позволят эмпирически исследовать различные аспекты общественного восприятия и оценки уголовных

наказаний, а также выявить факторы, влияющие на уровень их легитимности и общественного доверия.

Эмпирическое социологическое исследование конвенциональности уголовного наказания требует глубокой операционализации стратификационных факторов, которые могут оказывать влияние на общественное восприятие и оценку уголовного наказания. Стратификационные факторы отражают социальное неравенство и дифференциацию в обществе, влияющие на индивидуальные и коллективные представления о справедливости, легитимности и адекватности наказаний.

Эмпирическим объектом данного диссертационного исследования являются экономические преступления, занимающие особое место в криминологической и социологической литературе из-за их значительного влияния на социальные, экономические и политические структуры общества. В контексте российской действительности эта проблема приобретает особую остроту и актуальность, что обуславливает необходимость ее глубокого социологического исследования. В диссертационном исследовании выбор экономических преступлений в качестве объекта изучения продиктован несколькими ключевыми факторами, которые будут рассмотрены ниже.

1. Социальная значимость экономических преступлений.

Экономические преступления, такие, как коррупция, мошенничество, уклонение от уплаты налогов и отмывание денег, наносят существенный вред обществу, подрывая доверие к правовым и экономическим институтам. В России, где экономические преступления стали системной проблемой, их влияние на социальную структуру и экономическое развитие страны нельзя переоценить. Изучение этих преступлений позволяет понять механизмы, приводящие к социальному неравенству и деградации институтов, а также выявить пути их преодоления.

2. Влияние на экономическую стабильность и развитие.

Экономические преступления негативно влияют на инвестиционный климат и экономическую стабильность страны. Они создают условия для несправедливой конкуренции, уменьшают поступления в государственный бюджет и увеличивают затраты на правоприменение. В условиях современной российской экономики, находящейся под давлением международных санкций и внутренней нестабильности, проблема экономических преступлений приобретает критическую значимость. Социологическое исследование позволяет выявить причины и следствия этих преступлений, а также предложить эффективные меры для их предотвращения и контроля.

3. Коррупция как системная проблема.

Коррупция является одним из наиболее распространенных видов экономических преступлений в России. Она проникает во все уровни государственной и общественной жизни, оказывая разрушительное воздействие на правовую систему, экономику и социальные отношения. Изучение коррупции в социологическом контексте позволяет понять не только ее причины и механизмы, но и способы легитимации и воспроизводства в обществе. Это знание необходимо для разработки эффективных антикоррупционных стратегий и укрепления институциональных механизмов контроля.

4. Социальная справедливость и доверие к правоприменительным институтам.

Экономические преступления вызывают общественное недовольство и ощущение несправедливости, что подрывает доверие к правоприменительным институтам и государству в целом. В условиях социального неравенства и экономической нестабильности доверие к судебной системе и правоохранительным органам становится ключевым фактором социальной устойчивости. Социологическое исследование экономических преступлений позволяет оценить уровень общественного доверия и разработать рекомендации по его восстановлению.

5. Политическая и правовая легитимность

Изучение экономических преступлений важно для понимания легитимности политических и правовых институтов. В социологии легитимность определяется как степень признания и поддержки институтов со стороны общества. В условиях высокой распространенности экономических преступлений, таких, как коррупция, легитимность государственной власти и правовой системы ставятся под угрозу. Социологический анализ помогает выявить факторы, способствующие утрате легитимности, и предложить меры по ее восстановлению.

6. Теоретические и методологические основания.

Выбор экономических преступлений в качестве объекта исследования также обоснован теоретически и методологически. Теории легитимности (М. Вебер, J. Chen, M. Suchman), концепции интерсубъективности и типизации (А. Шюц), а также теория социальной стратификации предоставляют эффективные аналитические инструменты для изучения экономических преступлений. Эти теории позволяют глубже понять механизмы легитимации преступных действий, социальные последствия экономических преступлений и их влияние на общественные структуры.

Далее считаем целесообразным и необходимым остановиться на разведении понятий «правового» и «справедливого» государства – то есть тех дефиниций, которые используются для выявления особенностей и характеристик восприятия уголовного наказания. Различие между правовым и справедливым государством является фундаментальной темой в социологической и юридической науках. Правовое государство, в котором основным принципом является верховенство закона, и справедливое государство, которое ориентируется на принципы справедливости, могут пересекаться, но не обязательно являются синонимами.

Правовое государство основывается на строгом соблюдении правовых норм и процедур, что обеспечивает предсказуемость и стабильность в обществе. Законы должны быть известны и доступны каждому гражданину,

чтобы никто не мог быть наказан за действие, не предусмотренное законом. Основные характеристики правового государства включают:

- верховенство закона. Законы стоят выше всех органов власти и применяются ко всем гражданам равным образом;
- разделение властей. Государственная власть разделена на законодательную, исполнительную и судебную, каждая из которых действует независимо и сдерживает другую;
- гарантия прав и свобод. Законы должны защищать основные права и свободы граждан, включая право на справедливое судебное разбирательство.

Справедливое государство ориентировано на достижение социальной справедливости и равенства. Это предполагает, что законы и их применение должны учитывать социально-экономические условия и стремиться к устранению несправедливостей, вызванных этими условиями.

собой сложную и многоаспектную проблему, которая оказывает значительное влияние на экономическую безопасность страны. Эти преступления включают в себя широкий спектр незаконных действий, от коррупции до мошенничества и присвоения активов, и могут нанести серьезный ущерб как отдельным предприятиям, так и всей экономике в целом.

Согласно исследованию С.П. Хрустальной, экономические преступления в России достигли таких масштабов, что реально угрожают национальной безопасности государства. Основными видами экономических преступлений являются присвоение активов (имущества), взяточничество и коррупция, а также мошенничество с закупками¹⁴⁸.

В то же время, как отмечает Бегичев, проблема предотвращения преступлений в экономической сфере сложна и требует всестороннего

¹⁴⁸ Хрусталева С. П., Кривякин К. С., Луценко М. С., Шендрикова О. О. «Алгоритмы противодействия экономическим преступлениям и оценка уровня угроз экономической безопасности в контексте стратегического управления». Вестник ВГУИТ, vol. 81, no. 4, pp. 280-290, янв. 2020

изучения в конкретный период времени¹⁴⁹. Борьба с ними напрямую зависит от механизмов, которые в настоящее время существуют в государстве и правоохранительных органах.

Статистический анализ уровня экономической преступности в Российской Федерации, проведенный С.Р. Романовым, показывает, что даже если в определенные периоды может наблюдаться незначительное снижение абсолютного числа зарегистрированных экономических преступлений, финансовая стоимость каждой отдельной мошеннической деятельности растет¹⁵⁰.

Экономические преступления в Российской Федерации представляют собой серьезную проблему, которая оказывает значительное негативное влияние на экономическую и национальную безопасность страны. Эти преступления, как правило, возникают в тех сферах экономики, где есть возможность конкурировать с легальным бизнесом, и они могут нанести больше экономического ущерба государству, обществу и отдельным лицам, чем другие виды преступных действий¹⁵¹.

эффективность правоприменительной деятельности в значительной степени зависит от активного участия всех субъектов правоотношений. Это включает в себя не только создание нормативных правовых актов, но и толкование, а также официальное разъяснение правовых норм, что в конечном итоге приводит к принятию обоснованных правовых решений и предписаний.

149 Бегичев М.М., Власов А.В. Проблемы противодействия экономическим преступлениям в современных условиях. Путеводитель предпринимателя. 2020;13(1):108-117

150 Романов С.Р. Структурно-динамический анализ экономических преступлений: статистический аспект. Интеллект. Инновации. Инвестиции, no. 5, 2019, pp. 129-135.

151 Панкина М.Е. Экономические преступления в Российской Федерации: пути их предупреждения // Материалы XIV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <ahref="https://scienceforum.ru/2022/article/2018028651">https://scienceforum.ru/2022/article/2018028651 (дата обращения: 30.06.2023).</p>

Данная деятельность охватывает широкий спектр аспектов, включая воздействие на различные объединения между участниками процесса. При этом важно различать объекты правового воздействия, к которым можно отнести материальные и духовные ресурсы, интеллектуальные создания, а также действия и результаты действий людей, вовлеченных в правовые отношения.

Таким образом, правовые инструменты представляют собой основы, закрепленные в законодательстве, и используются для достижения правового результата. Они включают в себя различные правовые нормы, охранительные процедуры, а также процессуальные и процедурные формы. Эти инструменты служат для обеспечения законности, справедливости и порядка в обществе, поддерживая при этом правопорядок и обеспечивая защиту прав и свобод каждого индивида¹⁵².

В рамках анализа правоприменительной деятельности можно выделить следующие ключевые этапы: определение фактических обстоятельств, выбор соответствующей правовой нормы, ее интерпретация и применение, а также последующее исполнение принятого решения. Эта деятельность осуществляется уполномоченными государственными органами и включает в себя две основные формы: оперативно-исполнительную и правоохранительную¹⁵³.

Р.Ф. Степаненко в своем исследовании акцентирует внимание на контрольно-надзорной деятельности как отдельном виде правоприменительной деятельности. Эта деятельность включает в себя надзор за определенными категориями лиц, в том числе условно

152 Лягин К.А. Теоретические аспекты правоприменительной политики // Образование и право. 2017. № 6

153 Романова В.И. Виды правоприменительной деятельности // Материалы международной научно-практической конференции: в 3 частях. Пенза, 2017

освобожденными или неоднократно судимыми, с целью обеспечения соблюдения ими требований закона¹⁵⁴.

Итак, правоприменительная деятельность — это комплекс мероприятий и процедур, осуществляемых уполномоченными государственными органами и должностными лицами с целью реализации норм права в конкретных социальных отношениях. Эта деятельность включает в себя несколько ключевых этапов: установление фактических обстоятельств дела, выбор соответствующей правовой нормы, ее интерпретацию и конкретное применение, а также исполнение принятого решения.

Исследование понятий «правового» и «справедливого» государства помогает выявить особенности восприятия уголовного наказания. Правовое государство акцентирует внимание на законности наказания, в то время как справедливое государство ориентируется на его справедливость и соответствие моральным и этическим нормам общества.

Социологические исследования показывают, что восприятие наказания в обществе зависит от уровня социальной стратификации и экономического положения индивидов. Конвенциональность уголовного наказания основывается на общественном консенсусе относительно его легитимности и справедливости. Уровень социальной стратификации влияет на восприятие легитимности наказания. Представители нижних социальных слоев чаще воспринимают наказание как несправедливое и чрезмерное.

Стигматизация определенных групп усиливает социальное неравенство и влияет на восприятие справедливости наказания. Конвенциональное осуждение (стигматизация) является одним из источников преступности, что

154 Степаненко Р.Ф., Лягин К.А. Основные направления современной правовой политики России // Материалы итоговой научно-практической конференции преподавателей и аспирантов. Казань: НОУ ВПО «Университет управления ТИСБИ», 2015. С. 382-386

подчеркивает необходимость справедливого подхода к уголовному правосудию.

Таким образом, изучение стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания за экономические преступления в России в рамках данного диссертационного исследования имеет важное социологическое обоснование. Социальная значимость, влияние на экономическую стабильность, проблемы коррупции, вопросы социальной справедливости и доверия к правоприменительным институтам, а также политическая и правовая легитимность являются ключевыми факторами, определяющими необходимость такого исследования. Теоретические и методологические основания дополнительно подчеркивают значимость выбора этой темы. Все эти аспекты делают исследование экономических преступлений в России актуальным и необходимым для понимания различных аспектов конвенциональности уголовного наказания.

Конвенциональность уголовного наказания за экономические преступления является важным показателем общественного согласия с правоприменительной практикой. Социологическое исследование данной проблематики требует глубокого анализа стратификационных факторов, которые влияют на восприятие справедливости, легитимности и адекватности наказаний. Важно понять, как социальное неравенство и дифференциация формируют общественные представления о правосудии и конвенциональности уголовных наказаний.

Первым важным стратификационным фактором являются социально-демографические характеристики. Гендерные различия играют значительную роль в восприятии справедливости и адекватности уголовных наказаний за экономические преступления. Мужчины и женщины могут по-разному оценивать строгость наказаний в зависимости от их социальных ролей и личного опыта взаимодействия с правовой системой. Гендерные различия могут быть наиболее успешно объяснены через концепцию

интерсубъективности и типизации А. Щюца, предполагающую, что социальные роли и ожидания влияют на восприятие правовых норм.

Возрастные различия также оказывают значительное влияние на восприятие целей и адекватности наказаний за экономические преступления. Различные возрастные группы имеют свои ценностные ориентации и представления о справедливости, что отражается в их оценке уголовных наказаний. Теория возрастной стратификации помогает понять, как возраст влияет на восприятие и оценку правоприменительной практики.

Уровень образования определяет осведомленность исследуемых о правовых нормах и способность критически оценивать легитимность и справедливость наказаний. Согласно теории легитимности М. Вебера, концепции легитимации Ч. Джонсона и других исследователей, осведомленность о правовых нормах влияет на восприятие их легитимности. Таким образом, более высокий уровень образования может способствовать критическому восприятию правоприменительной системы и требований к справедливости наказаний за экономические преступления.

Социально-экономические факторы, такие, как род деятельности и профессиональная принадлежность, также существенно влияют на отношение к уголовному наказанию за экономические преступления. Профессиональная деятельность определяет социальные ценности и представления о правосудии, что проявляется в различиях оценок адекватности и справедливости наказаний среди представителей различных профессиональных групп. Концепция социальной легитимности С. Аурелио подчеркивает, что профессиональная деятельность влияет на социальные ценности и представления о правосудии, что подтверждается эмпирическими данными.

Социальный статус и уровень дохода играют ключевую роль в формировании отношения к уголовному наказанию за экономические преступления. Люди с разным уровнем дохода имеют разные возможности и доступ к ресурсам, что влияет на их восприятие правовой системы и оценку

ее справедливости. Теория социальной стратификации объясняет, что социально-экономический статус определяет доступ к ресурсам и возможностям, влияющим на восприятие правоприменительной системы.

Территориальные критерии, такие, как место проживания, также оказывают значительное влияние на восприятие уголовных наказаний за экономические преступления. Региональные различия могут быть обусловлены различиями в экономических, социальных и культурных условиях, которые влияют на отношение к правоприменительной практике. Концепция социальной экологии помогает понять, как местные условия и региональные особенности влияют на восприятие правоприменительной системы и оценку ее справедливости.

Таким образом, критерии и показатели стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания за экономические преступления позволяют систематически исследовать влияние социального неравенства и дифференциации на общественное восприятие правоприменительной практики. Подобный подход обеспечивает комплексное понимание социальных детерминант, определяющих отношение различных социальных групп к уголовным наказаниям, и способствует формированию обоснованных рекомендаций для повышения справедливости и легитимности уголовной политики. Теоретические концепции, такие, как теория легитимности, концепция интерсубъективности и теория социальной стратификации, помогают глубже понять механизмы формирования общественного мнения и восприятия правовых норм в контексте стратификационных факторов.

Комплексный анализ критериев и показателей стратификационных факторов, влияющих на конвенциональность уголовного наказания за экономические преступления, требует использования различных методов сбора и анализа данных. Анкетирование населения, глубинные интервью с экспертами и анализ вторичных данных позволяют получить многомерную картину общественного мнения и выявить ключевые тенденции и различия.

Теоретические концепции, такие, как теория легитимности, концепция интерсубъективности и теория социальной стратификации, помогают интерпретировать полученные данные и понять механизмы формирования общественного мнения.

Операционализация понятий конвенциональности, справедливости, легитимности и эффективности, осуществленная в первой части данного параграфа, позволяет перевести абстрактные теоретические концепции в конкретные измеримые параметры, которые можно исследовать эмпирически. Связь этих понятий с конкретными показателями, представленными в инструментарии исследования (анкетах для осужденных и населения, а также в топик-гайде для интервью с экспертами), обеспечивает всесторонний и комплексный подход к изучению стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания за экономические преступления. Подобный подход позволяет получить данные, которые помогут лучше понять общественное восприятие и оценку уголовных наказаний, а также предложить обоснованные рекомендации для повышения справедливости и эффективности уголовной политики.

Таблица 3 представляет собой операционализацию ключевых понятий исследования, включающих конвенциональность, справедливость, легитимность, эффективность, стратификацию и стратификационные факторы, уголовное наказание и экономические преступления. Операционализация позволяет преобразовать теоретические концепции в конкретные измеримые параметры, обеспечивая методологическую основу для проведения эмпирического исследования. В таблице 3 детализированы показатели для каждого из понятий и указаны соответствующие вопросы из анкет и топик-гайда, что гарантирует систематический сбор и анализ данных.

Таблица 3 – Операционализация основных понятий исследования
и их связь с вопросами инструментария

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
Конвенциональность	Степень согласия общества с существующими уголовными санкциями и их применением. Включает восприятие общественной поддержки и одобрения уголовной политики	– Уровень доверия к системе уголовного наказания – восприятие общественного участия в формировании уголовной политики; – оценка адекватности наказания общественным нормам и ценностям	Анкета для осужденных – как бы вы оценили свой уровень доверия к системе уголовного наказания в РФ? – Считаете ли Вы, что общество должно активнее участвовать в формировании уголовной политики? – Считаете ли Вы, что ваше наказание соответствует общепринятым нормам и ценностям общества? Анкета для населения – Вопросы о доверии к правоохранительным органам, судебной системе и восприятии справедливости наказаний. Топик-гайд для экспертов – Какова роль общественности в формировании уголовной политики? – Какие меры предпринимаются для вовлечения общественности в дискуссии по уголовной политике за экономические преступления?
Справедливость	Восприятие соответствия между тяжестью преступления и строгостью наказания, а также беспристрастность и равенство в применении правосудия	– Оценка соответствия наказания тяжести преступления; – восприятие справедливости судебного процесса; – оценка отсутствия дискриминации	Анкета для осужденных – Считаете ли вы, что Ваше наказание соответствует тяжести совершенного Вами преступления? – Считаете ли Вы, что Вас судили справедливо и без дискриминации по каким-либо признакам? – Считаете ли Вы, что

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			Ваш судебный процесс был справедливым и беспристрастным? Анкета для населения – Вопросы о справедливости и беспристрастности судебных процессов и адекватности наказаний. Топик-гайд для экспертов – Какие критерии используются для определения адекватности наказания экономическому преступлению? – Какие аспекты уголовного наказания вызывают наибольшее общественное недовольство и как это можно было бы исправить?
Легитимность	Признание и поддержка правомерности действий правоприменительных институтов обществом. Включает доверие к правоохранительным органам, судам и государственной власти	– Уровень доверия к полиции и судам; – восприятие законности и прозрачности судебных процессов; – оценка легитимности уголовной политики и наказаний	Анкета для осужденных – Насколько прозрачным был процесс Вашего судебного разбирательства? – Существуют ли механизмы для выявления и исправления судебных ошибок в нашей стране? – Как бы Вы оценили доступность правосудия в стране? Анкета для населения – Вопросы о доверии к правоприменительным институтам и восприятии легитимности судебных решений Топик-гайд

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			для экспертов – Как Вы оцениваете текущее состояние уголовной политики в РФ с точки зрения функциональности и легитимности? – Какие изменения в уголовной политике, на Ваш взгляд, могли бы способствовать улучшению ее легитимности и функциональности?
Эффективность	Способность уголовного наказания достигать поставленных целей, таких, как предотвращение преступлений, реабилитация осужденных и удовлетворение интересов пострадавших	– Оценка профилактической функции наказания; – восприятие реабилитационной функции наказания; – оценка удовлетворения интересов пострадавших	Анкета для осужденных – Считаете ли Вы, что ваше наказание способствует предотвращению экономических преступлений? – Считаете ли Вы, что уголовное наказание способствует Вашему реабилитационному процессу? – Считаете ли Вы, что потребности и интересы пострадавших были учтены в ходе Вашего судебного процесса? Анкета для населения – Вопросы о восприятии эффективности различных видов наказаний и их функций. Топик-гайд для экспертов – Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными? – Какие цели наказания наиболее приоритетны в современной

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			уголовной политике РФ?
Стратификация и стратификационные факторы	Социальное неравенство и различия в доступе к ресурсам и возможностям среди различных социальных групп. Включает влияние социально-экономического статуса, уровня образования, профессии и других характеристик на восприятие и оценку уголовного наказания	– Влияние социального статуса на восприятие справедливости наказания; – оценка различий в доступе к правосудию и правовым ресурсам; – восприятие дискриминации в судебных процессах	Анкета для осужденных – Укажите Ваш возраст. – Назовите Ваш основной род деятельности до отбывания наказания. – Укажите Ваш уровень образования. Анкета для населения – Вопросы о восприятии справедливости наказаний в различных социальных группах и уровнях дохода. Топик-гайд для экспертов – Какие социальные группы наиболее часто подвергаются уголовному наказанию за экономические преступления? – Какие факторы стратификации наиболее значимы при рассмотрении уголовных дел за экономические преступления?
Уголовное наказание	Меры, применяемые государством к лицам, признанным виновными в совершении преступлений, с целью восстановления справедливости, предотвращения преступлений и исправления правонарушителей	– Виды применяемых наказаний; – восприятие строгости и адекватности наказаний; – оценка эффективности наказаний в предотвращении преступлений	Анкета для осужденных – Считаете ли Вы, что Вам предоставили все возможности для защиты в суде? – Как, на Ваш взгляд, общество в целом относится к уголовному наказанию за экономические преступления? Анкета для населения – Вопросы о восприятии различных видов

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			наказаний и их адекватности преступлениям. Топик-гайд для экспертов – Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными? – Какие альтернативные формы наказания могли бы быть введены или расширены в РФ?
Экономические преступления	Деяния, связанные с нарушением экономического законодательства, такие, как мошенничество, уклонение от уплаты налогов, отмывание денег и коррупция	– Распространенность различных видов экономических преступлений; – восприятие строгости наказаний за экономические преступления; – оценка адекватности наказаний за экономические преступления	Анкета для осужденных – Укажите статью уголовного кодекса, по которой Вы были осуждены. – Как Вы оцениваете степень строгости наказания, которое вы получили? Анкета для населения – Вопросы о восприятии распространенности экономических преступлений и адекватности наказаний за них. Топик-гайд для экспертов – Какие виды наказаний за экономические преступления наиболее часто применяются в РФ? – Как Вы оцениваете текущее состояние уголовной политики в РФ с точки зрения функциональности и легитимности?
Восприятие уголовного наказания	Оценка обществом и отдельными индивидами строгости,	– Уровень одобрения применяемых наказаний;	Анкета для осужденных – Как Вы оцениваете справедливость

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
	справедливости и эффективности применяемых уголовных наказаний.	– восприятие справедливости и адекватности наказаний; – оценка эффективности наказаний в предотвращении преступлений	наказания, которое Вы получили? – Считаете ли Вы, что наказания в РФ эффективны в предотвращении преступлений? Анкета для населения – Вопросы о восприятии справедливости, адекватности и эффективности наказаний. Топик-гайд для экспертов – Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, наиболее эффективны? – Как общество оценивает адекватность наказаний за экономические преступления?
Правовое государство	Государство, в котором обеспечиваются верховенство закона, права и свободы граждан, а также их равенство перед законом	– Уровень соблюдения прав и свобод граждан; – оценка равенства перед законом; – восприятие верховенства закона	Анкета для осужденных – Считаете ли Вы, что Ваши права и свободы были соблюдены в ходе судебного процесса? – Считаете ли Вы, что в РФ все равны перед законом? Анкета для населения – Вопросы о восприятии соблюдения прав и свобод, равенства перед законом и верховенства закона. Топик-гайд для экспертов – Какие механизмы обеспечения верховенства закона наиболее эффективны? – Как Вы оцениваете уровень соблюдения прав и свобод граждан

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			в РФ?
Справедливое государство	Государство, в котором обеспечивается социальная справедливость, равенство возможностей и распределение ресурсов на основе справедливости	– Уровень социальной справедливости; – оценка равенства возможностей; – восприятие справедливого распределения ресурсов	Анкета для осужденных – Считаете ли Вы, что Ваше наказание было справедливым в социальном контексте? – Считаете ли Вы, что в РФ равные возможности для всех граждан? Анкета для населения – Вопросы о восприятии социальной справедливости, равенства возможностей и справедливого распределения ресурсов. Топик-гайд для экспертов – Какие меры способствуют достижению социальной справедливости? – Как Вы оцениваете равенство возможностей в РФ?
Граждане (население)	Индивиды, проживающие в государстве, обладающие гражданскими правами и обязанностями.	– Уровень гражданской активности; – оценка удовлетворенности жизнью; – восприятие роли граждан в формировании государственной политики	Анкета для осужденных – Насколько активно Вы участвовали в гражданской жизни до осуждения? – Насколько Вы удовлетворены жизнью в целом? Анкета для населения – Вопросы о гражданской активности, удовлетворенности жизнью и восприятии роли граждан в формировании государственной

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			политики. Топик-гайд для экспертов – Какие механизмы вовлечения граждан в формирование государственной политики наиболее эффективны? – Как Вы оцениваете уровень гражданской активности в РФ?

Конвенциональность уголовного наказания определяется через уровень доверия к системе уголовного наказания, восприятие общественного участия в формировании уголовной политики и оценку соответствия наказания общественным нормам и ценностям. Эти показатели позволяют измерить степень общественного согласия с существующими уголовными санкциями и политикой их применения.

Понятие справедливости, центральное для оценки уголовного наказания, операционализировано через восприятие соответствия наказания тяжести преступления, оценку справедливости судебного процесса и отсутствие дискриминации. Эти измерения помогают понять, насколько общество и осужденные считают правоприменение беспристрастным и равноправным.

Легитимность наказания исследуется через показатели уровня доверия к полиции и судам, восприятие законности и прозрачности судебных процессов, а также общей оценки легитимности уголовной политики и наказаний. Эти показатели дают представление о степени признания и поддержки правомерности действий правоприменительных институтов обществом.

Эффективность уголовного наказания операционализируется через оценку его профилактической и реабилитационной функций, а также

удовлетворение интересов пострадавших. Эти показатели важны для анализа того, насколько наказание способствует предотвращению преступлений и реабилитации осужденных.

Стратификация и стратификационные факторы включают социальное неравенство и различия в доступе к ресурсам и возможностям среди различных социальных групп. Показатели включают влияние социального статуса на восприятие справедливости наказания, оценку различий в доступе к правосудию и правовым ресурсам, а также восприятие дискриминации в судебных процессах. Эти измерения позволяют исследовать, как социально-экономические характеристики влияют на восприятие и оценку уголовного наказания.

Уголовное наказание операционализировано через виды применяемых наказаний, восприятие их строгости и адекватности, а также оценку эффективности в предотвращении преступлений. Эти показатели позволяют понять, как респонденты воспринимают различные формы наказаний и их адекватность совершенным преступлениям.

Экономические преступления исследуются через показатели распространенности различных видов этих преступлений, восприятие строгости наказаний за них и оценку адекватности таких наказаний. Эти измерения важны для понимания общественного мнения о наказаниях за экономические преступления и их воспринимаемой справедливости.

В совокупности, операционализация ключевых понятий и их связь с вопросами инструментария обеспечивает валидность и надежность исследования, позволяя детально изучить общественное восприятие уголовных наказаний за экономические преступления и выявить основные стратификационные факторы, влияющие на эти оценки.

Для проведения всестороннего эмпирического исследования важно не только операционализировать основные понятия, но и четко связать их с конкретными вопросами инструментария. Это обеспечивает методологическую согласованность и структурированность исследования.

Данная связь представлена в таблице 4, которая структурирует вопросы инструментария (анкеты для осужденных, анкеты для населения и топик-гайд для интервью с экспертами) в соответствии с операционализированными понятиями. Это упрощает идентификацию того, какие вопросы относятся к каким теоретическим концепциям, что значительно повышает удобство работы исследователей с данными и интерпретации результатов.

Кроме того, данные, представленные в таблице 4, обеспечивают концептуальную валидность исследования. Связывая вопросы с операционализированными понятиями, исследователи могут быть уверены, что каждый вопрос направлен на измерение конкретного аспекта теоретической концепции. Методологическая прозрачность критически важна для академической строгости и воспроизводимости результатов. Ясная и прозрачная методология позволяет другим исследователям воспроизвести исследование и проверить полученные результаты, что способствует накоплению и верификации научных знаний.

Таблица 4 – Вопросы инструментария исследования и их соответствие операционализированным понятиям

Инструментарий	Дефиниция	Эмпирический индикатор
Анкета для осужденных	Конвенциональность	Считаете ли Вы, что система уголовного наказания подлежит общественному контролю?
	Конвенциональность	Существуют ли механизмы для выявления и исправления судебных ошибок в нашей стране?
	Конвенциональность	Считаете ли Вы, что Ваше наказание соответствует общепринятым нормам и ценностям общества?
	Конвенциональность	Как бы Вы оценили доступность правосудия в стране?
	Справедливость	Считаете ли Вы, что Ваше наказание соответствует тяжести совершенного Вами преступления?
	Справедливость	Считаете ли Вы, что Вас судили

Инструментарий	Дефиниция	Эмпирический индикатор
		справедливо и без дискриминации по каким-либо признакам?
	Справедливость	Считаете ли Вы, что Ваш судебный процесс был справедливым и беспристрастным?
	Легитимность	Насколько прозрачным был процесс Вашего судебного разбирательства?
	Легитимность	Существуют ли механизмы для выявления и исправления судебных ошибок в нашей стране?
	Легитимность	Как бы Вы оценили доступность правосудия в стране?
	Эффективность	Считаете ли Вы, что Ваше наказание способствует предотвращению экономических преступлений?
	Эффективность	Считаете ли Вы, что уголовное наказание способствует Вашему реабилитационному процессу?
	Эффективность	Считаете ли Вы, что потребности и интересы пострадавших были учтены в ходе Вашего судебного процесса?
	Стратификация и стратификационные факторы	Укажите Ваш возраст
	Стратификация и стратификационные факторы	Назовите ваш основной род деятельности до отбывания наказания
	Стратификация и стратификационные факторы	Укажите ваш уровень образования
	Уголовное наказание	Считаете ли Вы, что Вам предоставили все возможности для защиты в суде?
	Уголовное наказание	Как, на Ваш взгляд, общество в целом относится к уголовному наказанию за экономические преступления?
	Экономические преступления	Укажите статью уголовного кодекса, по которой Вы были осуждены.
	Экономические преступления	Как Вы оцениваете степень строгости наказания, которое Вы получили?
	Восприятие уголовного наказания	Считаете ли Вы, что Ваше наказание соответствует тяжести совершенного Вами преступления?
	Правовое государство	Считаете ли Вы, что Вам предоставили все возможности для защиты в суде?
	Справедливое	Считаете ли Вы, что Ваш судебный

Инструментарий	Дефиниция	Эмпирический индикатор
	государство	процесс был справедливым и беспристрастным?
	Справедливое государство	Считаете ли Вы, что Вас судили справедливо и без дискриминации по каким-либо признакам?
	Граждане (население)	Назовите Ваш основной род деятельности до отбывания наказания
	Граждане (население)	Считаете ли Вы, что общество должно активнее участвовать в формировании уголовной политики?
Анкета для населения	Конвенциональность	Вопросы о доверии к правоохранительным органам, судебной системе и восприятии справедливости наказаний
	Справедливость	Вопросы о справедливости и беспристрастности судебных процессов и адекватности наказаний
	Легитимность	Вопросы о доверии к правоприменительным институтам и восприятии легитимности судебных решений
	Эффективность	Вопросы о восприятии эффективности различных видов наказаний и их функций
	Стратификация и стратификационные факторы	Вопросы о восприятии справедливости наказаний в различных социальных группах и уровнях дохода
	Уголовное наказание	Вопросы о восприятии различных видов наказаний и их адекватности преступлениям
	Восприятие уголовного наказания	Как Вы оцениваете справедливость наказания, которое Вы получили?
	Восприятие уголовного наказания	Считаете ли Вы, что наказания в РФ эффективны в предотвращении преступлений?
	Правовое государство	Считаете ли Вы, что Ваши права и свободы были соблюдены в ходе судебного процесса?
	Правовое государство	Считаете ли Вы, что в РФ все равны перед законом?
	Справедливое государство	Считаете ли Вы, что в РФ равные возможности для всех граждан?
	Экономические преступления	Вопросы о восприятии распространенности экономических преступлений и адекватности наказаний за них
Топик-гайд	Конвенциональность	Какова роль общественности

Инструментарий	Дефиниция	Эмпирический индикатор
для экспертов		в формировании уголовной политики?
	Конвенциональность	Какие меры предпринимаются для вовлечения общественности в дискуссии по уголовной политике за экономические преступления?
	Восприятие уголовного наказания	Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными?
	Восприятие уголовного наказания	Как общество оценивает адекватность наказаний, назначаемых за экономические преступления?
	Справедливость	Какие критерии используются для определения адекватности наказания экономическому преступлению?
	Справедливость	Какие аспекты уголовного наказания вызывают наибольшее общественное недовольство и как это можно было бы исправить?
	Легитимность	Как Вы оцениваете текущее состояние уголовной политики в РФ с точки зрения функциональности и легитимности?
	Легитимность	Какие изменения в уголовной политике, на Ваш взгляд, могли бы способствовать улучшению ее легитимности и функциональности?
	Эффективность	Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными?
	Эффективность	Какие цели наказания наиболее приоритетны в современной уголовной политике РФ?
	Стратификация и стратификационные факторы	Какие социальные группы наиболее часто подвергаются уголовному наказанию за экономические преступления?
	Стратификация и стратификационные факторы	Какие факторы стратификации наиболее значимы при рассмотрении уголовных дел за экономические преступления?
	Уголовное наказание	Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными?
	Уголовное наказание	Какие альтернативные формы

Инструментарий	Дефиниция	Эмпирический индикатор
		наказания могли бы быть введены или расширены в РФ?
	Экономические преступления	Какие виды наказаний за экономические преступления наиболее часто применяются в РФ?
	Экономические преступления	Как Вы оцениваете текущее состояние уголовной политики в РФ с точки зрения функциональности и легитимности?
	Правовое государство	Какие цели наказания наиболее приоритетны в современной уголовной политике РФ?
	Справедливое государство	Какие аспекты уголовного наказания вызывают наибольшее общественное недовольство и как это можно было бы исправить?

Исследование конвенциональности уголовного наказания требует детализированного и системного подхода к выбору и характеристике единиц анализа. Данные единицы анализа, основанные на теоретических концепциях и операционализированных понятиях, тесно связаны с инструментарием исследования, представленным в приложениях (анкеты для осужденных, анкеты для населения и топик-гайд для интервью с экспертами).

1. Индивидуальные единицы анализа

Социально-демографические характеристики респондентов:

Пол:

Показатели: Гендерные различия в восприятии справедливости и адекватности наказаний.

Вопросы инструментария: «Как Вы оцениваете справедливость наказания за экономическое преступление?» (мужчины/женщины), «Доверяете ли Вы правоохранительным органам в отношении расследования экономических преступлений?» (мужчины/женщины).

Возраст:

Показатели: Возрастные различия в восприятии целей и адекватности наказаний.

Вопросы инструментария: «Считаете ли Вы, что основная цель наказания за экономические преступления – исправление?» (разные возрастные группы), «Считаете ли Вы, что наказания за экономические преступления должны быть более мягкими для молодых людей?» (разные возрастные группы).

Уровень образования:

Показатели: Влияние уровня образования на восприятие легитимности и справедливости наказаний.

Вопросы инструментария: «Насколько понятными и доступными для Вас были законы, регулирующие уголовное наказание?» (разные уровни образования), «Считаете ли Вы, что у Вас была возможность обратиться за квалифицированной юридической помощью?» (разные уровни образования).

2. Коллективные единицы анализа

Социальные группы и профессиональные категории:

Род деятельности и профессиональная принадлежность:

Показатели: Различия в оценках наказаний за экономические преступления в зависимости от рода деятельности и профессиональной принадлежности.

Вопросы инструментария: «Назовите Ваш основной род деятельности до отбывания наказания», «Считаете ли Вы, что предприниматели должны получать более строгое наказание за экономические преступления?» (разные профессиональные группы), «Доверяете ли Вы судам в вопросах экономических преступлений?» (разные профессиональные группы).

Социальный статус и уровень дохода:

Показатели: Влияние социально-экономического статуса на отношение к уголовным наказаниям за экономические преступления.

Вопросы инструментария: «Каков был Ваш уровень дохода до начала отбывания наказания?», «Считаете ли Вы, что уголовное наказание способствует Вашему реабилитационному процессу?» (разные уровни дохода).

3. Региональные и местные сообщества

Территориальные критерии:

Место проживания:

Показатели: Региональные различия в восприятии уголовных наказаний за экономические преступления.

Вопросы инструментария: «Укажите Ваш регион проживания до ареста.», «Доверяете ли Вы полиции в Вашем регионе в вопросах экономических преступлений?», «Считаете ли Вы, что суды в Вашем регионе справедливо рассматривают дела по экономическим преступлениям?» (разные типы населенных пунктов).

4. Контекстуальные единицы анализа

Правовая и уголовная политика:

Осведомленность о правовых нормах:

Показатели: Уровень осведомленности о законах и нормативных актах, оценка справедливости существующих норм и законов.

Вопросы инструментария: «Насколько понятными и доступными для Вас были законы, регулирующие уголовное наказание?», «Считаете ли Вы, что существующие законы справедливы?».

Оценка судебной практики:

Показатели: Оценка справедливости судебных решений, уровень доверия к судебной системе.

Вопросы инструментария: «Считаете ли Вы, что Ваш судебный процесс был справедливым и беспристрастным?», «Насколько прозрачным был процесс Вашего судебного разбирательства?».

5. Социальные и экономические условия

Социально-экономические факторы:

Уровень жизни и экономическая стабильность:

Показатели: Влияние экономических условий на восприятие уголовных наказаний, оценка влияния уровня жизни на отношение к правоприменительной практике.

Вопросы инструментария: «Как Вы считаете, влияет ли уровень жизни на восприятие уголовных наказаний?», «Влияет ли экономическая стабильность на доверие к правоприменительной практике?».

6. Социальная стратификация и неравенство:

Показатели: Влияние социального неравенства на восприятие справедливости наказаний, оценка влияния социального статуса на отношение к правоприменительной системе.

Вопросы инструментария: «Считаете ли Вы, что социальное неравенство влияет на восприятие справедливости наказаний?», «Как, по Вашему мнению, социальный статус влияет на отношение к правоприменительной системе?».

Переход от теоретического анализа к конкретизации единиц анализа прикладного исследования стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания позволяет структурировать исследовательский процесс и обеспечить всесторонний подход к изучению общественного восприятия уголовных наказаний за экономические преступления в России. Выделенные единицы анализа, основанные на теоретических концепциях и тесно связанные с вопросами инструментария, обеспечивают операционализацию ключевых понятий исследования и способствуют получению комплексных и достоверных данных о восприятии и оценке уголовных наказаний различными социальными группами и в различных контекстах.

Следующей задачей нашего исследования выступает рассмотрение социального неравенства как фактора уголовного наказания в социально-гуманитарном знании, в частности уголовном праве, антропологии, психологии и, в конечном итоге, социологии преступности. Данные направления были сведены в криминологическое знание, являющееся, по сути, междисциплинарным синтезом вышеперечисленных направлений.

Выводы по главе 1

Различия между стратификационными и социоструктурными факторами конвенциональности уголовного наказания отражают сложное взаимодействие между индивидуальными характеристиками осужденных и более широкими социальными структурами. Стратификационные факторы акцентируют внимание на социальном неравенстве и различиях в доступе к ресурсам, тогда как социоструктурные факторы связаны с более широкими институциональными и культурными контекстами, определяющими восприятие и легитимность наказания. Оба набора факторов играют важную роль в формировании общественного мнения и практики правоприменения, влияя на восприятие справедливости и эффективности уголовного наказания.

Конвенция представляет собой неформальное соглашение, возникающее между социальными акторами, представляющее собой консолидированный ценностно-нормативный конструкт, основанный на неформальном соглашении. Конвенциональность интерпретируется как характеристика конвенций, отражающая степень согласия данных акторов с принятой конвенцией, которая проявляется в форме ценностей, норм и правил, признанных определенной группой людей.

Конвенциональность уголовного наказания можно определить как уровень согласованности общественного мнения относительно целей и функций наказания, заявленных государством, применяемых им методов наказания и соответствия наказания совершенному преступлению с учетом возможных альтернатив наказания, существующих в обществе.

Далее классифицированы различные формы неравенства, которые возникают в результате воздействия социального неравенства на уголовное наказание. Эти формы включают:

- диспропорции в создании норм уголовного права, где определенные группы могут иметь больше влияния на формирование законов;

- неравенство в процессе установления и легитимации различных норм, что может привести к дискриминации определенных слоев населения;
- различия в важности отдельных норм, что может создавать условия для неравного отношения к различным группам общества;
- неравенство в выборе институциональных представителей органов уголовного правосудия, что может влиять на общую справедливость системы;
- неравенство в применении конкретных норм к обвиняемому во время судебного процесса и в определении категории преступления, что может влиять на исход дела;
- диспропорция в определении типа наказания, что может привести к несправедливым приговорам;
- неравенство в условиях отбывания наказания, что может создавать дополнительные проблемы в процессе реабилитации осужденных;
- неравенство в восприятии и оценке обвиняемого, которое может быть обусловлено стигматизацией или принадлежностью к определенным девиантным или делинквентным субкультурам и группам.

В третьем параграфе первой главы установлено, что наличие у материально обеспеченных осужденных возможности создать для себя более комфортные условия и уровень потребления автоматически порождает социальное неравенство в процессе отбывания наказания и достижения заявленных целей уголовного наказания.

Суммируя проведенный анализ, мы можем выделить ряд негативных аспектов, которые существенно влияют на процесс уголовного судопроизводства в России, способствуя усилению проявлений социального неравенства при назначении и исполнении уголовного наказания. К ним относятся:

- 1) проявления коррупции в органах следствия, особенно в контексте досудебного урегулирования через примирение сторон;

- 2) вмешательство в работу суда через административное, политическое и финансовое давление;
- 3) недостаток реальной независимости судей, что подрывает доверие к судебной системе;
- 4) судебный произвол, проявляющийся в необоснованных решениях;
- 5) коррупционные схемы в судебной практике, включая взятки и откаты;
- 6) либерализация уголовной ответственности, в том числе через декриминализацию некоторых нарушений и замену уголовной ответственности штрафами, особенно в экономической сфере;
- 7) социально-демографические факторы, включая различия по полу и возрасту, которые могут влиять на ход судопроизводства;
- 8) социально-профессиональный статус правонарушителя, включая его должностное положение и профессиональный бэкграунд;
- 9) проявления коррупции в пенитенциарной системе, влияющие на условия отбытия наказания;
- 10) наличие платных услуг в уголовно-исправительных учреждениях, создающих неравные условия для осужденных разного материального статуса.

Глава 2. Анализ конвенциональности уголовного наказания в современном обществе

2.1. Неравенство в уголовном наказании в отечественной судебной и пенитенциарной практике

Если в предыдущем разделе нашей работы мы касались в основном назначения наказания в суде, то эта задача исследования предполагает рассмотрение некоторых аспектов исполнения уголовного наказания, поскольку сам институт наказания дифференцируется на субинституты, важнейшими из которых являются назначение и исполнение наказания. В основном мы проанализируем нормативно-правовую базу и существующие типизированные практики ее реализации в субинститутах назначения и исполнения наказания.

В качестве первой судебной практики, в рамках которой проявляется фактор неравенства наказания, по уголовно-процессуальному порядку выступает практика досудебного урегулирования путем примирения сторон, распространяющаяся на преступления небольшой и средней тяжести. Нормативной основой данной практики выступают следующие статьи УПК РФ «Статья 25. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон» и «Статья 25.1. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа».

Следует отметить, что отечественное уголовно-процессуальное право предусматривает двенадцать различных оснований прекращения уголовного дела/уголовного преследования судом. Анализ современной российской судебной статистики показывает доминирование практики примирения сторон в общем количестве прекращенных уголовных дел. Рассмотрим в динамике на протяжении 2000-х годов, к примеру, в 2011 году судами общей юрисдикции в РФ в связи с примирением сторон было прекращено 197 731

уголовное дело, что составило 83,3 % от общего количества прекращенных уголовных дел, а в 2012 году – 187 534 уголовных дела (84,5 %) ¹⁵⁵. В 2016 году в связи с примирением сторон было прекращено 160 765 дел из общего числа прекращенных дел 194 914 (82,5 %), а в 2019 году – 108 662 дел из 198 659 (54,7 %) ¹⁵⁶.

Каким же образом социальное неравенство и стратификация отражаются в практике досудебного урегулирования уголовного дела в связи с примирением сторон? Тут можно выделить несколько факторов:

1) неравенство в материальном положении пострадавшего и обвиняемого, позволяет уходить от уголовной ответственности представителям высших слоев посредством неформального подкупа потерпевшего;

2) неравенство в социально-статусном положении пострадавшего и обвиняемого, позволяет уходить от уголовной ответственности представителям высших слоев посредством оказания административного давления на потерпевшего;

3) прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон осуществляется «с согласия руководителя следственного органа», что предполагает субъективизм и возможную коррупционную составляющую в деятельности этого руководителя.

Проявлением неравенства в практике примирения сторон являются массовые случаи неоднократного ухода от уголовного наказания отдельными лицами. Как отмечает И. Г. Коршакевич: «На практике встречаются случаи, когда заявление о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон поступает по уголовному делу в отношении подсудимого, ранее неоднократно привлекавшегося к уголовной ответственности, уголовные

¹⁵⁵ Отчеты о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011 г., за 12 месяцев 2012 г. [Электронный ресурс]: офиц. сайт // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. М., 2013. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

¹⁵⁶ Отчеты о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 г., за 12 месяцев 2019 г. [Электронный ресурс]: офиц. сайт // Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

дела в отношении которого ранее неоднократно прекращались по нереабилитирующим основаниям, имеющего погашенные судимости, в том числе и за совершение тяжких преступлений»¹⁵⁷.

Следует отметить, что следственные органы фактически не заинтересованы в массовизации практики досудебного урегулирования уголовного дела в связи с примирением сторон. Причиной этого явления выступает специфика статистических отчетов о проделанной работе, которые дознаватели/следователи/прокуроры составляют для вышестоящих органов – Генеральной прокуратуры и МВД РФ. В данных отчетах есть показатель о количестве законченных уголовных дел, которые направлены в суд, он свидетельствует о качестве работы следственных органов. Прекращенные же на досудебной стадии уголовные дела «портят статистику», поэтому представители следственных органов не заинтересованы выступать в качестве инициаторов и интересантов досудебного урегулирования. Направление уголовного дела в суд и прекращение уголовного дела на стадии следствия имеют неодинаковые статистические последствия для органа предварительного расследования.

Однако, несмотря на де-факто незаинтересованность следственных органов, практика досудебного урегулирования уголовного дела в связи с прекращением сторон носит массовый характер, который порождает ряд «неудобных» вопросов: почему в одном случае согласие дано, а в другом – нет? Отечественные исследователи связывают эту дифференциацию с коррупционной составляющей, позволяющей людям с материальными возможностями и высоким социальным статусом в обществе уходить от уголовной ответственности по делам небольшой и средней тяжести. Таким образом, в ряде случаев практика примирения сторон выступает как коррупционная лазейка для органов следствия, демонстрирующая влияние

¹⁵⁷ Коршакевич Н. Г. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон – право или обязанность суда? // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. Вып. 2 (6). С. 72.

социального неравенства на наказание в российской уголовно-правовой системе.

Следующий фактор неравенства в наказании в отечественной судебной и пенитенциарной практике связан с возможностями оказания внешнего административного, политического и финансового давления на суд. Независимость судей – это их способность и возможность разрешать правовые конфликты исключительно на основе их юридически значимых обстоятельств, руководствуясь только законом, собственной совестью и общепризнанными представлениями о справедливости (то есть в рамках нашего исследования – конвенциональными представлениями и нормами)¹⁵⁸.

Ряд специалистов приходят к достаточно радикальному мнению, что введение в 2013 году и законодательное определение в статье 8.1 УПК РФ принципа независимости судей нельзя считать логически законченным правоустанавливающим действием с однозначно позитивным вкладом в формирование современной системы уголовно-процессуальных гарантий судебской независимости. Данная институция, по их мнению, носит, скорее, декларативный, а не прагматический характер. Проблема заключается в том, что задействие в статье 8.1 УПК РФ конституционного принципа, имеющего межотраслевое значение, не было дополнено процедурными правилами, встраивающими норму в процессуальную специфику уголовного судопроизводства. Имеющиеся правила, которые закреплены в статье 8.1 УПК РФ, выходят за рамки системы уголовно-процессуального регулирования и носят канцелярский характер.

Возможность оказания давления на суд является серьезным фактором, привносящим социальное неравенство в практику назначения наказания. Многие резонансные для общественного сознания и СМИ решения судов в современной России были вызваны отсутствием реальной независимости

¹⁵⁸ Гизатуллин И. А. Процессуальные проблемы реализации независимости судей в судебном разбирательстве по уголовным делам : дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. Башкир. гос. университет. Уфа, 2019. 266 с.

судей и оказанным на них административным воздействием. Вызывая негативную реакцию части общества, данные решения делегитимизируют современную российскую судебную систему и придают ее деятельности неконвенциональный характер.

Одним из факторов неконвенциональности решений современных российских судов является малый удельный вес оправдательных приговоров. Данное явление связывается в общественном сознании с «обвинительным уклоном» отечественного правосудия, обусловленным зависимостью российских судей от выводов органов уголовного преследования и от представленных ими доказательств. И это мнение подтверждается российской уголовной статистикой: «...за 2018 г. зафиксировано рекордно низкое число оправдательных приговоров за последние несколько лет – около 0,2 % от общего количества»¹⁵⁹.

Противоположной проблемам зависимости судей от административного давления и доказательств, собранных органами следствия, является проблема судебного произвола. По мнению А. А. Тарасова и И. А. Гизатуллина: «Независимость судей как объективно необходимое условие существования правосудия в любой стране имеет свою негативную противоположность – судебский произвол, который представляет для правосудия не меньшую угрозу, чем зависимость судей от кого бы то ни было. Процессуальная форма отправления правосудия должна одновременно обеспечивать и независимость судей, и гарантии от судебного произвола для всех заинтересованных лиц»¹⁶⁰.

По мнению А. В. Аверина: «...судебный произвол – это деятельность суда, характеризующаяся вольной (в нарушение предписанных правовых норм) судебной интерпретацией выводов, подлежащих установлению в

¹⁵⁹ «Верховный Суд подвел итоги работы судов за 2018 г.»: [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/209019/> (дата обращения: 02.06.2019).

¹⁶⁰ Тарасов А. А., Гизатуллин И. А. Независимость судей – имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 21–41.

рамках изученного правового конфликта. Вольной (то есть не вытекающей из требований закона) может быть как интерпретация самих обстоятельств дела, так и их юридическая оценка»¹⁶¹. Судебный произвол можно интерпретировать как внеправовые практики воздействия на участников судебного заседания, выражающиеся в превышении полномочий и/или злоупотреблении полномочиями со стороны судьи и государственного обвинителя. Он может вызываться причинами различного характера, основные из которых следующие:

- 1) материальная, коррупционная заинтересованность;
- 2) административное, политическое, медийное и иное давление на суд;
- 3) проявления nepотизма;
- 4) сговор участников уголовного судопроизводства;
- 5) субъективно-личностная специфика судьи.

Объектом судебного произвола выступает сторона защиты. Укажем основные проявления судебного произвола в практиках судебного разбирательства:

- 1) нежелание приобщать к делу доказательства защиты;
- 2) искажение событий и обстоятельств дела при их фиксации в протоколе судебного заседания;
- 3) невнесение замечаний защиты в протокол судебного заседания и их неудовлетворение;
- 4) непредоставление судьей протокола судебного заседания в установленный срок;
- 5) запрещение вести видеозапись (допускающуюся ч. 5 ст. 241 УПК РФ с разрешения председательствующего в суде) и игнорирование аудиозаписей для подтверждения тех или иных обстоятельств;
- 6) манипуляция властными полномочиями, замечания адвокату за опоздание в суд, опоздания судьи и обвинителя;

¹⁶¹ Аверин А. В. Истина и судебная достоверность. (Постановка проблемы). 2-е изд., доп. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. С. 278.

7) близкие неформальные отношения между судьей и гособвинителем, сговор между представителями судебной и прокурорской ветки власти, блокирующий реализацию принципа состязательности сторон;

8) некорректное, оскорбительное поведение судей и прокуроров, психоэмоциональное давление на других участников процесса: проявления хамства, оскорбления, перебивание защитников во время прений, препятствия высказыванию подсудимых и т. п.

Как показывает вышеизложенный анализ – и практики досудебного урегулирования путем примирения сторон, и возможности оказания давления на суд, и судебный произвол в той или иной степени связаны с коррупцией, которая выступает в качестве одного из основных факторов, детерминирующих неравенство наказания в отечественной судебной и пенитенциарной практиках. По мнению Ф. Г. Шахкелдова, «...если ранее по уровню коррупции лидировали прокуратура и милиция, то сегодня ситуация изменилась не в пользу судов и административных органов, куда уходит основная часть коррупционных денег»¹⁶². Согласно федеральному закону «О противодействии коррупции», коррупция – это: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»¹⁶³.

Как мы установили выше, материальная заинтересованность и выгода являются не единственным фактором коррупции в суде. Так, по мнению

¹⁶² Шахкелдов Ф. Г. Без реформирования судебной системы нельзя решить проблему коррупции // Российский судья. 2008. № 12.

¹⁶³ Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ.

Е. Н. Рахмановой: «Коррупцию в судах могут провоцировать различные формы влияния и давления на судей со стороны вышестоящих судебных органов, органов государства; сюда в определенной мере можно отнести и организационные факторы, в частности, систему распределения дел между судьями, организационно-управленческие вопросы и т. д.»¹⁶⁴.

Подобным же образом с коррупцией соотносится фактор зависимости суда. Как утверждает Ф. Г. Шахкелдов: «Независимость суда оказалась мифом и предпосылкой коррупции в судебной системе. А зависимость судьи больше не от существующих законов, а от территориальной администрации, состоятельных бизнесменов, руководства правоохранительных органов»¹⁶⁵.

Выявление уровня коррумпированности российских судей не входит в объект нашего исследования. При этом он с трудом поддается эмпирической оценке и может быть представлен лишь косвенными количественными показателями или экспертными мнениями и оценками. Имеющаяся в свободном доступе количественная информация весьма ограничена и относительно быстро устаревает в условиях быстрых социальных изменений, тем более что она затрагивает лишь результаты антикоррупционной деятельности. К примеру, в докладе Международной комиссии юристов констатируется: «Судьи и эксперты по дисциплинарной системе подтвердили участникам миссии, что ежегодное количество уволенных судей в Российской Федерации необычайно велико по сравнению с другими государствами. В среднем в порядке дисциплинарного производства ежегодно увольняются от 40 до 50 судей. ...количество уволенных судей остается поразительно высоким. ...во многих европейских государствах в течение года не увольняется ни один судья, и часто ни один представитель

¹⁶⁴ Рахманова Е. Н. Об укреплении доверия к судам и снижении коррупции // Адвокатская практика. 2013. № 6. С. 31.

¹⁶⁵ Шахкелдов Ф. Г. Без реформирования судебной системы нельзя решить проблему коррупции // Российский судья. 2008. № 12.

судейского корпуса не отстраняется от должности на протяжении целых десятилетий»¹⁶⁶.

Помимо вышеуказанных негативных факторов, влияющих на осуществление уголовного судопроизводства в России и детерминирующих проявления социального неравенства в назначении уголовного наказания, существует целый ряд объективных факторов системно-структурного характера. Среди них, по мнению И. А. Остапенко, «...следует назвать некачественную работу органов предварительного расследования, судебные ошибки, вызванные недостаточной компетентностью судей, несовершенством отдельных уголовно-процессуальных институтов, в том числе института мировых судей, присяжных заседателей, нечеткой регламентацией порядка рассмотрения уголовных дел в судах, отсутствием в отдельных судах специализации судей, наличием пробелов и коллизий в процессуальных нормах, регулирующих порядок и условия постановления судебных приговоров»¹⁶⁷.

Одним из наиболее явных критериев неравенства наказания в судебной практике являются послабления за нарушения в сфере экономической преступности (собственно, 22 статья УК РФ) и преступности в экономической сфере. Как показали результаты анализа, осуществленного в предыдущей части исследования, наказания за преступления в экономической сфере являются результатом стигматизации в социальной структуре со стороны высшего класса, устанавливающего свою норму ответственности относительно неравных по ущербу для общества деяний.

Данные изменения подразумевают декриминализацию ряда нарушений и замену уголовной ответственности назначением штрафов. Необходимо отметить, что законодатели идут по пути либерализации уголовной

¹⁶⁶ Защита правосудия: Дисциплинарное производство в отношении судей в Российской Федерации Доклад миссии МКЮ. 2012: [Электронный ресурс]. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/D903CE857F256FAE5025412383B1C08A_MISSION.pdf

¹⁶⁷ Остапенко И. А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Владимир, 2007. С. 4.

ответственности, законотворческой и правоприменительной декриминализации, что отражается, в частности, в проекте Федерального закона № 871811-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (окончательная ред., принятая ГД ФС РФ 19.03.2020). Согласно данному проекту определяются твердые размеры крупных и особо крупных размеров неуплаты налогов и взносов, а также содержится новое примечание к статье 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)».

Либерализация уголовной ответственности и декриминализация позволяют уменьшить возможности давления на малый бизнес со стороны крупного бизнеса и коррумпированных представителей государственного аппарата и муниципальной власти. Недобросовестная конкуренция и внеэкономическое давление на малый бизнес выражается, в том числе, в попытках «подвести» жертву под ту или иную статью УК РФ, касающуюся преступлений в сфере экономической деятельности.

Данные, представленные в таблице 5, свидетельствуют в целом об уменьшительном тренде преступлений в сфере экономической деятельности в российском обществе. Однако мы видим его колебания, коррелирующие с пиковыми годами экономических кризисов и годами восстановления экономического роста. Первая волна мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. обусловила относительно высокие показатели количества осужденных за преступления в сфере экономической деятельности, потом идет резкий спад, соответствующий восстановлению экономики и росту доходов граждан. Однако валютный кризис 2014–2015 гг. приводит к росту количества осужденных за преступления в сфере экономической деятельности, и данный негативный тренд продолжается и на сегодняшний момент.

Таблица 5 – Осужденные по приговорам, вступившим в законную силу
(по объекту посягательства)¹⁶⁸

Показатель	Число осужденных											
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего осуждено	925 166	892 360	845 071	782 274	739 278	735 340	719 297	734 581	741 329	697 054	658 291	598 214
За преступления в сфере экономической деятельности (ст. 169–200.6)	11 403	11 502	8 175	6 072	4 276	3 726	3 842	4 229	5 363	6 375	7 717	7 763

Периоды кризисов снижают покупательский спрос и сужают рынки, что ведет к увеличению конкуренции (и, как следствие – внеэкономических методов конкуренции) между экономическими игроками. Помимо этого, коррупционеры стараются стабилизировать уровень своих теневых доходов, невзирая на проблемы схлопывающейся экономической активности в стране, расцветают мошеннические практики. Следствием чего выступает закономерный рост количества осужденных за преступления в сфере экономической деятельности.

Либерализация уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности также выражается в попытках изменения в статье 76.1 УК РФ, освобождающей от наказания за экономические преступления небольшой и средней тяжести, если преступление совершено впервые, ущерб возмещен и уплачен штраф государству. Действующая редакция статьи 76.1. УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» воспроизводит социальное неравенство и стратификационные различия в наказании индифферентностью к социально-экономическому статусу граждан.

¹⁶⁸ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2019 годы: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>

Так, по мнению О. В. Растороповой: «... действующая редакция ст. 76.1 УК РФ ставит под сомнение такой важнейший принцип уголовного права, как равенство граждан перед законом, отдавая предпочтение экономически более состоятельным гражданам, «способным заплатить за свое освобождение», что недопустимо»¹⁶⁹.

Ряд отечественных ученых при замене уголовного наказания за преступления в сфере экономической деятельности штрафом предлагают снизить его минимальный размер, поскольку он превышает реальные доходы большинства правонарушителей, но при этом увеличить максимальный размер штрафа. А также дополнить порядок исчисления штрафа суммой, исчисляемой из кратного размера причиненного преступлением ущерба. Это позволит избежать неравенства граждан с различным социально-экономическим статусом перед законом и уравновесить репрессивный характер штрафа.

Можно полностью согласиться с мнением Т. В. Васильевой: «Расширение пределов штрафа позволит ему быть одинаково репрессивным как для малоимущих, так и материально обеспеченных преступников. Такие социально-экономические проблемы, как низкий уровень жизни значительной части населения страны и преступников в том числе, высокий удельный вес осужденных, не имеющих легальной работы или иных источников дохода, влияют в значительной степени на судебную практику по назначению имущественных санкций, поскольку суды стараются избегать выносить заведомо неисполнимые приговоры. Эти же факторы оказывают влияние на практику исполнения штрафных санкций, детерминируя низкий уровень их собираемости»¹⁷⁰.

Следующая группа критериев неравенства в назначении и исполнении уголовного наказания – это социально-демографические (половозрастные)

¹⁶⁹ Расторопова О. В. Гуманизация уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Человек: преступление и наказание. 2015. С. 232.

¹⁷⁰ Васильева Т. В. Назначение и исполнение уголовного наказания в виде штрафа (Социально-правовые проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2004. С. 53.

различия. Отметим, что в большинстве своем эти различия не являются дискриминирующими, а, наоборот, нацелены на учет половозрастной специфики правонарушителя, находящегося в особом положении/состоянии, как фактора смягчения наказания, достижения его справедливости.

В соответствии с Уголовным кодексом РФ 1996 года (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 27.07.2020), смягчающими вину обстоятельствами признаются:

1) совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств;

2) несовершеннолетие виновного;

3) беременность;

4) наличие малолетних (до 14 лет) детей у виновного;

5) совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания;

6) совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости;

7) совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения;

8) противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления;

9) явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

10) оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате

преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

Одним из существенных факторов неравенства в назначении и исполнении уголовного наказания является пол осужденных и гендерное неравенство. М. В. Минстер следующим образом обобщает смягчающие обстоятельства и их исполнение относительно женщин: «УК РФ запрещает применение в отношении женщин таких наказаний, как пожизненное лишение свободы (ст. 57) и смертная казнь (ст. 59). Беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет (с 2003 г. – трех лет), не назначаются обязательные работы (ст. 49) и исправительные работы (ст. 50). Беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до восьми лет (с 2003 г. – 14 лет), не приговариваются к аресту (ст. 54). Ограничение свободы (ст. 53) в первоначальной редакции УК РФ не распространялось на беременных, женщин, имеющих детей в возрасте до 8 лет (с 2003 г. – 14 лет), достигших 55 лет. В соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы», этот вид наказания назначается женщинам на общих основаниях. Принудительные работы, введенные Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, запрещено применять в отношении беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, достигших 55-летнего возраста (ч. 1 ст. 53)»¹⁷¹.

В уголовном законодательстве для женщин предусмотрен особый вид освобождения от наказания – его отсрочка в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей, кроме осужденных к лишению свободы на срок

¹⁷¹ Минстер М. В. Реализация некоторых направлений уголовной политики России в отношении женщин // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13(1-4), № 4. С. 448.

свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. Как отмечает Н.А. Белова: «...законодатель, учитывая, что правовое значение отсрочки наказания обусловлено интересами ребенка, Федеральным законом от 21 февраля 2010 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» включил в круг лиц, к которым возможно применение данного института освобождения, и мужчин, единственных родителей детей в возрасте до 14 лет. Кроме того, исходя из гуманных соображений, а также основываясь на презумпции потенциально меньшей опасности женщин для общества, законодатель предусмотрел для них дополнительные льготы при отбывании наказания в виде лишения свободы»¹⁷².

В целом отметим, что и на уровне судебных решений о назначении наказания эксперты отмечают более либеральное и менее репрессивное отношение представителей судейского корпуса к женщинам-правонарушителям. Субъективный фактор судебного разбирательства – личность судьи и его субъективное отношение к подсудимым, в большинстве случаев на стороне женщины.

Как свидетельствуют данные ФСИН РФ, представленные в таблице 6, женский контингент в исправительных колониях в России составляет малую часть от мужского, что не соответствует существующему балансу полов в численности населения. Это связано и с меньшей долей женщин в общей структуре преступности и, безусловно, с использованием в законоприменительной практике в отношении правонарушителей-женщин целого ряда смягчающих обстоятельств.

¹⁷² Белова Н. А. Исполнение наказаний в России в отношении женщин: история и современность : монография. Вологда, 2016. С. 279.

Таблица 6 – Количество женщин, содержащихся в исправительных колониях
для взрослых¹⁷³

Составы преступления		2008	2010	2012	2014	2016	2017	2019
Убийство, ст. 105, 107, 108, 109, 111, ч. 4 УК РФ		122 937	146 488	133 247	122 973	106 466	97 819	84 824
В т. ч.	женщин	10 134	11 131	10103	9280	8537	7873	6633
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, ст. 111 ч. 1-3 УК РФ		103 810	71 558	54118	55 091	56 050	52 081	39 951
В т. ч.	женщин	6665	5157	3964	4421	4430	4270	3252
Изнасилование, насильственные действия сексуального характера, ст. 131 УК РФ		26 928	25 892	24083	22 108	22 024	22 040	20 964
В т. ч.	женщин	153	155	177	139	161	186	169
Кража, ст. 158 УК РФ		162 664	131 399	97 189	88 334	76 605	73 570	62 261
В т. ч.	женщин	11 713	10 042	7180	6340	4856	4774	4250
Грабеж, ст. 161 УК РФ		70 905	61 765	45 141	37 663	31 008	27 347	20 159
В т. ч.	женщин	3173	2728	1849	1447	1139	1059	759
Разбой, ст. 162 УК РФ		77 789	69 543	55 157	45765	38 026	33 999	25 233
В т. ч.	женщин	2353	2101	1512	1050	852	768	592
Хулиганство, ст. 213 УК РФ		4193	1832	1096	688	323	244	185
В т. ч.	женщин	38	23	18	5	4	1	0
Вымогательство, ст. 163 УК РФ		6903	4762	3375	2939	2831	2717	2292
В т. ч.	женщин	130	82	56	57	54	40	33
Преступления, связанные с наркотиками, ст. 228–233 УК РФ		98 430	124 168	125 194	126 584	138 154	135 416	120 100
В т. ч.	женщин	16 493	19 466	18 289	16 662	15 929	14 980	13 423
Прочие преступления		59 733	57 079	46 488	48 707	47 993	49 783	44 789
В т. ч.	женщин	4489	4236	3906	4163	3497	4060	3904

Помимо этого, мы наблюдаем неуклонное падение численности женского контингента в пенитенциарной системе, что свидетельствует о либерализации уголовного законодательства в отношении женщин. Подобные тенденции наблюдаются и в отношении полового состава лиц,

¹⁷³ Статистическая информация ФСИН РФ: Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>

содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах (для женщин – только СИЗО) (Таблица 7).

Таблица 7 – Количество женщин, содержащихся в следственных изоляторах ¹⁷⁴

Показатель		2007	2009	2011	2013	2016	2018	2019
Численность спецконтингента – всего		156 259	134 142	113 214	115 366	109 009	100 934	99 948
	женщин	13 147	12 256	10 029	10 030	8944	8890	8777

Также отметим, что мужчины и женщины неравны с точки зрения исполнения наказания по существующим режимам отбывания заключения. Если у мужчин имеется особый режим, то к женщинам он не применяется, в отношении к ним возможно максимальное назначение только строгого режима отбывания наказания.

Возраст осужденного также является фактором неравенства наказания, и возрастные различия в большинстве своем не являются дискриминирующими, а, наоборот, нацелены на учет возрастной специфики правонарушителя, находящегося в особом положении/состоянии, как фактора смягчения наказания, достижения его справедливости. В соответствии с Уголовным кодексом РФ 1996 года, несовершеннолетие правонарушителя является смягчающим вину обстоятельством.

По мнению экспертов, несовершеннолетних правонарушителей «судят мягче», чем взрослых, у них иные, чем у взрослых, условия отбывания наказания и больше возможностей выйти из мест лишения свободы по УДО (условно-досрочное освобождение). К примеру, достаточно типичным в среде как правоведов, так и в судебском корпусе является мнение М. Н. Становского: «Хотя уголовный закон и не содержит нормы об обязательном смягчении наказания при наличии смягчающих обстоятельств,

¹⁷⁴ Статистическая информация ФСИН РФ: Характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах, 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOiT/2020-03-17_122324.jpg

суд, исходя из смысла ст. 61 УК РФ, как правило, обязан в известной степени смягчить наказание несовершеннолетнему и лишь при наличии особо тяжких последствий совершенного преступления вправе отойти от этой обязанности с приведением убедительных мотивов своего решения»¹⁷⁵.

Помимо этого, в профессиональных сообществах законодателей и правоприминителей существует понимание необходимости недопущения перехода преступности несовершеннолетних во взрослую преступность, ее повторности и рецидивности и, как следствие, социализации в преступной среде и преступной профессионализации. Из последних изменений в этом направлении – решение не переводить несовершеннолетних, достигнувших совершеннолетия в местах лишения свободы, в пенитенциарные учреждения для взрослых.

Также существует ряд различий в законе, в судебной и пенитенциарных практиках, учитывающих возраст преступника. К примеру, это наличие у преступника малолетних детей или более гуманное отношение к пожилым лицам, отбывающим наказание, которые чаще подпадают под амнистию, имеют шансы выйти по условно-досрочному освобождению и т. д. Мы не будем подробно акцентироваться на социально-демографических различиях, поскольку социальное неравенство в наказании в данном случае является в большей степени результатом германизации и либерализации уголовного законодательства.

Следующим частным фактором неравенства в наказании, его назначении и исполнении является социально-профессиональный статус правонарушителя, включающий его профессиональное и должностное положение. К примеру, согласно ст. 63 УК РФ, отягчающими наказание обстоятельствами признаются:

1) совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора;

¹⁷⁵ Становский М. Н. Назначение наказания. СПб. : Юридический центр, 1999. С. 69.

2) совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел.

Социально-профессиональный статус является не столько смягчающим вину, сколько отягчающим обстоятельством, или определяет особые условия ведения уголовного процесса, назначения и отбывания наказания. В рамках уголовно-исправительной системы есть особые исправительные учреждения для сотрудников органов внутренних дел («милиейские зоны», «ментовские зоны» и т. п.).

Следующая группа факторов касается не назначения, а отбывания наказания в учреждениях пенитенциарной системы. Эти факторы неравенства связаны с коррупцией среди работников пенитенциарной системы и затрагивают условия отбывания наказания, дают возможность выйти раньше по УДО, обеспечить более комфортные условия отбывания наказания в силу бывшего социального статуса заключенного в социальной структуре общества, материальных возможностей и/или статуса в профессиональной делинквентной субкультуре.

По определению Ж. Я. Резник: «Коррупция в учреждениях уголовно-исполнительной системы – это особый вид пенитенциарной преступности, которая проявляется в виде дисфункции взаимосвязанных процессов исполнения и отбывания наказания»¹⁷⁶.

Согласно имеющимся данным наиболее распространенными формами совершения коррупционных преступлений в учреждениях и органах пенитенциарной системы являются:

– передача либо попытка передачи осужденным запрещенных предметов (48 %);

¹⁷⁶ Резник Ж. Я. Состояние коррупционной преступности в сфере уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1. С. 86.

– предоставление осужденным отпусков, незаконных льгот (например, создание улучшенных условий содержания лицам, находящимся в ШИЗО, ПКТ или ЕПКТ, которые противоречат законодательству) (35,9 %);

– незаконное представление к условно-досрочному освобождению (15,6 %) ¹⁷⁷.

Конкретизируем данные коррупционные практики в пенитенциарных учреждениях, которые в большинстве своем связаны с получением взятки сотрудниками:

1) помощь осужденному в подготовке материалов к условно-досрочному освобождению или замене наказания его более мягким видом. Сотрудники исправительного учреждения берут на себя функции подготовки осужденного к условно-досрочному освобождению или смягчению наказания. К нему применяются меры поощрения, предусмотренные в ст. 113 УИК РФ, с целью вызвать у суда неверное представление о личности осужденного, как о якобы положительно характеризующемся индивиде с высокой степенью исправления;

2) подобная коррупционная практика применяется также и для изменения вида исправительного учреждения, например, при переводе их из колонии общего режима в колонию-поселение или в лечебно-исправительное учреждение;

3) создание для осужденного комфортных условий отбывания наказания: перевод на облегченные условия отбывания наказания, предоставление права свободного передвижения без конвоя или сопровождения за пределами ИУ (ст. 96 УИК РФ); предоставление незаконных отпусков (ст. 97 УИК РФ) и др. Также осужденным могут предоставляться дополнительные длительные свидания (в том числе с

¹⁷⁷ Гирько С. И. Меры по предупреждению коррупционной преступности в уголовно-исполнительной системе РФ: [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 17.08.2018).

лицами, не указанными в законодательстве), может быть разрешено получение дополнительных посылок, передач, бандеролей и т. д.¹⁷⁸;

4) пронос на территорию исправительных учреждений запрещенных предметов и веществ (средства связи, алкоголь, наркотики и т. д.);

5) сокрытие фактов правонарушений со стороны осужденных, а также оказание им так называемого покровительства сотрудниками исправительных учреждений либо криминальными лидерами. Обеспечение так называемой безопасности осужденных.

Коррупция в пенитенциарных учреждениях является основным фактором неравенства в условиях отбывания наказания индивидами, относящимися к различным общностям и группам в социальной структуре и стратификации современного российского общества. Неравенство в условиях, возможностях потребления услуг и шансах условно-досрочного освобождения детерминирует и социальное неравенство внутри пенитенциарных сообществ, выстраивает альтернативную официальной социальную иерархию внутри тюремных стен.

Данные дифференциации и неравенства нивелируют принципы равенства перед законом, справедливости и постулируемые законом цели наказания. Высокообеспеченный осужденный и/или «имеющий связи», влияющие на тюремную администрацию, может обеспечить себе относительно комфортные условия, позволяющие ему даже не прерывать свои деловые контакты «на воле» или включиться в разноплановую теневую «тюремную экономику».

Следующим фактором неравенства в исполнении уголовного наказания являются официальные дополнительные услуги, которые оказываются по инициативе заключенных и оплачиваются ими из собственных средств. На основании «Правил внутреннего распорядка исправительных

¹⁷⁸ Горбань Д. В., Ефремова О. С. Современные тенденции коррупционной преступности в сфере функционирования уголовно-исполнительной системы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 12 (декабрь). 0,5 п. л. URL: <http://e-koncept.ru/2017/173018.htm>.

учреждений (с изменениями на 1 апреля 2020 года)» утверждается следующий список дополнительных услуг для осужденных:

- 1) консультации врачей-специалистов медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения;
- 2) подбор, изготовление очков, протезов, ортопедической обуви;
- 3) отдельные виды инструментального, лабораторного обследования, а также лечения, протезирования зубов;
- 4) приобретение разрешенной к использованию в ИУ одежды, в том числе спортивной;
- 5) приобретение товаров народного потребления, производимых и реализуемых ИУ;
- 6) индивидуальное использование на длительном свидании кухонных наборов, телевизоров, холодильников, аудио- и иной электробытовой техники, ежедневная замена постельных принадлежностей и полотенец (осуществляется по заявлению осужденного или лиц, прибывших на свидание);
- 7) пошив одежды и обуви гражданского образца (без права пользования во время отбывания наказания, за исключением осужденных, освобожденных из-под стражи либо содержащихся в колониях-поселениях), ремонт, химическая чистка одежды;
- 8) фото- и видеосъемка (производится под контролем администрации ИУ, съемка объектов, обеспечивающих безопасность и охрану осужденных, запрещается);
- 9) парикмахерские услуги;
- 10) копирование судебных документов, других документов, имеющих в личных делах осужденных;
- 11) юридическая консультация;
- 12) нотариальные услуги;

13) заочное обучение, в том числе обучение с применением дистанционных образовательных технологий (при наличии договора образовательной организации с УИС) ¹⁷⁹.

Помимо этого, пункт 106 данных правил предусматривает организацию для осужденных ежедневно работающих магазинов (интернет-магазинов) с продажей продуктов питания и промышленных товаров.

Следовательно, существующие официальные возможности материально высокообеспеченных категорий осужденных по организации более комфортной среды и уровня потребления сами по себе детерминируют социальное неравенство в исполнении наказания и реализации его целей.

Обобщая вышеизложенный анализ, мы можем выделить негативные факторы, влияющие на осуществление уголовного судопроизводства в России и детерминирующие проявления социального неравенства в назначении и исполнении уголовного наказания:

- 1) Коррупция органов следствия в досудебном урегулировании путем примирения сторон;
- 2) возможности оказания внешнего административного, политического и финансового давления на суд;
- 3) отсутствие реальной независимости судей;
- 4) судебный произвол;
- 5) коррупция в судебных практиках;
- 6) либерализация уголовной ответственности, декриминализация ряда нарушений и замена уголовной ответственности назначением штрафов для преступлений в сфере экономической деятельности;
- 7) социально-демографические (половозрастные) различия;
- 8) Социально-профессиональный статус правонарушителя, включающий его профессиональное и должностное положение;

¹⁷⁹ Приказ Министерств юстиции РФ от 16 декабря 2016 года № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (с изменениями на 1 апреля 2020 года)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420387264>

9) коррупция в пенитенциарных учреждениях;

10) дополнительные платные услуги для осужденных в уголовно-исправительных учреждениях.

Следующей задачей нашего исследования будет являться анализ динамики отношения российского общества к уголовному наказанию, адекватности наказания содеянному при учете имеющихся в обществе альтернатив наказания.

2.2. Динамика отношения российского общества к уголовному наказанию

Как показывают результаты исследования, представленные в предыдущей части работы, одним из важных аксиоматических выводов, распространенных в западной науке и практике, является признание неразрывности между уголовной политикой и общественным мнением, убежденность в том, что уголовная политика должна соответствовать мнению общественности. То есть сама криминальная политика рассматривается как стратегия выявления, формирования и реализации конвенций в отношении уголовного наказания, опирающаяся на консенсус большинства.

Конвенциональность уголовного наказания интерпретируется нами как степень согласия, то есть насколько группа/общность/общество согласны и солидаризированны в оценке наказания. В предыдущей части исследования были выявлены факторы конвенциональности уголовного наказания, что в свою очередь порождает вопросы о динамике воздействия и влияния этих факторов на общественное сознание в оценке норм и мер уголовного правосудия. Поэтому в данной части исследования будет рассмотрена динамика отношения российского общества к уголовному наказанию.

Следует констатировать тот факт, что подобные исследования в отечественной социологии и криминологии фактически отсутствуют, а существующие посвящены отношению к отдельным уголовным наказаниям по острым и проблематичным для общественного сознания видам преступлений. Поэтому для анализа были выбраны отношение к уголовным наказаниям за употребление и распространение наркотиков, по преступлениям коррупционной направленности и отношение к смертной казни как к высшей и исключительной мере наказания.

Одной из существенных проблем постсоветской России явилась проблема распространения и употребления наркотиков. Массовизация

наркомании в условиях аномии и социально-экономического кризиса вызывала достаточно острую реакцию общественного сознания, поместившего эту проблему в список наиболее актуальных и тяжелых социальных недугов.

Исходя из вышесказанного мы можем следующим образом интерпретировать *конвенциональность уголовного наказания* – степень согласия общества относительно декларируемых государством целей и функций наказания, применяемых им видов наказания, адекватности наказания содеянному при учете имеющихся в обществе альтернатив наказания.

Как свидетельствуют данные панельного замера «Левада-Центра», за десятилетие 1998–2008 гг., на 10–15 % увеличилась доля тех, кто выступал за карательную антинаркотическую политику, за ужесточение мер правоохранительных органов против торговцев наркотиками¹⁸⁰.

Статистические данные, представленные на рисунке 3, показывают в целом отрицательную динамику роста числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в России. Пиковые значения 2013–2014 годов пройдены, видна тенденция к стабилизации. Однако преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, продолжают оставаться одними из самых массовых в стране, в 2020 году зарегистрировано 177 337 преступлений. Еще одной проблемой является возрастной состав указанного вида преступности, значительная часть осужденных это молодежь и люди среднего возраста, то есть наиболее перспективные и трудоспособные категории населения.

¹⁸⁰ Голов А. А. Знакомство с наркотиками. URL: <https://www.levada.ru/2008/03/20/a-a-golov-znakomstvo-s-narkotikami/>

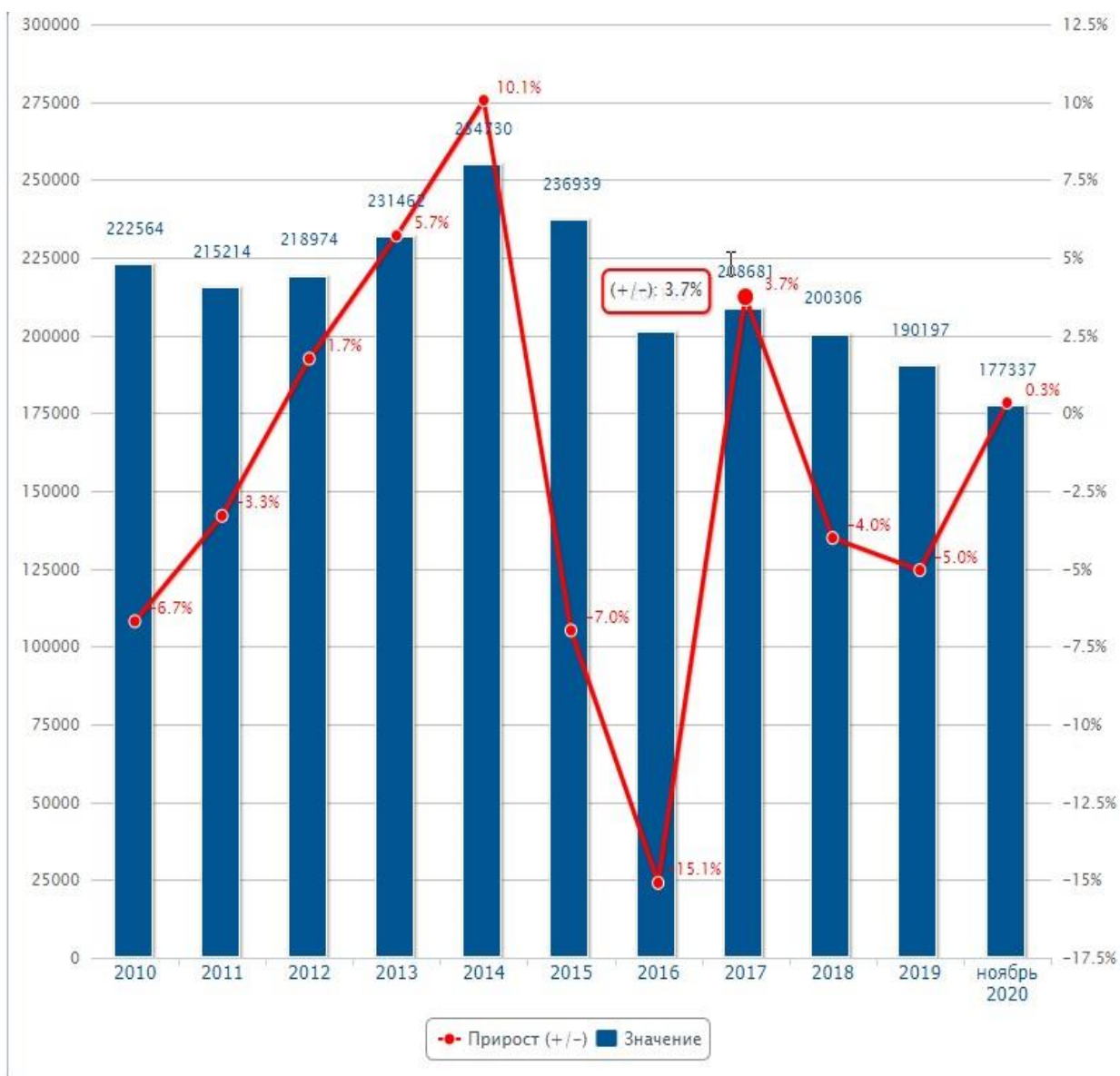

Рисунок 3 – Динамика зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в РФ¹⁸¹

Следует отметить, что постсоветское общество уже с большим скепсисом относится к возможностям «ведения широкой пропагандистской работы против наркотиков в средствах массовой информации», доля сторонников этих мер определенным образом сокращается (Таблица 8).

¹⁸¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. Зарегистрированные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart

Таблица 8 – Что следует предпринимать, чтобы остановить распространение наркомании в стране?

Вариант ответа	1998	2008	2008 (города кроме Москвы)
Изолировать наркоманов от общества	15	10	15
Ужесточить меры правоохранительных органов против торговцев наркотиками	35	45	50
Вести широкую пропагандистскую работу против наркотиков в средствах массовой информации	16	13	8
Усилить работу по профилактике наркомании среди молодежи	20	20	18
Другое	5	2	4
Затруднились ответить	9	10	5

С другой стороны, возникает и принятие некоего неизбежного следствия массовой наркотизации – понимания, что изолировать лиц, употребляющих наркотики, от общества невозможно, эта идея за указанное десятилетие не находит новых сторонников. В этой связи категория россиян, у которых имеются родные/близкие, употребляющие наркотические вещества, наиболее негативно настроена в отношении возможного ужесточения карательных санкций и введения уголовной ответственности за употребление наркотиков (Таблица 9).

По данным «Левада-Центра», в период с мая 2011 по июль 2012 года существенным образом снизилась (на 9 %) доля тех граждан, которые выступали за предложение ввести уголовное преследование за употребление наркотиков (предполагающее в том числе принудительное лечение наркоманов).

Таблица 9 – Как бы Вы отнеслись к предложению ввести уголовное преследование за употребление наркотиков (предполагающее принудительное лечение наркоманов): 2011–2012 гг.? ¹⁸²

Ответы	Май 2011	Июль 2012
Положительно	77	68
Нейтрально	12	18
Отрицательно	6	9
Затрудняюсь ответить	5	5

В этот период наметился резкий тренд на гуманизацию отношения общества к вопросу возможности уголовного преследования за употребление наркотиков, однако данная тенденция была приостановлена в 2014 году что, на наш взгляд, было связано с разворачиванием кризисных социально-экономических условий в российской экономике, начиная с «атаки на рубль» декабря 2014 года и давления на Российскую Федерацию, вызванного событиями на Украине, воссоединением с Крымом и последующей санкционной политикой стран Запада. Давление на российское общество в качестве обратной реакции вызвало волну оптимизации и мобилизации сознания («Крым наш!»), временно препятствующую стратегиям и практикам нахождения компромиссов по ряду болезненных вопросов (Таблица 10).

Спустя несколько лет, в июне 2017 года, согласно данным исследования ВЦИОМ, 78 % россиян высказались в поддержку идеи введения уголовного наказания за употребление наркотических веществ ¹⁸³. Российское общество в это время было категорически негативно настроено в

¹⁸² Россияне против предложения разрешить употребление «легких» наркотиков. URL: <https://www.levada.ru/2012/08/16/rossiyane-protiv-predlozheniya-razreshit-upotreblenie-legkih-narkotikov/>

¹⁸³ Наркомания в России: масштаб проблемы, и как с ней бороться? URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=116282>

отношении возможной либерализации законодательства и смягчения наказания по данным статьям.

Таблица 10 – Как бы Вы отнеслись к предложению ввести уголовное преследование за употребление наркотиков (предполагающее принудительное лечение наркоманов): 2013–2015 гг.?

Ответы	Май 2013	Июнь 2014	Май 2015
Положительно	75	62	72
Нейтрально	13	21	19
Отрицательно	7	12	6
Затрудняюсь ответить	5	5	4

Подавляющее большинство (93 %) выступило против свободной продажи наркотических веществ. Более половины россиян отмечали рост числа наркозависимых. Легализацию легких наркотиков в этот период одобряло лишь 6 % жителей страны. Однако имелись категории с уровнем поддержки идеи легализации легких наркотиков выше 10 %, это возрастная категория 18–34 года (12–13 %), жители столичных городов (14 %) и респонденты, в окружении которых имеются люди, употребляющие наркотические вещества (12 %).

В 2017–2020 годах растет доля россиян, считающих наркоманию в большей степени общественной проблемой, нежели проблемой отдельной личности. С 45 % в 2017 году до 37 % в 2018 году снизилась доля населения, считающего наркоманию болезнью, требующей лечения, 32 % обозначили ее как общественную болезнь, которая вызывает необходимость государственного вмешательства, 23 % считали, что наркоманов надо изолировать от общества¹⁸⁴. Подавляющее число россиян (82 %) отметили, что наркоману невозможно вылечиться без посторонней помощи со

¹⁸⁴ Наркомания в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkomaniya-v-rossii-monitoring>

стороны (государства, врачей, специалистов реабилитационных центров, родных и близких). Фактически общество признает неизбежность и необходимость в той или иной степени принудительного лечения наркоманов.

Как следствие, выросла доля россиян, у которых появилось чувство социальной ответственности в отношении наркомании, как социальной проблемы/болезни. Если в 2017 году 57 % жителей страны готовы были сообщить в правоохранительные органы об употреблении и торговле наркотиками, то в 2018 году их доля резко выросла, до 73 %. В 2007 году каждый четвертый (25 %) россиянин отказывался обращаться в правоохранительные органы с информацией о распространителях и потребителях наркотиков, в 2018 году – только каждый десятый. Только 5 % жителей страны считают, что употребление наркотиков сугубо частное дело отдельного индивида.

В 2020 году, по данным исследования фонда «Общественное мнение», несколько уменьшилась доля россиян (32 %), считающих, что количество людей, принимающих наркотики, стало больше ¹⁸⁵. Тринадцать процентов выказали уверенность, что количество употребляющих наркотики стало меньше. В целом, с 2017 года по настоящее время оценка проблемы употребления наркотиков обнаруживает тенденцию к относительной либерализации в массовом сознании.

Как следует из данных исследования фонда «Общественное мнение», представленных на рисунке 4, большинство членов российского общества поддерживают идею о введении уголовной ответственности за употребление наркотиков. Однако в указанный период панельного исследования 2012–2020 гг. стала заметна некоторая тенденция к гуманизации оценок. Если доля сторонников уголовной ответственности колеблется в рамках статистической

¹⁸⁵ О наркозависимости. Следует ли принудительно лечить и наказывать уголовно людей, принимающих наркотики? URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14523>

погрешности, то доля противников медленно растет, доходя уже до трети населения.

Рисунок 4 – На Ваш взгляд, следует или не следует ввести уголовную ответственность за употребление наркотиков?

Как мы отмечали в предыдущей части исследования, критерий восприятия населением различающихся целей уголовного наказания разделялся исследователями на три вида целей:

- 1) уголовное наказание как кара, возмездие;
- 2) наказание как сдерживание преступности;
- 3) наказание через необходимость реабилитации преступников.

На рисунке 5 представлена динамика мнения респондентов о необходимости директивного принудительного лечения лиц, употребляющих наркотики. И в данном случае мы наблюдаем гуманизацию отношения к данной категории и либерализацию мер насильственного воздействия.

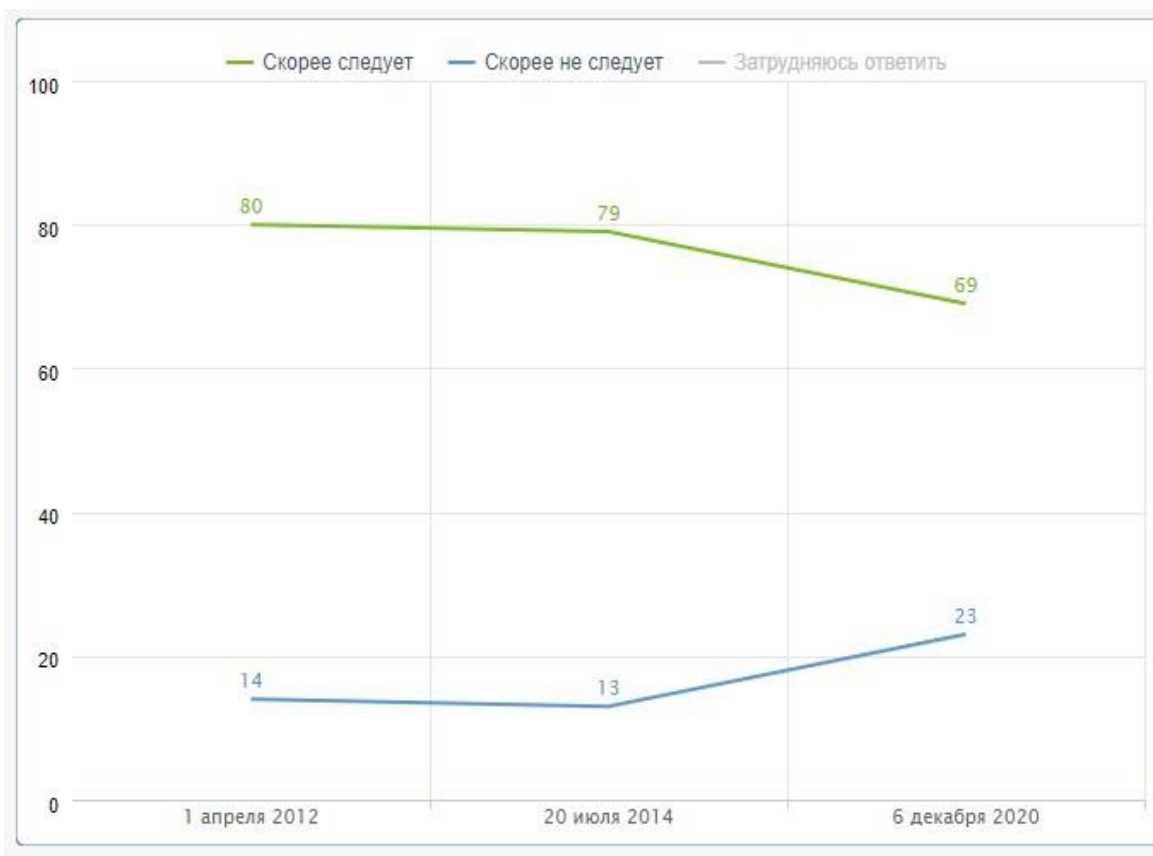

Рисунок 5 – Как Вы думаете, скорее, следует или, скорее, не следует принудительно лечить людей, употребляющих наркотики?

Вышеизложенный анализ вторичной социологической информации позволяет утверждать, что, несмотря на определенное изменение мнения россиян о необходимости введения уголовной ответственности и наказания за преступления, связанные с распространением и употреблением наркотиков, а также необходимости принудительного лечения наркоманов в пользу гуманизации и либерализации наказания, общая конвенциональная рамка остается достаточно устойчивой и воспроизводимой во времени. Общество готово принять введение уголовной ответственности и наказания за преступления, связанные с распространением и употреблением наркотиков. Однако государство не идет на ужесточение карательных мер и введение уголовной ответственности. Следовательно, мы можем констатировать проблематичность конвенционального принятия уголовного

наказания по данным статьям УК РФ, поскольку низка степень согласия общества относительно декларируемых государством целей и функций наказания, применяемых им видов наказания, адекватности наказания содеянному и т. д.

Коррупционные преступления являются весомой частью преступлений экономической направленности, а коррупция как явление – распространенным критерием оценки как системы управления, государственных институтов, так и взаимодействия с институциональными агентами на уровне повседневности. Но является ли распространение коррупционных практик следствием негласных конвенций между обществом и институциональными агентами или это явление, воспринимаемое как вынужденное и не вызывающее относительно высокую степень согласия с необходимостью его воспроизводства? Можно сформулировать исследовательский вопрос: входят ли преступления коррупционной направленности в конвенциональную рамку взаимодействия между обществом и государством в лице его сложно дифференцированных институциональных агентов?

Данные панельного исследования фонда «Общественное мнение», представленные на рисунке 6, свидетельствуют о том, что в период 2006–2014 гг. большинство членов общества осуждали взяточничество, лиц, берущих взятки.

Рисунок 6 – А Вы лично осуждаете тех, кто берет взятки, или относитесь к ним без осуждения?

Однако видна определенная гуманизация отношения к взяточникам, как некоторое снижение доли осуждающих, так и рост почти до трети доли россиян, относящихся к взяточникам без осуждения.

Некоторый рост числа осуждающих взяточников и снижение доли относящихся к ним без осуждения в период 2008–2012 годов, на наш взгляд, связан с изменением общественного сознания в результате начала первой волны мирового экономического кризиса в 2008 году.

Как свидетельствуют данные исследования, представленные на рисунке 7, российское общество склонно к более гуманной оценке поступков людей, дающих взятки, нежели взятки получающих. За период 2006–2014 гг. на 10 % снизилась доля россиян, относящихся к взяткодателям без осуждения, но на 8 % повысилась доля их осуждающих. В данной связи мы наблюдаем достижение некоторого количественного равновесия между данными полярными оценками в современном российском обществе.

Рисунок 7 – А тех, кто дает взятки, Вы лично осуждаете или относитесь к ним без осуждения?

В 2013 году высокую степень коррупции в стране отмечали 81 % россиян, из которых наиболее весомая доля среди жителей мегаполисов и средних городов (87–90 %). Опять же жители крупных городов (84 % против 62 % в целом по стране) считают это явление распространенным в своем населенном пункте. В рейтинге наиболее коррумпированных институтов и сфер лидировала региональная и муниципальная власть (рост этой оценки в 2008–2013 гг. с 28 до 39 %) ¹⁸⁶.

Мнение россиян о высокой степени коррупции в стране расходилось с их повседневными практиками взаимодействия с институциональными агентами, 81 % жителей страны отметили, что им не приходилось давать взятки в течение прошедшего 2013 года. Среди 19 % граждан, дававших взятки, 12 % утверждают, что это был единичный случай, а не повторяющаяся практика. Таким образом, с регулярным неформально закрепленным и в той или иной степени типизированным и хабиитуализированным взяточничеством сталкивалось только 7 % россиян.

¹⁸⁶ Коррупция в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korruptsiya-v-rossii-monitoring-1>

Среди респондентов, дававших взятки в течение прошедшего года, 55 % приходилось это делать в отношении медицинских работников (хотя медицина в рейтинге коррумпированных институтов не на первых позициях – 18 %).

Следовательно, мы имеем дело с явлением, негативные эффекты которого общество склонно даже определенным образом гиперболизировать и алармизировать в отрыве от реальных случаев и практик. Считая наиболее коррумпированной региональную и муниципальную («местную») власть, большинство из дававших за последний год взятки не сталкивалось с коррупционными предложениями со стороны ее институциональных агентов.

В рассматриваемый период 2012–2013 гг. вызывают научный интерес социально-демографические и социоструктурные характеристики респондентов, выражающих свое отношение к коррупции (в таблице 11 приведены парные распределения в ответах на некоторые вопросы). На основании указанных данных дадим обобщенный социальный портрет гражданина, наиболее негативно относящегося к коррупции, высказывающего наиболее радикальные оценки.

Таблица 11 – Отношение к коррупции: социоструктурные характеристики респондентов, «ФОМнибус» 17–18 марта 2012 г.¹⁸⁷

Вариант ответа	Население в целом		Пол	Возраст			Образова- ние			Ежемесячный доход				Тип населенного пункта																																																			
			Мужской																Женский																																														
	18–30 лет			31–45 лет			46–60 лет			Старше 60 лет			Среднее общее и ниже			среднее специальное			Высшее			Не выше 4000 руб.				4001–9000 руб.				9001–20 000 руб.				Свыше 20000 руб.				Отказ от ответа				Москва				Города 1 млн и более				Города от 250 тыс. до 1 млн				Города от 50 до 250 тыс.				Города менее 50 тыс., пгт				Села			

¹⁸⁷ Проблема коррупции в России. Об уровне коррупции и способах борьбы с ней. Фонд «Общественное мнение». Адрес размещения: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10368>

Вариант ответа	Население в целом	Пол		Возраст				Образова- ние			Ежемесячный доход					Тип населенного пункта					
		Мужской	Женский	18–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	Старше 60 лет	Среднее общее и ниже	среднее специальное	Высшее	Не выше 4000 руб. 4001–9000 руб. 9001–20 000 руб. Свыше 20000 руб. Отказ от ответа	Москва	Города 1 млн и более	Города от 250 тыс. до 1 млн	Города от 50 до 250 тыс.	Города менее 50 тыс., пгт	Села				
Как Вы считаете, сегодня уровень коррупции в России высокий или низкий?																					
Низкий	2	2	2	2	2	2	1	2	2	2	3	1	2	4	1	4	0	0	4	0	3
Высокий	81	83	79	79	84	82	78	74	84	89	77	80	83	85	77	77	89	85	84	80	75
Средний	11	11	11	14	10	12	7	14	11	6	14	9	11	8	16	12	7	9	7	14	14
затрудняюсь ответить	6	4	8	5	3	4	13	10	4	2	6	10	4	2	6	7	4	5	5	5	8
По Вашему мнению, в настоящее время уровень коррупции в России снижается или повышается?																					
Снижается	7	8	6	9	7	5	5	8	7	5	9	4	7	9	7	5	4	6	6	10	8
Повышается	39	42	37	37	38	44	38	35	41	43	33	42	40	42	33	44	43	42	43	38	33
Не меняется	42	41	43	44	47	39	39	40	42	47	47	42	40	42	46	43	40	44	40	43	43
Затрудняюсь ответить	12	9	14	10	8	12	18	17	10	5	11	12	13	8	13	7	13	8	11	9	17
С каким из приведенных ниже суждений о борьбе с коррупцией Вы согласны?																					
Руководство страны хочет и может успешно бороться с коррупцией	12	10	14	12	10	13	14	14	12	10	15	14	11	9	14	11	10	11	10	14	15
Руководство страны хочет, но не может успешно бороться с коррупцией	30	28	33	26	33	34	28	31	29	32	30	31	31	27	32	19	26	26	32	36	34
Руководство страны может, но не хочет успешно бороться с коррупцией	33	38	28	37	33	31	28	30	33	36	32	29	34	36	34	34	41	40	33	30	26
Руководство страны не хочет и не может успешно бороться с коррупцией	16	18	14	17	18	15	13	13	18	17	16	15	15	23	13	27	16	18	14	15	13
Как Вы думаете, в принципе возможно или невозможно искоренить коррупцию в России?																					
Возможно	39	42	37	40	38	38	41	37	38	44	42	36	40	45	36	55	40	42	43	34	35
Невозможно	43	42	44	42	49	46	34	37	47	46	41	42	43	44	49	37	45	46	47	47	36
Затрудняюсь ответить	18	16	19	18	13	16	25	26	14	10	18	22	18	11	16	8	15	13	10	20	29

При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, сегодня уровень коррупции в России высокий или низкий?», – высокий уровень коррупции выбирали мужчины в возрасте 31–45 лет, имеющие высшее и среднее специальное образование, относящиеся к среднеобеспеченным слоям населения, проживающим в городах-миллионниках и крупных городах.

При ответе на вопрос: «По Вашему мнению, в настоящее время уровень коррупции в России снижается или повышается?», – отметили, что уровень коррупции повышается: мужчины в возрасте 46–60 лет, имеющие высшее и среднее специальное образование, относящиеся к среднеобеспеченным слоям населения, проживающим в городах-миллионниках и крупных городах.

При ответе на вопрос: «С каким из приведенных ниже суждений о борьбе с коррупцией Вы согласны?», – наиболее радикальный вариант «Руководство страны не хочет и не может успешно бороться с коррупцией» выбрали мужчины в возрасте 31–45 лет, имеющие высшее и среднее специальное образование, относящиеся к среднеобеспеченным слоям населения, проживающим в Москве, городах-миллионниках и крупных городах.

При ответе на вопрос: «Как Вы думаете, в принципе возможно или невозможно искоренить коррупцию в России?», – указали на невозможность подобной победы женщины в возрасте 31–45 лет, имеющие среднее специальное и высшее образование, относящиеся к среднеобеспеченным слоям населения, проживающие в средних и малых городах.

Анализ социоструктурных характеристик обобщенного социального портрета гражданина, наиболее негативно относящегося к коррупции, высказывающего наиболее радикальные оценки, обнаруживает индивида относительно социально-благополучного, средних лет, трудоспособного по возрасту, со средним и высоким уровнем дохода, высокообразованного и живущего в крупных городах. То есть это именно тот индивид, который в силу своего возраста, социально-профессионального статуса и других характеристик наиболее часто сталкивается с коррупционными проявлениями.

Теперь сравнительно с 2012–2013 гг. рассмотрим социально-демографические и социоструктурные характеристики респондентов, выражающих свое отношение к коррупции наиболее негативно и радикально по данным замера 2020 года (Приложение А). Следует отметить, что в данном случае мы можем говорить о лонгитюдном исследовании, а не о панельном, поскольку инструментарий 2020 года был несколько изменен.

При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, сегодня уровень коррупции в России высокий или низкий?», – высокий уровень коррупции выбирали мужчины в возрасте от 46 лет, имеющие высшее образование, относящиеся к среднеобеспеченным слоям населения, проживающим в г. Москве и городах-миллионниках Центрального и Северо-Западного федерального округов.

При ответе на вопрос: «По Вашему мнению, в настоящее время уровень коррупции в России снижается или повышается?», – отметили, что уровень коррупции повышается, мужчины, отмечающие уровень коррупции в России как высокий, в возрасте 31–60 лет, имеющие среднее специальное образование, относящиеся к низко обеспеченным и среднеобеспеченным слоям населения, проживающим в селах и малых городах Дальневосточного, Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов.

При ответе на вопрос: «По Вашему мнению, уровень коррупции в России выше или ниже, чем в большинстве европейских стран?», – отметили, что уровень коррупции в России выше, мужчины, отмечающие уровень коррупции в России как высокий, в возрасте 18–45 лет, имеющие высшее образование, относящиеся к среднеобеспеченным слоям населения, проживающим в г. Москве и крупных городах Дальневосточного, Центрального и Северо-Кавказского и Приволжского федеральных округов.

В ответах на вопрос: «Как Вы считаете, сегодня уровень коррупции в России высокий или низкий?», – в период 2012–2020 гг. наблюдается смещение от возрастной категории 31–45 лет до категории от 46 лет и выше. Повышение среднего возраста может быть детерминировано:

1) семилетней разницей в панельном замере, естественном взрослении определенной возрастной категории, выражающей указанную крайне негативную оценку;

2) однако данный возрастной лаг не раскрывает полностью смещения негативной оценки от категорий людей среднего возраста к пожилым. Мы можем только предполагать, какие факторы вызвали негативную реакцию людей предпенсионного возраста (предположим, что это начавшаяся в 2019 году пенсионная реформа, направленная на увеличение среднего возраста выхода на пенсию).

Обратная тенденция – к некоторому омоложению оценок, наблюдается в ответах на вопрос: «По Вашему мнению, в настоящее время уровень коррупции в России снижается или повышается?», – если в 2012–2013 гг. повышение коррупционного уровня в России отмечали люди в возрасте 46–60 лет, то в 2020 году – в возрасте 31–60 лет, то есть возрастная граница сместилась на 15 лет в сторону более молодых респондентов. В данном случае, опять же гипотетически, мы можем предположить связь данной локальной тенденции с некоторым омоложением политического протеста и протестного электората в России.

Одним из важных источников информации об отношении граждан России к ужесточению/смягчению уголовного наказания за преступления коррупционной направленности является вторичная социологическая информация, отраженная в региональных отчетах о результатах исследований восприятия коррупции в конкретных муниципальных образованиях или субъектах РФ. Возьмем для понимания общей тенденции результаты нескольких муниципальных исследований выборочно, на основании признака различий в географическом расположении и времени проведения (2019 год) (Рисунок 8).

	Наиболее эффективные меры в борьбе с коррупцией по мнению краснодарцев	%
1	УЖЕСТОЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ за коррупционные правонарушения	76,2
2	Установление контроля за расходами	35,4
3	Поднятие культурного уровня граждан	23,7
4	Пропаганда нетерпимости к коррупции	22,5
5	Подача чиновниками сведений о доходах	21,7
6	Общественное осуждение коррупционеров	17,2
7	Предоставление услуг в электронном виде	10,9
8	Повышение зарплат должностных лиц	7,5
	никакие меры не помогут	1,7
	затрудняюсь ответить	1,2

Рисунок 8 – Оценка жителями г. Краснодара наиболее эффективных мер по борьбе с преступлениями коррупционной направленности¹⁸⁸

Как свидетельствуют данные, представленные на рисунке 8, наиболее эффективной мерой по борьбе с преступлениями коррупционной направленности большинство жителей г. Краснодара считают ужесточение наказания.

Следующее исследование, на данные которого мы сошлемся, было проведено по инициативе руководства Оренбургской области. Наиболее эффективными мерами по борьбе с преступлениями коррупционной направленности большинство жителей Оренбургской области считают

¹⁸⁸ Аналитический отчет о восприятии уровня коррупции в муниципальном образовании город Краснодар, июнь 2019 год. Администрация муниципального образования город Краснодар. Отдел аналитики и социологии информационно-аналитического управления. URL: <http://krd.ru/uploads/files/2019/06/10/86595-analitichestiy-otchet-ob-urovne-korrupsii-2019.pdf>

ужесточение наказания – 38 %, усиление контроля за доходами и расходами должностных лиц и членов их семей – 25 %, пропаганда нетерпимости коррупции в СМИ, общественное осуждение фактов коррупции и лиц, в нее вовлеченных, – 28 % ¹⁸⁹ (Таблица 12).

Таблица 12 – Оценка жителями Тверской области наиболее эффективных мер по борьбе с преступлениями коррупционной направленности ¹⁹⁰

«Что, на Ваш взгляд, необходимо предпринять, чтобы уровень коррупции в Тверской области стал меньше?»	%	Категории
Ужесточение ответственности за коррупцию	67,6	Люди с полным средним образованием (школа), предприниматели
Шире освещать антикоррупционную деятельность	28,6	Предприниматели, руководители среднего звена, домохозяйки и временно безработные
Обеспечить прозрачность бюджетного процесса и возможность общественного контроля над ним	27,6%	Руководители среднего звена, служащие, специалисты на предприятии, в организации
Повышение правовой грамотности населения	23,5	Руководители среднего звена
Укрепление правовой системы государства, совершенствование законодательства	21	Люди с неполным высшим образованием, работники системы образования, домохозяйки, временно безработные
Повысить эффективность деятельности правоохранительных органов в борьбе с коррупцией	17,4	—
Повышение заработной платы и социальных гарантий государственным (муниципальным) служащим, работникам бюджетной сферы	11,6	Люди с высокими доходами

¹⁸⁹ Аналитический отчет по результатам социологического исследования о состоянии коррупции и эффективности мер, предпринимаемых по ее предупреждению в государственных органах и органах местного самоуправления в Оренбургской области. Оренбург–2019. Адрес размещения: <http://www.orenburg-gov.ru/upload/medialibrary/8f7/8f76b7c3ed9a7070318db2b91d78f176.pdf>

¹⁹⁰ Аналитический отчет по результатам социологического исследования для выявления оценки населением Тверской области уровня коррупции в Тверской области. Адрес размещения: <https://xn--90ad3bl.xn--80aaccp4ajwpkgbl4lpb.xn--p1ai/protivodey-korrupt/informatsiya-doklady-otchety/45674565445695769054762017.pdf>

Данные из доклада по Тверской области, представленные в таблице 12, включают анализ парных распределений по отдельным категориям респондентов. Данные неполные, но они позволяют сделать ряд выводов:

1) высокообразованные категории и слои населения склонны к наиболее гуманному и либеральному отношению к уголовному наказанию за преступления коррупционной направленности: карательное отношение к коррупционерам обратно пропорционально уровню образования (этот вывод полностью соотносится с результатами предыдущей части нашего исследования, где раскрывалось отношение к преступности и уголовному наказанию в других странах);

2) Руководители того или иного уровня придерживаются не карательных, а стимулирующих, контролирующих и пропагандистских мер воздействия на коррупцию (что в определенной мере детерминировано их ангажированностью);

3) специалисты выступают за контролирующие меры воздействия (обеспечить прозрачность бюджетного процесса и возможность общественного контроля над ним);

4) предприниматели выступают за карательные и пропагандистские меры;

5) люди с неполным высшим образованием, работники системы образования, домохозяйки, временно безработные приветствуют пропагандистские меры – широкое освещение антикоррупционной деятельности, но и считают необходимым применение мер законодательного регулирования (укрепление правовой системы государства, совершенствование законодательства);

6) высокообеспеченные слои населения придерживаются мер материального стимулирования (повышение заработной платы и социальных гарантий государственным (муниципальным) служащим, работникам бюджетной сферы). В данной ситуации проявляется «классовое сознание» этих слоев, представители которых в большей степени склонны к

преступлениям коррупционной направленности и имеют соответствующие статусные и социально-профессиональные возможности.

В Архангельской области также на первом месте в оценке эффективных мер по борьбе с преступлениями коррупционной направленности стоит ужесточение уголовного наказания (Рисунок 9).

Рисунок 9 – Оценка жителями Архангельской области наиболее эффективных мер по борьбе с преступлениями коррупционной направленности ¹⁹¹

На второй позиции во всех регионах – усиление контроля за доходами и расходами должностных лиц. Вызывает интерес то обстоятельство, что жители Архангельской области, в отличие от краснодарцев, тверичей и оренбуржцев, значительно в меньшей степени (10,6 %) склонны рассматривать антикоррупционную пропаганду в СМИ как эффективную меру по борьбе с коррупцией и в большей степени делают акцент на общественном контроле и работе правоохранительных органов.

¹⁹¹ Аналитический отчет о проведении социологического исследования на тему «Оценка уровня коррупции в Архангельской области». URL: https://anticorr29.ru/documents/?ELEMENT_ID=2018

Как можно заметить, после первой позиции – ужесточения наказания за коррупцию, ранжирование других по значимости мер противодействия коррупции в данных регионах демонстрирует определенные совпадения и сходства в структуре и составе. Таким образом, становится очевидной социоструктурная и социально-демографическая схожесть отношения населения к уголовному наказанию за преступления коррупционной направленности в различных регионах России. Общество, во мнении большинства своих представителей, демонстрирует конвенциональность оценок мер против коррупции и выбирает уголовное наказание и его ужесточение в качестве наиболее эффективной меры. Однако очевиден и тот факт, что конвенциональность большинства априори предполагает отличающуюся конвенциональность меньшинств. Таким образом, мы опять сталкиваемся с тем, что конвенциональность уголовного наказания опосредована социальной структурой и стратификацией общества, что и актуализирует проблематику данного исследования.

С позиции социологического анализа динамических процессов, конвенциональность уголовного наказания за те или иные преступления детерминирована объективными условиями существования общества и его восприятием данных условий. Конвенциональность уголовного наказания зависит от социального самочувствия, социальных настроений, репрезентаций и оценок текущего состояния, социальных ожиданий и т. д. Возьмем, к примеру, социальные ожидания населения России относительно перспективы изменения уровня коррупции в стране, представленные на рисунке 10.

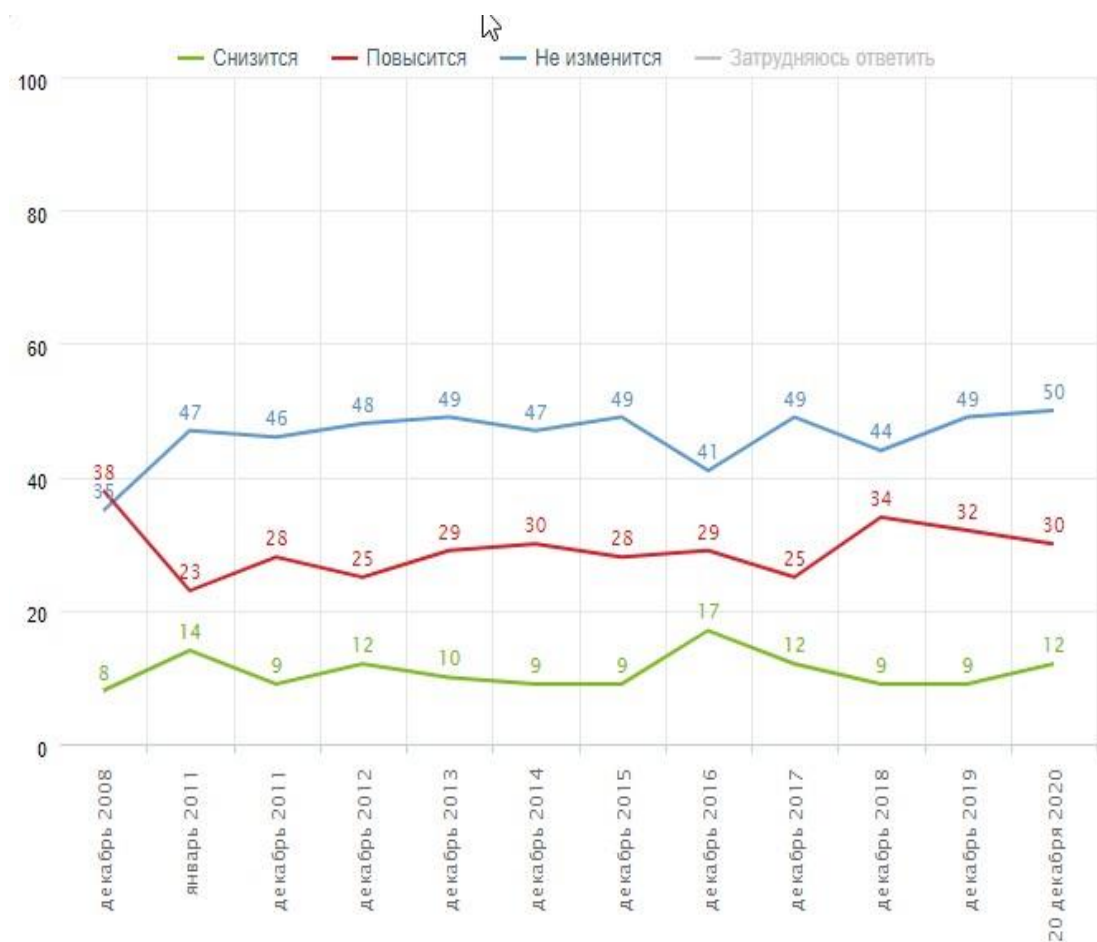

Рисунок 10 – Как Вы думаете, уровень коррупции в нашей стране в 2021 году снизится, повысится или не изменится?¹⁹²

Как мы видим, ожидания населения России относительно перспективы изменения уровня коррупции в стране стабилизировались в 2012–2013 годах и, несмотря на некоторую динамику в 2016 и 2018 годах, балансировали на уровне статистической погрешности. Данная динамика коррелирует с восприятием уровня коррупции и отношением к преступлениям коррупционной направленности, также стабилизировавшимся в период 2012–2013 гг.

Рассматривая динамику отношения российского общества к уголовному наказанию, невозможно обойти стороной и высшую меру наказания – смертную казнь. В 1996 году президентом РФ Б. Н. Ельциным

¹⁹² «Ожидания от 2021-го». Традиционный опрос ФОМ об ожиданиях, связанных с наступающим годом. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14528>

был подписан указ № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», что явилось первым формальным шагом на пути отмены смертной казни в стране. Последний случай приведения в исполнение смертной казни в РФ произошел 2 сентября 1996 года. Но дискуссии в обществе относительно целесообразности и эффективности смертной казни в качестве высшей меры наказания и возможных ее альтернатив продолжаются до сих пор. Одна из недавних законодательных инициатив – внесение 16.12.2019 в Государственную Думу РФ пакета поправок в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство по замене смертной казни одиночным пожизненным лишением свободы (законопроект, зарегистрированный под номером 861991-7). Авторы законопроекта аргументируют данное предложение необходимостью ужесточения наказания за ряд тяжких преступлений, недопустимостью гуманизации отношения к преступникам, их совершившим, и неадекватностью наказания в виде лишения свободы сроком на 25 лет содеянному по этим статьям.

Однако российское общество неоднозначно отнеслось к отмене смертной казни де-факто со стороны российской власти, интерпретируемой частью общества как политическое действие, направленное на установление более дружеских отношений со странами Евросоюза в лице Совета Европы. С другой стороны, в российском обществе наблюдаются взаимосвязанные параллельные и однонаправленные процессы гуманизации отношения к уголовному наказанию и либерализации уголовного законодательства. Поэтому кейс отношения к уголовному наказанию в виде применения смертной казни, возможно, покажет нам ситуацию отсутствия конвенции в обществе или, наоборот, существование относительно устойчивой макроконвенции и/или мезо- и микроконвенций, опосредованных социальной структурой и стратификацией современного российского общества.

В 2002 году CEORG (Central European Opinion Research Group) в сотрудничестве с российским ВЦИОМ было проведено исследование

общественного мнения в странах Восточной Европы, которое затрагивало и отношение населения этих стран к смертной казни. Россияне были лидерами положительных оценок в вопросе необходимости существования смертной казни – 79 %, их антагонистами в данном мнении выступили чехи – 56,1 % ¹⁹³. Отношение россиян к данной проблеме было более жестким и карательным, нежели в других государствах Восточной Европы, прежде относившихся к социалистическому лагерю и СЭВ. Эту страновую разницу можно объяснить не только более жесткой системой наказания, существовавшей в СССР, но и наследием 1990-х годов, явившихся временем социального транзита, дезорганизации, внутренних войн и многочисленных терактов (Таблица 13).

Таблица 13 – Отношение к смертной казни населения РФ в 2002 и 2005 гг.

Как Вы думаете, должна ли в нашей стране существовать смертная казнь?	Май 2002	Июнь 2005
Да	79	65
Нет	17	25
Затруднились ответить	4	10

В таблице 13 приведены данные исследования Левада-центра отношения к смертной казни населения РФ в 2002 и 2005 годах. Мы можем констатировать существенную гуманизацию общественного мнения по этому вопросу в указанный период, что гипотетически связываем со стабилизацией ситуации в стране и постепенным ростом уровня жизни населения ¹⁹⁴.

¹⁹³ «Проблема безопасности, качество работы полиции (милиции) и отношение к смертной казни в Болгарии, Чехии, Венгрии, Литве Польше и России». Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2002/08/04/problema-bezopasnosti-kachestvo-raboty-politsii-militsii-i-otnoshenie-k-smertnoj-kazni-v-bolgarii-chehii-vengrii-litve-polshe-i-rossii/>

¹⁹⁴ «Отношение населения России к смертной казни». Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2005/07/04/otnoshenie-naseleniya-rossii-k-smertnoj-kazni/>

Имеющиеся результаты исследования позволяют построить социальные портреты сторонника и противника смертной казни в России 2005 года, основываясь на некоторых социоструктурных и демографических характеристиках респондентов (Таблица 14).

Таблица 14 – Социальные портреты сторонника
и противника смертной казни в 2005 г.

Сторонник смертной казни	Противник смертной казни
Мужчина	Женщина
Старше 40 лет	Лица, моложе 40 лет
Среднее специальное образование	Высшее образование
Средний достаток	Доходы выше среднего
Центральный и Сибирский федеральные округа	Поволжский и Дальневосточный федеральные округа, г. Москва
Некрупный город с населением 100–500 тысяч человек	Крупный город
Левоконсервативных политических взглядов (проголосовал бы за «Родину» или КПРФ)	Сторонники правоконсервативной правящей партии «Единая Россия»

Анализируя данные, представленные в таблице 14, можно прийти к явному выводу о существенном отличии социальных портретов сторонника и противника смертной казни, носящем дихотомический характер бинарных оппозиций. Если сторонник смертной казни – это уже немолодой среднеобеспеченный «работяга», проживающий в малом и среднем городе и голосующий за системную левоконсервативную оппозицию, то противник смертной казни – это молодая высокообразованная женщина с доходами выше среднего, проживающая в крупных городах, лоялистски настроенная, то есть голосующая за партию власти.

В социологическом исследовании, осуществленном Левада-Центром в 2007 году, ставился вопрос «В чем для Вас смысл смертной казни?». Данный вопрос отражает один из аспектов конвенциональности уголовного

наказания – степень согласия общества относительно декларируемых государством целей наказания (Таблица 15).

Таблица 15 – Мнение россиян о смысле смертной казни, 2007 г.

В чем для Вас смысл смертной казни?	2007
Это крайняя, исключительная мера для закоренелых и неисправимых преступников	28
Это средство устрашения тех, кто мог бы совершить преступление	19
Это законная мера наказания за особо тяжкое преступление	18
Это способ очищения общества от закоренелых преступников	10
Это средство восстановления справедливости, возмездие преступнику	10
Я не вижу в смертной казни никакого смысла, оправдывающего ее применение	7
Это средство оздоровления общества, укрепления морали	4
Другое	6

Опираясь на данные, представленные в таблице 15, можно прийти к выводу, что конвенциональность применения такого вида наказания, как смертная казнь, существовавшая в тот период развития общества, несколько не соответствовала такой компоненте конвенциональности уголовного наказания, как степень согласия общества относительно декларируемых государством целей наказания. Согласно Уголовному кодексу РФ и выраженным в нем принципам наказания, смертная казнь может быть установлена как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, и ее назначение должно предполагать следование принципам вины, гуманизма, законности, равенства граждан перед законом и справедливости. Однако мнение общества несколько расходится с нормой уголовного законодательства.

1. Институционализированная норма/ценность ранжируется на третьей позиции (утверждение «это законная мера наказания за особо тяжкое преступление» – 18 %).

2. На первой позиции утверждение, что смертная казнь – «это крайняя, исключительная мера для закоренелых и неисправимых преступников» – 28 %, в котором подтверждается исключительность данной меры, но выражается негативное ценностно-нормативное отношение к «закоренелым» и «неисправимым» преступникам, то есть в их лице к повторной, рецидивной преступности.

3. На второй позиции утверждение, что смертная казнь – «это средство устрашения тех, кто мог бы совершить преступление» – 19 %. В данном случае акцентируется еще более жесткий, карательный и устрашающий эффект воздействия на преступность.

Среди видов преступлений, за которые, по мнению россиян в 2007 году, они предложили бы назначать уголовное наказание в виде смертной казни, лидируют серийные убийства, изнасилование несовершеннолетних и умышленное убийство, то есть тяжкие преступления против личности. Это определенным образом соотносится с существовавшей и существующей практикой назначения наказания за данные виды преступлений и отражает конвенциональность отношения к данному уголовному наказанию (Таблица 16).

Таблица 16 – Мнение россиян о видах преступлений, за которые можно приговаривать к смертной казни, 2007 г.

За какие из следующих преступлений Вы бы предложили приговаривать к смертной казни?	2007
Серийные убийства	71
Изнасилование несовершеннолетних	65
Умышленное убийство	48
Торговля наркотиками	39
Терроризм, подготовка государственного переворота	32
Коррупция	16
Государственная измена, шпионаж (в мирное время)	13

За какие из следующих преступлений Вы бы предложили приговаривать к смертной казни?	2007
Вооруженное ограбление	11
Покушение на жизнь главы государства	9
Смертная казнь недопустима ни в каких случаях	8
Другое	1
Затруднились ответить	4

Связь между таким явлением, как «страх перед преступностью» (рассмотренным в предыдущей части исследования), и отношением к смертной казни показывает вопрос «Будете ли Вы чувствовать себя более защищенным от преступности, если в России будет применяться смертная казнь?». Ответы «определенно да»/«скорее да» выбрали 4 7%, «определенно нет»/«скорее нет» – 39 % респондентов. Можно констатировать, что как минимум в данный период развития российского общества страх перед преступностью для почти половины членов общества компенсировался возможностью применения смертной казни.

Данные, представленные в таблице 17, показывают динамику отношения к смертной казни в 2000–2009 гг. в виде нескольких утверждений. Можно констатировать в данный период отрицательную динамику роста сторонников смертной казни и рост доли респондентов, которые либо удовлетворены существующим мораторием на смертную казнь, либо хотят ее полностью отменить (утверждения «следует сохранить нынешнее положение (исполнение смертных приговоров приостановлено, суды перестали выносить смертные приговоры)»; «смертную казнь следует полностью отменить»), с 27 % в 2000 году до 34 % в 2009 году.

Таблица 17 – Отношение к смертной казни в период 2000–2009 гг.¹⁹⁵

¹⁹⁵ «Россияне о смертной казни». Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2009/11/19/rossiyane-o-smertnoj-kazni/>

С каким из следующих суждений по поводу смертной казни Вы бы согласились?	2000	2002	2006	2007	2009
Следует восстановить смертную казнь в прежних размерах (так, как это было в начале 90-х годов)	54	49	43	39	37
Следует сохранить нынешнее положение (исполнение смертных приговоров приостановлено, суды перестали выносить смертные приговоры)	15	12	23	19	20
Смертную казнь следует полностью отменить	12	12	12	19	14
Следует расширить применение смертной казни	10	19	8	14	16
Затруднились ответить	10	8	14	10	13

В свою очередь, доля придерживающихся утверждений о необходимости смертной казни (утверждения «следует восстановить смертную казнь в прежних размерах», «следует расширить применение смертной казни») изменилась с 64 % в 2000 году до 53 % в 2009 году. Тенденция к гуманизации отношения к необходимости смертной казни как высшей меры уголовного наказания опять же очевидна и в этот период. Однако в необратимости данной тенденции можно усомниться, поскольку период 2000–2009 гг. характеризуется позитивизацией общественного сознания в силу стабилизации ситуации в стране и роста уровня жизни и доходов россиян.

Через несколько лет в 2012 году, согласно данным исследования аонда «Общественное мнение», 66 % россиян положительно отреагировали на допустимость назначения преступникам уголовного наказания в виде смертной казни. Рассмотрим некоторые доступные нам социоструктурные и социально-демографические результаты этого исследования. За назначение преступникам уголовного наказания в виде смертной казни тогда выступали:

1) «люди-21» (у социологов ФОМа это «Обозначение авангардной группы, в которую входят россияне, включенные в современные практики.

Среди этих практик – привычность к новым технологиям, активное финансовое поведение, тяга к «расширению горизонтов», рационализация времени»), то есть это в большинстве своем имеются в виду горожане, относящиеся к молодежи и людям среднего возраста, среднему классу, отличающиеся высоким уровнем образования и компетенциями, связанными с отраслями постиндустриальной экономики, «экономики знаний»;

- 2) люди в возрасте 31–45 лет;
- 3) жители городов менее 50 000 человек;
- 4) электоральные категории, голосующие за Г. Зюганова, М. Прохорова и партию «Справедливая Россия».

Против назначения преступникам уголовного наказания в виде смертной казни тогда выступали:

- 1) люди с доходами менее 4000 рублей;
- 2) люди в возрасте 18–30 лет;
- 3) с высшим образованием;
- 4) жители крупных городов и г. Москвы.

Вызывает определенный интерес поддержка смертной казни категорией, обозначенной социологами фонда «Общественное мнение» как «люди-21». В данном случае выскажем осторожное предположение о связи данной оценки с: 1) терактами, происходившими в данный период в стране, которые негативно сказывались на рисках развития именно передовых отраслей экономики; 2) обострившимся социально-политическим противостоянием и временной относительной радикализацией протестных настроений, вылившихся в «болотный протест» мая 2012 года, участниками и симпатизантами которого выступили «люди-21».

Данные лонгитюдного панельного исследования отношения россиян к смерти, осуществляемого фондом «Общественное мнение» с 2012 года по настоящее время, представленные на рисунке 11, отражают мнение россиян о тех конкретных уголовных преступлениях, в наказание за которые допустимо применение смертной казни.

	25 марта 2012	14 сентября 2014	12 апреля 2015	27 октября 2019
Сексуальное преступление против несовершеннолетних	72	73	71	68
Убийство	64	63	57	57
Терроризм	54	53	55	53
Изнасилование	47	47	46	52
Распространение наркотиков	28	28	34	28
Государственная измена, раскрытие государственной тайны	12	13	15	17
Взяточничество	5	6	8	14
Шпионаж	6	4	9	9
Осквернение религиозных святынь	5	3	4	6
Кража, грабёж, разбой	4	4	5	6
Неуплата налогов	1	1	1	1
Другое	1	1	2	2
Ни за какие, смертная казнь недопустима	9	8	9	9
Затрудняюсь ответить	5	5	5	4

Рисунок 11 – За какие преступления, по Вашему мнению, допустимо применять смертную казнь?

Ранее в таблице 15 были представлены данные исследования 2007 года, где был задан аналогичный, но несколько различающийся вопрос: «За какие из следующих преступлений Вы бы предложили приговаривать к смертной казни?». То есть речь шла не о допустимости применения (проективно-реактивной позиции), а о предложении к применению (активно-проективной позиции). Однако топ преступлений остался практически без изменений, что свидетельствует о сложившихся в обществе конвенциях относительно

оценки общественной опасности данных деяний. На первых пяти позициях при ранжировании данных преступлений оказываются убийство, изнасилование несовершеннолетних, распространение наркотиков, терроризм.

Лонгитюдные данные исследования отношения россиян к смерти, представленные на рисунке 12, свидетельствуют о том, что процесс либерализации отношения россиян к уголовному наказанию в виде смертной казни дает сбой в 2015 году. Нисходящая динамика сменяется восходящей – растет количество сторонников смертной казни (почти на 10 % с 2015 по 2019 год), количество же противников применения данного вида уголовного наказания сокращается в рамках статистической погрешности.

Рисунок 12 – По Вашему мнению, в принципе допустимо или недопустимо приговаривать преступников к смертной казни?¹⁹⁶

Если говорить в целом, то подобную динамику мы наблюдали выше в вопросе о возможности уголовного преследования за употребление наркотиков и связывали ее с кризисными социально-экономическими условиями в российской экономике, начавшимися с «атаки на рубль» в декабре 2014 года, отразившимися в замедлении развития экономики,

¹⁹⁶ «Отношение к смертной казни». ФОМ. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14285>

давлении на Россию, вызванном событиями на Украине, воссоединением с Крымом и последующей санкционной политикой стран Запада. Как мы уже отмечали выше, данные процессы вызвали волну оптимизации и мобилизации общественного сознания в 2014–2015 гг., фиксируемую социологами в изменении динамики практически всех индексов. Необходимость жесткого военно-политического противостояния и социально-политического сдерживания порождала консолидацию и мобилизацию массового сознания и определенным образом сказывалась в том числе и на жесткости оценок в отношении мер уголовного наказания (Рисунок 13).

Рисунок 13 – Как Вы думаете, сегодня России следует вернуться к применению смертной казни или следует полностью отменить смертную казнь? Или по-прежнему придерживаться моратория?

Последующее замедление экономики (в указанный период, с 2015 по 2019 год) и проявление кризисных социально-экономических тенденций во многом и предопределило сворачивание тренда на либерализацию отношения общества к смертной казни. В целом, данные предыдущей части

исследования (посвященной социоструктурным факторам конвенциональности уголовного наказания в зарубежной науке: отношению к преступности и уголовному наказанию в общественном сознании) и результаты социологических исследований общественного сознания россиян свидетельствуют о влиянии кризисных социально-экономических тенденций на ужесточение оценок уголовного наказания. Предположим (ввиду отсутствия в открытом доступе данных исследования ФОМ по данной проблематике за 2021 год), что негативные социально-экономические последствия эпидемии коронавируса COVID-19 в период 2020–2021 гг. подобным же образом негативно сказались на тенденции к либерализации уголовного наказания в общественном сознании.

События 2014–2015 гг. привели, по мнению многих специалистов, к новым конвенциям между народом и властью, заключению нового общественного договора, обозначенного как «крымский консенсус». Конвенциональность для общества макрособытия (воссоединения с Крымом) детерминирует конвенциональность оценок и действий, укладывающихся в его логику. Этот договор можно обозначить как макроконвенцию, поскольку он является неформальным солидаризированным ценностно-нормативным конструктом, затрагивающим отношения властных элит и большинства представителей народа. Также следует отметить, что общественный договор как макроконвенция провоцирует и легитимирует социальные действия индивидуальных и коллективных акторов/институциональных агентов, которые могут носить совершенно формальный характер, но содержать отсылки к духу общественного договора де-факто. Однако часть общества не приняла данные события как макроконвенцию, выступила с их отрицательными оценками, что еще раз свидетельствует о том, что в сложном обществе макроконвенции опосредуются разнообразием существующих интерпретаций.

Основываясь на вышеизложенном, позволим себе сформулировать определенные выводы:

1) конвенциональность опосредована социальной структурой и стратификацией общества;

2) чем сложнее и неоднороднее общество, тем больше уровней формирования конвенций, количество конвенциональных отношений на макро-, мезо- и микроуровнях социальной реальности, конвенциональных нонконформистов в социальной структуре;

3) общественный договор/социальный контракт (макроконвенция между обществом и властью) касается мнения большинства и всегда предполагает наличие конвенциональных нонконформистов, определяемых не только через их личностную позицию, но и через их положение в социальной структуре;

4) конвенциональность уголовного наказания за те или иные преступления детерминирована объективными условиями существования общества и его восприятием данных условий. Конвенциональность уголовного наказания зависит от состояния общественного сознания в определенный исторический период: от социального самочувствия, социальных настроений, репрезентаций и оценок текущего состояния, социальных ожиданий и т. д.;

5) в современном обществе, со сложной системой разделения труда, социальной структурой и стратификацией, существуют дифференциации в конвенциональности уголовного наказания во мнении различных социальных общностей, поэтому данная конвенциональность определяется через мнение большинства;

6) общество готово принять введение уголовной ответственности и наказания за преступления, связанные с распространением и употреблением наркотиков. Однако государство не идет на ужесточение карательных мер и введение уголовной ответственности. То же касается отношения к преступлениям коррупционной направленности и введения смертной казни. Государство в своей уголовной политике «забегает вперед» в либерализации относительно мнения большинства. Следовательно, можно констатировать

проблематичность конвенционального принятия уголовного наказания по данным статьям УК РФ, поскольку низка степень согласия общества относительно декларируемых государством целей и функций наказания, применяемых им видов наказания, адекватности наказания содеянному и т. д.;

7) в стабильные периоды развития общество склонно к гуманизации своего отношения к уголовному наказанию и этим поддерживает тренд системы уголовного правосудия на либерализацию, в периоды кризисных социально-экономических изменений преобладает разнонаправленный процесс ужесточения отношения к уголовному наказанию;

8) понижение степени конвенциональности уголовного наказания в периоды кризисных социально-экономических условий выражается в определенной радикализации общественного сознания и ужесточении отношения к уголовному наказанию.

Данная часть исследования была посвящена анализу динамики отношения российского общества к уголовному наказанию. Следующей задачей нашего исследования является разработка критериев и показателей конвенциональности уголовного наказания в современном российском обществе, что предполагает на основе выработанных интерпретаций операционализацию основных понятий и разработку инструментария эмпирического исследования.

2.3. Критерии и показатели влияния стратификационных факторов на конвенциональность уголовного наказания

В предыдущей части исследования определены теоретические и методологические основы исследования конвенциональности уголовного наказания, а также выделены социоструктурные факторы его анализа. В этом параграфе будут обобщены, детализированы, интерпретированы и операционализированы критерии и показатели исследования конвенциональности уголовного наказания в современном российском обществе. Объектом эмпирического исследования являются акторы и субъекты конвенциональности уголовного наказания в современном российском обществе.

Начальным этапам разработки системы критериев и показателей предшествует акцентирование внимание на основных теоретико-методологических подходах к социологическому исследованию конвенциональности уголовного наказания.

В теоретической части диссертационного исследования установлены следующие компоненты уголовного наказания, которые могут по-разному интерпретироваться членами общества исходя из дифференциации их позиций в социальной структуре и стратификации:

- 1) цели и функции наказания (возмездие, восстановление нарушенных прав, исправление, специальная превенция, общая превенция);
- 2) виды наказаний (наказаний, связанных с лишением свободы, и наказаний, не связанных с лишением свободы: штраф, поражение в правах, принудительный труд, лишение свободы, ограничение свободы, телесные наказания, принудительное перемещение, смертная казнь);
- 3) адекватность наказания содеянному (сроки лишения свободы, величина штрафа и т. д.);
- 4) режим содержания в случае лишения свободы (также отражает и тяжесть меры наказания);

5) альтернативы имеющемуся наказанию.

Указанные компоненты легли в основу эмпирического изучения конвенциональности уголовного наказания в современном российском обществе.

В свою очередь, методологической основой социологического анализа конвенциональности относительно правоприменительной практики уголовного наказания является системный подход, позволяющий исследовать формирование мнения основных акторов и субъектов конвенциональности уголовного наказания как сложный многоаспектный процесс, развивающийся влиянием системы факторов, взаимодействующих между собой, отражением которого является отношение различных акторов к типам и видам уголовного наказания.

Комплексность и логическая увязка критериев и показателей социологического анализа конвенциональности уголовного наказания достигаются с помощью группировки эмпирических индикаторов, отражающих отношение к строгости и справедливости приговора по тем или иным преступлениям и правонарушениям со стороны как институциональных акторов, так и отдельных представителей общества. Оценка субъективного отношения к строгости и справедливости приговора основана на социологическом исследовании различных категорий населения, включая представителей института исполнения наказания, следственных органов, государственных обвинителей, а также гражданского общества.

Исходя из методологии исследования под конвенциональностью уголовного наказания понимается степень согласия общества относительно декларируемых государством целей и функций наказания, применяемых им видов наказания, адекватности наказания содеянному при учете имеющихся в обществе альтернатив наказания. Конвенция же представляет собой возникающее между социальными субъектами неформальное соглашение, то есть неформальный солидаризированный ценностно-нормативный конструкт.

Методологической особенностью исследования конвенциональности уголовного наказания является как изучение основных критериев его справедливости и целесообразности экспертным сообществом, так и оценка самими субъектами, которые несут данное наказание.

Уголовное наказание является критическим компонентом правовой системы, обеспечивающим отталкивающий эффект и способствующим справедливости в обществе. Однако понимание его конвенциональности, то есть степени, в которой оно соответствует общепризнанным стандартам и ожиданиям, остается сложной задачей для различных областей научного знания. Определение критериев и показателей конвенциональности уголовного наказания становится особенно важным при проведении эмпирических исследований данного феномена.

Выявление и операционализация критериев и показателей конвенциональности позволяют определить, насколько уголовное наказание соответствует ожиданиям общества и насколько эти ожидания могут влиять на справедливость и эффективность наказания. Данный аспект социологических и криминологических исследований может внести значительный вклад в понимание процессов, связанных с уголовным наказанием, и помочь в формировании более справедливых и эффективных уголовно-правовых систем.

Исходя из объект-предметной области диссертационного исследования, отвечающего в том числе на вопрос, в чем может выражаться согласие или несогласие стратифицированных членов общества относительно применяемого их государством уголовного наказания, мы можем сформулировать критерий пропорциональности исследования конвенциональности уголовного наказания.

Итак, одним из важных критериев конвенциональности уголовного наказания является его пропорциональность. Принцип пропорциональности требует, чтобы наказание было соразмерным тяжести преступления. Вопросы пропорциональности уголовного наказания вызывают постоянные

научные дискуссии среди юристов, социологов и политологов. Пропорциональность в уголовном наказании обозначает соответствие между серьезностью преступления и степенью наказания. Этот принцип предусматривает, что наказание должно быть справедливым и соответствующим степени тяжести вины преступника. Идея пропорциональности уголовного наказания уходит корнями в древние времена. Законы Хаммурапи (ок. 1754 г. до н. э.), в которых пропагандировался принцип око за око, были одним из самых ранних примеров пропорциональности. Вместе с тем в современном обществе применяется более сложный подход к данной проблематике.

При определении пропорциональности уголовного наказания социологами и правоведами учитываются ряд принципов или обстоятельств:

- тяжесть преступления: уровень наказания, в первую очередь, должен отражать серьезность совершенного преступления;
- вина преступника: наказание должно отражать вину преступника исходя из его действий и интенций;
- персональные обстоятельства преступника: личные обстоятельства преступника, такие как поведение, социальный статус, возраст, другие социально-демографические и социально-психологические характеристики также влияют на определение пропорциональности наказания;
- социальные ожидания и общественная безопасность: пропорциональность уголовного наказания зависит от общественных ожиданий и потребности социума в обеспечении безопасности. Наказания за совершенные преступления, вызывающие большую общественную тревогу, могут быть строже, даже если они не являются наиболее серьезными по своей природе.

Пропорциональность является одним из ключевых критериев уголовного наказания, поддерживающим его социальную легитимность. Показателями, используемыми при эмпирическом исследовании конвенциональности на основе данного критерия, являются: степень

соответствия между типом преступления и назначенным наказанием, соответствие между наказанием и социальным восприятием его адекватности, социальный портрет лица, совершившего преступление (персональные обстоятельства преступника), социальный портрет жертвы преступления (при наличии).

Следующим критерием конвенциональности уголовного наказания является легитимность (в социологических науках) или правовая определенность (в правовых науках). Данный критерий связан с ясностью и точностью законов, нормативных актов и регламентов, определяющих наказание за конкретные преступления. Правовая определенность является важной метрикой для оценки качества и стабильности правовых норм и судебных решений. Она также является одним из основных компонентов фундаментальных принципов правового государства наряду с такими элементами, как юридическая эффективность, а также баланс (пропорциональность) публичных и частных интересов ¹⁹⁷.

Правовая определенность имеет множество различных аспектов и форм. Хотя формально данный феномен не закреплен в действующем российском законодательстве, она стала общепризнанным понятием как среди юристов, так и среди практиков. Как утверждают некоторые эксперты в области правовых принципов: «если основная идея, претендующая на роль принципа права, не нашла своего закрепления в законодательстве, она не может быть принципом права ¹⁹⁸.

Правовая определенность выражается в формальной предсказуемости при создании нормативных правовых актов. Это предполагает применение не просто терминов, а общеупотребительных слов с твердо установленным и определенным значением. Автор книги «Язык и право» Т. В. Губаева

¹⁹⁷ Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2004. № 3. С. 124–140.

¹⁹⁸ Захаров А. Л. Межотраслевые принципы права / под общ. ред. В. М. Ведяхина. Самара : Самар. отд-ние Литфонда, 2004. С. 37.

утверждает, что это закреплённое значение является обязательным и единственным и любое другое значение не должно использоваться в нормативных правовых актах ¹⁹⁹. Кроме того, понятийная определённость, терминологическое единство и ясность являются основными аспектами текстового оформления таких актов, в том числе законов. Несоблюдение этих принципов может вести к их нарушению.

Правовая определённость, означающая единообразное толкование и применение закона, воплощается в понятии конституционности правовой нормы. Как отмечает Н. С. Бондарь, это понятие включает себя как ее содержание, так и порядок толкования и применения в правоприменительной практике.

Например, Конституционный суд РФ в своем постановлении от 21 января 2010 года указал, что высшие судебные органы своими разъяснениями по вопросам судебной практики должны обеспечивать единство и непротиворечивость российской правовой системы ²⁰⁰. Тем не менее долгое время сохранялась практика различной трактовки одних и тех же уголовных дел Верховным Судом РФ и Высшим арбитражным судом РФ, что впоследствии привело к их реформированию.

Верховный Суд Российской Федерации имеет решающее значение в обеспечении единства судебной практики. Конституционный суд Российской Федерации подтвердил это в разъяснении от 21 января 2010 года, касаясь некоторых решений Высшего арбитражного суда. В разъяснении отмечалось, что отказ Верховному Суду в праве давать абстрактное толкование правовых норм и формировать соответствующие правовые позиции означал бы умаление его конституционных прав и предназначение как высшей судебной инстанции в системе арбитражных судов ²⁰¹.

¹⁹⁹ Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М. : Норма, 2003. С. 36

²⁰⁰ Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 2

²⁰¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 6. Ст. 699.

В современной социологии легитимность часто рассматривается как важный критерий оценки конвенциональности уголовного наказания. Легитимность в данном контексте означает признание обществом системы уголовного наказания как справедливой, соответствующей общепризнанным ценностям и нормам и заслуживающей поддержки.

Показатели социологического анализа критерия легитимности конвенциональности уголовного наказания включают следующие аспекты:

- общественное доверие: степень доверия общества к системе уголовного наказания является важным показателем ее легитимности. Чем выше уровень доверия, тем больше вероятность, что общество признает систему наказания легитимной;

- справедливость системы уголовного судопроизводства. Этот показатель относится к восприятию обществом справедливости процедур уголовного наказания, включая обвинение, судебное разбирательство и наказание;

- соответствие нормам и ценностям общества. Легитимность системы уголовного наказания зависит от того, насколько она отражает и поддерживает разделяемые и принимаемые обществом ценности и нормы;

- равенство перед законом. Данный показатель подразумевает равное применение законов ко всем членам общества без ущемления прав и свобод на основе этноса, религии, пола, социального статуса и других факторов;

- результативность и эффективность. Этот показатель отражает способность системы уголовного наказания эффективно предотвращать преступления и обеспечивать безопасность общества;

- социальная ответственность. Система уголовного наказания должна также быть способна выявлять судебные ошибки. Это включает в себя механизмы их исправления, обеспечение компенсации жертвам несправедливого обращения и привлечение к ответственности тех, кто злоупотребляет своим положением в системе уголовного судопроизводства;

– прозрачность системы уголовного судопроизводства. Легитимность уголовного наказания во многом усиливается его прозрачностью. Это означает, что процессы, такие, как принятие решений, проведение судебных разбирательств и исполнение наказаний, должны быть открытыми и понятными для общества;

– общественное участие. Участие общественности в процессе формирования и исполнения уголовного наказания также может служить важным показателем его легитимности. Это может включать в себя общественное обсуждение и дебаты по вопросам уголовной политики, а также участие общества в процессе судебного разбирательства, например, через институт присяжных заседателей.

Оценка этих показателей дает социологическое представление о том, насколько система уголовного наказания легитимна в глазах общества. При этом важно понимать, что данные показатели могут варьироваться в зависимости от культурных, социальных и политических особенностей конкретных типов обществ.

Так, например, в обществах с высоким уровнем доверия к государственным институтам и солидарности может наблюдаться высокий уровень легитимности уголовного наказания. В то же время в обществах, где преобладает недоверие к власти и существуют значительные социальные различия, легитимность уголовного наказания будет являться низкой.

Следующим важным критерием изучения конвенциональности уголовного наказания является равный доступ к правосудию. Независимость судебной власти и надлежащее отправление правосудия являются одними из важнейших требований правового государства. Правосудие – это область правоприменения и государственная деятельность суда, занимающая важнейшее место в правоохранительной системе. С точки зрения полномочий судебной власти правосудие играет важнейшую роль. Конституция Российской Федерации гарантирует всем гражданам судебную

защиту их прав и свобод²⁰². Ю. Ю. Стецовский считает доступ к правосудию важнейшим элементом правового государства²⁰³. По замечанию Д. Н. Козака, доступность суда – это ответ на вопрос, существует ли он вообще²⁰⁴. Если суд недоступен, то его существование бессмысленно, прежде всего, в отношении прав человека.

Находясь в центре внимания многих государств и международных организаций, принцип свободного и равного доступа к правосудию был закреплен в ряде важнейших документов, таких, как Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950)²⁰⁵.

Хотя понятие свободного доступа к правосудию прямо нигде не закреплено, установлены некоторые существенные характеристики судебных органов и их деятельности. К ним относятся компетентность, независимость, беспристрастность и создание судов на основе закона. Они изложены, соответственно, в части 3 статьи 2, части 2 статьи 6, части 3 статьи 8 и части 1 статьи 14 Пакта 1966 года; в статье 10 Декларации 1948 года; в части 1 статьи 5 и части 1 статьи 6 Конвенции 1950 года²⁰⁶.

Понятие «равный доступ к правосудию» приобретает особое значение в контексте уголовного судопроизводства. Согласно Конституции РФ (статьи 45, 46 и 52), каждый потерпевший от преступления имеет право добиваться правосудия в судебном порядке и требовать от государства защиты своих

²⁰² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ». 2014. 4 августа. № 31. Ст. 4398.

²⁰³ Стецовский Ю. И. Судебная власть : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Дело, 2011. С. 272–273.

²⁰⁴ Козак Д. Н. Суд в современном мире: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2009.

²⁰⁵ Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948).

²⁰⁶ Резниченко Л. Доступ к правосудию. Проблемы юридической помощи в странах Центральной и Восточной Европы. 2004

прав²⁰⁷. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (статьи 6 и 20) возлагает на сотрудников государственных органов и учреждений юридическую ответственность за соблюдение прав лиц, пострадавших от преступления, и предъявление обвинения гражданам, обвиняемым или подозреваемым в совершении преступления.

Основополагающие элементы судебной системы и ее деятельности можно свести к тому, что гражданам предоставляется открытый доступ к правосудию посредством институциональных и процессуальных гарантий. Эта система создана для того, чтобы обеспечить всем лицам независимо от их участия в судебном процессе квалифицированное, справедливое и своевременное судебное разбирательство.

В 2015 году был принят кодекс об административном судопроизводстве, призванный обеспечить доступ к правосудию через создание специализированных судов. Данный кодекс определяет порядок обжалования нормативно-правовых документов и решений должностных лиц.

Однако некоторые факторы являются препятствием для достижения этой цели. Например, высокая государственная пошлина в гражданских судах зачастую является непомерно высокой, что делает судебную систему недоступной для большинства населения. Это привело к тому, что судебная система стала самоокупаемой, но при этом она стала «крайне элитарной и оторванной от жизни», поскольку обслуживает только отдельные социальные слои.

Государство призвано следить за тем, чтобы плата за судебное разбирательство соответствовала финансовым возможностям участвующих сторон и предоставлять средства на юридическую помощь. Таким образом можно обеспечить доступ каждого к правосудию, что является важным

²⁰⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 2001. 24 декабря. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

фактором защиты прав и свобод человека, гарантированных Конституцией. Кроме того, это позволяет создать надежный и эффективный механизм защиты этих прав.

В контексте уголовного наказания равный доступ к правосудию может быть ключевым критерием оценки его конвенциональности. Это означает, что система уголовного наказания должна быть организована и функционировать таким образом, чтобы обеспечивать всем гражданам равные возможности на получение справедливого и беспристрастного судебного разбирательства, а также на исполнение и контроль за исполнением уголовного наказания.

С точки зрения социологии, критерий равного доступа к правосудию включает в себя следующие показатели:

- наличие/отсутствие дискриминации. Первый и, возможно, самый важный показатель равного доступа к правосудию – это отсутствие дискриминации. Это означает, что люди не должны подвергаться неравному обращению на основе своего этнического происхождения, пола, возраста, религиозных убеждений, социального статуса или любого другого фактора. Этот показатель может быть измерен с помощью статистического анализа применения уголовных санкций к различным социальным группам, а также экспертных опросов;

- доступность правосудия. Этот показатель относится к способности людей физически достичь и использовать судебные и юридические услуги. Недостаток финансовых ресурсов, удаленность от судебных инстанций, недостаток информации или низкий уровень юридической грамотности не должны препятствовать доступу к правосудию;

- ясность и понятность законодательства. Законы, регулирующие уголовное наказание, должны быть понятны и доступны для граждан. Это помогает обеспечить знание и понимание прав и обязанностей, а также последствий нарушения закона;

– справедливость уголовного/судебного процесса. Справедливость и беспристрастность судебного процесса также являются важными показателями равного доступа к правосудию. Это включает в себя право на справедливый суд, право на защиту и право на презумпцию невиновности;

– подотчетность и прозрачность. Система уголовного наказания должна быть подотчетной и прозрачной. Это означает, что процесс принятия решений, а также действия и решения судей и других работников системы уголовного наказания должны быть подотчетными и подлежать общественному контролю;

– реакция на потребности жертв преступлений. Равный доступ к правосудию также предполагает, что система уголовного наказания должна быть отзывчивой к потребностям и интересам жертв преступлений. К этому относятся меры по защите прав и интересов жертв в ходе судебного процесса, а также обеспечение поддержки и компенсации жертвам после совершения преступления;

– эффективность исправительных мер. Измерение эффективности исправительных мер является еще одним важным показателем критерия равного доступа к правосудию. В данном случае необходимо оценить, насколько эффективно уголовное наказание приводит к исправлению преступника и предотвращает повторное преступление. Это могут быть рецидивные статистики, а также опросы, оценивающие уровень удовлетворенности и восстановления преступников после исполнения наказания;

– социальная реакция на уголовное наказание. Отношение общества к уголовному наказанию является важным показателем критерия равного доступа к правосудию.

Справедливое, недискриминационное и доступное уголовное наказание, соответствующее социальным нормам и ожиданиям, является основой любого здорового общества. В связи с этим важно постоянно

оценивать и пересматривать критерии и показатели конвенциональности уголовного наказания для обеспечения его соответствия этим принципам.

Следующим является критерий результативности (эффективности) социологического исследования конвенциональности уголовного наказания. Наказание в уголовном праве является одним из ключевых элементов современной системы правосудия. Однако его роль и эффективность постоянно подвергаются обсуждению и критике. Критерий результативности уголовного наказания подразумевает, что наказание должно служить определенной цели: предотвратить преступление, исправить преступника или возместить ущерб, причиненный обществу.

Исследование эффективности уголовного наказания необходимо для того, чтобы определить его цели. Цель наказания достижима только тогда, когда она подкреплена соответствующими средствами. Если таких средств нет, то цель остается лишь желанием. Таким образом, определение эффективности уголовного наказания имеет решающее значение для правильного определения его целей и того, достижимы ли они.

При анализе эффективности наказания необходимо изучить цели наказания и ресурсы, выделенные на их реализацию ²⁰⁸. Эффективность исполнения наказания рассматривается отдельно. И. В. Шмаров характеризует эффективность исполнения наказания по отношению к воздействию исправительных работ как успешность достижения желаемых результатов наказания ²⁰⁹.

Исследуя эффективность уголовного наказания, А. Е. Наташев советует выделять четыре уровня эффективности: 1) эффективность системы наказания в целом и отдельных ее видов; 2) эффективность закрепленного в уголовном законе запрета определенных общественно опасных деяний; 3) эффективность наказания на стадиях назначения и исполнения; 4)

²⁰⁸ Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью / под ред. Б. С. Никифорова. М., 1968. 255 с.

²⁰⁹ Шмаров И. В. Исправительно-трудовое право. М., 1966. 212 с.

эффективность мер, направленных на закрепление результатов исправления и перевоспитания осужденного после отбытия наказания или освобождения

²¹⁰.

Дискуссия о критериях и показателях оценки качественной и количественной эффективности уголовного наказания в целом и его отдельных видов активно продолжается в различных отраслях социально-гуманитарного знания. С. В. Полубинская утверждает, что из-за сложности измерения степени достижения цели восстановления социальной справедливости эта цель не установлена в законе ²¹¹. Л. Л. Кругликов ставит под сомнение идею наказания за восстановление социальной справедливости, поскольку ее содержание и средства достижения неясны и определить, достигнута она или нет практически невозможно²¹². А. В. Поливцев соглашается с этим мнением, заявляя, что восстановить социальную справедливость фактически невозможно. Он говорит: «Как, например, можно восстановить жизнь и здоровье? Очевидно, что возмещение ущерба и восстановление социальной справедливости – нетождественные понятия. Тем не менее говорить о восстановлении социальной справедливости посредством наказания можно только на основании назначения соответствующего наказания за совершенное преступление с учетом характера преступника» ²¹³.

М. Д. Шаргородский утверждает, что анализ рецидивизма как критерия эффективности наказания должен быть более конкретным, чем в большинстве случаев ²¹⁴. Изучение доли рецидивистов в группе осужденных крайне важно для понимания структуры преступности и создания

²¹⁰ Наташев А. Е. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. 190 с.

²¹¹ Полубинская С. В. Цели уголовного наказания. М., 1990.

²¹² Уголовное право России. Часть общая : учебное пособие / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005.

²¹³ Поливцев А. В. Восстановление социальной справедливости как цель наказания // Криминологические проблемы уголовного законодательства России : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 212–216.

²¹⁴ Шаргородский М. Д. Избранные труды по уголовному праву. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2007.

эффективной уголовной политики, однако это не дает полной картины эффективности наказания. Изучение отдельных категорий преступников необходимо, поскольку каждая из них имеет свои особенности. По мнению эксперта, состояние уголовного и исправительного законодательства и его применение – основной фактор, влияющий на рецидив.

И. М. Гальперин отверг идею о том, что наказание способно обуздать преступную деятельность. Он утверждал, что если наказание не способно уменьшить количество преступлений, то как его можно оправдать как способ удержания уровня преступности в определенных границах? Далее он размышлял о том, может ли существовать качественное различие между влиянием наказания на снижение преступности и его влиянием на поддержание определенного уровня преступной деятельности²¹⁵.

Цель реабилитации осужденных состоит в том, чтобы они не совершали новых преступлений; таким образом, цель реабилитации осужденных связана с желанием удержать их от повторных преступлений. Обсуждая эффективность наказания, автор придерживается мнения, что преступность является результатом социальных причин и общественных противоречий. Таким образом, меры по предупреждению преступности связаны с устранением этих причин и стабилизацией общества. Применение уголовного наказания ничего не дает для устранения этих факторов или восстановления равновесия в обществе, поэтому оно не является основным компонентом для предупреждения преступности, хотя и может оказывать определенное сдерживающее воздействие на преступность.

Нормы уголовного права, регулирующие наказание, сами по себе не являются исправительными; напротив, цель и возможности уголовного наказания заключаются исключительно в государственном принуждении. Таким образом, эффективность уголовно-правовых норм в наказании

²¹⁵ Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983.

заключается в их способности прийти к справедливому заключению в отношении лиц, осужденных за преступное поведение.

Для точной оценки успешности уголовного наказания необходимо учитывать вид и уровень общественной опасности, которую представляет преступление, обстановку, в которой оно было совершено и личность виновного. Рассмотрев некоторые аспекты эффективности наказания, включая критерии, используемые для его оценки, можно сделать вывод о том, что для правильной оценки эффективности и результативности уголовного наказания необходимо всестороннее изучение всех факторов, включая эффективность карательной системы, точность ее применения и эффективность уголовного законодательства о наказании.

С позиций современной социологической науки, выделяются несколько групп эмпирических показателей, которые целесообразно использовать для анализа данного критерия:

- рецидивизм. Является одним из наиболее очевидных показателей. В контексте данного диссертационного исследования – это статистика рецидива, то есть повторения преступлений после отбытия наказания. Если уголовное наказание эффективно, то ожидается снижение уровня рецидива;

- общественное мнение. Этот показатель измеряет, насколько общество считает уголовное наказание справедливым и эффективным. Это может быть измерено с помощью опросов, исследований и анализа общественного дискурса;

- реабилитация и ресоциализация. Эффективность реабилитационных и ресоциализационных программ, которые проводятся в рамках исполнения уголовного наказания, будут измерены с помощью анализа статистики трудоустройства и социальной интеграции осужденных после отбытия наказания;

- последствия для жертв преступления. Этот показатель измеряет, насколько наказание восстанавливает права и интересы жертв. Он включает

анализ статистики восстановительной юстиции, удовлетворенности жертв и компенсации ущерба;

– социальные и экономические издержки. Этот показатель включает в себя расходы на поддержание системы уголовного судопроизводства и экономические последствия преступлений и наказаний. Это может включать в себя анализ бюджетных расходов, затрат на содержание заключенных, потерь в результате преступлений и т. д.

Критерий ответственности также представляется особенно важным при исследовании конвенциональности уголовного наказания. Уголовно-процессуальная система должна также отвечать за свои ошибки и проявления несправедливости. Это включает в себя механизмы для исправления ошибок, обеспечение компенсации жертвам несправедливого обращения и привлечение к ответственности тех, кто злоупотребляет своим положением в правоохранительной и судебной системах.

Статья 297 УПК РФ предусматривает, что приговоры суда должны быть законными, обоснованными и справедливыми. Предполагается, что соблюдение уголовно-процессуальных норм и правильное применение Уголовного кодекса Российской Федерации должно гарантировать вынесение таких приговоров. Однако это не всегда так. Даже скрупулезное соблюдение процедуры и закона может привести к несправедливому приговору ²¹⁶. Верховный Суд Российской Федерации отметил, что приговор может быть законным только тогда, когда он является результатом справедливого судебного разбирательства ²¹⁷. Правосудие должно нести с собой справедливость и эффективное восстановление прав ²¹⁸. Таким образом,

²¹⁶ Макарова З. В. Справедливость – нравственно-правовая основа уголовного судопроизводства // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : мат. Всерос. науч.-практ. конф., 20–21 марта 2015 г. Ч. 1. СПб., 2016. С. 224–225.

²¹⁷ П. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

²¹⁸ П. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

между соблюдением процедуры и вынесением справедливого приговора нет причинно-следственной связи ²¹⁹.

Теоретически может показаться, что разделение полномочий между теми, кто отвечает за установление фактов преступления, и теми, кто отвечает за установление закона, является обоснованным. Однако в реальности, если его строго придерживаться, оно может стать пародией на правосудие. В этом случае судья кассационной инстанции будет бессилен, даже если признает, что суд первой и апелляционной инстанций допустил вопиющую ошибку и человек осужден несправедливо, поскольку он не может изменить факты, а закон не оспаривается.

При определенных обстоятельствах Верховный Суд посчитал, что судья кассационной инстанции обязан проверить фактическую достоверность приговора, чтобы выявить и устранить судебные ошибки. Эта вынужденная мера легко объяснима – для восстановления справедливости необходимо установить окончательную истину по уголовному делу ²²⁰. Более того, Верховный Суд четко выразил, что ошибочное судебное решение является несправедливым актом правосудия и должно быть исправлено.

Эксперты сходятся во мнении, что справедливость уголовного судопроизводства во многом определяется соблюдением таких принципов, как всесторонность, полнота и объективность. Эти критерии необходимы для точного установления всех юридически значимых деталей уголовного дела. Однако в действующем УПК РФ эти требования отсутствуют, что приводит к общему снижению качества и справедливости правоприменения.

Следователь, прокурор и суд должны иметь надежную и наглядную основу, на которую можно опереться при доказывании по уголовному делу. Без четко поставленной цели невозможно добиться каких-либо результатов.

²¹⁹ Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.

²²⁰ Курченко В. Н. Новая кассация: порядок и пределы проверки судебных решений // Уголовный процесс. 2019. № 6.

Очевидно, что принцип защиты обвиняемого имеет первостепенное значение, и следователь должен делать выводы о виновности только тогда, когда версия защиты опровергается всеми доказательствами. Однако на практике статья 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ привела к тому, что дознаватель и прокурор берут на себя роль обвинителя, зачастую пренебрегая поиском доказательств в пользу обвиняемого.

Кроме того, отказ от использования института прекращения уголовного дела даже при наличии очевидных причин является нарушением принципов справедливости, объективности и полноты. При прекращении уголовного дела неизменно указывается, что оно было возбуждено ошибочно. Это свидетельствует о ненадлежащем расследовании, что противоречит принципу всесторонности, полноты и объективности расследования обстоятельств уголовного дела.

Согласно Конституционному суду РФ, суд вправе проверять и оценивать доказательства, собирать и исследовать иные доказательства. В противном случае суд не сможет вынести справедливое и беспристрастное суждение о позициях сторон. Он не может развеять сомнения, которые у него возникли по поводу произошедших событий. Это нарушило бы принцип беспристрастной независимости суда при отправлении правосудия.

Примечательно мнение судьи Конституционного суда РФ, который заявил, что даже в США, где высоко ценится конкуренция, никто из судей не скажет, что у них нет желания разобраться в том, что произошло на самом деле, и установить виновность стоящего перед ними человека ²²¹.

Итак, часть 1 ст. 297 УПК РФ устанавливает правовые требования к судебным решениям, принимаемым в уголовном процессе. Приговоры должны быть законными, обоснованными и справедливыми. Важно учитывать, что справедливость приговора зависит не только от его законности и точности отражения фактов, но и от его моральной оценки

²²¹ Ярославцев В. Г. «Одним из зол уголовного процесса стал формальный подход» // Уголовный процесс. 2020. № 2. С. 15.

обществом. Эти вердикты должны отражать социальную справедливость. Хотя решение суда может быть обоснованным и законным, оно может быть несправедливым. Это связано с тем, что уголовное право постоянно меняется и приспосабливается к потребностям общества, и в определенных ситуациях закон может не отражать меняющиеся моральные и правовые ценности, которых придерживается общество. Несправедливый закон не может быть источником правосудия. Эта концепция обсуждалась во многих научных публикациях. Признание этого факта должно обеспечить беспристрастную оценку новейших уголовно-процессуальных законов с точки зрения справедливости.

Все эти аспекты необходимо учитывать при анализе конвенциональности уголовного наказания на основе критерия ответственности. Социологический анализ ответственности в системе уголовного наказания представляет собой сложное и многоуровневое исследование. Этот критерий подразумевает, что система уголовного наказания должна быть ответственной не только за свои действия, но и за свои ошибки и различные проявления несправедливости. Существует несколько эмпирических показателей, которые целесообразно использовать для изучения этого критерия:

- статистика ошибок и обжалования. Число ошибок в судебных делах и количество обжалованных и пересмотренных дел могут служить показателем наличия механизмов для исправления ошибок. Кроме того, анализ этих случаев может обнаружить общие причины ошибок и предложить пути их предотвращения;

- механизмы реагирования на жалобы и обжалование решений. Уголовно-процессуальная система должна предоставлять возможности для обжалования решений и расследования жалоб. Эффективность этих механизмов можно оценивать по скорости реагирования, успешности обжалования и удовлетворенности процессом со стороны заявителей;

– компенсации жертвам несправедливого обращения. Обеспечение справедливой компенсации для жертв несправедливого обращения – это важный аспект ответственности. Этот показатель включает анализ не только материальных компенсаций, но и поддержку в восстановлении после травмы, включая психологическую помощь и помощь в реабилитации;

– привлечение к ответственности тех, кто злоупотребляет своим положением в правоохранительной и судебной системах. Меры по борьбе с коррупцией, злоупотреблениями и профессиональной некомпетентностью в системе уголовного наказания являются неотъемлемой частью ее ответственности. Показатели могут включать статистику по расследованиям, судебным разбирательствам и наказаниям в отношении тех, кто злоупотребляет своим служебным положением;

– уровень доверия к системе уголовного наказания. Оценка общественного мнения и уровня доверия к системе уголовного наказания является важным эмпирическим показателем ее ответственности. Мнения граждан об эффективности системы, прозрачности и справедливости изучаются через опросы, анкетирование и исследование общественного дискурса;

– транспарентность и доступность информации. Эффективная система уголовного наказания является прозрачной. Это означает, что должна быть доступна информация о функционировании системы, включая процессы принятия решений, статистику и результаты деятельности. Степень прозрачности и доступности информации может быть измерена с помощью методов анализа содержания и данных. Кроме этого, важным аспектом ответственности является способность уголовно-процессуальной системы адаптироваться и меняться в ответ на ошибки и проявления несправедливости. Показателем этого может служить количество и характер внесенных изменений в законодательство и практику применения уголовного наказания.

Также стоит отметить, что для всестороннего анализа ответственности системы уголовного наказания следует использовать комплексный подход, объединяющий различные методы исследования: количественные и качественные, сравнительные и исторические, микро- и макросоциологические. Только такой подход позволит учесть множество факторов, влияющих на ответственность системы уголовного наказания, и дать всестороннюю и объективную оценку ее работы.

Исследование ответственности в системе уголовного наказания имеет огромное значение для создания справедливой и эффективной системы правосудия. Оно помогает выявлять слабые стороны, корректировать ошибки и усовершенствовать механизмы работы системы, а также повышает доверие общества к институтам уголовного наказания. И, что важно, это подтверждает признание того факта, что система уголовного наказания должна быть не только справедливой, но и ответственной перед обществом, которому она служит.

Важным критерием социологического анализа конвенциональности уголовного наказания является критерий общественного участия. Участие общественности в процессе формирования и применения уголовного наказания служит важным показателем его легитимности. К этому относятся общественные обсуждения и дебаты по вопросам уголовной политики, а также участие граждан в процессе судебного разбирательства, например, через институт присяжных заседателей.

Социологический анализ конвенциональности уголовного наказания, который основывается на критерии общественного участия, обращает внимание на степень, в которой граждане и общество в целом участвуют в процессе формирования и применения уголовного наказания. Для анализа этого критерия используются следующие группы эмпирических показателей:

- уровень общественного участия в дебатах о уголовной политике.

Исследование медиаландшафта, социальных медиа и других публичных площадок может помочь оценить, насколько широко общественность

участвует в обсуждении вопросов уголовной политики. Сюда входит анализ количества и содержания публикаций, комментариев, обсуждений и дебатов на указанную тематику;

- участие граждан в судебных процессах. Существование и эффективность института присяжных заседателей является важным показателем общественного участия. Статистика по числу дел, рассмотренных присяжными, их решениям, а также уровень удовлетворенности граждан участием в качестве присяжных заседателей могут дать представление о роли общества в процессе уголовного наказания;

- гражданские инициативы и действия в области уголовной политики. Активность некоммерческих организаций, общественных движений и индивидуальных граждан в отношении вопросов уголовной политики, включая лоббирование, петиции и общественные кампании, является еще одним показателем критерия общественного участия.

Целерациональный критерий социологического анализа конвенциональности уголовного наказания предполагает, что различные компоненты уголовного наказания, которые могут по-разному интерпретироваться членами общества, исходя из дифференциации их позиций в социальной структуре и стратификации. Эмпирическими показателями данного критерия являются:

- цели и функции наказания (возмездие, восстановление нарушенных прав, исправление, специальная превенция, общая превенция);

- виды наказаний (наказаний, связанных с лишением свободы, и наказаний, не связанных с лишением свободы: штраф, поражение в правах, принудительный труд, лишение свободы, ограничение свободы, телесные наказания, принудительное перемещение, смертная казнь);

- адекватность наказания содеянному (сроки лишения свободы, величина штрафа и т. д.);

- режим содержания в случае лишения свободы (также отражает и тяжесть меры наказания);

– альтернативы имеющемуся наказанию.

Стратификационный критерий изучения конвенциональности уголовного наказания является наиболее важным инструментом в социологическом исследовании, позволяя ученым изучать различия между социальными группами на основе класса, этноса, пола, возраста и других характеристик. Применительно к уголовному наказанию стратификационный подход может предоставить ценные инсайты о том, как общественные неравенства влияют на приговоры и восприятие преступлений и наказания.

Статистика уголовного наказания. Один из основных эмпирических показателей для стратификационного анализа – это статистические данные о применении уголовного наказания, например, количество людей, осужденных за различные преступления, виды наказания, которые они получили. Сравнивая эти данные между различными социально-экономическими, этническими или возрастными группами, мы можем выявить потенциальные различия в уголовном наказании.

Данные о преступниках и жертвах преступления. Информация о социальном составе преступников и жертв также может служить важным показателем для стратификационного анализа. Если определенные группы выделяются среди преступников или жертв, это может указывать на неравенство, которое влияет на уровни преступности и наказания.

Исследования общественного мнения. Опросы и интервью представляют собой ценные данные о восприятии различных форм уголовного наказания в различных социальных группах.

Кроме выделенных критериев и связанных с ними групп показателей, при эмпирическом исследовании конвенциональности уголовного наказания важными являются следующие факторы:

1. Общественное восприятие наказания. Изучение общественного восприятия наказания представляет собой изучение ожиданий и норм, которые общество связывает с различными видами наказаний, включая анализ общественных представлений о справедливости различных видов

наказаний, а также общественные мнения о том, какие наказания следует применять в отношении различных видов преступлений.

2. Поведенческие нормы и ожидания. Какие типы поведения считаются принятыми или непринятыми в данном обществе? Какие наказания обычно применяются в ответ на эти виды поведения? Это важно для понимания, как общество определяет, что является преступлением и какие виды наказания оно считает адекватными.

3. Последствия для осужденных. Каковы долгосрочные социальные и экономические последствия уголовного наказания для тех, кто его испытывает? Это может включать в себя трудности в поиске работы после освобождения, стигматизацию и дискриминацию.

4. Социальная реакция на наказание. Как общество реагирует на применение наказания, включая общественную реакцию на конкретные случаи, так и общее отношение к системе уголовного наказания.

5. Этический анализ. Считается ли наказание пропорциональным преступлению? Существуют ли альтернативные формы наказания, которые могут быть более этичными или гуманными?

В данной части диссертационного исследования были рассмотрены различные критерии, которые могут быть использованы для социологического анализа конвенциональности уголовного наказания, в частности пропорциональность, легитимность, равный доступ к правосудию, результативность и критерий общественного участия. Каждый из этих критериев имеет свою специфику и важность. и вместе они формируют комплексный подход к оценке системы уголовного наказания.

Пропорциональность уголовного наказания является важным критерием, оценивающим соответствие между тяжестью совершенного преступления и степенью уголовного наказания. Она выражает основной правовой принцип, требующий справедливого и адекватного наказания, и является ключевым элементом в оценке эффективности и справедливости системы уголовного наказания.

Легитимность, которая отражает степень признания и поддержки системы уголовного наказания со стороны общества, является критически важным аспектом, определяющим эффективность и стабильность этой системы. Она связана с восприятием системы как справедливой, надежной и работающей в интересах общества.

Равный доступ к правосудию подчеркивает важность обеспечения равенства перед законом и недискриминационного подхода к наказанию. Это ключевой элемент в оценке конвенциональности уголовного наказания, который требует борьбы с систематическими неравенствами и предубеждениями.

Результативность, или способность системы уголовного наказания достигать своих целей, таких, как предотвращение преступности, является еще одним важным критерием. Это отражает эффективность системы и ее способность отвечать на социальные потребности и вызовы.

Наконец, критерий общественного участия подчеркивает важность включения граждан и общества в процесс формирования и применения уголовного наказания. Это важный аспект легитимности и ответственности системы, который также способствует ее прозрачности и справедливости.

Стратификационный критерий является наиболее важным в прикладных социологических исследованиях, позволяющим исследователям анализировать расхождения между социальными совокупностями на основе классовых, этнических, гендерных, возрастных и других характеристик осужденного и/или жертвы преступления. В отношении уголовного наказания система стратификации объясняет то, как социальные различия влияют на приговоры, а также понимание правонарушений и наказания.

Выделенные группы критериев и показателей служат отправной точкой для социологического анализа конвенциональности уголовного наказания, результаты которого будут представлены в следующей части диссертационного исследования.

Выводы по главе 2

В первом параграфе главы 2 выделены три основные цели уголовного наказания, которые различаются в восприятии населением:

1. Ретрибутивная цель – уголовное наказание как форма возмездия, кары.
2. Детеррентная цель – наказание как мера сдерживания преступности.
3. Реабилитационная цель – наказание как инструмент реабилитации преступников.

«Уголовный популизм», подразумевающий манипуляцию информацией о динамике преступности политиками и СМИ в своих интересах, является значимым фактором, влияющим на уголовную политику страны. Это явление также подчеркивает важность учета общественного мнения при формировании стратегии и мер уголовной политики.

Далее установлено, что уголовная политика должна быть тесно связана с общественным мнением. Это подразумевает, что такая политика должна быть «разумной», то есть основанной на здравом смысле, характерном для большинства людей, а также «эмпирически обоснованной», то есть основываться на ценностях и убеждениях, которые преобладают в общественном сознании в вопросах закона и порядка.

Анализ социоструктурных факторов конвенциональности уголовного наказания в зарубежной науке подчеркивает актуальность поиска сущностной близости и логических соответствий между восприятием уголовного наказания различными социальными группами и стремлением к гуманизации, либерализации и коррекции санкций уголовного наказания на уровне государственной уголовной политики.

В ходе работы над вторым параграфом данной главы доказано, что в стабильные времена общество демонстрирует тенденцию к гуманизации отношения к уголовному наказанию, что совпадает со стремлением системы уголовного правосудия к либерализации. Однако в периоды социально-

экономических кризисов наблюдается обратный тренд – ужесточение отношения к уголовному наказанию, что указывает на сложность и многогранность данного процесса.

Далее определены эмпирические группы критериев и показателей, служащих отправной точкой для социологического анализа конвенциональности уголовного наказания, результаты которого будут представлены в следующей части диссертационного исследования.

Глава 3. Социологический анализ стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания за преступления экономической направленности в современном российском обществе

3.1. Стратификационные различия в отношении к уголовному наказанию в современном российском обществе

В течение многих лет в сознание общества внедрялось представление о том, что интересы государства должны превалировать над интересами людей. Эта концепция была отражена в уголовном кодексе 1960 года. Постепенная трансформация мышления привела к появлению гуманистической доктрины, подчеркивающей важность личности над интересами государства. Эта доктрина признает неотъемлемую ценность человеческой жизни и других человеческих благ.

Современное состояние назначаемых в России наказаний на фоне многих проблем не соответствует современным потребностям пресечения преступности. Особенно это проявляется в декларируемых законодателем целях и задачах наказаний, а также в реализации принципа определенности наказания.

О. Н. Бирик задался целью изучить культурные корни уголовного наказания. Он выделил три способа, с помощью которых религия, мораль и право рассматривают наказание: как средство возмездия, воспитания или общественного контроля; как нежелательное, но необходимое последствие; или как бессмысленный акт применения силы²²². Эти взгляды определяют то, как наказание рассматривается в религии, педагогике и законодательстве.

С позиций современной социологической науки наказание может быть понято в контексте культурно-конструированного поведения как реакция

²²² Бирик О. Н. Культурная обусловленность уголовного наказания. М., 2013. С. 195.

на культурные нормы. В нем есть символический элемент, который проявляется в относительном характере наказания. Нежелательный результат воспринимается как наказание только из-за его символического значения.

Принципы уголовного наказания в России основаны на уголовном праве и общественных традициях, в которых ценятся гуманность, социальная справедливость и индивидуализация. Гуманизм в уголовном наказании стал более распространенным в связи с вхождением России в мировое сообщество и присоединением к международному уголовному праву. Гуманизм проявляется в проводимой уголовной политике, которая способствует смягчению наказаний, снижению суровости наказания, а также часто освобождает от уголовного наказания уязвимые группы населения (несовершеннолетних, лиц, совершивших преступление впервые, и т. д.).

Идея социальной справедливости не подразумевает, что преступник имеет право на возмездие за свои проступки. Напротив, она направлена на защиту общества от преступности и преступников. Таким образом, строгость наказания должна соответствовать степени общественной опасности преступления, условиям, в которых оно было совершено.

Этот принцип индивидуализации уголовной ответственности и наказания еще не утвердился в уголовном праве. Тем не менее он влияет на вынесение приговора, поскольку суд может учесть смягчающие обстоятельства, чтобы вынести более мягкое наказание, чем предписывает закон, или усилить строгость наказания при наличии отягчающих обстоятельств. Кроме того, при совершении нескольких преступлений могут быть применены правила совокупности для установления наказания на определенном уровне.

Уголовно-карательные санкции необходимо отличать от административных мер, дисциплинарных взысканий и других правовых санкций. Для точного разграничения требуется изучение всех признаков, побуждающих к применению наказания или иных форм юридической силы.

Наказание является результатом серьезного нарушения закона, в то время как другие виды правового принуждения могут применяться за менее серьезные нарушения, которые все же наносят ущерб обществу. Такие меры применяются судом от имени государства, в то время как отдельные органы власти, руководители и должностные лица могут назначать другие виды правового воздействия.

Вопрос о природе и смысле наказания активно обсуждается не только в уголовно-правовом, но и в теоретическом правовом дискурсе. Наибольшее распространение получила трактовка наказания как меры государственного принуждения, которую суд применяет к лицам, признанным виновными в совершении преступлений ²²³.

Однако в существующих теориях присутствуют и альтернативные подходы. Так, М. Д. Шаргородский представляет наказание как отбор у преступника принадлежащих ему благ, что выражает негативное государственное оценивание его деяний ²²⁴. С. И. Дементьев в свою очередь предлагает иное видение: по его мнению, наказание – это умышленное причинение виновному лишений и страданий, определенных законом и специально рассчитанных на его испытание ²²⁵. Вместе с тем он подчеркивает, что недопустимы запреты, которые включают элементы страдания и унижения человеческого достоинства.

Уголовное наказание подчинено нормам уголовного законодательства, которые задают общий характер и пределы ограничений. Примером может служить лишение свободы: здесь уголовный закон устанавливает временные рамки ограничения и режим исправительной колонии, от которых во многом зависит характер и степень ограничений, а, следовательно, и объем

²²³ Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 14.

²²⁴ Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 12.

²²⁵ Дементьев С. И. Лишение свободы: уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. Рн/Д, 1981. С. 45.

наказания. И. В. Шмаров и М. П. Мелентьев акцентируют внимание на этом обстоятельстве²²⁶.

Спорный вопрос в научном сообществе – следует ли закреплять в уголовном законе конкретные положения об исполнении наказания, его порядке и условиях. Большинство исследователей склоняются к отрицательному ответу. Однако такие авторы, как И. Я. Козаченко и З. А. Николаева утверждают, что «ключевые элементы лишения свободы как вида наказания должны быть закреплены в уголовном, а не в уголовно-исполнительном законодательстве». По их мнению, в уголовном законе следует закрепить и все остальные режимные требования в местах лишения свободы, ограничения в свиданиях, переписке, питании и т. д., так как это также правоограничения, весьма значимые и болезненные для лица, испытывающего этот вид наказания²²⁷.

Таким образом, очевидно, что понятие уголовного наказания и его регуляция – это сложный и многогранный вопрос, требующий детального анализа и дальнейших исследований. Подходы к наказанию и его исполнению отражают общественные взгляды на справедливость и правосудие и, в свою очередь, влияют на общественное отношение к системе уголовного наказания. Также это показывает, насколько важно учитывать мнение общества при формировании уголовной политики и законодательства.

В данном эмпирическом исследовании граждане рассматриваются как участники общественной жизни, чье отношение к справедливости и уголовным наказаниям, а также восприятие защиты со стороны правоохранительных органов и государства изучаются с целью формирования выводов о состоянии правопорядка и справедливости в обществе.

²²⁶ Шмаров И. В., Мелентьев М. П. Дифференциация исполнения наказания в исправительно-трудовых учреждениях. Пермь, 1971. С. 33.

²²⁷ Козаченко И. Я., Николаева З. А. Коллизии уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Государство и право. 1993. № 2. С. 86.

Все, что было сказано выше, касается интерпретации наказания в рамках правовых дисциплин. С точки зрения изучения стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания более важным представляется исследование отношения общества к этому сложному и многогранному явлению.

Программа социологического исследования стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания за преступления экономической направленности в современном российском обществе определяется предметом диссертационной работы и целью, состоящей в анализе влияния стратификационных факторов на конвенциональность уголовного наказания (полностью программа социологического исследования представлена в Приложении А). Задачами теоретико-прикладного исследования являются:

- 1) особенности и характеристики отношения к уголовному наказанию за экономические преступления в современном российском обществе;
- 2) определение основных видов отношения к уголовному наказанию за экономические преступления среди различных социальных групп;
- 3) оценка функциональности и легитимности уголовного наказания за экономические преступления в правоприменительной среде;
- 4) изучение влияния социокультурных и социально-экономических факторов на отношение к уголовному наказанию за экономические преступления;
- 5) конвенциональность уголовного наказания за экономические преступления в представлениях осужденных к лишению свободы.

В основе прикладного исследования лежит социологический подход к анализу уголовного наказания. В данной части работы используются как количественные, так и качественные методы исследования для получения наиболее полной и объективной картины. Количественные методы позволяют установить тенденции и корреляции между стратификационными

факторами и уровнем уголовной наказуемости, в то время как качественные методы способствуют пониманию причин и контекста этих тенденций.

Первым этапом исследования стала социологическая оценка отношения различных групп населения к уголовному наказанию за различные виды преступлений. Основным методом решения этой задачи стал анкетный опрос жителей Ставропольского края, Краснодарского края, Республики Карачаево-Черкесия и Ростовской области в возрасте от 18 лет. Выбор указанных регионов обусловлен как разнообразным этническим составом, так и высоким уровнем экономической преступности в них. Кроме того, именно в указанных регионах традиционно преступления экономического характера превышают другие виды правонарушений.

Для расчета выборочной совокупности исследования был использован кластерный метод ($n = (K * n_{avg}) / (1 + (K - 1) * ICC)$), где в качестве каждого отдельного кластера был использован отдельный субъект РФ. После расчета дизайн-эффекта выборочной совокупности ($DEFF = 1 + (\rho * (nE - 1)) / (nE * pE) + (\rho * (nC - 1)) / (nC * pC)$) ошибка выборки составила 3,49 %. Общий объем выборочной совокупности составил 3126 респондентов. Данное исследование было проведено в период с 2020 по 2021 год.

Далее представлено распределение выборочной совокупности по основным параметрам исследования.

Гендерная принадлежность:	%
Мужской	47,9
Женский	52,1

Уровень образования:	%
Высшее	28,6
Среднее образование (школа или ПТУ)	48,2
Среднее специальное образование (техникум)	16
Незаконченное высшее	7,2

Возраст:	%
До 18 лет	6,4
19–33 года	32
34–45 лет	25,6
46–54 года	12,8
55–64 года	16

Для проверки собственных выводов и их верификации полученные данные сопоставлялись с результатами всероссийского социологического исследования «Социальная справедливость», проведенного в 2017 году компанией GFK совместно с НИУ ВШЭ. База данных исследования находится в открытом доступе в Едином архиве социологических и экономических данных НИУ ВШЭ.

Первый блок инструментария авторского количественного исследования (Приложение Б) содержал вопросы об отношении к неравенству бедности и социальной справедливости, что, как было выявлено в предыдущих частях диссертационного исследования, непосредственно связано с уровнем конвенционального отношения к уголовному наказанию в России (Рисунок 14).

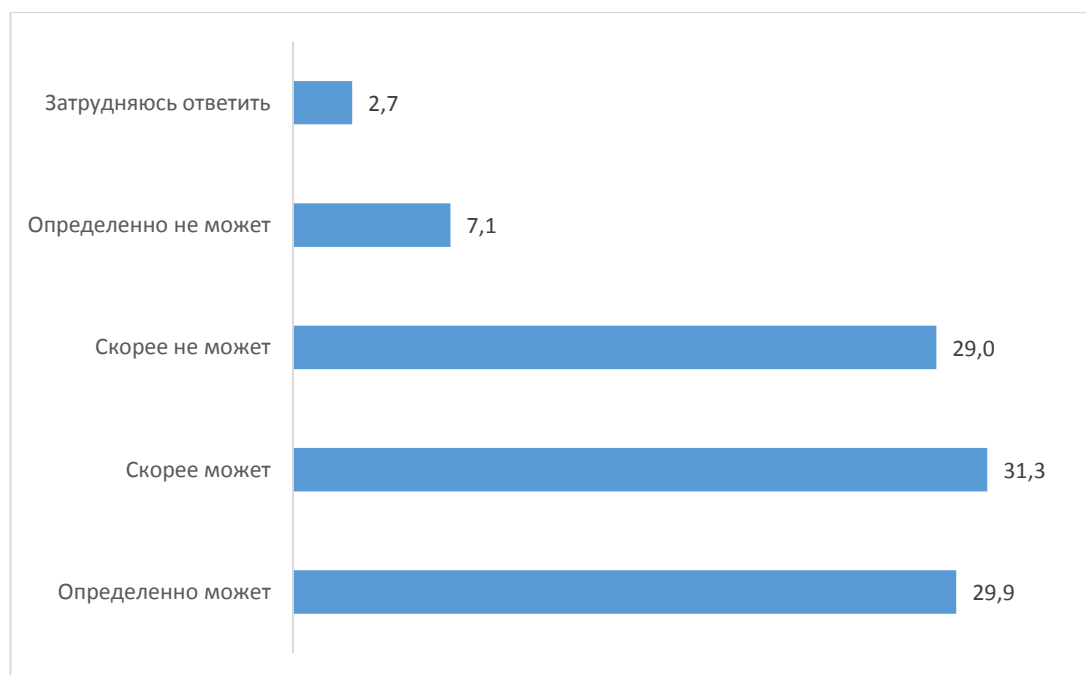

Рисунок 14 – Может ли человек из небогатой семьи, не имеющий связей, добиться высокого социального положения? (%)

Ответы распределены почти равномерно между позитивными и негативными оценками возможности достижения высокого социального положения. Это указывает на разделение общественного мнения по этому

вопросу. Процент людей, уверенных в том, что человек из небогатой семьи и без связей может достичь высокого социального положения («Определенно может»), составляет 29,9 %. Процент респондентов, склонных к положительному ответу, но не уверенных в нем («Скорее, может»), составляет 31,3 %. Это самая большая группа, что указывает на то, что люди в целом оптимистично оценивают возможности социального подъема, но при этом учитывают и существующие трудности. Количество респондентов, уверенных в том, что социальный подъем невозможен для человека из небогатой семьи и без связей («Определенно не может»), составляет 7,1 %. Это самая малочисленная группа, но все же она представляет существенную часть общества, которая считает социальные барьеры непреодолимыми.

В целом, данные свидетельствуют о том, что общество разделено в своих взглядах о социальной мобильности и справедливости. Вероятно, эта разница взглядов обусловлена множеством факторов, включая личный опыт, уровень образования, социальный класс и другие факторы.

Большинство (61,2 %) участников опроса склоняются к положительному ответу, считая, что человек из небогатой семьи и без связей может или, скорее, может добиться высокого социального положения. Однако существует и значительное число респондентов (36,1 %), которые сомневаются в этой возможности или явно считают ее нереальной. Это может отражать осознание неравенства в стране, барьеров и препятствий, которые могут затруднить вертикальную мобильность. В целом, судя по представленным данным, российское общество продолжает бороться с вопросами неравенства.

Более половины участников исследования (58,4%) считают, что человек из небогатой семьи, не имеющий связей, может или, скорее, может добиться высокого социального положения с помощью государственной службы (Рисунок 15).

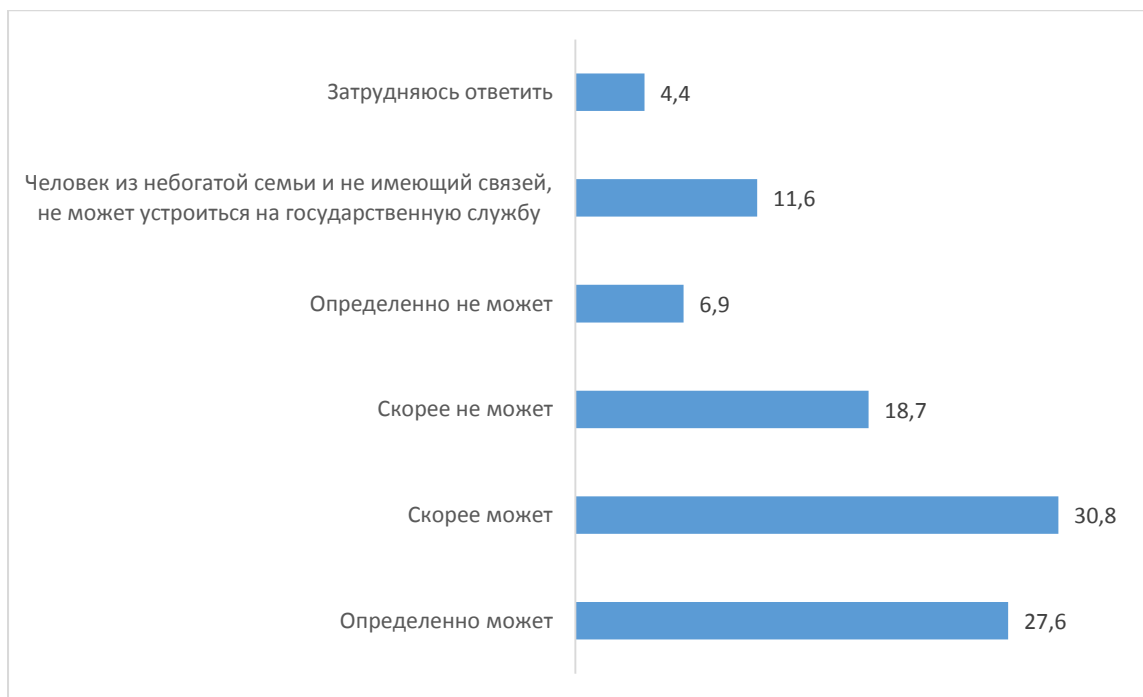

Рисунок 15 – Может ли человек из небогатой семьи в России, не имеющий связей, добиться высокого социального положения, устроившись на государственную службу? (%)

Это может свидетельствовать об уверенности в возможности данного социального лифта. Вместе с тем значительная доля респондентов (25,6 %) высказывает сомнения или отрицание в отношении этого утверждения. Это может отражать убеждение в том, что наличие связей и материальные ресурсы играют важную роль в возможности добиться успеха на данном поприще.

В целом же, большинство респондентов уверены в достижении высокого социального положения с помощью государственной службы даже для людей из небогатых семей без необходимых связей. Однако существует и значительная группа людей, которые сомневаются в этом или отвергают эту идею.

Представленная картина отражает сложность восприятия социальной мобильности в современном российском обществе. С одной стороны, есть уверенность в равенстве возможностей и принципах справедливости, согласно которым успех зависит от личных усилий и способностей. На другой стороне присутствует осознание того, что социальное происхождение

и наличие связей могут оказывать значительное влияние на возможности человека.

Около половины респондентов (45,8 %) считают, что уровень жизни человека в справедливо устроенном обществе должен зависеть от его образования и способностей (Рисунок 16). Это указывает на ценность образования и индивидуальных способностей, а также на убеждение, что именно эти факторы должны определять экономический статус человека. Другая группа респондентов (29,9 %) полагает, что уровень жизни должен зависеть от того, кем и как много работает человек. Эти данные отражают идею о том, что труд и степень его интенсивности являются ключевыми факторами для определения уровня жизни. Пятая часть респондентов (19,4 %) уверены, что уровень жизни должен быть примерно одинаковым у всех, и не должно быть ни богатых, ни бедных. Это отражает поддержку идеи экономического равенства и универсального благосостояния.

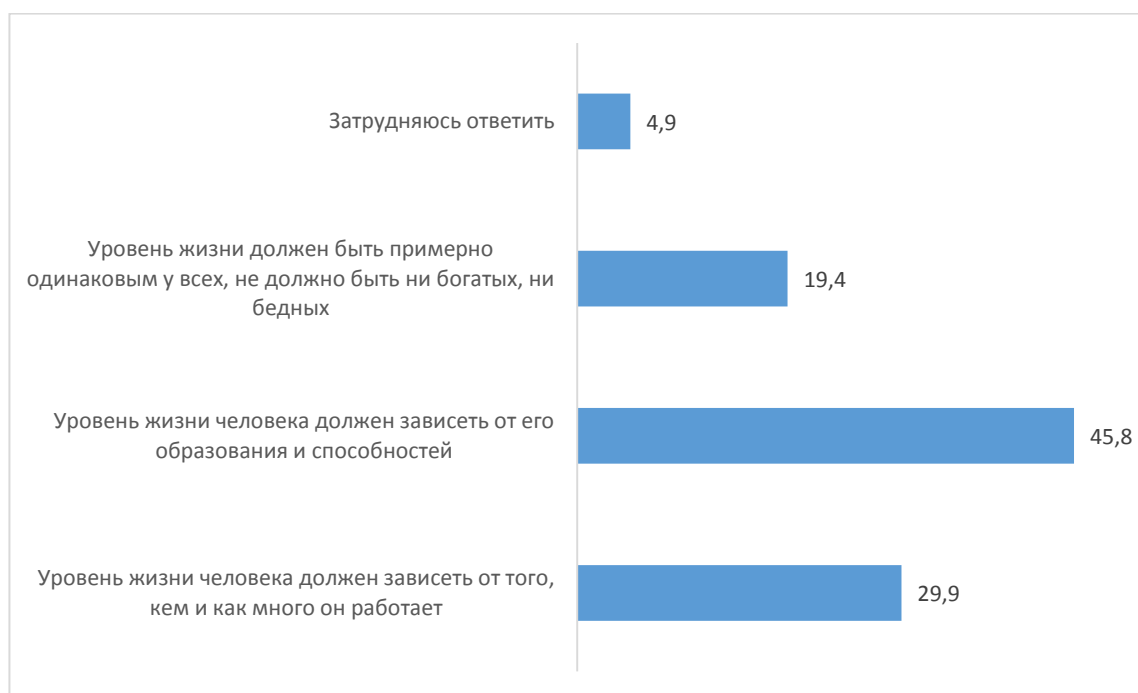

Рисунок 16 – Что из перечисленного определяет уровень жизни человека в справедливо устроенном обществе? (%)

Итак, взгляды жителей России на вопрос о том, чем должен определяться уровень жизни в справедливо устроенном обществе, различны и охватывают широкий спектр, от опоры на образование и индивидуальные способности до равенства и справедливого распределения благ.

Данные рисунка 17 отражают разнообразие взглядов на то, что делает государство справедливым. Это подчеркивает сложность и многоаспектность этого вопроса. Очевидно, что большинство респондентов придает решающее значение законности и равноправию. Это указывает на общую озабоченность соблюдением прав и свобод, а также равенством всех перед законом в России. Представленные также показывают, что важным для людей является высокий уровень жизни. Это свидетельствует о том, что в рамках справедливого государства ожидается обеспечение социальной защиты и благополучия его граждан.

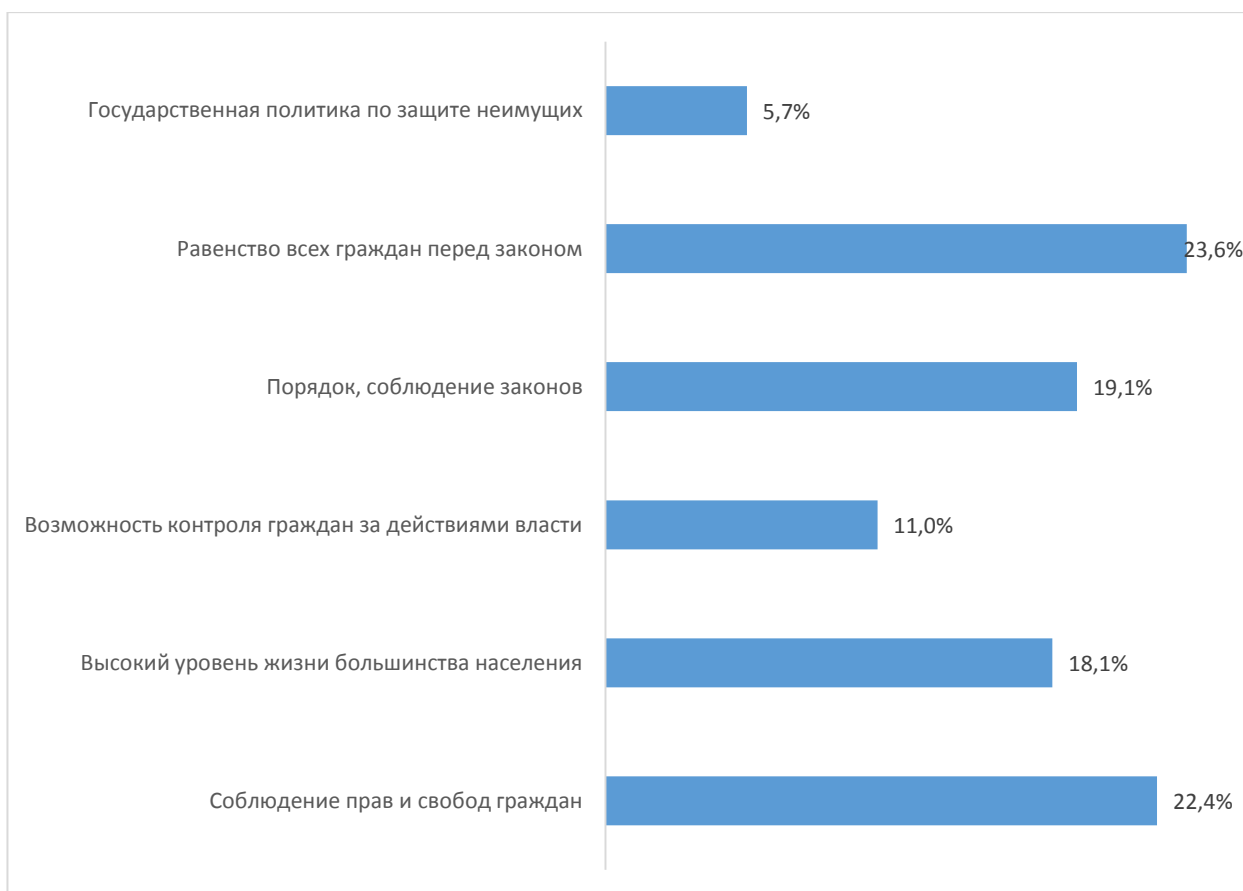

Рисунок 17 – Что наиболее важно для того, чтобы можно было говорить о справедливом государстве? (%)

Значительная часть респондентов подчеркивает важность контроля со стороны граждан над действиями власти. Это свидетельствует о значимости прозрачности, открытости и ответственности власти страны перед ее населением.

Как было определено в предыдущих частях работы, вопросы стратификации имеют определяющее значение при анализе факторов конвенциональности уголовного наказания. В сводной таблице 18 представлены данные, характеризующие диапазон мнений респондентов о стратификационной структуре современного российского общества.

Среди рассмотренных социально-профессиональных групп в России большинство респондентов относит чиновников высокого уровня (министры, губернаторы, депутаты), силовиков (работники спецслужб, армии, МВД) и крупных предпринимателей, банкиров к высокому социальному слою.

Таблица 18 – К какому слою в настоящее время относятся следующие социально-профессиональные группы в России? (%)

Социально-профессиональная группа	Высокий	Средний	Низкий
Силовики: работники спецслужб, армии, МВД	69,3	22,7	8,0
Интеллигенция: учителя, врачи, инженеры, деятели культуры, ученые	14,0	52,4	23,6
Начальники отделов и подразделений	25,3	64,0	10,7
Рядовые офисные служащие	7,6	38,5	53,9
Частные предприниматели в малом и среднем бизнесе	9,7	69,5	20,8
Промышленные и сельскохозяйственные рабочие, водители, продавцы	5,1	15,3	79,6
Чиновники высокого уровня: министры, губернаторы, депутаты	88,8	8,2	3,0
Другие чиновники:	54,9	41,6	3,5

руководители местных администраций, работники министерств и ведомств			
Крупные предприниматели, банкиры	72,8	24,6	2,6

Интеллигенция (учителя, врачи, инженеры, деятели культуры, ученые), частные предприниматели в малом и среднем бизнесе и начальники отделов и подразделений в основном относятся к среднему социальному слою.

Промышленные и сельскохозяйственные рабочие, водители, продавцы и рядовые офисные служащие, в свою очередь, согласно мнению большинства респондентов, относятся к более низким слоям населения.

Данные таблицы также говорят о том, что сегодня в России к высшему слою общества относятся чиновники высокого уровня (министры, губернаторы, депутаты), силовики и крупные предприниматели, банкиры. Это указывает на значительное влияние политической власти и силовых структур на социальное положение в обществе. Наиболее многочисленными и разнообразными являются средние слои. Интересно, что интеллигенция, обычно обладающая высоким уровнем образования, в данном случае относится, в основном, к среднему слою. К более низким общественным слоям относятся промышленные и сельскохозяйственные рабочие, водители, продавцы и рядовые офисные служащие.

Судя по полученным данным (Рисунок 18), более половины респондентов (53,2 %) не чувствуют, что закон их защищает (34,1 % «скорее, нет» и 19,9 % «определенно нет»). В то время как меньшая часть опрошенных (38,6 %) чувствует, что они находятся под защитой закона (29,3 % «скорее да» и 9,3 % «определенно да»). Оставшиеся 7,5 % участников исследования затруднились ответить на этот вопрос.

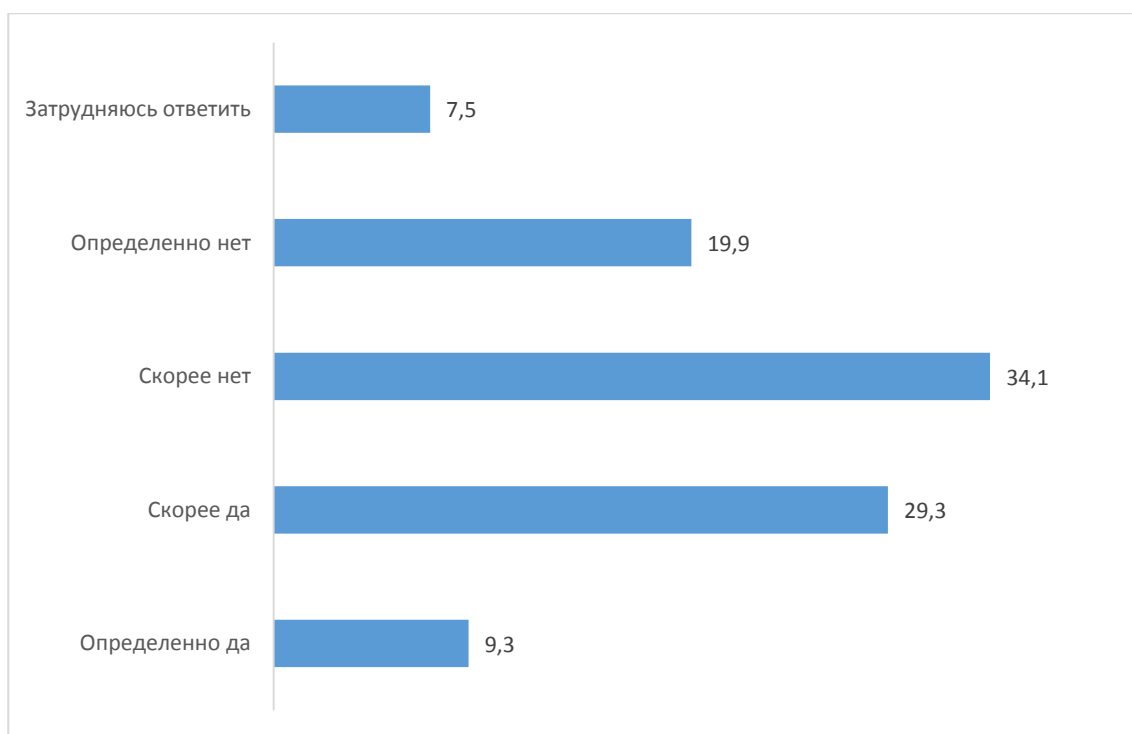

Рисунок 18 – Чувствуете ли Вы себя под защитой закона? (%)

Таким образом, большая часть респондентов чувствуют неуверенность в эффективности уголовного наказания как средства защиты общества от возможных преступлений. Эти данные могли бы послужить основой для дальнейшего исследования различных аспектов уголовного наказания и его влияния на общественное восприятие безопасности и защищенности от преступлений. Это может включать в себя изучение вопросов, таких, как уровень доверия к правосудию, восприятие справедливости и эффективности наказаний и даже влияние медиа на общественное восприятие уголовного наказания.

Значительное число респондентов (39,7 %) считают, что коррупция мешает им чувствовать себя под защитой закона, поскольку они не могут рассчитывать на честное и объективное рассмотрение их дела в суде (Рисунок 19). Другие важные причины включают вольную трактовку законов теми, кто находится у власти (34,1 %), недостаточную защиту для всех граждан, поскольку многие люди ощущают себя над законом (31,9 %) и несправедливость законов и недостаток защиты интересов обычных людей

(24,6 %). Меньшее число респондентов выразили обеспокоенность по поводу нестабильности законодательства (10,1 %) и отсутствия средств для защиты своих прав в случае необходимости (21,6 %).

Рисунок 19 – Почему Вы не чувствуете на себе защиты закона?* (%)

Полученные данные говорят о том, что в настоящее время существует ряд проблем, которые влияют на восприятие защищенности от преступлений и справедливости наказания в современном российском обществе.

Представленные на рисунке 20 результаты весьма значимы в контексте изучения стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания. Они указывают на то, что в обществе существует распространенное восприятие неравенства перед законом. Это говорит о том, что существуют определенные слои общества или группы людей, которые считают, что они не подлежат тем же законам, что и остальные. Как правило, такие тенденции в обществе приводят к повышению уровня преступности или неповиновению закону.

*Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли указывать более одного варианта ответа

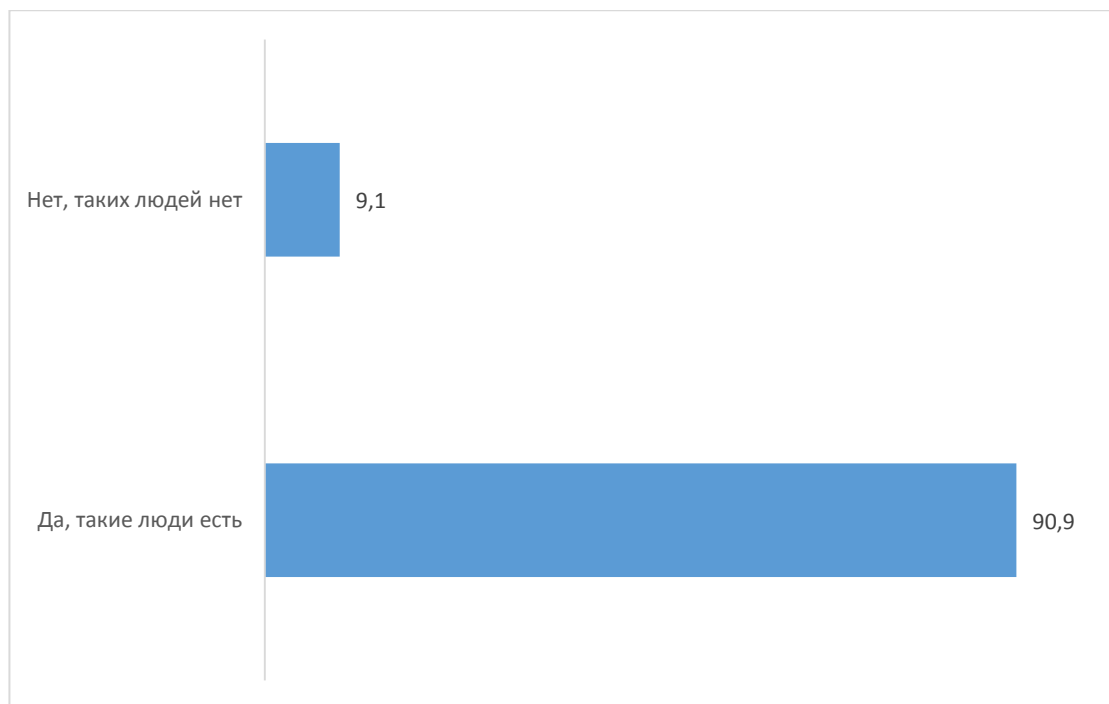

Рисунок 20 – Как Вы считаете, есть ли сейчас в России люди, которые считают себя находящимися «над законом»? (%)

Этот результат также указывает на то, что существует сильное недоверие к правоохранительной системе в целом и уголовному наказанию как средствам пресечения преступлений и обеспечения справедливости в обществе.

Большинство респондентов (60,6%) считают, что государство относится к ним справедливо или скорее справедливо (Рисунок 21). Однако значительная часть (31,7 %) считает, что государство относится к ним несправедливо и они заслуживают большего как граждане этой страны. Оставшиеся 7,7 % затруднились ответить на этот вопрос.

Рисунок 21 – Как Вам кажется, государство относится к Вам справедливо или не справедливо? (%)

Полученные данные отражают общее восприятие справедливости со стороны государства, включая применение и исполнение уголовных наказаний. Вероятно, существует корреляция между подобным восприятием справедливости и степенью доверия к правоохранительной и судебной системам, а также уровнем уверенности в том, что уголовное наказание будет применяться равномерно и справедливо.

Около трети респондентов (36,3 %) выразили мнение о том, что государство не должно следить за частной жизнью граждан (Рисунок 22). В то время как почти четверть участников исследования считают, что уровень контроля государства должен оставаться прежним (24,2 %) или увеличиться (16,1 %). Незначительное количество респондентов выразили мнение, согласно которому государство должно контролировать частную жизнь граждан меньше, чем сейчас (13,9 %).

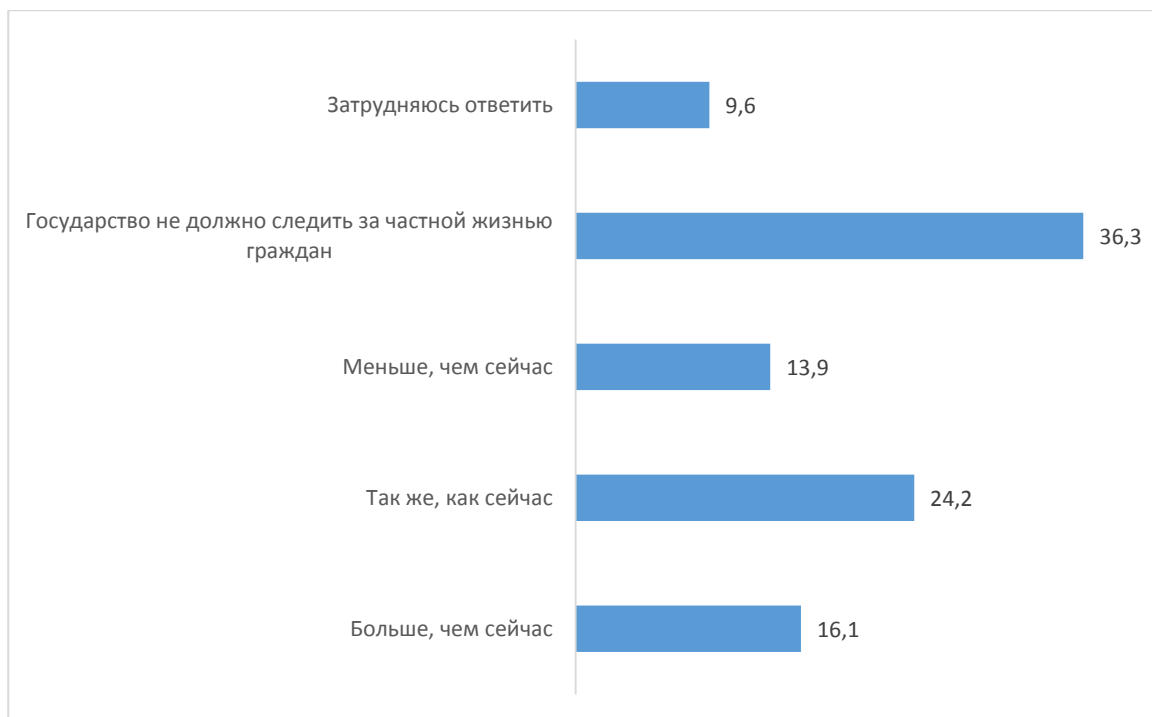

Рисунок 22 – Считаете ли Вы, что государство должно следить за частной жизнью граждан и контролировать ее больше, так же или меньше, чем сейчас? (%)

В контексте изучения стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания полученные данные говорят о восприятии гражданами баланса между персональной свободой и безопасностью. Избыточное вмешательство государства в личную жизнь может привести к ощущению недоверия и несправедливости, что, в свою очередь, оказывает влияние на восприятие и поддержку уголовного наказания.

Следующий блок инструментария исследования касался вопросов виктимизации и отношения к преступности.

В контексте изучения стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания представленные данные могут служить важным источником информации (Рисунок 23). Первоначально они могут указывать на уровень преступности в обществе, что важно для понимания эффективности уголовного наказания как средства детерренции.

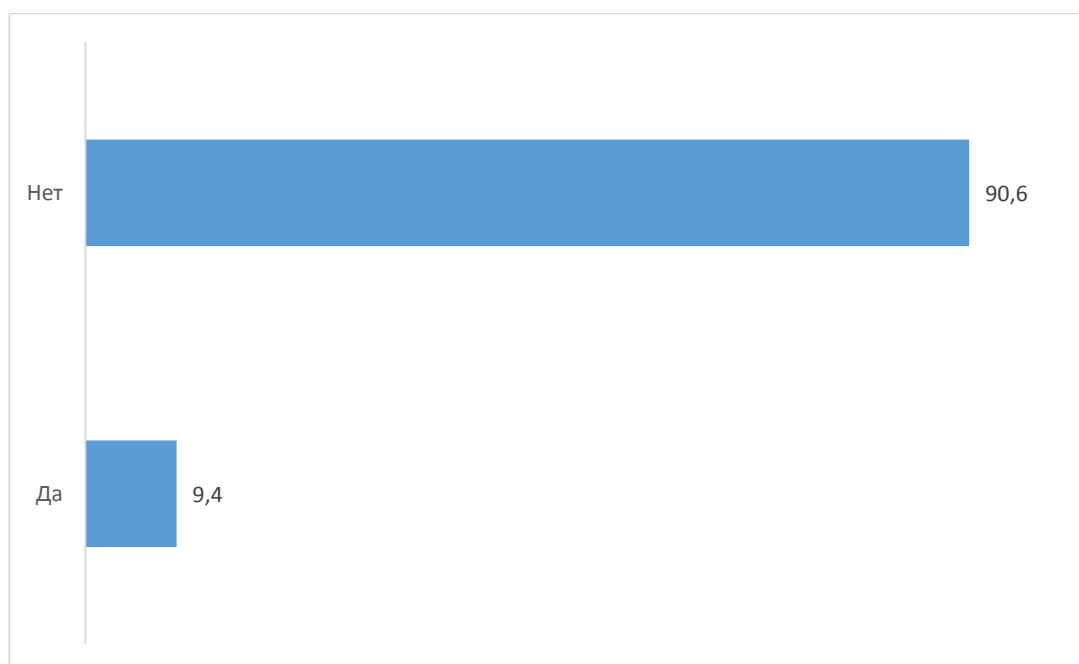

Рисунок 23 – За последние пять лет Вы подвергались насилию, становились жертвами преступления? (%)

Второе важное наблюдение заключается в том, что 9,4 % респондентов имели опыт насилия или другого преступления в течение последних пяти лет. Это может свидетельствовать о необходимости улучшения работы правоохранительных органов и судебной системы, чтобы уменьшить количество таких инцидентов и обеспечить справедливое наказание для преступников. Также полученные данные могут быть использованы в дальнейшем для исследования демографических и социальных факторов, которые могут коррелировать с вероятностью стать жертвой преступления.

Обеспокоенность по поводу возможности кражи является индикатором восприятия населением страны уровня преступности в целом и эффективности системы уголовного наказания. Представленные данные (Рисунок 24) указывают также на имеющееся социальное и экономическое неравенство в российском обществе. Более высокий уровень обеспокоенности может свидетельствовать о низком уровне уверенности в личной безопасности и защищенности своей собственности, что может быть связано с социально-экономическим статусом, жилищными условиями и

местом проживания. Также представленные данные косвенно указывают на уровень доверия к правоохранительным органам и их способности обеспечивать безопасность.

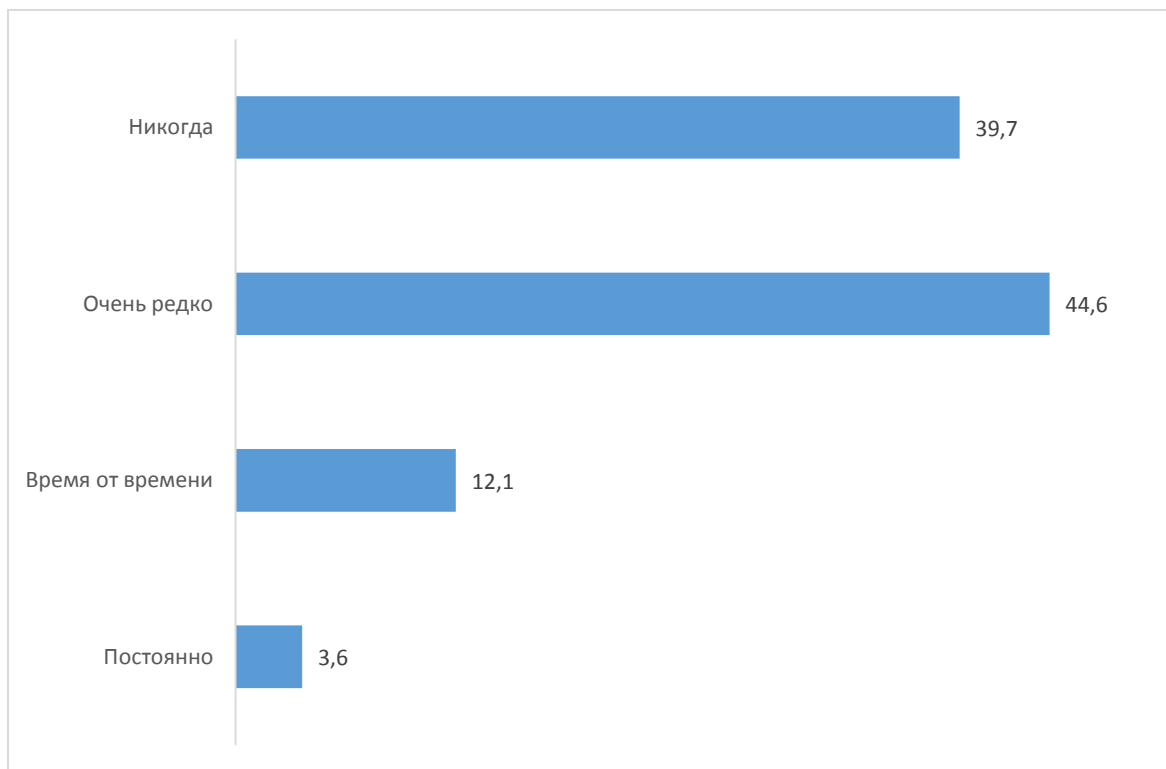

Рисунок 24 – Как часто Вы испытываете обеспокоенность по поводу того, что Вашу квартиру (дом) могут обокрасть? (%)

В контексте изучения стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания представленные данные (Рисунок 25) имеют особое значение. Очевидно, большая часть общества чувствует себя в безопасности и не опасается стать жертвой насильственного преступления. Это может свидетельствовать об эффективности уголовного наказания как детеррента, об успехах правоохранительных органов в предотвращении преступлений и, возможно, о высоком уровне общественного доверия к этим институтам.

С другой стороны, независимо от того, что большинство людей чувствуют себя в безопасности, присутствует заметный процент людей

(12,2 %), которые испытывают беспокойство «Время от времени» или «Постоянно» (Рисунок 25). Это может указывать на наличие групп в обществе, которые чувствуют себя уязвимыми или незащищенными. Могут быть исследованы дополнительные факторы, которые могут объяснить, почему эти люди чувствуют себя более уязвимыми для насильственных преступлений, включая их социально-экономический статус, место проживания, возраст, пол и другие стратификационные факторы.

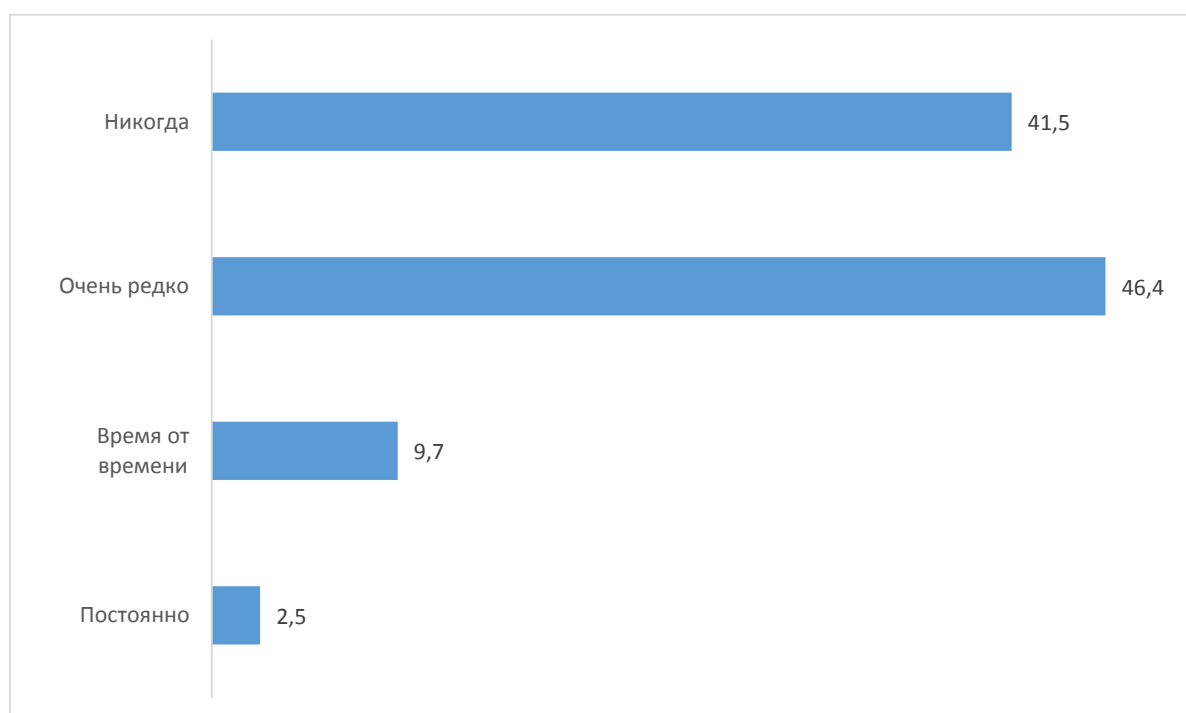

Рисунок 25 – Как часто Вы испытываете обеспокоенность по поводу того, что Вы можете стать жертвой насилия? (%)

При изучении стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания полученные данные говорят о влиянии беспокойства, связанного с потенциальной угрозой насилия, на качество жизни (Рисунок 26). Многие респонденты заявляют, что подобное беспокойство влияет на их жизнь, хотя большая часть из них считает, что это влияние не очень сильно. Само по себе оно может быть связано со многими факторами, включая оценку респондентами эффективности системы уголовного наказания и их уровня доверия к правоохранительным органам, а также их личные

обстоятельства, включая место проживания, социально-экономический статус и другие.

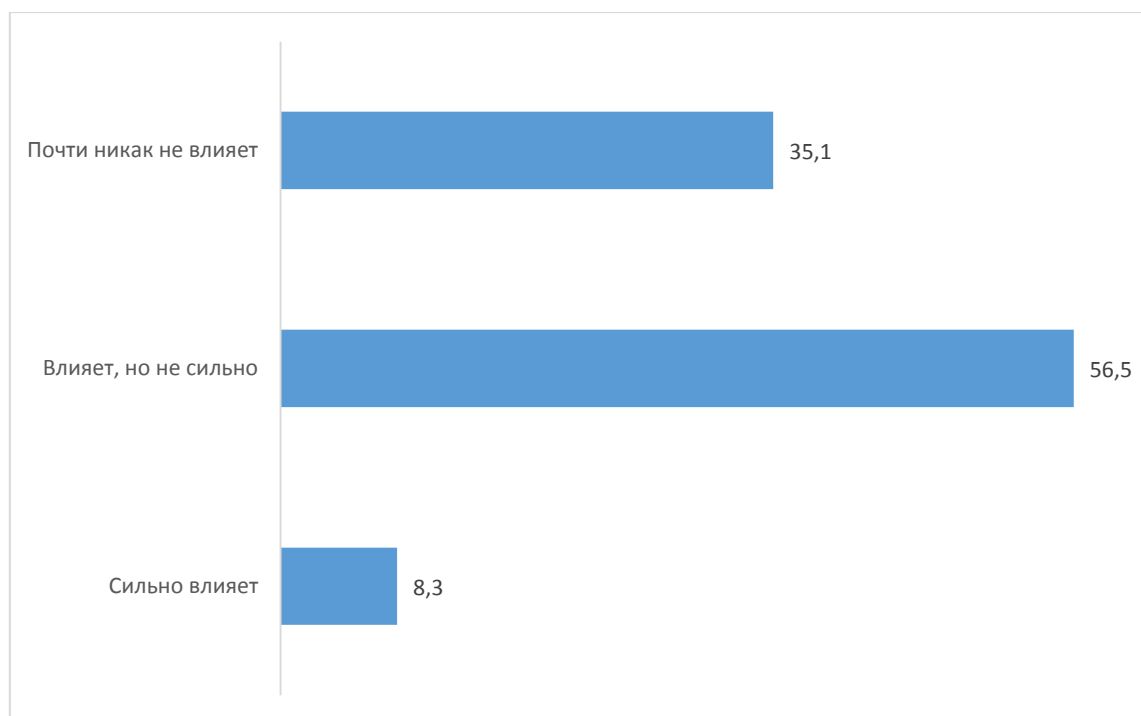

Рисунок 26 – Влияет ли на качество Вашей жизни беспокойство о том, что Вы можете оказаться жертвой насилия? (%)

Отношение правоохранительных органов к этнической принадлежности преступников также играет важную роль в контексте изучения стратификационных факторов конвенциональности отношения к уголовному наказанию. Правоохранительные органы призваны обрабатывать каждое нарушение закона независимо от национальной или любой другой принадлежности преступника и обеспечивать равную защиту и справедливое расследование всех преступлений.

При этом, если правоохранительные органы проявляют предвзятость или дискриминацию по отношению к определенным этническим или национальным группам, это может приводить к неправомерному и несправедливому обращению с лицами, совершившими преступление. Многочисленные эмпирические исследования показывают, что некоторые группы населения могут стать особенной целью правоохранительных и/или судебных органов в силу национальной или этнической принадлежности.

Следствием этого может стать избирательное применение правосудия и предвзятое отношение представителей силовых структур.

Данные рисунка 27 показывают, что существует значительный дисбаланс в отношении правоохранительных органов к жертвам преступлений в зависимости от их этнической принадлежности.

Рисунок 27 – Правоохранительные органы одинаково относятся к жертвам преступлений, если они являются представителями различных этнических групп? (%)

Большинство респондентов (68,3 %) считают, что представители правоохранительных органов хуже относятся к жертвам преступлений, которые являются представителями нетитульных национальностей. Полученные данные указывают на наличие проблемы дискриминации и неравного обращения среди сотрудников правоохранительных органов в отношении различных этнических групп, что самым непосредственным образом сказывается на уровне конвенциональности в отношении уголовного наказания. Небольшая доля респондентов (7,3 %) полагает, что к представителям нетитульных национальностей, ставших жертвами

преступления, правоохранные органы РФ относятся лучше, чем к представителям титульного этноса. Лишь пятая часть участников исследования (21,2 %) полагают, что правоохранные органы относятся ко всем людям одинаково, независимо от их этнической принадлежности. Исходя из полученных данных можно сделать вывод о существовании в настоящее время проблемы дискриминации среди жертв преступлений по этническому признаку.

Преобладающее число респондентов (68,3 %) считают, что правоохранные органы хуже относятся к бедным людям, чем к богатым (Рисунок 28).

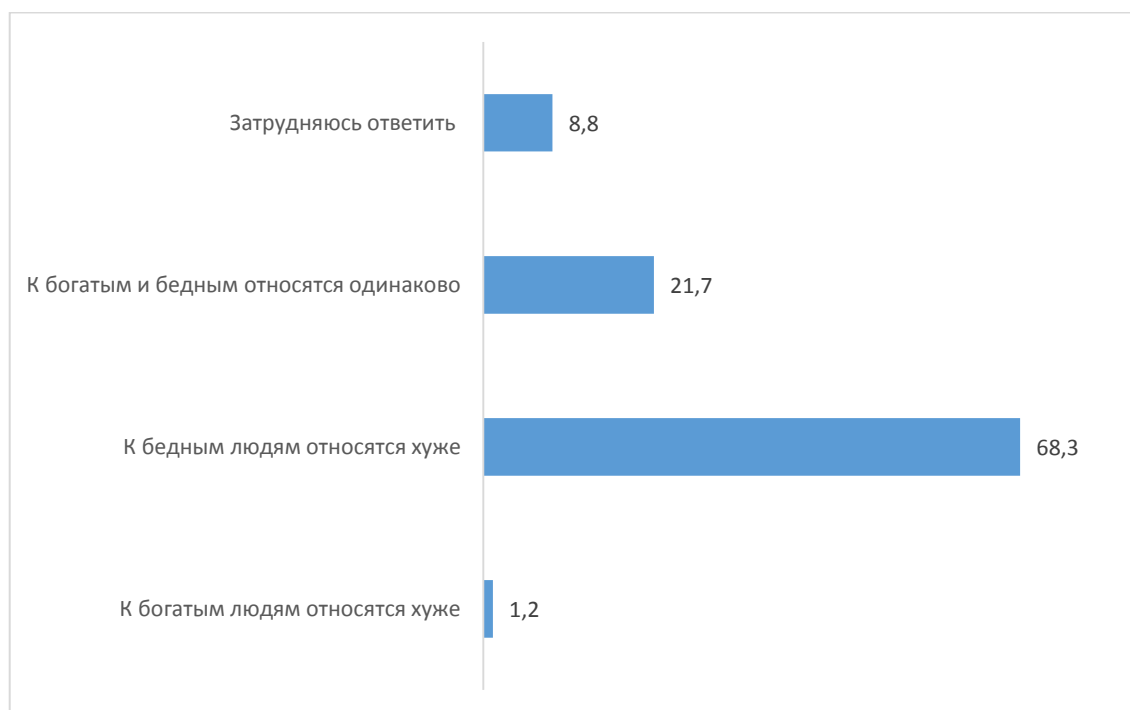

Рисунок 28 – Если жертвой преступления оказался богатый/бедный человек, к кому правоохранные органы отнесутся лучше? (%)

Это указывает на восприятие социального неравенства в обществе и существование преференций в правоохранных органах в отношении людей более высокого материального достатка. Очень небольшой процент респондентов (1,2 %) полагают, что правоохранные органы демонстрируют более негативное отношение к богатым людям. Пятая часть

участников исследования (21,7 %) считают, что отношение к богатым и бедным одинаковое. Существенный процент респондентов (8,8 %) не смогли или не захотели выразить свое мнение по этому вопросу, что также может указывать на его неопределенность или сложность.

В целом, представленные данные могут быть интерпретированы как показатель социальной стратификации в обществе, а также отражение общественного восприятия работы правоохранительных органов и возможного уголовного наказания.

Преобладающее число респондентов (68,3 %) считают, что правоохранительные органы хуже относятся к бедным людям, чем к богатым. Это указывает на восприятие социального неравенства в обществе и существование преференций в правоохранительных органах в отношении людей более высокого материального достатка. Очень небольшой процент респондентов (1,2 %) полагают, что правоохранительные органы демонстрируют более негативное отношение к богатым людям. Пятая часть участников исследования (21,7 %) считают, что отношение к богатым и бедным одинаковое. Существенный процент респондентов (8,8 %) не смогли или не захотели выразить свое мнение по этому вопросу, что также может указывать на его неопределенность или сложность.

Около половины респондентов (47,3 %) выражают отрицательное мнение о работе полиции в предотвращении преступлений в их местах постоянного проживания (Рисунок 29). Среди них 39,8 % считают, что полиция работает плохо, и 7,5 % – очень плохо.

Сравнительно небольшая доля респондентов считает, что полиция справляется с преступностью успешно или относительно успешно. Всего 11,3 % отвечающих оценивают работу полиции как успешную (1,6 %) или относительно успешную (9,7 %).

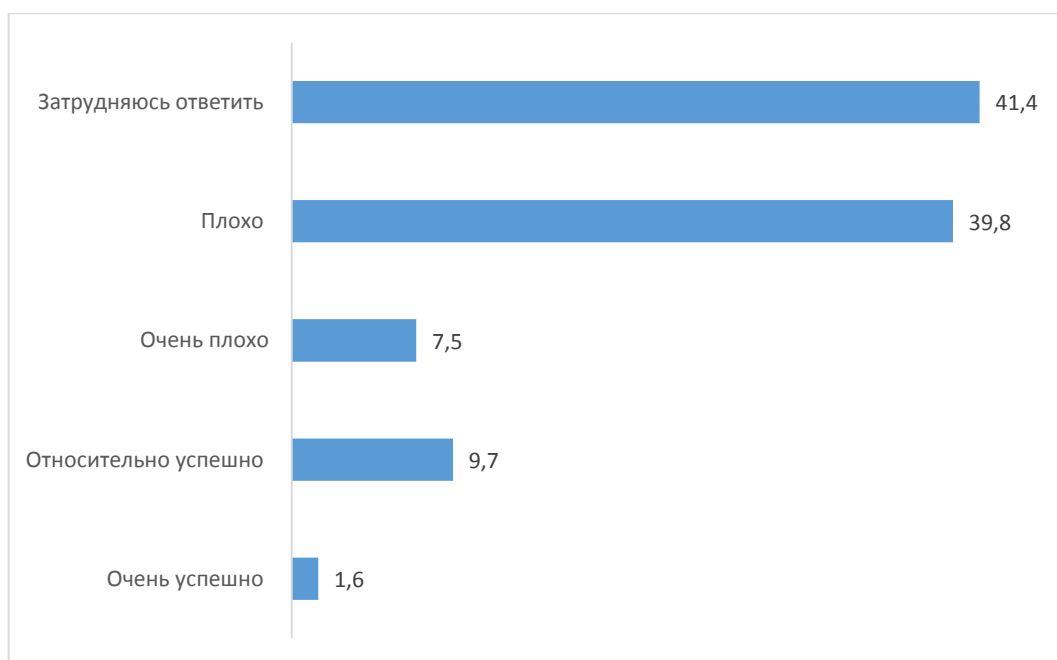

Рисунок 29 – Насколько успешно полиция предотвращает совершаемые преступления в том месте, где Вы постоянно проживаете? (%)

Внушительная часть респондентов (41,4 %) затруднились ответить на вопрос. Это может говорить о неопределенности общественного мнения, отсутствии информации о работе полиции или о нежелании высказывать свое мнение по данной теме.

В целом, представленные результаты могут свидетельствовать о недоверии к полиции или неэффективности ее работы в местах постоянного проживания респондентов.

Большинство респондентов (65,8 %) указывают, что они «часто» или «очень часто» слышали о проявлении уважения к гражданам со стороны правоохранительных органов (Рисунок 30). Это указывает на общепринятую конвенциональность уголовного наказания, при которой считается, что правоохранительные органы должны обращаться с гражданами с уважением.

В то же время значительная часть респондентов (34,2 %) отмечает, что они «не часто» или «совсем не часто» слышат о проявлении уважения к гражданам со стороны правоохранительных органов. Это говорит о доминировании стратификационных факторов в конвенциональности

уголовного наказания, где определенные группы могут иметь разные восприятия уровня уважения со стороны правоохранительных органов.

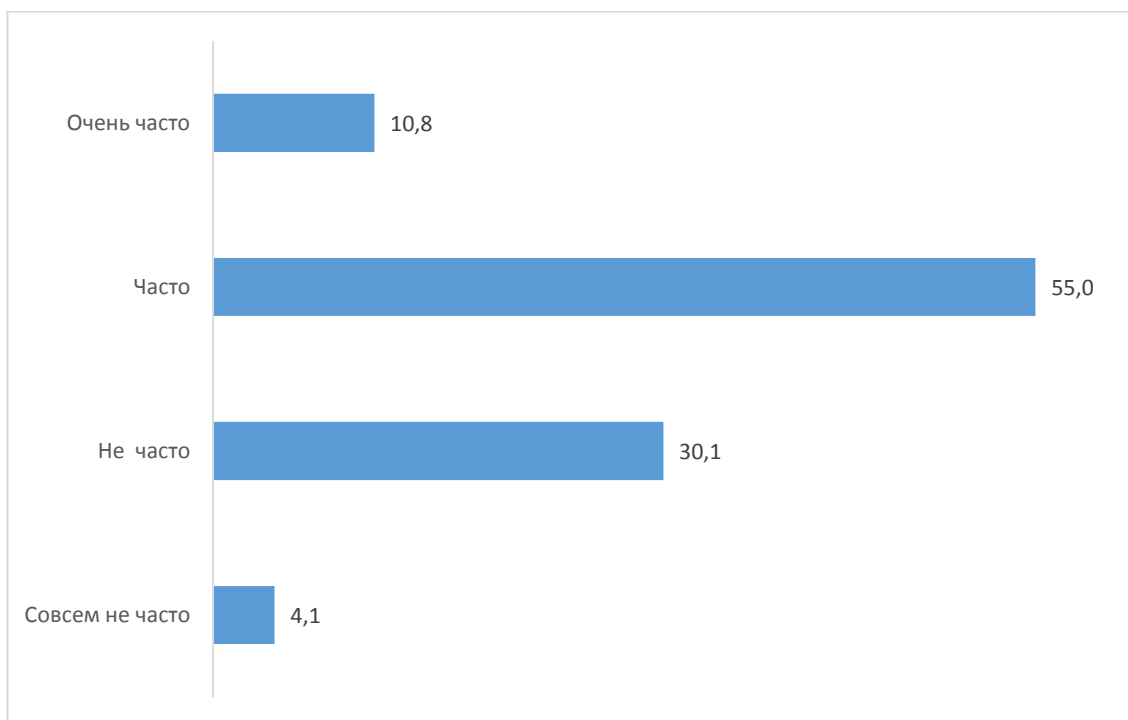

Рисунок 30 – Как часто Вы слышите о проявлении уважения к населению со стороны правоохранительных органов? (%)

Более половины респондентов (61 %) полагают, что правоохранительные органы «часто» или «очень часто» принимают справедливые и беспристрастные решения (Рисунок 31). В общественном сознании существует представление о конвенциональности уголовного наказания, в рамках которого справедливость и беспристрастность важны для деятельности правоохранительных органов.

Однако 39 % респондентов считают, что правоохранительные органы «не часто» или «совсем не часто» принимают справедливые и беспристрастные решения. Полученные данные говорят о потенциальной важности стратификационных факторов в структуре конвенциональности уголовного наказания.

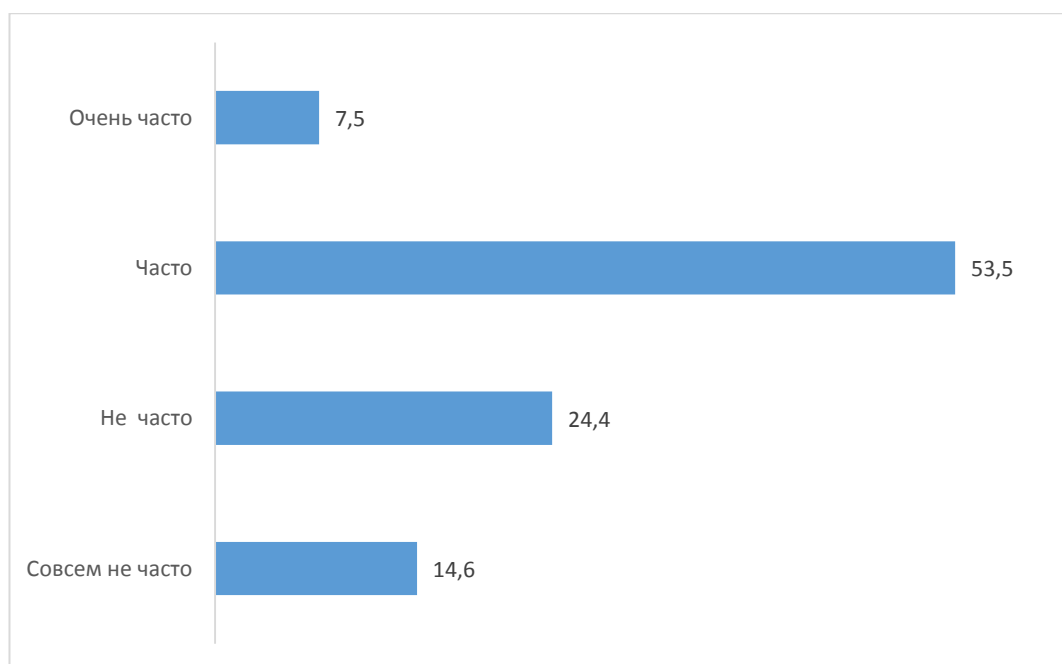

Рисунок 31 – Как часто правоохранительные органы принимают справедливые и беспристрастные решения? (%)

Большая часть респондентов (72,4 %) отмечает, что правоохранительные органы страны не часто или совсем не часто объясняют свои решения и действия (Рисунок 32).

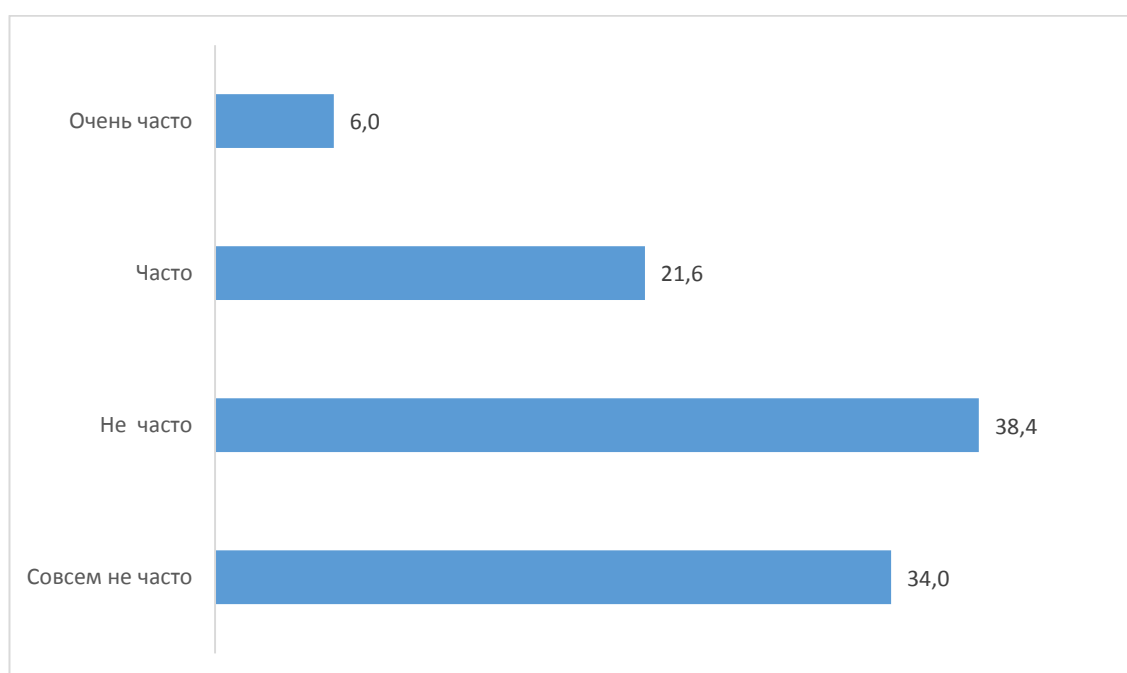

Рисунок 32 – Насколько часто правоохранительные органы объясняют свои решения и действия широкой общественности? (%)

Это может указывать на проблемы в восприятии конвенциональности уголовного наказания. Понятность и прозрачность решений правоохранительной системы являются важными факторами для формирования общественного доверия к уголовной системе.

Только 27,6 % респондентов считают, что полиция «часто» или «очень часто» объясняет свои решения и действия широкой общественности. Это может указывать на то, что существует относительно небольшая группа людей, которые имеют положительный опыт взаимодействия с полицией или лучше понимают механизмы ее работы. При наличии таких значительных различий во восприятии полицейской работы это может указывать на существование стратификационных факторов в конвенциональности уголовного наказания.

Подобное влияние может быть связано с различными социально-демографическими переменными (такими, как возраст, пол, этническая принадлежность, уровень образования и т. д.), которые могут влиять на восприятие работы полиции и уголовной системы в целом.

Данные таблицы 19 показывают, что независимо от уровня образования большинство респондентов считают, что правоохранительные органы редко объясняют свои действия и решения широкой общественности. Прослеживается небольшая тенденция к тому, что с ростом образования процент тех, кто считает, что правоохранительные органы «совсем не часто» объясняют свои решения, увеличивается (15,2 % для основного образования против 17,4 % для высшего образования). Это может говорить о более высоких ожиданиях в отношении транспарентности и ответственности у лиц с более высоким уровнем образования.

Процент тех, кто «затрудняется ответить», снижается с ростом уровня образования (8,2 % для основного образования против 4,1 % для высшего образования). Это может свидетельствовать о более высоком уровне

осведомленности или уверенности в своем мнении у респондентов с более высоким уровнем образования.

Таблица 19 – Восприятие объяснения решений и действий правоохранительными органами в зависимости от уровня образования респондентов, %

Вопрос	Вариант ответа	Уровень образования:		
		Основное общее образование	Среднее образование	Высшее образование
Насколько часто правоохранительные органы объясняют свои решения и действия широкой общественности	Совсем не часто	15,2	16,3	17,4
	Не часто	39,3	46,6	45,6
	Часто	27,9	25,6	24,8
	Очень часто	9,4	6,2	8,1
	Затрудняюсь ответить	8,2	5,2	4,1

В целом, данные подчеркивают важность прозрачности и открытости действий правоохранительных органов. Более прозрачная система, которая активно и четко объясняет свои действия общественности, могла бы улучшить восприятие уголовного наказания и усилить доверие к правоохранительным органам.

Большинство респондентов во всех возрастных группах считают, что правоохранительные органы редко объясняют свои решения и действия широкой общественности. Это указывает на возможное восприятие непрозрачности или недоступности информации о действиях правоохранительных органов. Респонденты в возрастной группе 26–35 лет наиболее скептически по отношению к объяснениям правоохранительных органов – 53,2 % из них считают, что они «не часто» это делают (Таблица 20). С другой стороны, самый высокий процент среди тех, кто считает, что правоохранительные органы объясняют свои действия «очень часто», наблюдается среди респондентов старше 55 лет – 8,5 %.

Таблица 20 – Восприятие объяснения решений и действий правоохранительными органами в зависимости от возраста респондентов, %

Насколько часто правоохранительные органы объясняют свои решения и действия широкой общественности	Возраст респондентов:			
	18–25 лет	26–35 лет	36–55 лет	Старше 55 лет
Совсем не часто	15,7	13,9	18,6	16,0
Не часто	43,5	53,2	44,4	43,1
Часто	31,5	25,3	24,4	26,1
Очень часто	5,6	4,8	6,9	8,5
Затрудняюсь ответить	3,7	2,7	5,7	6,3

Процент респондентов, которые «затрудняются ответить», увеличивается с возрастом респондентов, достигая максимума среди тех, кому старше 55 лет – 6,3 %. Это может указывать на более высокий уровень неопределенности или недостаток информации среди старших респондентов.

В целом, данные подчеркивают важность усиления прозрачности и доступности информации о действиях правоохранительных органов для широкой общественности, особенно с учетом возрастных различий в восприятии.

Гендерные различия в исследовании стратификационных факторов уголовного наказания представляют собой важную область исследований в социологической науке. Они оказывают значительное влияние на процессы социальной стратификации в современном обществе. В социологическом исследовании стратификационных факторов уголовного наказания гендерные различия играют роль в нескольких аспектах. Во-первых, они отражают социальные роли и стереотипы, которые связаны с гендерными характеристиками в обществе. Гендерные стереотипы могут оказывать влияние на то, каким образом правоохранительные органы воспринимают преступления, а также каким образом суды назначают наказание. Это может приводить к систематическим различиям в обращении с мужчинами и женщинами в системе уголовного судопроизводства.

Гендерные различия также могут быть связаны с социально-экономическим неравенством, которое играет роль в стратификации уголовного наказания. Многочисленные эмпирические исследования показывают, что женщины часто оказываются в более уязвимом положении в обществе и подвержены экономическим трудностям. Это может влиять на их вовлеченность в преступную деятельность и вероятность получения более сурового наказания. Кроме того, гендерные неравенства также могут приводить к более низкому уровню доступа к ресурсам, таким, как юридическая помощь, что осложняет процесс защиты прав и интересов женщин в системе уголовного правосудия.

Гендерные различия также могут быть связаны с культурными и социальными факторами, которые формируют представления о преступности и наказании в обществе. Стереотипы о мужской агрессии и женской уязвимости могут повлиять на восприятие преступлений, выбор наказания и применение санкций. Зарубежные криминологические исследования показывают, что для женщин часто характерны более мягкие наказания, такие, как условное осуждение, в то время как мужчины склонны получать более суровые санкции, включая лишение свободы. Это свидетельствует о наличии гендерных неравенств и дискриминации в системе уголовного судопроизводства.

Кроме того, гендерные различия в исследовании стратификационных факторов уголовного наказания позволяют более полно понять динамику преступности и изменения в криминальных тенденциях. Изучение социальных ролей и ожиданий, связанных с полом преступника и/или жертвы, может помочь исследователям разобраться в том, какие факторы могут способствовать преступности у мужчин и женщин, а также почему некоторые виды преступлений более распространены у одного пола, чем у другого.

В целом, как для мужчин, так и для женщин, большинство респондентов не полностью согласны с утверждением о том, что

правоохранительные органы отстаивают ценности обычных граждан. Это указывает на существенный уровень недоверия в отношении правоохранительных органов (Рисунок 33).

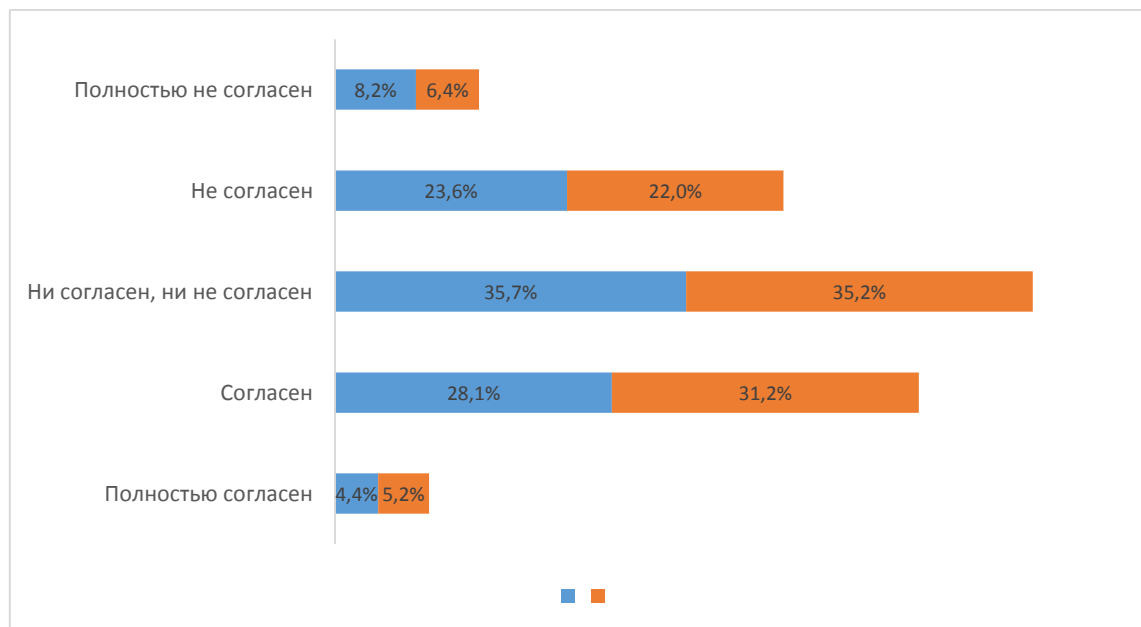

Рисунок 33 – Восприятие уверенности в том, что правоохранительные органы отстаивают ценности обычных граждан в зависимости от гендерной принадлежности респондентов (%)

Отношение мужчин и женщин к данному утверждению в целом схоже. Проценты согласия, несогласия и нейтрального отношения к утверждению практически одинаковы для обоих полов. Небольшое преобладание процентов согласия по сравнению с процентами несогласия может указывать на то, что, несмотря на определенную недоверчивость, существует признание важности роли правоохранительных органов в обществе, хотя она может быть недостаточно конвенциональной.

В целом, представленные данные подчеркивают сложность восприятия роли правоохранительных органов в обществе и указывают на необходимость усилий для улучшения отношений между обществом и правоохранительными органами.

Большинство респондентов не полностью согласны с утверждением, что полиция имеет такие же представления о правильном и неправильном, как они (Рисунок 34). Существенная часть опрошенных (35, %) занимает нейтральную позицию, что может указывать на некоторую неопределенность во взглядах на этот вопрос. Вместе с тем примерно равное количество людей выражают согласие (31,6 %) и несогласие (21,0 %) с данной точкой зрения. Это свидетельствует о том, что в обществе есть существенные различия во взглядах на данный вопрос. Меньший процент респондентов (6,8 %) полностью не согласны с утверждением о том, что полиция имеет такие же представления о правильном и неправильном, как они.

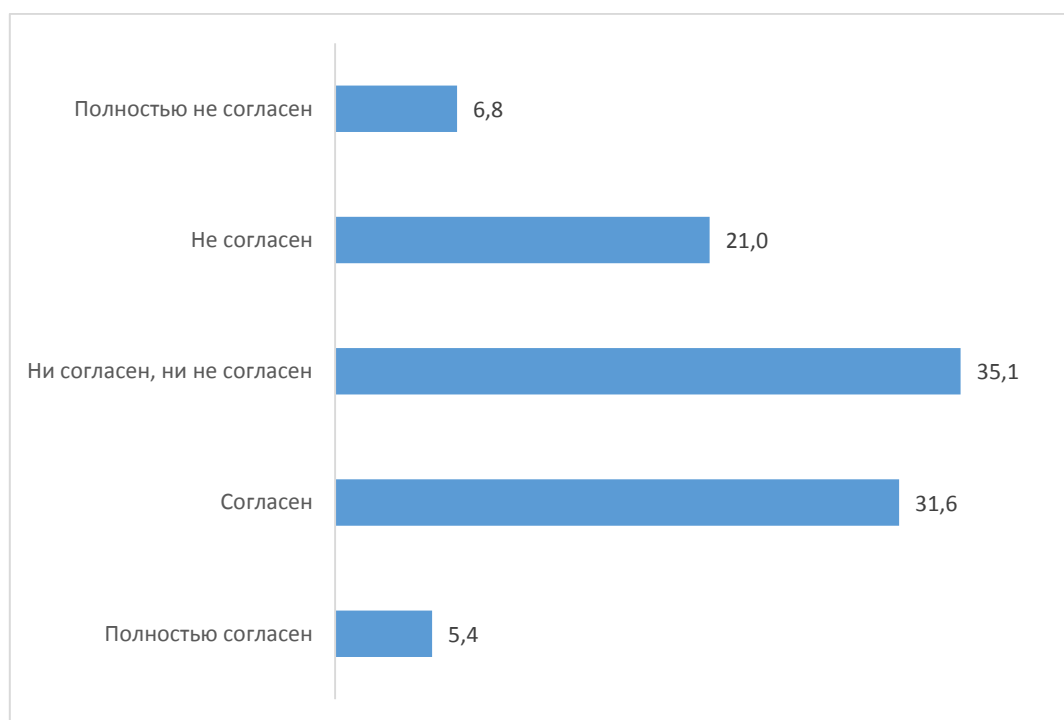

Рисунок 34 – Насколько Вы согласны со следующим утверждением: «У полиции такие же представления о правильном и неправильном, как и у меня»? (%)

В целом данные исследования указывают на то, что у респондентов существует значительная неопределенность и разногласия по вопросу о схожести представлений общества и полиции о правильном и неправильном.

Следующий блок инструментария исследования содержал оценки респондентов деятельности судебной системы в стране.

Большинство респондентов (60,5 %) выразили нейтральное мнение относительно работы судебной системы, отметив, что она функционирует «ни хорошо, ни плохо» (Рисунок 35). Это может указывать на некоторую амбивалентность и неопределенность в оценке работы судебной системы со стороны населения.

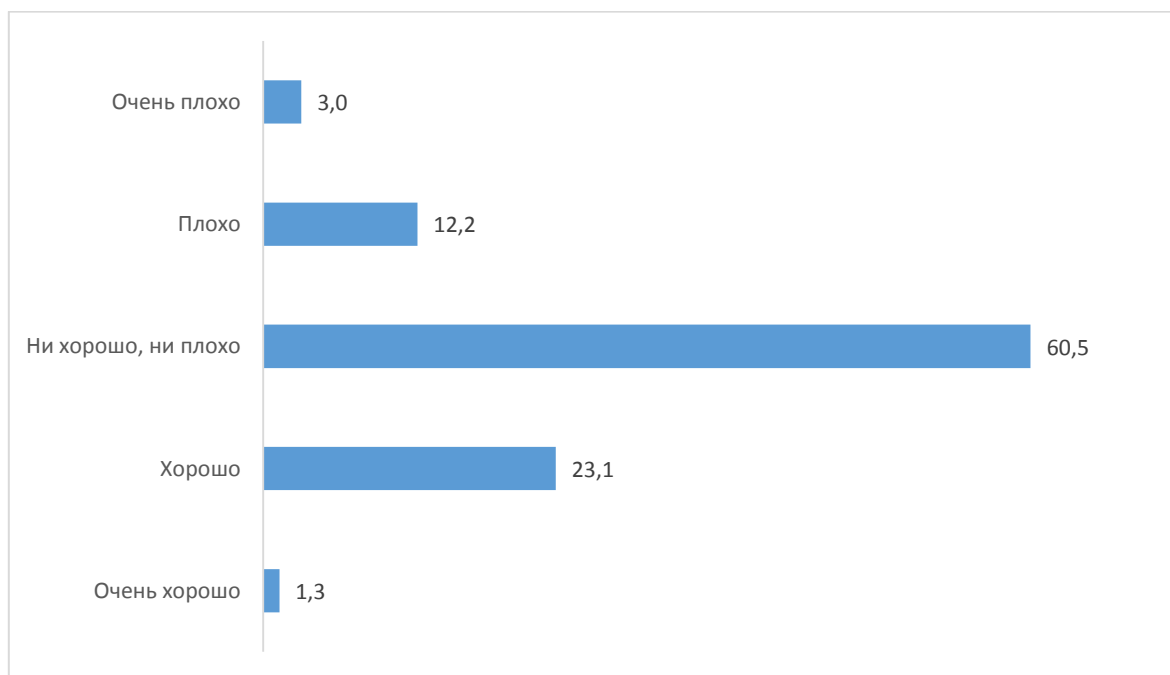

Рисунок 35 – Как Вы можете оценить работу судебной системы? (%)

Значительная часть респондентов (23,1 %) считают, что работа судебной системы выполняется «хорошо», что говорит об определенном признании эффективности и справедливости работы судов среди респондентов.

Относительно небольшая доля респондентов (12,2 %) выразили негативное мнение и оценили работу судебной системы как «плохо». Это может указывать на недовольство и неудовлетворенность некоторых людей работой судов и их способностью обеспечивать справедливость и правовую защиту.

Небольшая доля респондентов (1,3 %) считает, что работа судебной системы выполняется «очень хорошо», в то время как еще меньшая часть (3,0 %) назвали ее работу «очень плохой». Это указывает на то, что есть группа людей, имеющая ярко выраженные мнения и крайние точки зрения относительно работы судебной системы.

В целом, данные позволяют сделать вывод, что оценка работы судебной системы разнообразна и варьируется от нейтральной и амбивалентной позиции до положительной и отрицательной оценки. Результаты исследования подчеркивают необходимость дальнейшего анализа и изучения факторов, влияющих на общественное мнение о работе судебной системы, и их влияния на доверие к ней и легитимность правосудия.

У большинства респондентов нейтральное отношение к работе судов, возможно, связанное с ограниченным опытом и непосредственным знакомством с судебной системой (Рисунок 36).

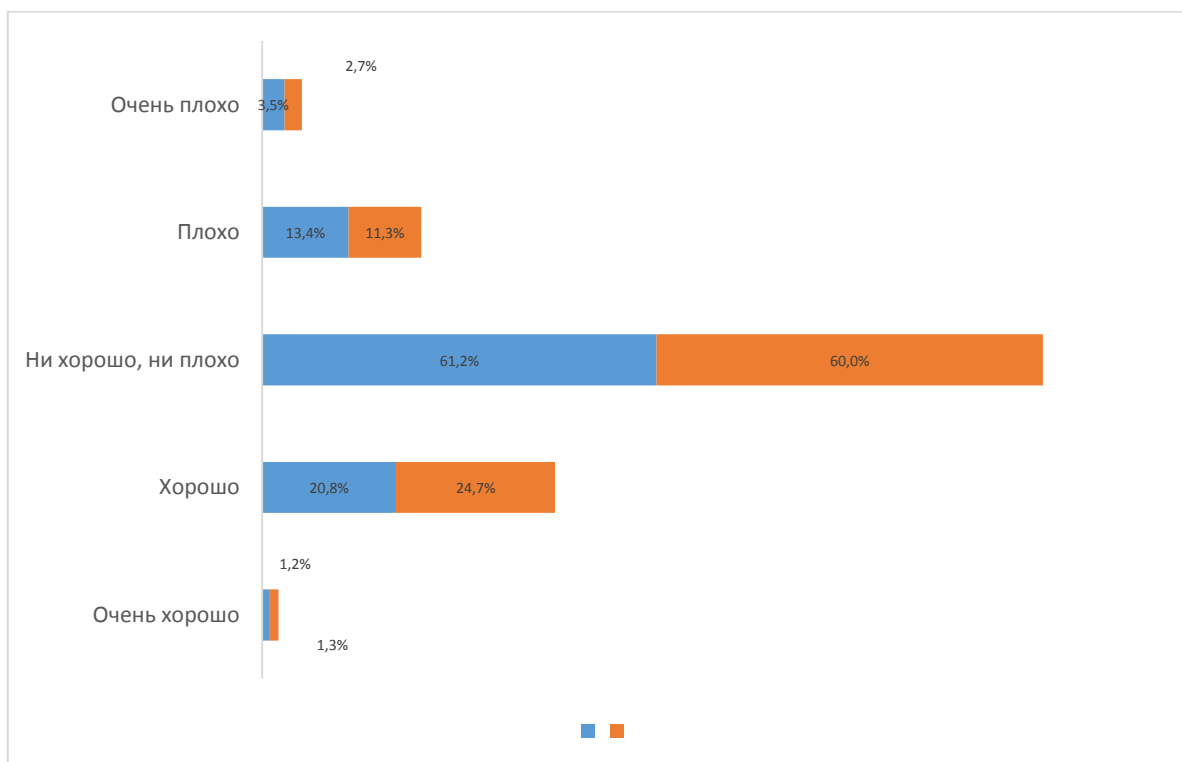

Рисунок 36 – Оценка работы судебной системы в зависимости от гендерной принадлежности респондентов (%)

Значительная доля участников исследования, как мужчин (13,4 %), так и женщин (11,3 %), «плохо» оценили функционирование судебной. Относительно небольшая доля респондентов (1,2 % мужчин и 1,3 % женщин) оценивают работу судебной системы как «очень хорошую». Процент респондентов, оценивающих работу судебной системы как «очень плохую», невысок как среди мужчин (3,5 %), так и среди женщин (2,7 %). Это может указывать на то, что малая часть респондентов обоих полов имеет крайне негативное отношение к работе судов.

В целом, результаты исследования подчеркивают проблему недоверия и недовольства работой судебной системы в современном российском обществе, особенно среди людей с высшим образованием (Таблица 21).

Таблица 21 – Оценка функционирования судебной системы
в зависимости от уровня образования респондентов, %

Как Вы можете оценить работу судебной системы?	Уровень образования:		
	Основное общее образование	Среднее образование	Высшее образование
Очень хорошо	3,3	1,0	1,2
Хорошо	32,4	21,9	22,0
Ни хорошо, ни плохо	54,4	61,8	60,1
Плохо	8,3	12,1	13,8
Очень плохо	1,7	3,3	3,0

Наемные работники и самозанятые лица выражают схожее отношение к работе судов, где большинство оценивает ее как «ни хорошую, ни плохую» (Таблица 22). Таким образом, различия в типе занятости не сильно влияют на восприятие работы судов. Индивидуальные предприниматели отличаются в оценке работы судебной системы. Значительная доля индивидуальных предпринимателей оценивает работу судов как «хорошую» или «очень хорошую», одновременно выделяясь в категории, которая оценивает ее как «плохую» или «очень плохую». Это может быть связано с особенностями и

опытом предпринимательской деятельности и взаимодействия с судебной системой в связи с бизнес-процессами и правовыми вопросами.

Таблица 22 – Оценка функционирования судебной системы в зависимости от типа занятости респондентов, %

Как Вы можете оценить работу судебной системы?	Тип занятости:		
	Наемный работник	Самозанятый	Индивидуальный предприниматель
Очень хорошо	1,1	3,0	
Хорошо	22,4	20,8	33,3
Ни хорошо, ни плохо	61,2	62,4	33,3
Плохо	12,3	7,9	22,2
Очень плохо	3,0	5,9	11,1

Большинство респондентов из различных категорий работников оценивают работу судебной системы как «ни хорошо, ни плохо». Это указывает на наличие нейтрального восприятия работы судов и возможную недостаточную уверенность в их конвенциональности. Наибольшая доля плохих и очень плохих оценок работы судов наблюдается среди индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц, что может свидетельствовать о трудностях, с которыми они сталкиваются при взаимодействии с судебной системой.

Далее респондентам был предложен вопрос о частоте ошибок судебной системы, которые позволяют виновным людям оставаться на свободе. Вопрос закодирован 10-балльной шкалой, где оценка 1 соответствует «никогда» и 10 – «постоянно». Процент людей, которые не верят в то, что суды никогда не допускают ошибок, составляет всего 0,4. Это говорит о том, что общественное доверие к судебной системе и ее непогрешимости находится на низком уровне.

Процент респондентов, выбравших пять баллов на шкале от «Никогда» до «Постоянно», составляет 34,3 %. Это наиболее часто встречающийся

ответ среди респондентов, что позволяет предположить, что большинство людей видят ситуацию с ошибками судов в рамках медианы шкалы – ошибки случаются, но не всегда. С другой стороны, значительная часть респондентов дала оценку шесть и выше, что указывает на то, что эти люди считают, что суды достаточно часто допускают ошибки. Так, около 32,2 % выбрали оценку шесть и выше. Это показывает, что у большого количества людей существует недоверие к судебной системе, и они считают, что суды не всегда справедливо оценивают вину и наказание. Интересным является и тот факт, что 16 % респондентов не смогли дать определенный ответ на вопрос. Это может быть связано с неуверенностью в своих знаниях об уровне ошибок в судебной системе или же с отсутствием уверенности в своем мнении.

В целом полученные данные отражают общую тенденцию недоверия к судебной системе.

Далее участникам исследования был задан похожий вопрос о том, как часто суды принимают справедливые, беспристрастные решения на основе имеющихся доказательств. Закодирован данный вопрос аналогичным образом по 10-балльной шкале (Рисунок 37).

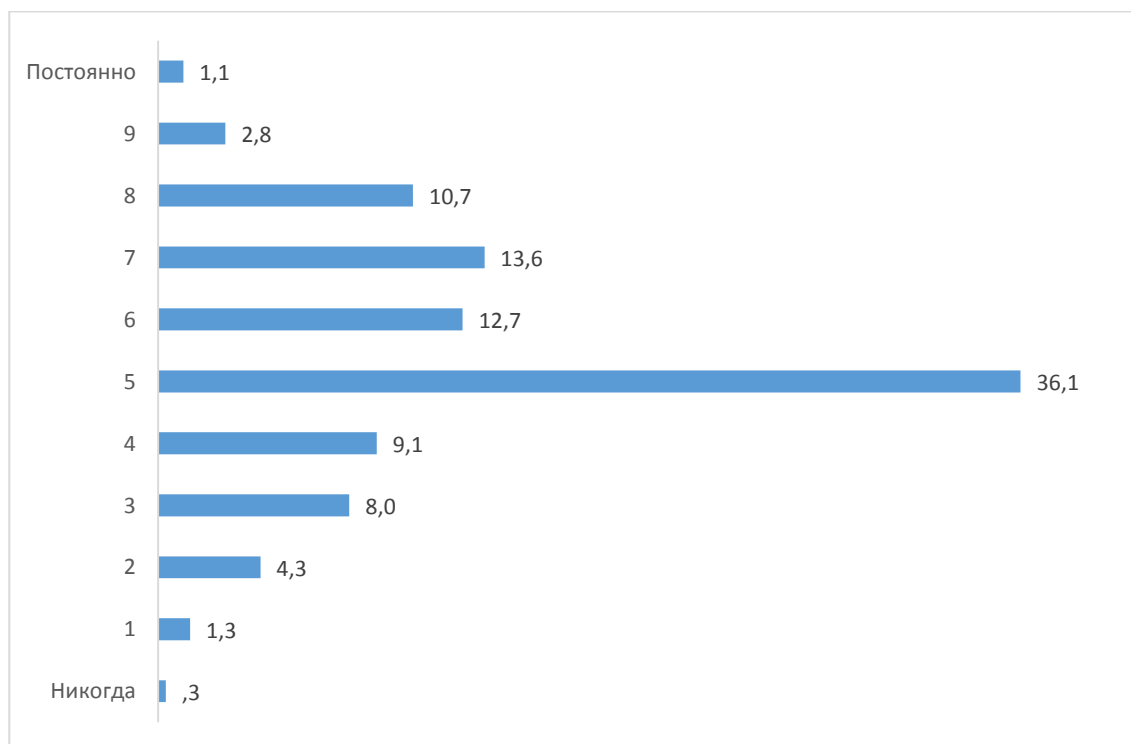

Рисунок 37 – Как часто суды принимают справедливые, беспристрастные решения

на основе имеющихся доказательств? (%)

Данные рисунка 37 указывают на разнообразие мнений и представлений о конвенциональности судебной системы среди населения. Доля респондентов, которые утверждают, что суды никогда или редко принимают справедливые решения, а также пропущенные ответы свидетельствуют о существовании некоторой неуверенности, недоверия или недостатка информации. Конвенциональность судебной системы имеет важное значение для поддержания доверия общества к правосудию. Результаты исследования отражают необходимость усиления доверия и содействия справедливому и беспристрастному функционированию судов.

Представленные результаты подчеркивают значимость справедливости и беспристрастности в работе судебной системы. Высокий процент респондентов, которые оценивают суды как принимающие справедливые решения (59,1 %), указывает на важность поддержания и укрепления доверия населения к судебной системе.

Результаты исследования показывают, что большинство респондентов (70,5%) уверены, более бедный человек с большей вероятностью будет признан виновным в суде (Рисунок 38).

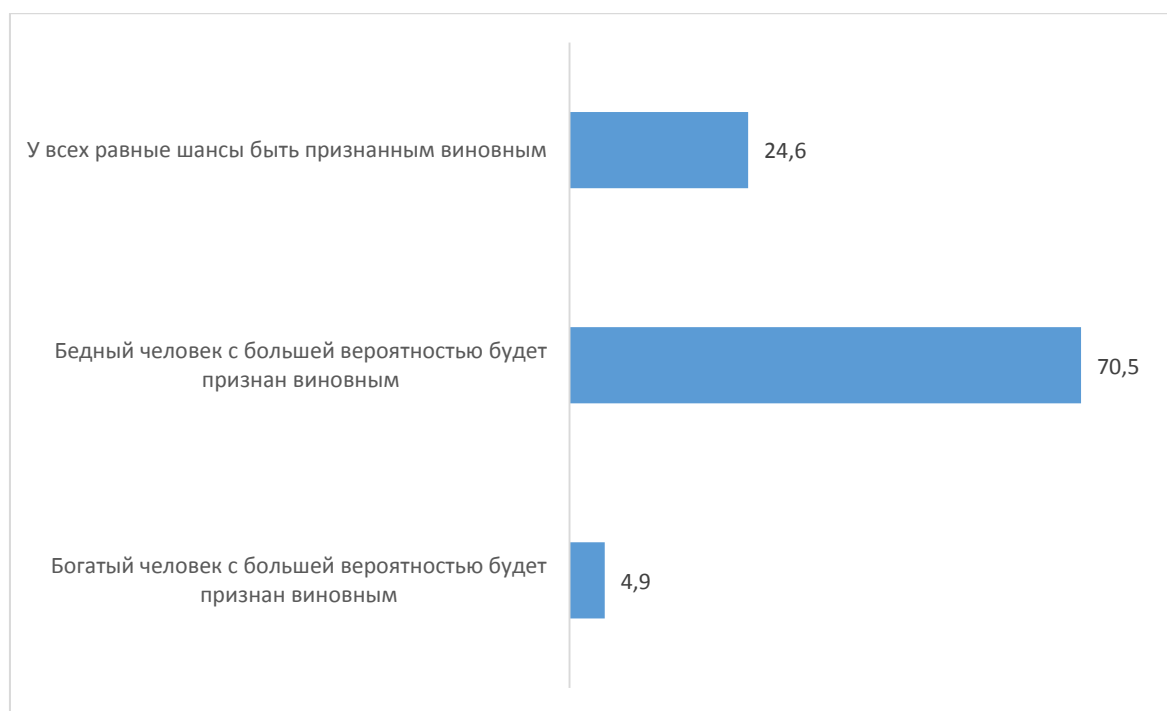

Рисунок 38 – Как Вы думаете, у кого больше шансов быть признанным виновным:

у богатого человека или у нуждающегося человека? (%)

Это указывает на восприятие наличия социального неравенства в системе уголовного судопроизводства и предвзятости в отношении нуждающихся людей.

Сравнительно небольшая доля респондентов (4,9 %) полагают, что богатый человек с большей вероятностью будет признан виновным. Четверть респондентов (24,6 %) считают, что у всех равные шансы быть признанными виновными. Это может свидетельствовать о восприятии отсутствия систематической предвзятости в отношении богатых или нуждающихся людей.

Результаты исследования указывают на возможные проблемы с конвенциональностью системы уголовного правосудия. Высокий процент респондентов, считающих, что бедные люди с большей вероятностью будут признаны виновными, свидетельствует о восприятии неравенства и возможной предвзятости в отношении нуждающихся людей. Наличие неравных шансов в системе уголовного правосудия может усиливать социальное неравенство и создавать преграды для тех, кто испытывает финансовые трудности или находится в уязвимом положении.

Возраст респондентов может отражает их социальный контекст и опыт, что влияет на восприятие конвенциональности уголовного наказания. Результаты исследования показывают, что восприятие вероятности признания виновным различается в зависимости от возраста респондентов (Таблица 23). Большинство респондентов во всех возрастных группах считают, что бедный человек с большей вероятностью будет признан виновным.

Таблица 23 – Субъективная оценка вероятности признания виновным
в зависимости от возраста респондентов, %

Вопрос	Вариант ответа	Возраст респондентов:			
		18–25 лет	26–35 лет	36–55 лет	Старше 55 лет
У кого больше шансов быть признанным	Богатый человек с большей вероятностью будет признан виновным	5,1	4,4	6,2	3,9

виновным: у богатого человека или у нуждающегося человека	Бедный человек с большей вероятностью будет признан виновным	73,5	71,5	68,2	71,6
	У всех равные шансы быть признанным виновным	21,4	24,1	25,6	24,5

Данные таблицы 23 указывают на наличие различий в восприятии конвенциональности в зависимости от возраста респондентов. Например, молодые респонденты (18–25 лет) чаще склонны считать, что все имеют равные шансы быть признанными виновными по сравнению с более старшими возрастными группами.

Далее респондентам был предложен вопрос о том, как часто судьи берут взятки (Рисунок 39). Закодирован данный вопрос аналогичным образом по 10-балльной шкале.

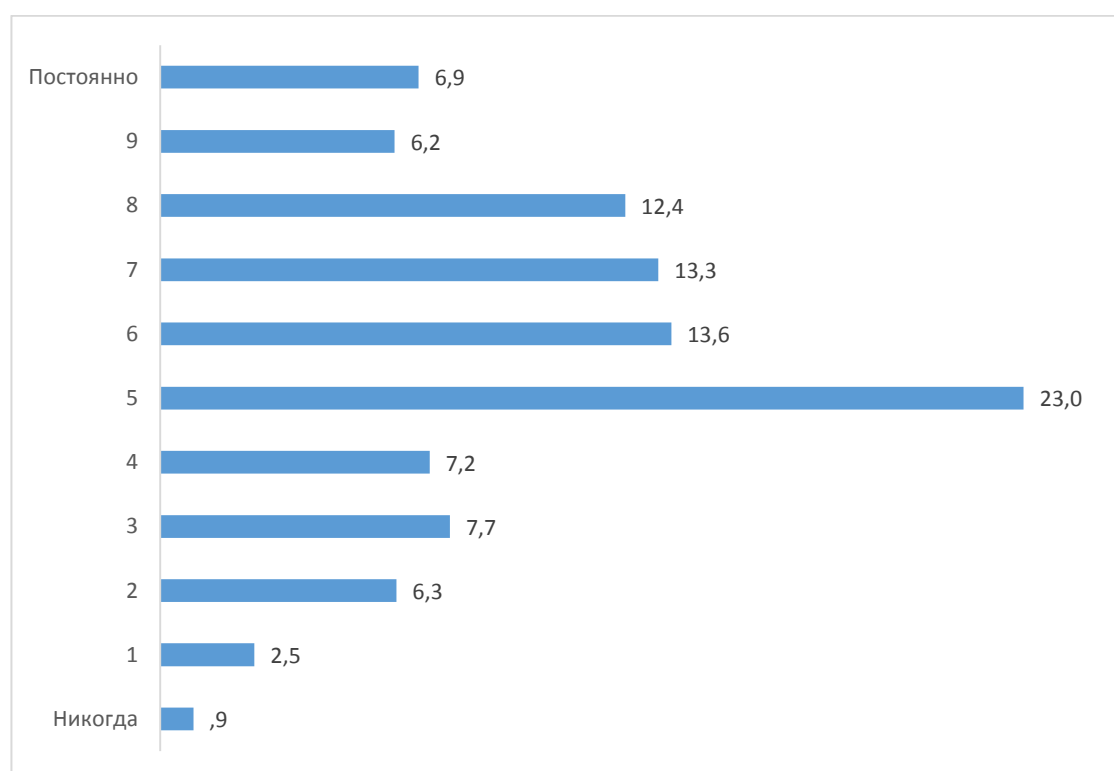

Рисунок 39 – Как часто судьи берут взятки? (%)

Анализ данных рисунка 39 предоставляет глубокое понимание стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания, особенно в контексте коррупционности судей. Конвенциональность в данном контексте относится к предполагаемой обыденности или распространенности

определенных практик в уголовном судопроизводстве. В частности, результаты указывают на широко распространенное мнение о том, что судьи часто берут взятки.

Самый высокий процент ответов (23,0 %) укладывается в среднюю категорию пять по десятибалльной шкале, что указывает на то, что значительное количество респондентов считают эту проблему достаточно распространенной. Такое распределение ответов свидетельствует о высокой степени конвенциональности такого явления, как коррупция в судебской среде.

Значительная часть респондентов выбрали значения от 6 до 9, что также свидетельствует о высоком уровне недоверия к судебной системе и предположении о высокой степени коррупции в ней. Дополнительно 6,9 % респондентов отметили, что судьи берут взятки «постоянно», что указывает на наличие крайне негативных представлений о судебной системе.

Важно понимать, что представленные результаты исследования отражают восприятие людей, а не объективные факты. Несмотря на это, существующее мнение о высокой степени коррупции в судебной системе подрывает доверие общества к правоохранительным органам и может оказывать негативное влияние на общественный порядок и уровень преступности.

Следует также отметить, что наличие такого восприятия судебной системы может быть обусловлено множеством факторов, включая отсутствие прозрачности в работе судебных органов, проблемы с обеспечением справедливого доступа к суду и недостаточное информирование общества о работе судебной системы.

В целом, существующее общественное восприятие уровня коррупции в судебной системе является проблемой, требующей немедленного решения. При этом следует учитывать стратификационные факторы конвенциональности уголовного наказания и осознавать, что любые усилия по борьбе с коррупцией должны быть адаптированы к специфике отдельных

социальных групп. Кроме того, следует учесть, что влияние такого восприятия на доверие общества к правоохранительным органам и судебной системе в целом может иметь долгосрочные последствия и отрицательно сказаться на общественном порядке и социальной стабильности.

Оценка конвенциональности судебной системы, основанная на утверждении о защите богатых и власть имущих, отражает уровень доверия населения к судебной системе (Рисунок 40). Если большинство респондентов считает, что суды не защищают простых людей, это может подорвать доверие и восприятие судов как непредвзятых и справедливых институтов.

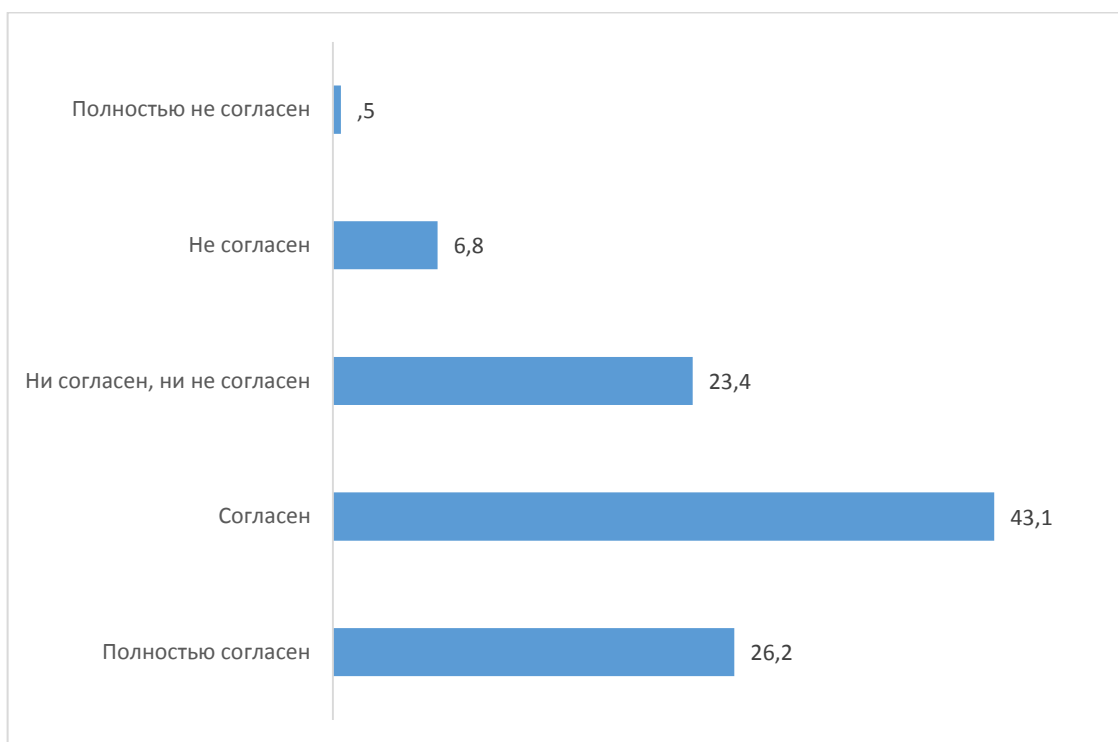

Рисунок 40 – Насколько Вы согласны со следующим утверждением:
«Суды защищают богатых и власть имущих, а не простых людей»? (%)

Высокий процент респондентов, которые согласны или полностью согласны с утверждением о симпатиях к богатым и власть имущим, указывает на необходимость укрепления независимости судов и обеспечения их непредвзятости и беспристрастности в принятии решений.

Уверенность в том, что суды защищают богатых и власть имущих, может негативно повлиять на легитимность и авторитет судебной системы в глазах общества. Если общественное мнение относительно конвенциональности судов отрицательно, это снижает доверие к правосудию и стабильность правового порядка.

Результаты исследования подчеркивают важность прозрачности и открытости в работе судебной системы. Предоставление понятной информации о судебных процедурах и принципах способствует снижению восприятия предубежденности и неравенства в судебных решениях.

Конвенциональность в данном контексте можно интерпретировать как общественное согласие с окончательным вердиктом суда, независимо от индивидуальных убеждений или мнений (Рисунок 41). Самым большим процентом отвечающих (47,0 %) являются те, кто согласен с утверждением, что каждый обязан поддержать окончательный вердикт суда.

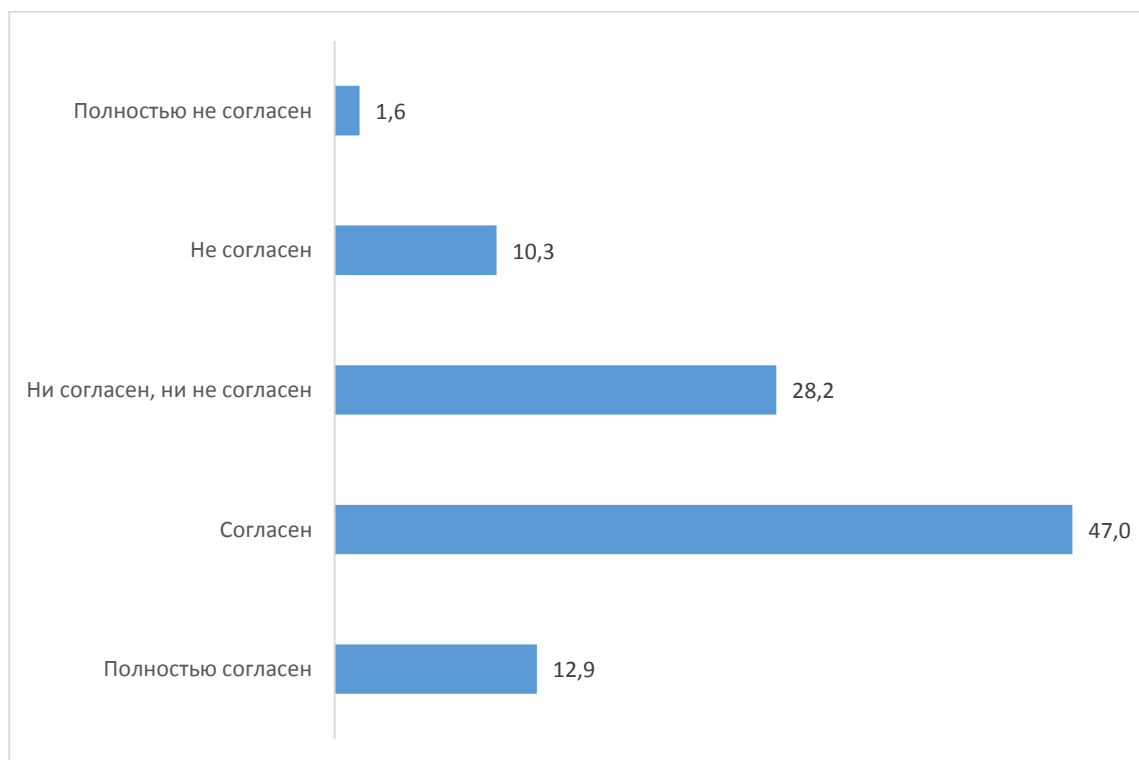

Рисунок 41 – Насколько Вы согласны со следующим утверждением:
«Каждый обязан поддержать окончательный вердикт суда»? (%)

Это указывает на значительную степень доверия к судебной системе и признание ее авторитета. Однако стоит отметить, что это не полное согласие, что может говорить о наличии определенных сомнений или оговорок. 12,9 % полностью согласны с данным утверждением. Это говорит о том, что небольшой процент населения безоговорочно принимает решения суда, полагая, что они всегда справедливы и не подлежат обсуждению.

С другой стороны, 28,2 % респондентов не могут определиться, согласны они с утверждением или нет. Это может свидетельствовать о сложности вопроса и о том, что многие люди могут испытывать затруднения в формировании четкого мнения по данной теме. Возможно, они видят как справедливые, так и несправедливые решения суда и поэтому не могут однозначно согласиться с утверждением.

Наконец, 10,3 % не согласны и 1,6 % полностью не согласны с утверждением. Это указывает на то, что некоторая часть населения не считает обязательным поддерживать окончательный вердикт суда. Это может быть связано с недоверием к судебной системе, субъективным восприятием справедливости или личным опытом.

В целом, полученные данные демонстрируют то, что большинство людей признают авторитет судебной системы и считают, что их обязанностью является поддержка окончательного вердикта суда. Однако значительная часть населения испытывает затруднения в формировании четкого мнения по этому вопросу, что указывает на его сложность и многогранность. Меньшинство же открыто выражает несогласие, что может быть связано с различными факторами, включая недоверие к судебной системе и субъективное восприятие справедливости.

Эти выводы могут быть полезны для дальнейшего исследования вопросов конвенциональности в контексте уголовного наказания. Они могут помочь в понимании того, как общественное мнение формирует и влияет на

судебную систему, а также какие факторы могут влиять на уровень доверия к ней.

При этом анализ данных таблиц сопряженности данной переменной с социальным статусом респондента показал, что наибольшее количество несогласных с данным утверждением (31,6 % в подвыборке) обладают низким социальным положением в обществе.

Следующая переменная отражает общественное отношение к закону и соблюдению правовых норм. Для ее оценки был задан вопрос о том, все ли законы должны строго соблюдаться. Ответы на этот вопрос могут указывать на уровень конвенциональности в обществе и отражать моральные нормы и ценности, связанные с соблюдением законов или же правовым нигилизмом.

Большинство респондентов (75,9 %) либо полностью согласны, либо согласны с данным утверждением (Рисунок 42). Это указывает на то, что основная часть участников исследования верит в важность закона и считает, что его следует строго соблюдать. Это, в свою очередь, говорит о высоком уровне конвенциональности в отношении законов и уголовного наказания в обществе, что важно для поддержания общественного порядка и стабильности.

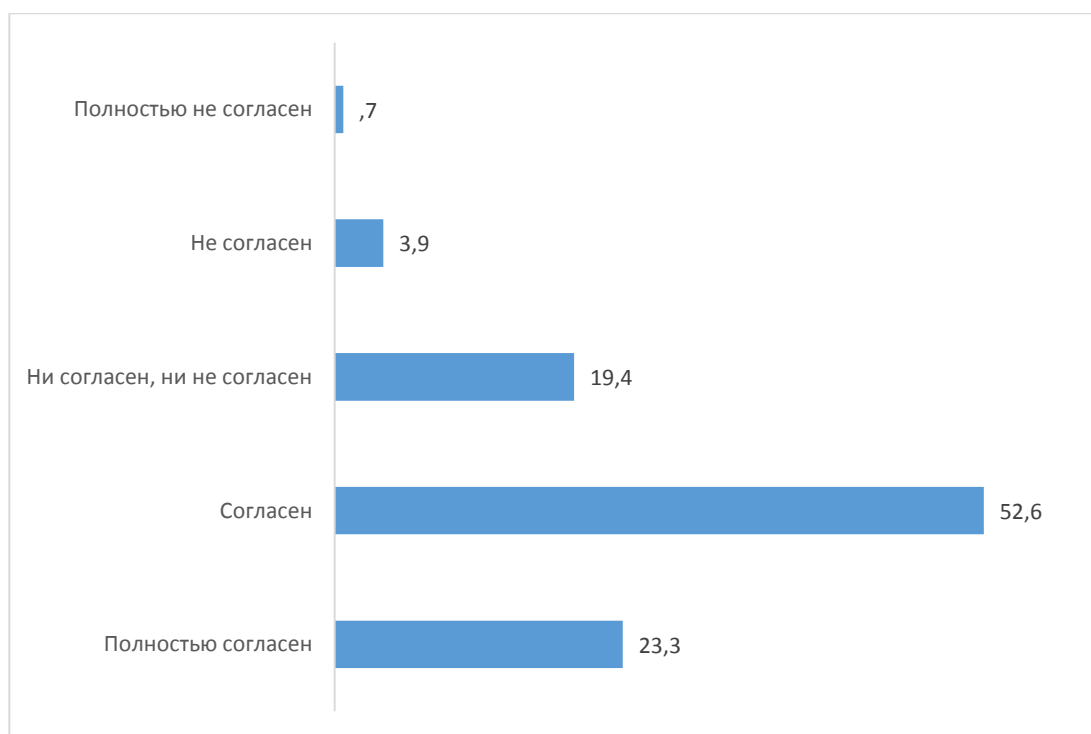

Рисунок 42 – Насколько Вы согласны со следующим утверждением:

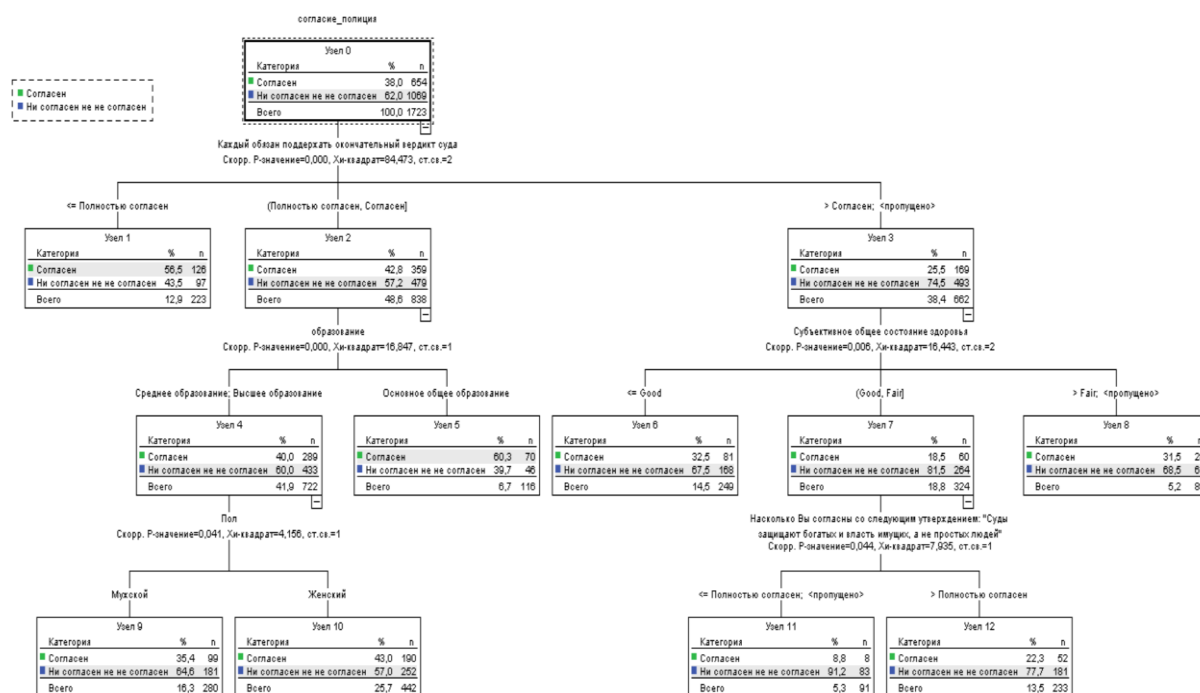
«Каждый обязан поддержать окончательный вердикт суда»? (%)

Однако важно отметить, что почти четверть респондентов (23,3 %) либо не согласны, либо не могут определиться со своей позицией. Это может указывать на существование недоверия или разногласий в отношении системы правоприменения, законов или их справедливости и/или выполнимости. Это является существенным индикатором, поскольку способствует выявлению возможных проблем в системе правосудия или в способах коммуникации законов и правил общественности.

Существует несколько факторов, которые могут объяснить причины, по которым некоторые люди могут быть несогласны с утверждением о строгом соблюдении всех законов. Во-первых, они могут считать, что некоторые законы несправедливы или не отражают современные общественные нормы и ценности. Во-вторых, население может испытывать недовольство из-за восприятия несправедливого применения законов, когда некоторые группы или индивиды, воспринимаются как обладающие привилегиями или иммунитетом от наказания.

Далее был выявлен и охарактеризован социальный портрет респондентов, поддерживающих действия правоохранительных органов, в частности полиции. Социальный портрет способствует пониманию того, как социальные факторы и контекст влияют на их конвенциональность. Социальные характеристики, такие, как возраст, пол, социальный статус, образование и т. д., могут оказывать влияние на восприятие и поддержку полицейских действий, позволяют исследовать уровень доверия общества к полиции и их роль в поддержании конвенциональности. Это дает возможность оценить эффективность деятельности полиции, понять причины доверия или недоверия к ее работе, выявить области для улучшения работы правоохранительных органов.

Для решения этой задачи был использован метод построения деревьев решений CHAID. Данный метод хорошо работает с категориальными переменными, которые часто используются при анализе социальных характеристик респондентов. Метод CHAID способен автоматически обнаруживать взаимодействия и зависимости между категориальными переменными. Это особенно важно при анализе социального портрета, поскольку такие взаимодействия могут оказывать влияние на конвенциональность и отношение к институту полиции. Метод также предоставляет результаты, которые легко интерпретировать и понять. Деревья решений, полученные с помощью CHAID, представляют собой иерархические структуры, где каждый узел – это категориальная переменная и условие разделения данных (Рисунок 43). Такая визуализация позволяет исследователям понять, какие социальные факторы влияют на поддержку полицейских действий, и идентифицировать ключевые группы респондентов.

Узел 8

Категория	%	n
Согласен	31,5	28
Ни согласен не не согласен	68,5	61
Всего	5,2	89

Рисунок 43 – Социальный портрет респондентов, поддерживающих деятельность института полиции в стране, метод CHAID

В результате анализа использовались различные независимые переменные, включая образование, возраст, социальный статус, удовлетворенность жизнью, состояние здоровья, пол, отношение к правосудию и род деятельности респондентов.

Основной упор исследования был сделан на выявление факторов, влияющих на согласие или несогласие респондентов с полицией. В результате построения дерева решений CHAID были получены 13 узлов и 8 конечных узлов. Каждый узел представляет собой определенную комбинацию значений независимых переменных, которая влияет на конвенциональность респондентов в отношении полиции.

Анализ выигрышей для узлов (Таблица 24) позволяет оценить влияние каждого узла на конвенциональность. Узлы с наибольшими выигрышами и откликами указывают на существенное влияние соответствующих переменных на конвенциональность респондентов. Узел 5 с высокими выигрышами и откликами указывает на то, что согласие с окончательным

вердиктом суда, образование, пол и отношение к системе уголовного судопроизводства являются наиболее существенными факторами, влияющими на конвенциональность в отношении института полиции.

Таблица 24 – Выигрыши для узлов

Узел	Узел		Выигрыш		Отклик	Индекс
	№	Проценты	«	Проценты		
5	116	6,7%	70	10,7%	60,3%	159,0%
1	223	12,9%	126	19,3%	56,5%	148,9%
10	442	25,7%	190	29,1%	43,0%	113,3%
9	280	16,3%	99	15,1%	35,4%	93,2%
6	249	14,5%	81	12,4%	32,5%	85,7%
8	89	5,2%	28	4,3%	31,5%	82,9%
12	233	13,5%	52	8,0%	22,3%	58,8%
11	91	5,3%	8	1,2%	8,8%	23,2%

Процент правильных предсказаний указывает на эффективность модели в предсказании конвенциональности респондентов на основе рассматриваемых переменных. Проведенный анализ позволяет сделать следующие содержательные выводы:

1. Факторы, влияющие на конвенциональность: результаты осуществленной классификации показывают, что образование, согласие с окончательным вердиктом суда, пол и отношение к судебной системе играют существенную роль в определении конвенциональности респондентов в отношении полиции.

2. Влияние образования: образование оказывает влияние на конвенциональность в отношении к институту полиции. Респонденты с высшим уровнем образования более склонны поддерживать полицию и соглашаться с окончательными вердиктами суда. Это может быть связано с более глубоким пониманием законов и правовых процессов.

3. Роль гендерных различий: пол также играет определенную роль в конвенциональности. Анализ осуществленной классификации показывает, что пол влияет на отношение к полиции. Хотя конкретные выводы могут различаться в зависимости от контекста и культурных особенностей, общая

тенденция указывает на то, что пол может быть фактором, влияющим на конвенциональность.

4. Влияние отношения к судебной системе: отношение респондентов к судам также имеет важное значение для их конвенциональности. Согласие с утверждением о защите богатых и власть имущих, а не простых людей, связано с более низкой конвенциональностью. Это может указывать на недоверие к судебной системе и восприятие ее несправедливости.

5. Классификация респондентов: типологизации на основе рассматриваемых переменных позволяет определить группы с разными уровнями конвенциональности.

Отношение респондентов к судебной системе также имеет существенное значение. Те, кто согласен с утверждением о защите богатых и власть имущих, а не простых людей, склонны проявлять более низкую конвенциональность. Это может свидетельствовать о недоверии к судебной системе и восприятии ее несправедливости, что может оказывать влияние на их отношение к полиции.

Конвенциональность уголовного наказания является важным аспектом социологического исследования, поскольку она отражает отношение общества к правовым нормам и санкциям. Результаты, полученные с помощью метода CHAID, предоставляют информацию о влиянии различных факторов на конвенциональность в отношении акторов правоприменительной деятельности.

Классификация респондентов на основе рассматриваемых переменных позволяет выделить группы с разными уровнями конвенциональности. Это важно для разработки целевых мер и политик, направленных на повышение конвенциональности в отношении полиции. Например, проведение образовательных программ или кампаний по просвещению может помочь в формировании более конвенционального отношения к полиции и укреплении доверия к системе уголовного судопроизводства.

Ключевой частью данного параграфа диссертационного исследования является выявление особенностей и характеристик отношения различных

социальных групп к уголовному наказанию в современном российском обществе.

Приговор, который большинство респондентов считают подходящим в гипотетической ситуации, когда 25-летний мужчина вторично совершил кражу со взломом, включает тюремное заключение (Рисунок 44).

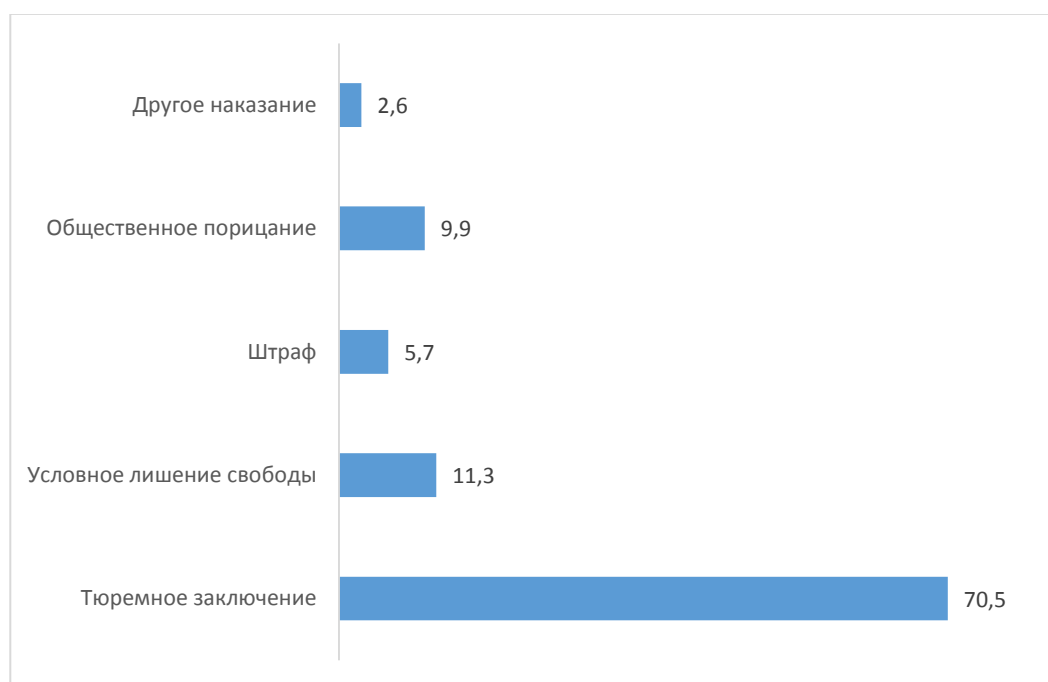

Рисунок 44 – Какой приговор должен быть вынесен в следующей ситуации:

25-летний мужчина совершил кражу со взломом во второй раз? (%)

Данный приговор получил поддержку 70,5 % респондентов. Это указывает на то, что большинство респондентов рассматривают тюремное заключение как соответствующий и эффективный способ уголовного наказания в данной ситуации.

Однако также следует отметить, что некоторая часть респондентов предложила другие виды наказания. Например, 11,3 % респондентов считают, что условное лишение свободы является подходящим приговором, 5,7 % предпочли бы штраф, 9,9 % – общественное порицание, а 2,6 % предложили другие виды наказания. Это свидетельствует о разнообразии мнений респондентов относительно подходящего уголовного наказания для данной ситуации.

Наибольшая доля респондентов вне зависимости от возраста поддерживает тюремное заключение в данной ситуации (Таблица 25). Проценты для разных возрастных групп колеблются от 68,2 до 75,4. Это указывает на то, что большинство респондентов рассматривают тюремное заключение как подходящий и эффективный приговор для такого типа преступлений.

Таблица 25 – Гипотетическая оценка возможного приговора в зависимости от возраста респондентов, %

Вопрос	Вариант ответа	Возраст респондентов:			
		18–25 лет	26–35 лет	36–55 лет	Старше 55 лет
Какой приговор должен быть вынесен в следующей ситуации: 25-летний мужчина совершил кражу со взломом во второй раз?	Тюремное заключение	74,1	75,4	68,2	69,5
	Условное лишение свободы	14,3	9,6	12,6	10,7
	Штраф	3,6	7,0	5,4	5,6
	Общественное порицание	7,1	5,4	11,3	11,3
	Другое наказание	0,9	2,6	2,4	2,9

В то же время некоторая часть респондентов предпочла бы альтернативные формы наказания. Например, условное лишение свободы получило поддержку от 9,6 до 14,3 % респондентов в разных возрастных группах. Это свидетельствует о том, что некоторые респонденты считают условное лишение свободы более подходящим наказанием, чем тюремное заключение.

Также стоит отметить, что определенная часть респондентов предлагают штрафы, общественное порицание и другие виды наказания. Данные предпочтения отражают разнообразие мнений и индивидуальных взглядов на адекватность наказания в данной ситуации.

Большинство респондентов вне зависимости от возраста склонны поддерживать тюремное заключение как подходящий приговор для случая

квартирной кражи со взломом второй раз. Некоторая часть респондентов, особенно в возрастной группе 26–35 лет, выразила предпочтение условному лишению свободы. Процент допустимых для этого варианта наказаний колеблется от 9,6 до 14,3 в разных возрастных группах. Это указывает на то, что некоторые респонденты видят альтернативные формы наказания как более эффективные или реабилитационные.

Большинство респондентов вне зависимости от уровня образования высказывает предпочтение в пользу тюремного заключения в данной ситуации (Таблица 26). Процент допустимых для этого варианта наказаний колеблется от 68,3 до 72,5 в зависимости от уровня образования. Это указывает на то, что респонденты воспринимают тюремное заключение как подходящий и справедливый способ наказания для данного типа преступления.

Некоторая часть респондентов выразила предпочтение условному лишению свободы. Процент допустимых для этого варианта наказаний составляет от 9,2 до 12,0 в зависимости от уровня образования.

Таблица 26 – Гипотетическая оценка возможного приговора в зависимости от уровня образования респондентов, %

Вопрос	Вариант ответа	Уровень образования:		
		Основное общее образование	Среднее образование	Высшее образование
Какой приговор должен быть вынесен в следующей ситуации: 25-летний мужчина совершил кражу со взломом во второй раз?	Тюремное заключение	68,3	70,0	72,5
	Условное лишение свободы	11,9	12,0	9,2
	Штраф	5,0	6,0	5,4
	Общественное порицание	11,9	9,0	11,1
	Другое наказание	2,9	2,9	1,8

Это указывает на то, что некоторые респонденты считают, что альтернативные формы наказания могут быть более эффективными или реабилитационными. Относительно небольшая часть участников исследования предпочли указать штраф или общественное порицание в данной ситуации. Процент допустимых для этих вариантов наказаний составляет от 5,0 до 11,9 для штрафа и от 9,0 до 11,9 для общественного порицания.

Респонденты с основным общим образованием также проявляют высокую поддержку тюремного заключения (от 68,3 %), что может свидетельствовать об их склонности к более строгим мерам наказания.

Условное лишение свободы также получает значительную поддержку от респондентов с основным общим (от 11,9 %) и средним образованием (от 12,0 %). Это указывает на предпочтение более мягких форм наказания, которые предоставляют возможность реабилитации и возможность возвращения в общество.

Большинство респондентов, составляющих 41,5% и 32,3%, считают вероятным или вполне вероятным вызов полиции в предложенном гипотетическом случае (Рисунок 45). Высокий процент вероятности указывает на конвенциональность, то есть соответствие поведения респондентов общепринятым нормам и ожиданиям в обществе.

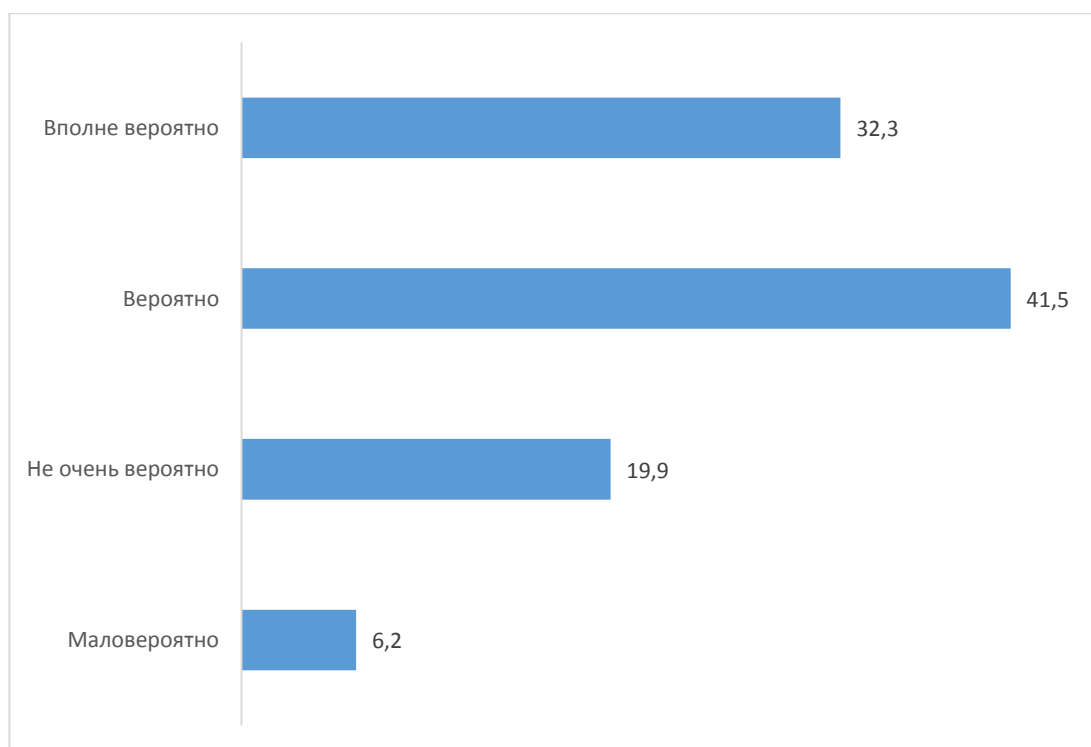

Рисунок 45 – Насколько вероятно, что Вы вызовете полицию, если увидите, что у человека украли кошелек? (%)

Небольшая часть респондентов, составляющая 6,2 и 19,9 %, считает маловероятным или не очень вероятным вызов полиции в такой ситуации. Это может указывать на различные факторы, влияющие на их решение, такие, как отсутствие доверия к полиции, страх отметки «доносчика» или простое безразличие к происходящему. В таких случаях отклонение от конвенциональности может быть связано с индивидуальными ценностями, социокультурными факторами или личным опытом.

Практически половиной отвечающих на вопрос: «Насколько Вы были бы готовы дать показания против другого человека в суде?» (45,7 %) – являются те, кто готов дать показания против другого человека в суде (Рисунок 46). Эти данные указывают на значительную степень доверия к судебной системе и признание ее авторитета. Однако стоит отметить, что это не полное согласие, что может говорить о наличии определенных сомнений или оговорок.

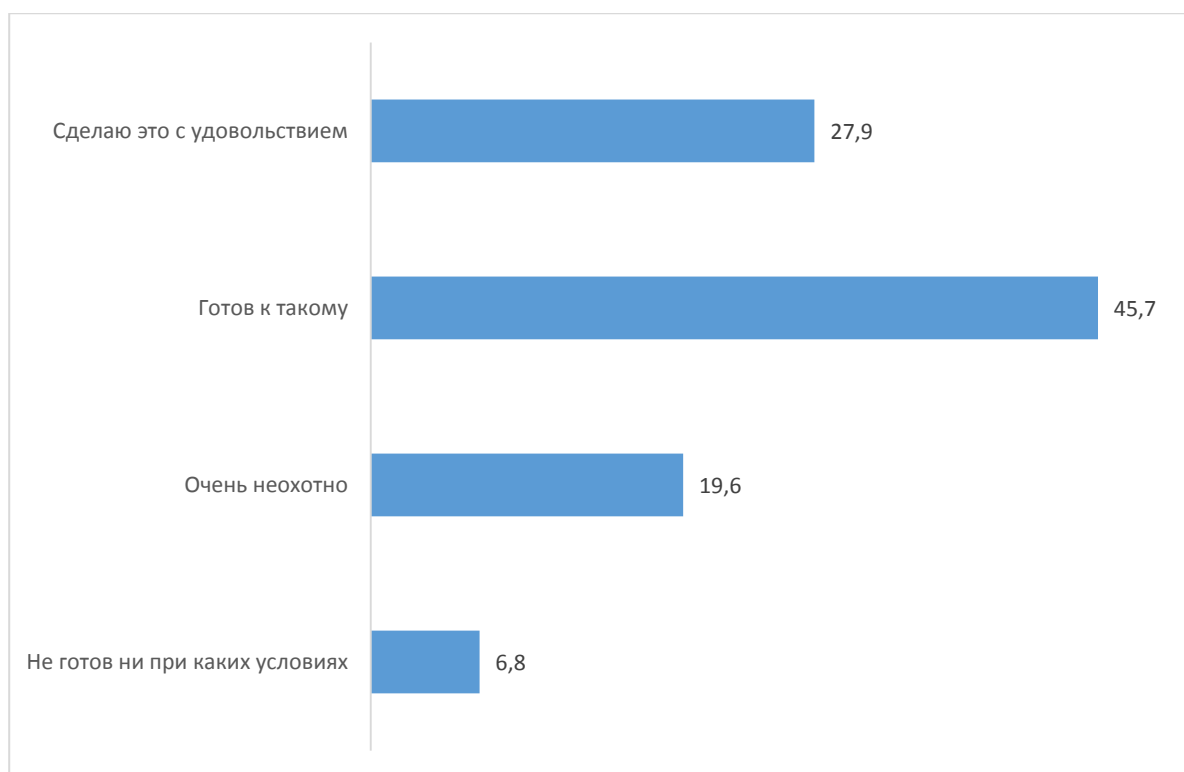

Рисунок 46 – Насколько Вы были бы готовы дать показания против другого человека в суде? (%)

Около трети (27,9 %) респондентов с удовольствием дадут показания против другого человека в суде. Это говорит о том, что значительная часть населения активно поддерживает судебную систему и готова активно участвовать в ее работе. Это может быть связано с высоким уровнем доверия к судебной системе, субъективным восприятием справедливости или личным опытом.

С другой стороны, 19,6 % респондентов очень неохотно дадут показания против другого человека в суде. Это может свидетельствовать о сложности вопроса и о том, что многие люди могут испытывать затруднения в формировании четкого мнения по данной теме. Возможно, они видят как справедливые, так и несправедливые решения суда и поэтому не могут однозначно согласиться с утверждением.

Наконец, 6,8 % респондентов не готовы дать показания против другого человека в суде ни при каких условиях. Это указывает на то, что некоторая часть населения не считает обязательным поддерживать окончательный

вердикт суда. Это может быть связано с недоверием к судебной системе, субъективным восприятием справедливости или личным опытом.

В целом, данные рисунка 46 показывают, что большинство участников исследования признают авторитет судебной системы и считают, что их обязанностью является поддержка окончательного вердикта суда. Однако значительная часть населения испытывает затруднения в формировании четкого мнения по этому вопросу, что указывает на его сложность и многогранность. Меньшинство же открыто выражает несогласие, что может быть связано с различными факторами, включая недоверие к судебной системе и субъективное восприятие справедливости.

Большинство респондентов, а именно 68,9 %, считают уголовное наказание эффективным средством борьбы с преступностью (Рисунок 47). Это говорит о том, что значительная часть общества поддерживает и верит в применение уголовных наказаний как основного инструмента контроля и сдерживания преступности.

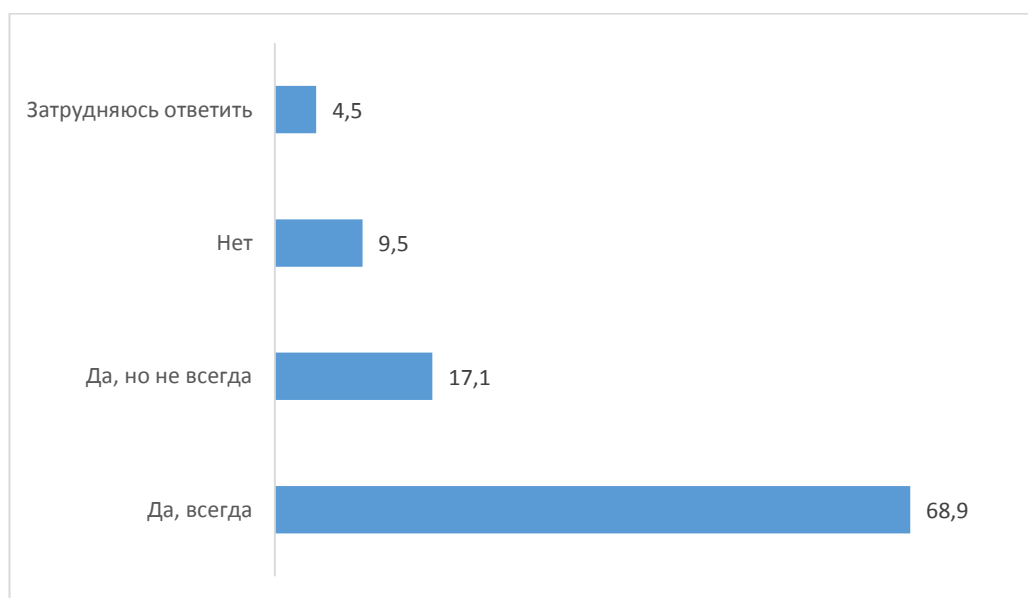

Рисунок 47 – Считаете ли Вы, что уголовное наказание является эффективным средством борьбы с преступностью? (%)

Следующая категория респондентов, составляющая 17,1 %, считает, что уголовное наказание эффективно, но не всегда. Эти люди признают

важность уголовного наказания, но считают, что в определенных случаях альтернативные подходы могут быть более эффективными.

Существует также небольшая группа респондентов, составляющая 9,5 %, которые полностью отрицают эффективность уголовного наказания в борьбе с преступностью. Возможно, эти люди поддерживают более прогрессивные идеи в области уголовной юстиции, которые призывают к изменению фокуса с наказания на превенцию преступности, реабилитацию и ресоциализацию преступников. Их мнение обусловлено недоверием к системе уголовного правосудия, неравенством или непропорциональностью санкций, а также негативными последствиями, связанными с инситуционализацией и рецидивизмом.

Около половины респондентов (46,9 %) уверены, что уголовное наказание должно быть обязательным для всех видов преступлений (Рисунок 48).

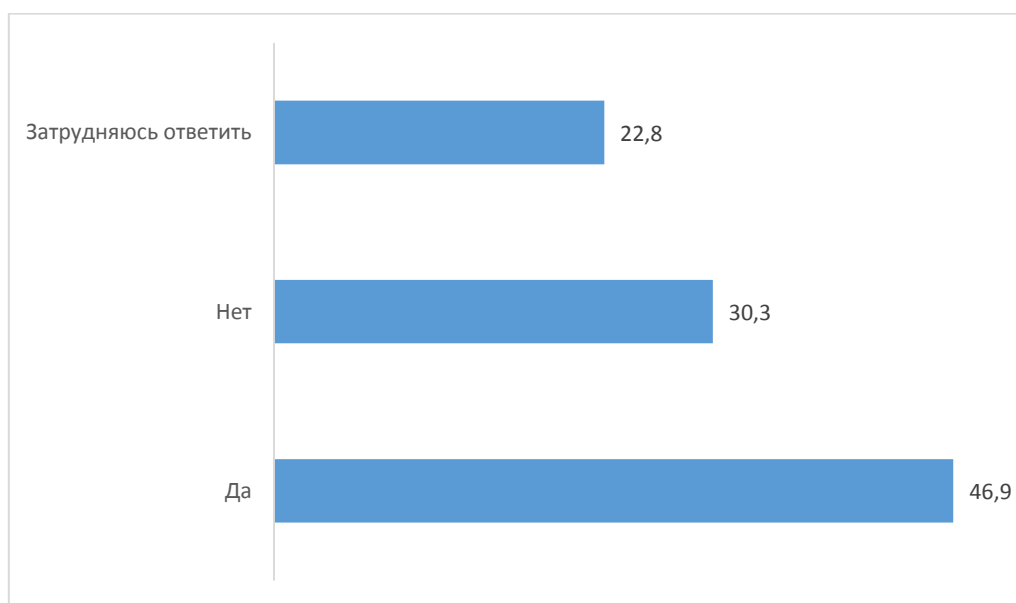

Рисунок 48 – Считаете ли Вы, что уголовное наказание должно быть обязательным для всех видов преступлений? (%)

Это указывает на широкое распространение в обществе убеждения в необходимости применения уголовного наказания как обязательной меры

наказания в ответ на преступления. Подобная позиция обусловлена верой в пропорциональность между совершенным преступлением и его наказанием, а также стремлением поддерживать порядок и справедливость в обществе.

С другой стороны, 30,3 % респондентов отрицают обязательность уголовного наказания для всех видов преступлений. Это свидетельствует о существовании значительной части общества, которая предпочитает гибкость в выборе наказания в зависимости от типа преступления и конкретных обстоятельств. Эти люди признают важность альтернативных методов наказания, таких, как ресторативная юстиция, медиация или социальные меры, которые могут быть эффективны в некоторых случаях и помочь достичь лучших результатов для общества и преступников.

Кроме того, 22,8 % респондентов затрудняются ответить на вопрос об обязательности уголовного наказания. Это указывает на отсутствие четкого мнения или недостаточную осведомленность о проблематике уголовной юстиции.

Для характеристики отношения к уголовному наказанию в современном российском обществе важное значение имеет личный опыт взаимодействия с институтом полиции и правоохранительными органами в целом. Применение метода CHAID позволяет выявить наиболее значимые факторы, влияющие на отношение к уголовному наказанию, а также определить группы схожих людей с определенными характеристиками, которые имеют сходные взгляды и предпочтения (Рисунок 49, Таблица 27).

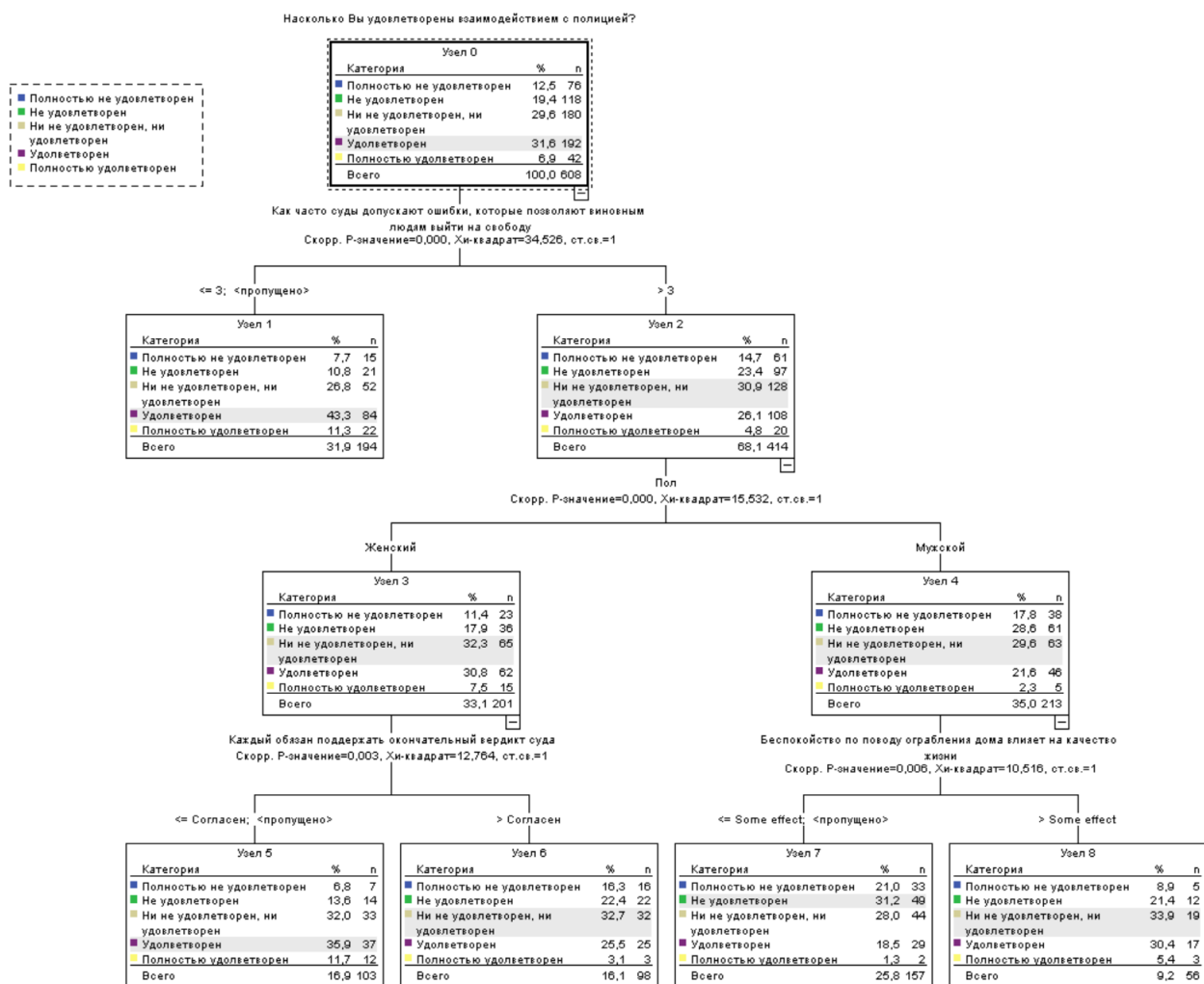

Рисунок 49 – Классификация категорий респондентов, не довольных взаимодействием с институтом полиции, метод CHAID

Таблица 27 – Выигрыши для узлов

Узел	Узел		Выигрыш		Отклик	Индекс
	№	Проценты	№	Проценты		
7	157	25,8 %	49	41,5 %	31,2 %	160,8 %
6	98	16,1 %	22	18,6 %	22,4 %	115,7 %
8	56	9,2 %	12	10,2 %	21,4 %	110,4 %
5	103	16,9 %	14	11,9 %	13,6 %	70,0 %
1	194	31,9 %	21	17,8 %	10,8 %	55,8 %

Результаты исследования показывают, что несколько независимых переменных оказывают влияние на оценку удовлетворенности взаимодействием с полицией. Одним из наиболее важных факторов является уровень тревоги из-за опасения быть ограбленным. Респонденты, которые

испытывают большее беспокойство по поводу ограбления дома, имеют более высокий уровень удовлетворенности взаимодействием с полицией. Это связано с ощущением защиты и безопасности, которые предоставляет полиция.

Респонденты, которые согласны утверждением о том, что все должны поддерживать любой вердикт, который вынесет суд, также имеют более высокий уровень удовлетворенности взаимодействием с полицией. Вероятно, это связано с доверием к правовой системе и положительным отношением к решениям, принимаемым судами.

Анализ конечных узлов показывает, что существуют различия в уровне удовлетворенности взаимодействием с полицией в зависимости от сочетания факторов. Например, узел 7, который включает респондентов, испытывающих беспокойство по поводу ограбления дома, имеет самый высокий уровень удовлетворенности (41,5 %). Респонденты, которые считают, что суды часто допускают ошибки, имеют более низкую вероятность быть удовлетворенными взаимодействием с институтом полиции.

Уровень образования не оказывает значительного влияния на удовлетворенность взаимодействием с полицией. Респонденты с различными уровнями образования имеют примерно одинаковые показатели удовлетворенности взаимодействием с институтом полиции.

Последним этапом данной части работы явилось выявление и анализ факторов, влияющих на восприятие отношения к уголовному наказанию в современном российском обществе. Факторный анализ является мощным статистическим методом, который позволяет исследователям выявить скрытые факторы и структуру в данных, а также исследовать взаимосвязи между ними.

Один из наиболее распространенных методов факторного анализа – это метод главных компонент (Principal Component Analysis, PCA). Он используется для выделения наиболее вариативных факторов из множества

исходных переменных и создания компонент, которые объясняют наибольшую долю дисперсии в данных. РСА позволяет снизить размерность данных, уменьшив количество переменных до набора независимых факторов.

В результате осуществления процедуры факторного анализа выявлены четыре ключевых фактора, влияющих на восприятие отношения к уголовному наказанию в современном российском обществе:

Фактор 1: вероятность наказания. Этот фактор подчеркивает важность вероятности наказания, включая вероятность задержания и осуждения. Этот фактор имеет наибольшее влияние на восприятие уголовного наказания среди молодых мужчин и представителей рабочих профессий.

Фактор 2: степень жесткости наказания. Второй фактор описывает влияние степени жесткости наказания на его восприятие, включая продолжительность тюремного срока и уровень репрессивности условий содержания. Данный фактор имеет большое значение для группы респондентов с высшим образованием и занимающих высокопоставленные должности.

Фактор 3: справедливость наказания. Третий фактор обозначает восприятие справедливости наказания, включая его соответствие совершенному преступлению и предыдущей криминальной истории преступника. Этот фактор наиболее заметен среди женщин среднего возраста и лиц пенсионного возраста, независимо от их профессионального статуса.

Фактор 4: реабилитационный потенциал наказания. Четвертый фактор обозначает восприятие возможности наказания способствовать реабилитации и ресоциализации преступника. Данный фактор имеет наибольшее влияние на восприятие уголовного наказания среди молодежи и студентов, а также людей с высшим образованием, занятых в секторе оказания услуг.

Возвращаясь к социоструктурным факторам конвенциональности уголовного наказания, выраженным в отношении к преступности и уголовному наказанию, определенным в параграфе 2.1 данного

диссертационного исследования, возможно сделать следующие выводы, основанные на данных проведенного исследования.

Стратификационный фактор проявляется в восприятии возможностей социального подъема в современном российском обществе. Хотя большинство респондентов (61,2 %) считают возможным социальный подъем для человека из небогатой семьи без связей, существенная часть (36,1 %) выражает сомнения в этой возможности, что может отражать осознание социального неравенства в современном российском обществе.

Вертикальная мобильность, достижимая через государственную службу, считается возможной большинством респондентов (58,4 %). Тем не менее заметное количество людей (25,6 %) выражают сомнения или отрицание, указывая на сложности и препятствия в этом пути.

Отношение к образованию и способностям как к факторам, определяющим уровень жизни в справедливом обществе, разделило опрошенных: 45,8 % считают, что это должно быть основой, в то время как 29,9 % отдают предпочтение труду и трудовому вкладу. Более половины респондентов (53,2 %) не чувствуют себя защищенными законом, что отражает недоверие к юридической системе и уголовному наказанию в России.

Коррупция, вольная трактовка законов теми, кто находится у власти, несправедливость законов воспринимаются большинством респондентов как препятствия к их защите со стороны права. Это подчеркивает сложность и многоуровневость проблем, связанных с уголовным наказанием в современном российском обществе.

Большинство респондентов (60,6 %) полагают, что государство относится к ним справедливо, значительная часть населения (31,7 %) ощущает несправедливость в отношении со стороны государства. Это указывает на присутствие существенного разрыва между восприятием граждан и реальной политикой государства и потенциально может влиять на отношение к уголовному наказанию.

Данные об уровне контроля государства над частной жизнью граждан показывают, что общество делится в своем отношении к этому вопросу. Треть респондентов считают, что государство не должно следить за частной жизнью граждан, в то время как другие считают, что текущий уровень контроля должен быть сохранен или даже увеличен. Это может отражать различные представления о роли и функциях государства, а также о границах личной свободы и безопасности.

Исследование также показывает, что несмотря на то, что большая часть общества чувствует себя в безопасности, существует заметный процент людей (12,2 %), которые регулярно испытывают беспокойство о своей безопасности. Это может указывать на присутствие неравенства в отношении безопасности в обществе.

Представления общества о работе правоохранительных органов преимущественно негативны, с особым акцентом на вопросы этнической и социальной справедливости. Большинство респондентов считают, что правоохранительные органы хуже относятся к представителям нетитульных национальностей и к бедным людям. Это указывает на восприятие неравенства и дискриминации в уголовно-правовой системе.

Отношение общества к работе полиции в предотвращении преступлений в основном отрицательное, с почти половиной респондентов, высказывающих негативные мнения. Это представление усугубляется мнением, что полиция не всегда справедлива и беспристрастна в своих решениях. Всего 11,3 % респондентов оценивают работу полиции как успешную или относительно успешную. Это может указывать на низкую степень доверия к правоохранительным органам и уголовно-правовой системе в целом.

Большинство респондентов полагают, что представители правоохранительных органов хуже относятся к бедным людям, чем к богатым, что указывает на перцепцию социальной дискриминации в уголовном наказании.

Также стоит отметить, что значительная часть респондентов (39,8 %) считают, что правоохранительные органы в настоящее время не часто принимают справедливые и беспристрастные решения. Еще 34,4 % респондентов отметили, что это происходит «не очень часто». Это мнение может отражать глубокое недовольство процедурами уголовного наказания и их исполнением.

Данная часть исследования показала существенное недовольство общества в вопросах социальной и этнической справедливости в уголовном наказании, недоверие к правоохранительным органам и восприятие их как недостаточно эффективных и справедливых. Это указывает на необходимость углубленного изучения этих вопросов и принятия мер по улучшению ситуации.

Доверие к правоохранительным органам в контексте их справедливости и беспристрастности в принятии решений является сложным вопросом в современном российском обществе. В целом, большинство респондентов (61 %) полагают, что правоохранительные органы «часто» или «очень часто» принимают справедливые и беспристрастные решения, но 39 % считают, что это происходит «не часто» или «совсем не часто». Это указывает на недоверие к уголовно-правовой системе, особенно в отношении ее конвенциональности.

Общественное восприятие конвенциональности уголовного наказания также связано с прозрачностью и понятностью решений правоохранительных органов. Большинство респондентов (72,4 %) указывают на недостаток объяснения со стороны правоохранительных органов своих действий и решений. Это может говорить о низкой прозрачности процедур и решений, что в свою очередь может снижать общественное доверие к уголовно-правовой системе.

В общественном восприятии правоохранительные органы не всегда отражают ценности обычных граждан, что также влияет на оценку их работы. Это усиливает восприятие отсутствия обратной связи между

обществом и уголовно-правовой системой, что в свою очередь может оказывать влияние на оценку ее конвенциональности.

Несмотря на критическую оценку работы правоохранительных органов, большинство респондентов (60,5 %) выразили нейтральное мнение относительно работы судебной системы. Однако значительная часть респондентов (23,1 %) считает, что работа судебной системы выполняется «хорошо». Так, определенная доля респондентов признает эффективность и справедливость судебной системы, что указывает на присутствие устойчивого восприятия конвенциональности в контексте судопроизводства.

Вместе с тем доля респондентов, которые утверждают, что суды никогда или редко принимают справедливые решения, а также пропущенные ответы, свидетельствуют о существовании некоторой неуверенности, недоверия или недостатка информации со стороны населения. Это может оказывать негативное влияние на восприятие конвенциональности судебной системы, что важно для поддержания доверия общества к правосудию.

В контексте исследования стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания эмпирические данные показывают, что восприятие справедливости и беспристрастности правоохранительных органов и судебной системы может быть связано с социальным статусом респондентов. Это свидетельствует о сложной динамике восприятия и оценке конвенциональности уголовного наказания в современном российском обществе.

Существующие проблемы в работе правоохранительных органов и судебной системы связаны с недоверием, недостатком прозрачности и несоответствием ценностей обычных граждан.

Большинство респондентов (70,5 %) убеждены в том, что более бедные люди с большей вероятностью будут признаны виновными в суде. Это указывает на существующее представление о социальном неравенстве в контексте уголовного наказания, которое может оказывать значительное

влияние на отношение к конвенциональности уголовного наказания в обществе.

Данные исследования указывают на наличие возрастных различий во восприятии конвенциональности уголовного наказания. Молодые люди чаще склонны считать, что все имеют равные шансы быть признанными виновными, что может отражать их меньший жизненный опыт или, наоборот, веру в прогрессивные изменения в обществе.

Значительная доля респондентов выразили высокий уровень недоверия к судебной системе, связанный с предположением о высокой степени коррупции. Это осложняет восприятие судебной системы как конвенционального института, в котором преобладают принципы справедливости и беспристрастности.

Интересно отметить, что небольшой процент респондентов (12,9 %) полностью согласны с тем, что окончательный вердикт суда обязан быть поддержан, что указывает на уверенность в справедливости судебных решений и подчеркивает значимость уголовного наказания как конвенционального института для этой группы респондентов.

Исследование обозначило ряд стратификационных факторов, которые влияют на конвенциональность уголовного наказания и отношение к нему в современном российском обществе. Образование оказывает существенное влияние на конвенциональность в отношении полиции. Респонденты с более высоким уровнем образования чаще соглашались с окончательными вердиктами суда, что может быть связано с более глубоким пониманием правовых процессов и осознанием роли полиции в судебной системе.

Гендерная принадлежность также играет важную роль в конвенциональности, особенно в отношении института полиции в РФ. Хотя специфические выводы могут зависеть от контекста и культурных особенностей, общий анализ указывает на влияние гендера на восприятие конвенциональности. Также отмечается важность отношения к судебной системе в контексте конвенциональности. Респонденты, выражающие

недоверие к судебной системе и видящие ее как орган, защищающий интересы богатых и власть имущих, склонны к более низкой конвенциональности.

Классификация респондентов по переменным, таким, как образование, пол, отношение к судебной системе, социальный статус, тип занятости и другим, позволяет выявить группы с различными уровнями конвенциональности.

Подавляющее большинство респондентов (68,9 %) считают уголовное наказание эффективным средством борьбы с преступностью. Еще 17,1 % опрошенных признают эффективность уголовного наказания, но с оговоркой, что в некоторых случаях возможны более эффективные альтернативные подходы. Это говорит о том, что уголовное наказание воспринимается как важный элемент системы сдерживания преступности, но существует и пространство для обсуждения и поиска альтернативных подходов.

Около половины респондентов (46,9 %) утверждают, что уголовное наказание должно быть обязательным для всех видов преступлений, что свидетельствует о существенном уровне общественной поддержки строгого наказания преступников. Однако 30,3 % респондентов не согласны с таким абсолютным подходом, что указывает на значительную долю общества, предпочитающую более дифференцированный подход к наказанию.

С помощью факторного анализа были выявлены четыре ключевых фактора, влияющих на восприятие уголовного наказания. Вероятность наказания особенно высока среди молодых мужчин и представителей рабочих профессий. Степень жесткости наказания важна для группы с высшим образованием и занимающих высокопоставленные должности. Восприятие справедливости наказания особенно заметно среди женщин среднего возраста и лиц пенсионного возраста. Восприятие реабилитационного потенциала наказания важно для молодежи, студентов, а также людей с высшим образованием, занятых в сфере оказания услуг.

Полученные результаты также свидетельствуют о том, что конвенциональность уголовного наказания зависит от стратификационных факторов, таких, как образование, профессия, возраст и пол. Из представленных данных можно сделать вывод, что, в целом, люди с высшим образованием и занимающие высокопоставленные должности имеют более строгий и репрессивный взгляд на уголовное наказание, тогда как молодые люди и лица, занятые в сфере оказания услуг, более склонны акцентировать внимание на реабилитационном потенциале уголовного наказания.

Такие факторы, как вероятность и степень жесткости наказания, а также восприятие его справедливости и реабилитационного потенциала, играют ключевую роль в формировании отношения к уголовному наказанию. Это свидетельствует о сложности и многогранности этой проблемы и подчеркивает необходимость более глубокого исследования, включая исследование различных стратификационных групп и их взглядов на уголовное наказание.

Что касается особенностей и характеристик отношения к уголовному наказанию в современном российском обществе, на основании проведенного исследования, можно сказать следующее.

Конвенциональность в отношении уголовного наказания в большей степени проявляется среди образованных людей и тех, кто выражает доверие к судебной системе. Респонденты с высшим уровнем образования более склонны поддерживать уголовное наказание как эффективное средство борьбы с преступностью. Это может быть связано с более глубоким пониманием законодательства и правовых процессов в современной России.

Факторы стратификации, включая пол, образование, тип занятости, социальный статус и отношение к судебной системе, играют существенную роль в определении конвенциональности уголовного наказания. Мужчины и женщины, люди с различным уровнем образования и различным отношением

к судебной системе имеют неодинаковые взгляды на уголовное наказание и его эффективность.

Уголовное наказание воспринимается как обязательный элемент борьбы с преступностью, но его эффективность характеризуется неоднозначно. Большинство респондентов считают, что уголовное наказание является эффективным средством борьбы с преступностью, но существует также значительная доля опрошенных, кто полагает, что эффективность наказания зависит от конкретных условий и обстоятельств.

Восприятие уголовного наказания определяется несколькими ключевыми факторами, включая вероятность применения наказания, степень его жесткости, восприятие справедливости и реабилитационный потенциал. Эти факторы имеют различное влияние на различные стратификационные группы. Например, молодежь и студенты, а также люди с высшим образованием, занятые в секторе оказания услуг, больше акцентируют внимание на реабилитационном потенциале уголовного наказания.

Представления о справедливости наказания также играют важную роль в определении отношения к уголовному наказанию. Респонденты, которые считают, что судебная система защищает интересы богатых и власть имущих, а не обычных людей, склонны проявлять более низкий уровень конвенциональности. Это говорит о значимости восприятия справедливости в контексте отношения к уголовному наказанию.

Наконец, важно отметить, что отношение к уголовному наказанию в современном российском обществе не является статичным и может меняться под влиянием различных социальных, политических и культурных факторов. Дальнейшие исследования в этой области могут привести к новым выводам и предложениям по улучшению эффективности и справедливости уголовного наказания в России.

В целом, исследование подтверждает сложность восприятия уголовного наказания в современном российском обществе, подчеркивая влияние таких стратификационных факторов, как образование, социально-

профессиональный статус, пол и отношение к судебной системе. Это подчеркивает необходимость проведения дополнительных исследований для более глубокого понимания этих факторов и разработки стратегий, которые могли бы учитывать эти различия при формировании политик в области уголовного наказания.

3.2. Оценка функциональности и легитимности уголовного наказания за экономические преступления в правоприменительной деятельности

Основными эмпирическими задачами диссертационного исследования является выявление и характеристика стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания за преступления в сфере экономической деятельности.

С социологической же точки зрения экономические преступления в Российской Федерации можно рассматривать как отражение социально-экономической ситуации в стране, где существует высокий уровень коррупции и недостаточно развитые механизмы правового регулирования. Экономические преступления часто связаны с финансовыми махинациями, мошенничеством, уклонением от уплаты налогов и другими незаконными действиями, направленными на получение материальной выгоды.

Социологический анализ также подразумевает изучение социальных факторов, которые способствуют распространению экономических преступлений. К таким факторам можно отнести низкий уровень доверия к государственным институтам, а также отсутствие эффективных механизмов социального контроля.

С точки зрения социологии экономические преступления можно рассматривать как проявление аномии – социального явления, при котором индивиды или группы людей отклоняются от общепринятых норм и ценностей в силу отсутствия или слабости социальных институтов, регулирующих поведение людей. В целом, экономические преступления в Российской Федерации – это сложное и многогранное явление, требующее детального исследования с учетом многочисленных социальных, экономических и правовых факторов.

В рамках анализа стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания можно выделить следующие категории экономических преступлений, каждая из которых имеет свои особенности:

1. Преступления в сфере кредитования:
 - неправомерное получение кредитов;
 - уклонение от исполнения кредитных обязательств;
2. Коррупционные преступления:
 - взяточничество в государственных органах;
 - Коммерческий подкуп в частном секторе.
3. Нарушения, связанные с банкротством:
 - Инициирование фиктивного или преднамеренного банкротства;
 - Незаконные действия в ходе процедуры банкротства.
4. Злоупотребление доверием для получения выгоды:
 - мошенничество;
 - обман потребителей.
5. Таможенные преступления:
 - контрабанда;
 - незаконный ввоз/вывоз культурных ценностей, валюты и технологий.
6. Нарушения порядка экономической деятельности:
 - легализация преступных доходов;
 - недобросовестная конкуренция.
7. Нарушения в сфере интеллектуальной собственности:
 - неправомерное использование торговых марок, авторских прав и других объектов интеллектуальной собственности.
8. Преступления в сфере оборота финансовых инструментов:
 - подделка денежных знаков и кредитных карт;
 - манипуляции с ценными бумагами.
9. Прочие экономические преступления:
 - создание препятствий для ведения предпринимательской деятельности;
 - валютные нарушения;
 - уклонение от уплаты налогов и сборов.

Итак, правоприменительная деятельность представляет собой сложный многоуровневый процесс, в ходе которого осуществляется реализация правовых норм с целью обеспечения правопорядка, защиты прав и свобод граждан, а также поддержания стабильности и гармонии в обществе.

Анализируя данные диаграммы рисунка 50 и открытых статистических данных портала «Кримстат», можно сделать вывод о том, что по всей стране наблюдается увеличение количества преступлений с января по декабрь каждого года. В 2015 году в столице наблюдается высокий уровень преступлений в январе, который затем стабильно растет. В последующие годы динамика сохраняется. Похожая ситуация наблюдается и в северной столице, с тем отличием, что в Санкт-Петербурге рост более выражен.

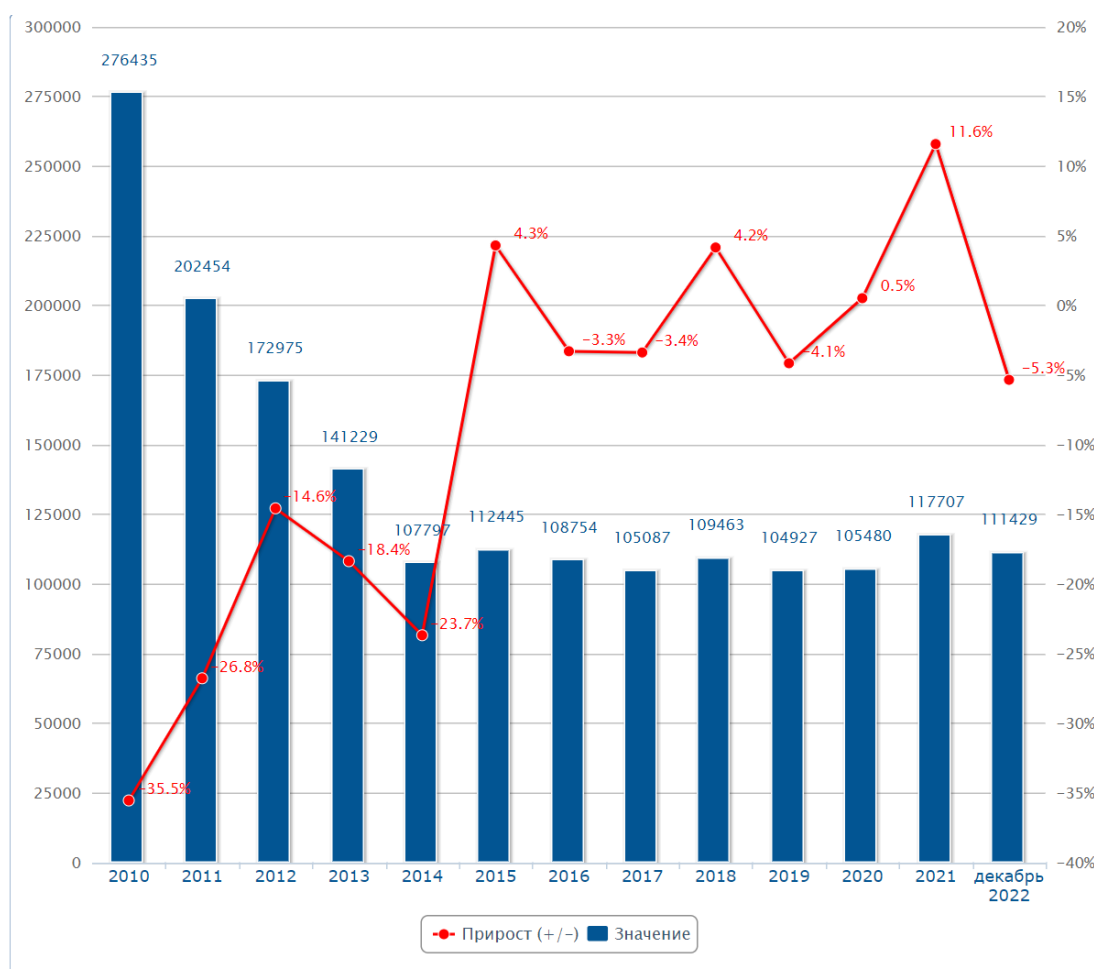

Рисунок 50 – Динамика преступлений экономической направленности 2010–2022

Приволжский и Уральский федеральные округа: в этих регионах также наблюдается стабильный рост количества преступлений с каждым годом.

Южный и Северо-Кавказский федеральные округа: данные по этим регионам начинаются с 2016 и 2020 гг. соответственно, но также показывают стабильный рост. Сибирский и Дальневосточный федеральные округа: данные по этим регионам доступны с ноября 2018 года, и они также демонстрируют рост количества преступлений. В сентябре 2023 года в Сибирском федеральном округе наблюдается значительный скачок в количестве преступлений по сравнению с предыдущими месяцами.

В целом, по всем регионам наблюдается стабильный рост количества экономических преступлений с каждым годом.

В большинстве регионов наблюдается значительная волатильность показателей от года к году, что указывает на нестабильную ситуацию в сфере борьбы с экономической преступностью (Рисунок 51). В ряде субъектов РФ, таких, как Алтайский край, Амурская область и Архангельская область, наблюдается тенденция к увеличению количества нераскрытых экономических преступлений в последние годы. В других регионах, например в Астраханской и Белгородской областях, наблюдается обратная тенденция – уменьшение количества нераскрытых преступлений.

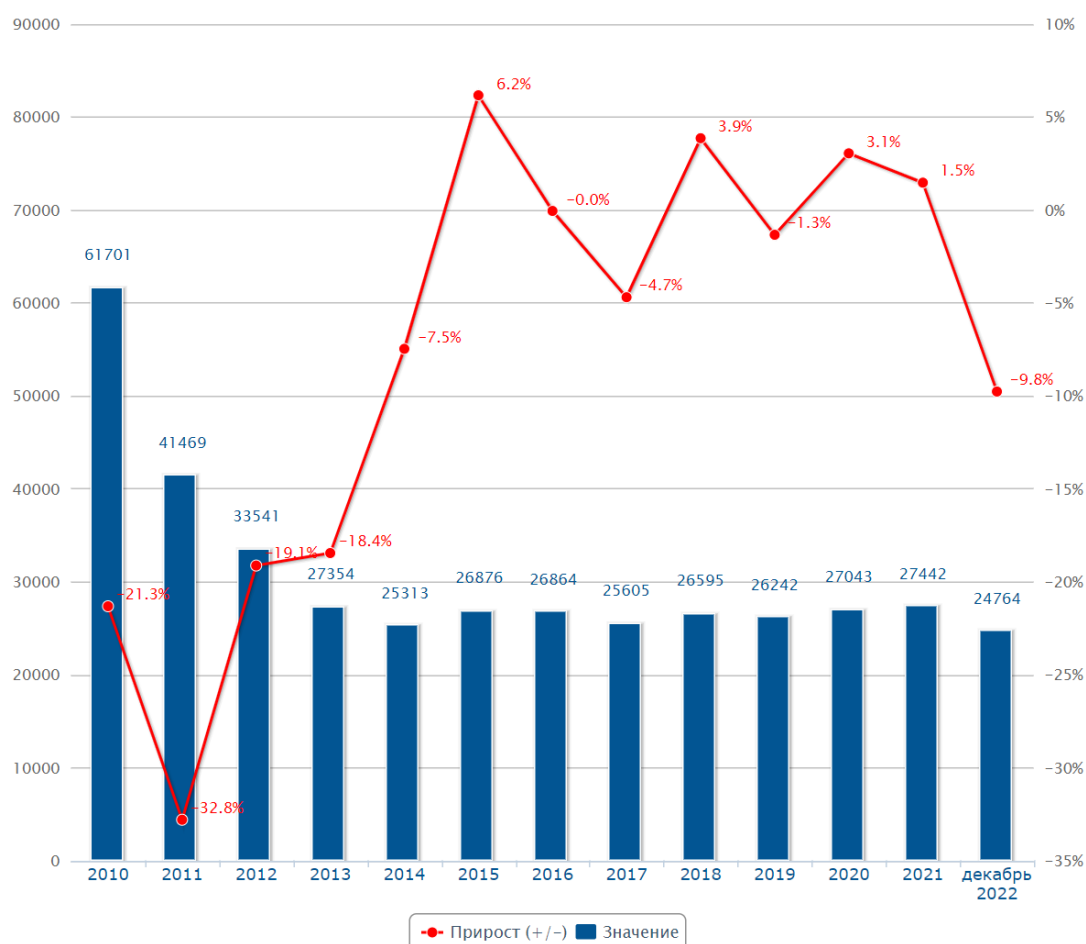

Рисунок 51 – Не раскрыто преступлений экономической направленности
2010–2022

В ряде регионов, таких, как Московская область, наблюдается снижение количества нераскрытых преступлений в последние годы, что может свидетельствовать об улучшении работы правоохранительных органов. На уровне всей Российской Федерации наблюдается некоторое снижение количества нераскрытых экономических преступлений в 2022 году по сравнению с предыдущими годами.

Анализируя представленные в таблице 28 данные, можно констатировать, что в период с 2017 по 2018 год наблюдался рост числа экономических преступлений на 4166 единиц, что может быть связано с активизацией борьбы с незаконным оборотом алкоголя и действиями против фирм-однодневок. В 2019 году, несмотря на снижение числа преступлений на 4536 единиц, ущерб от них увеличился на 73,4 млрд рублей.

Таблица 28 – Динамика количества совершенных зарегистрированных деяний в сфере экономики и размер экономического ущерба с декабря 2017 по сентябрь 2022 года

Год	Зарегистрировано экономических преступлений, ед.	Из них налоговые, ед.	Ущерб от экономических преступлений, млрд руб.
2017	105 087	8 654	177,5
2018	109 463	7 630	403,8
2019	104 927	4 503	477,2
2020	105 480	4 872	450,0
2021	117 707	5 543	641,9
Сентябрь 2022	93 686	4 040	283,0

С 2019 года фиксируется тенденция к увеличению экономических преступлений, которая достигает пика в 2021 году – наибольшего значения с 2013 года. В этом году было зафиксировано 117 707 преступлений, что на 12 227 единиц больше, чем в 2020 году, а экономический ущерб увеличился на 191,9 млрд рублей.

Рассматривая динамику налоговых преступлений, следует отметить, что их количество в 2021 году возросло на 671 случай по сравнению с предыдущим годом, что составляет прирост в 11,8 %. Таким образом, каждое двадцатое экономическое преступление в этот период было связано с налоговыми нарушениями. Это может быть последствием пандемии COVID-19 и введенных в связи с ней ограничительных мер.

Также стоит обратить внимание на региональные особенности распределения преступлений экономической направленности в Российской Федерации в 2016–2019 годах, подчеркивая разноплановый характер совершаемых правонарушений.

В целом в 2017–2021 годах наблюдается тенденция к снижению доли налоговых преступлений в общем объеме экономических преступлений, что может указывать на изменение структуры экономической преступности.

С 2021 года по сентябрь 2022 зафиксировано некоторое увеличение доли налоговых преступлений, что может свидетельствовать об изменении фокуса правоохранительных органов или об увеличении налоговой активности.

Увеличение ущерба при снижении количества преступлений в 2017–2021 годах может указывать на увеличение «среднего ущерба» от одного преступления, что, в свою очередь, свидетельствует о росте серьезности преступлений в сфере экономики.

Данные таблицы 26 также показывают, что наблюдается волатильность динамики как общего числа экономических преступлений, так и налоговых преступлений, в частности. Значительные колебания ущерба от года к году указывают на сложность прогнозирования экономической преступности и необходимость более детального анализа факторов, влияющих на уровень ущерба. Проведенный анализ показывает изменение структуры экономической преступности, что требует дополнительного исследования для выявления причин этих изменений и разработки мер по предотвращению экономической преступности.

Согласно данным Прокуратуры РФ, наблюдается колебание в количестве преступлений от 105 087 в 2017 году до 117 707 в 2021 году, с последующим снижением до 93 686 к сентябрю 2022 года (Таблица 29). Следственный комитет РФ является основным органом по выявлению экономических преступлений, фиксируя от 77 442 до 96 532 случаев в разные годы. В 2021 году наблюдается пик активности с 96 532 выявленными преступлениями.

Таблица 29 – Выявленные субъектами учета экономические преступления
с декабря 2017 по сентябрь 2022 года

Год	Всего	Из них выявлено преступлений сотрудниками

		следственных органов Следственного комитета РФ	органов внутренних дел	таможенных органов	войск националь- ной гвардии	органов прокура- туры
2017	105 087	2 259	89 236	1 148	–	–
2018	109 463	2 064	93 232	–	42	–
2019	104 927	1 944	88 745	–	11	–
2020	105 480	2 089	88 525	–	–	6 461
2021	117 707	2 821	96 532	–	–	8 548
Сентябрь 2022	93 686	2 467	77 442	–	–	6 168

Войска национальной гвардии активно включились в процесс выявления экономических преступлений с 2020 года, показывая высокую активность, особенно в 2021 году с 8 548 выявленными преступлениями. Таможенные органы и органы внутренних дел практически прекратили участие в выявлении экономических преступлений после 2019 года, что может свидетельствовать об изменении их функциональных обязанностей или перераспределении ресурсов. Общая динамика показывает, что в 2021 году наблюдался пик активности по выявлению экономических преступлений, что может быть связано с усилением контроля и уголовной ответственности в данный период.

Данные, представленные в таблице 30, показывают, что после значительного снижения количества экономических преступлений в период с 2011 по 2013 год, наблюдается стабилизация с небольшими колебаниями в последующие годы. Преступления с крупным и особо крупным ущербом стабильно увеличиваются с 2014 года, что может указывать на увеличение масштаба экономических преступлений или на изменение критериев, по которым оценивается ущерб.

Таблица 30 – Абсолютные показатели всех экономических преступлений (деяний) и размер материального ущерба от данных преступлений

Год	Количество экономических преступлений, деяний	Количество экономических преступлений с крупным и особо крупным ущербом, деяний	Размер материального ущерба от экономических преступлений, тыс. руб.
2011	202 454	40 315	160 712 680
2012	172 975	36 083	144 847 935
2013	141 229	29 878	229 860 404
2014	107 797	25 422	194 560 919
2015	112 445	28 237	271 485 831
2016	108 754	28 800	397 979 027
2017	105 087	29 108	234 286 685
2018	109 463	30 132	403 811 653
2019	104 927	30 398	447 186 090

Размер материального ущерба показывает волнообразную динамику с периодами роста и снижения. Это может говорить о сложности контроля за экономическими преступлениями и вариативности факторов, влияющих на уровень ущерба. Учитывая увеличение количества преступлений с крупным и особо крупным ущербом, можно предположить, что уголовное наказание стало более строгим, что, в свою очередь, могло повлиять на увеличение размера ущерба от преступлений.

С 2011 по 2019 год следует, что наблюдается тенденция к снижению общего числа экономических преступлений, особенно заметная в период с 2011 по 2013 год. Однако начиная с 2014 года ситуация стабилизировалась, и количество преступлений начало колебаться в определенных рамках.

Стоит отметить, что количество экономических преступлений с крупным и особо крупным ущербом показывает восходящую динамику

начиная с 2014 года, что указывает на увеличение серьезности совершаемых преступлений.

Что касается размера материального ущерба от указанных преступлений, то он демонстрирует волновую динамику с чередованием периодов роста и снижения. При этом, несмотря на общее снижение числа преступлений, ущерб от них продолжает расти, что может свидетельствовать о том, что преступления становятся более масштабными и тяжелыми.

В целом, данные указывают на сложную динамику в сфере экономических преступлений, где снижение количества преступлений сопровождается увеличением их «веса» и ущерба для экономики. Это требует более тщательного анализа факторов, влияющих на экономическую преступность, и разработки мер по ее предотвращению.

Для более глубокого анализа стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания необходимо рассмотреть дополнительные данные, включая характер преступлений, уровень наказаний и другие аспекты, что будет представлено далее.

В 2011–2013 годах наблюдается значительное снижение коэффициента преступности: с 142 до 99 случаев на 100 тыс. человек (Таблица 31). Это указывает в том числе на усиление мер по борьбе с экономической преступностью или на изменение экономической ситуации в стране.

В 2013–2019 гг. коэффициент преступности стабилизируется в диапазоне от 72 до 77 случаев на 100 тыс. человек, что может говорить о стабилизации ситуации с экономической преступностью.

Таблица 31 – Структура преступности и коэффициент преступности
в сфере экономики

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Коэффициент преступности в сфере экономики на 100 тыс. чел.	42	121	99	75	77	74	72	75	72
Структура преступности, %	8,42	7,51	6,40	4,92	4,71	5,03	5,11	5,50	5,18

Говоря об анализе структуры преступности можно отметить, что в 2011–2014 гг. наблюдается уменьшение доли экономических преступлений в общей структуре преступности с 8,42 до 4,92 %. Это может свидетельствовать о снижении доли экономических преступлений в общем объеме преступности.

В 2014–2019 гг. доля экономических преступлений в общей структуре преступности немного колеблется, но в целом остается на сравнительно стабильном уровне, варьируясь от 4,71 до 5,50 %.

Итак, снижение коэффициента преступности связано с улучшением экономической ситуации в стране, усилением мер по борьбе с преступностью или изменением законодательства, влияющего на статистику преступлений. Стабилизация данного коэффициента в последние годы указывает на то, что ситуация с экономической преступностью стала более предсказуемой.

Снижение коэффициента преступности, по нашему мнению, отчетливо указывает на уменьшение социальной напряженности и дифференциации, что, в свою очередь, может свидетельствовать о снижении уровня социальной несправедливости.

Динамика структуры преступности показывает, что доля экономических преступлений в общем объеме преступности снижается год от года, что может свидетельствовать о положительной динамике в области борьбы с экономической преступностью. С точки зрения выявления и характеристики стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания представленные данные могут указывать на изменение социальной динамики и возможное влияние экономических и политических факторов на уровень преступности.

Данные таблицы 32 показывают, что после 2011 года наблюдалось снижение темпов роста экономических преступлений до 2014 года, после чего последовал рост в 2015 году и снова небольшое снижение к 2019 году. Это может указывать на изменение экономической ситуации в стране или на эффективность мер по борьбе с экономической преступностью.

Таблица 32 – Структура всех экономических преступлений, %

Год	Цепной темп роста экономических преступлений, %	Доля экономических преступлений с крупным и особо крупным ущербом, %	Цепной темп роста экономических преступлений с крупным и особо крупным ущербом, %	Цепной темп роста размера материального ущерба от экономических преступлений, %
2011	—	19,91	—	—
2012	85,44	20,86	89,50	90,13
2013	81,65	21,16	82,80	158,69
2014	76,33	23,58	85,09	84,64
2015	104,31	25,11	111,07	139,54
2016	96,72	26,48	101,99	146,59
2017	96,63	27,70	101,07	58,87
2018	104,16	27,53	103,52	172,36
2019	95,86	28,97	100,88	110,74

Доля экономических преступлений с крупным и особо крупным ущербом демонстрирует устойчивый рост с 2011 по 2019 год. Это может свидетельствовать о том, что преступления становятся более серьезными, и ущерб от них увеличивается.

Если говорить о цепном темпе роста экономических преступлений с крупным и особо крупным ущербом, то становятся видны значительные колебания показателя, что может указывать на изменчивость экономической ситуации и эффективности мер по борьбе с преступностью. Цепной темп роста размера материального ущерба от экономических преступлений также демонстрирует значительные колебания, с наибольшим ростом в 2013 и 2018 гг. Это может свидетельствовать о том, что ущерб от преступлений становится все более значительным, что требует более эффективных мер по его предотвращению.

Увеличение доли преступлений с крупным и особо крупным ущербом может указывать на увеличение социального разрыва и углубление стратификационных различий в обществе. Колебания цепного темпа роста преступлений и ущерба от них могут отражать изменения в

конвенциональности уголовного наказания, в том числе в связи с введением новых законов или ужесточением существующих. Увеличение же доли серьезных преступлений свидетельствует о необходимости пересмотра социальной реакции на такие преступления, включая уголовное наказание.

Материальный ущерб от всех экономических преступлений на душу населения демонстрировал тенденцию к росту с некоторыми колебаниями (Таблица 33).

Таблица 33 – Структура размера материального ущерба
от экономических преступлений

Год	Численность населения в РФ, чел.	ВВП РФ, тыс. руб.	Материальный ущерб от всех экономических преступлений на душу населения, руб. на 1 чел.	Материальный ущерб от всех экономических преступлений по отношению к ВВП, %
2011	142 865 433	60 282 500 000	1 125	0,27
2012	143 056 383	68 163 900 000	1 013	0,21
2013	143 347 059	73 133 900 000	1 604	0,31
2014	143 666 931	79 199 700 000	1 354	0,25
2015	146 267 288	83 387 200 000	1 856	0,33
2016	146 544 710	86 010 200 000	2 716	0,46
2017	146 804 372	92 089 300 000	1 596	0,25
2018	146 880 432	103 626 600 000	2 749	0,39
2019	146 745 098	109 361 500 000	3 047	0,41

Наибольший рост наблюдался в 2016 году. Материальный ущерб от всех экономических преступлений по отношению к ВВП рос, достигая пика в 2019 году. Это может свидетельствовать о том, что экономическая преступность становится более значимой проблемой в контексте общего экономического развития страны.

Увеличение материального ущерба от экономических преступлений на душу населения указывает в том числе на усиление социальной

стратификации, где некоторые группы населения становятся более уязвимыми перед экономической преступностью.

Рост ущерба от экономических преступлений в отношении ВВП свидетельствует о необходимости пересмотра уголовного наказания с целью его ужесточения или модернизации для более эффективной борьбы с экономической преступностью. А увеличение ущерба от преступлений требует более активной социальной реакции, включая просветительские кампании, направленные на предотвращение экономических преступлений, а также социальную поддержку жертв преступлений.

Размер ущерба значительно колебался в течение 2011–2019 гг. (Таблица 34).

Таблица 34 – Размер материального ущерба от налоговых преступлений и его структура

Год	Размер материального ущерба от налоговых преступлений, тыс. руб.	Доля материального ущерба, %	Цепной темп роста размера материального ущерба от налоговых преступлений, %
2011	37 599 973	23,40	–
2012	24 234 713	16,73	64,45
2013	76 590 990	33,32	316,04
2014	39 633 742	20,37	51,75
2015	49 424 577	18,21	124,70
2016	71 439 326	17,95	144,54
2017	71 569 338	30,55	100,18
2018	94 922 379	23,51	132,63
2019	85 242 710	19,06	89,80

Самый большой скачок произошел в 2013 году, когда ущерб увеличился более чем в три раза по сравнению с предыдущим годом. После этого наблюдался спад, за которым следовал ряд колебаний с тенденцией к увеличению. Доля материального ущерба от налоговых преступлений в общем ущербе от экономических преступлений также демонстрировала значительные колебания, достигая пика в 2013 и 2017 гг.

Цепной темп роста размера материального ущерба от налоговых преступлений отражает годовые изменения в размере ущерба. Самый значительный рост наблюдался в 2013 году (316,04 %), а самое большое снижение — в 2014 году (51,75 %).

Колебания в размере материального ущерба и его доле указывают на изменения в структуре экономической преступности, в том числе налоговых преступлений. Это может влиять на стратификацию общества, поскольку различные группы могут по-разному воспринимать изменения в уровне налоговой преступности и связанный с ней ущерб. Волатильность в уровне налоговой преступности может требовать пересмотра подходов к уголовному наказанию в этой сфере, в том числе через анализ стратификационных факторов, влияющих на конвенциональность уголовного наказания.

Осуществленный статистический анализ показывает, что налоговая преступность имеет значительные колебания на протяжении рассматриваемого периода, что требует дальнейшего исследования для понимания подробных динамик и факторов, влияющих на эти изменения.

Итак, в период с 2011 по 2019 год наблюдается общее снижение уровня экономической преступности, однако с 2015 года вновь фиксируется его возрастание. Это может указывать на изменения в экономической ситуации страны или модификацию законодательной базы.

Материальный ущерб от экономических преступлений колеблется, но в целом демонстрирует тенденцию к увеличению. Это может свидетельствовать о том, что преступления становятся более масштабными и серьезными, что требует усиления уголовного наказания. Структура преступности по годам демонстрирует изменение доли экономических преступлений в общем объеме преступлений, что может отражать изменение фокуса правоохранительных органов или экономической политики государства.

Анализируя статистические данные, необходимо сказать о том, что в последние годы уголовное законодательство в области налоговых

преступлений значительно ужесточилось, в частности, расширился спектр объектов налоговых преступлений за счет включения страховых взносов и появились новые статьи в Уголовном кодексе РФ (ст. ст. 199.3, 199.4).

Важно подчеркнуть, что эффективность применения новых норм во многом зависит от их интерпретации правоохранительными органами. При этом, вероятно, объективные факторы, влияющие на размер материального ущерба от налоговых преступлений, имеют незначительное значение.

В 2019 году было принято указание, сокращающее перечень налоговых преступлений, что привело к существенному уменьшению их количества по сравнению с 2018 годом (4 503 против 7 630). Это подчеркивает необходимость фокусирования на анализе материального ущерба от таких преступлений, а не только на их количестве.

Анализируя динамику материального ущерба от всех экономических и налоговых преступлений за период с 2011 по 2019 год, можно выделить следующее: базовый темп роста составил 278,25 и 226,71 % соответственно, а среднегодовой — 113,65 и 110,77 %. Интересно, что динамики ущерба от обеих категорий преступлений демонстрируют схожие тенденции, в частности, резкое увеличение в 2013 году и снижение в 2017 году. Это подтверждается и данными о материальном ущербе на душу населения, который в указанные годы был практически одинаков.

Изменения в уровне и характере экономической преступности могут влиять на стратификацию общества, по-разному воздействуя на различные социальные группы. Учитывая динамику изменений в экономической преступности, следует пересмотреть подходы к уголовному наказанию, анализируя стратификационные факторы и их влияние на конвенциональность уголовного наказания.

Далее следует подчеркнуть, что изучение судебной статистики в рамках социологического исследования стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания является актуальной и важной

задачей настоящего диссертационного исследования. Стратификационные факторы, включая социальное происхождение, образование, пол, возраст и другие, могут существенно влиять на характер и степень наказания, что, в свою очередь, влияет на социальную справедливость и стабильность общества.

В первую очередь, анализ судебной статистики позволяет выявить наличие или отсутствие дискриминации по различным стратификационным признакам. Это может помочь в выявлении системных проблем в судебной системе и в формировании предложений по их устранению. Кроме того, изучение стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания может способствовать формированию более справедливой и эффективной системы уголовного наказания. Например, понимание того, как различные стратификационные факторы влияют на вероятность осуждения и характер наказания, может помочь в разработке мер по предотвращению преступлений и реабилитации осужденных.

Также стоит отметить, что анализ судебной статистики может быть полезен для научного сообщества. Социологи, юристы, криминологи и другие специалисты могут использовать данные судебной статистики для проведения научных исследований, направленных на изучение социальных процессов и явлений.

Работа с судебной статистикой требует особого подхода. Во-первых, необходимо обеспечить адекватную защиту персональных данных и соблюдение этических норм. Во-вторых, анализ судебной статистики требует специализированных навыков и знаний в области статистики, социологии и права. В данном исследовании для анализа судебной статистики использованы открытые данные системы ГАС РФ «Правосудие», а также данные официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации об осужденных за преступления в сфере экономической деятельности

Анализ представленной статистики экономических судебных дел в РФ за 2018 год позволяет сделать следующие выводы. В отчетном году наблюдался высокий инфляционный рост количества новых экономических дел, что указывает на активизацию экономической деятельности и увеличение споров в данной сфере. Судебные органы активно работали над рассмотрением и разрешением поступивших дел, однако к концу года количество неоконченных дел увеличилось, что может свидетельствовать о перегрузке судебной системы.

Значительная часть дел разрешается путем заключения мировых соглашений или отказа от иска, что может указывать на стремление сторон к досудебному урегулированию споров. Наличие большого числа дел, оставшихся без движения, требует дополнительного анализа причин такой статистики и возможного внедрения мер по оптимизации работы судебных органов.

Учитывая характер данного диссертационного исследования и его ограничения по объему и структуре, в данной части работы будет приведена судебная статистика экономических преступлений за 2018 и 2022 гг.

В 2018 году было осуждено 1909 лиц за незаконные предпринимательство и банковскую деятельность, а также 632 лица за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Наименьшее количество осуждений было за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами (11 осужденных) и легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных самим лицом (5 осужденных).

Большинство осужденных по указанным статьям были наказаны лишением свободы на срок до одного года (включительно) — 102 лица, и от свыше одного до двух лет (включительно) — 13 лиц. Штраф как основное наказание применялся в отношении 667 осужденных. Существенное количество осужденных было освобождено от наказания по приговору —

1 669 лиц. Оправдано было одно лицо, а дела в отношении 204 лиц были прекращены.

Конфискация имущества в 2018 году применялась в отношении 81 осужденного. Принудительные меры медицинского характера применялись в отношении двух осужденных. Смягчающие обстоятельства были применены в 204 случаях, в то время как отягчающие – в 225 случаях. Наибольшее количество осужденных приходится на преступления, связанные с незаконным предпринимательством и банковской деятельностью, – 1 909 осужденных.

Анализ преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях приводит к следующим выводам.

Наибольшее количество осужденных приходится на преступления, связанные с дачей и получением коммерческого подкупа, – 96 осужденных.

Наибольшее количество осужденных приходится на преступления, связанные с кражей при отягчающих обстоятельствах (116 427 осужденных) и кражей (40 402 осужденных). Наименьшее количество осужденных отмечено по статьям, связанным с контрабандой наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (33 осужденных) и легализацией денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами (2 осужденных).

Лишение свободы является наиболее часто применяемым видом наказания. В частности, большинство осужденных получили срок от двух до трех лет (25 949 осужденных) и от одного до двух лет (22 655 осужденных).

Штраф как основное наказание применялся в отношении 10 694 осужденных, а как дополнительное – в отношении 152 осужденных. Большое количество осужденных было освобождено от наказания по приговору (77 480 осужденных). Оправдано было 2 077 осужденных, а прекращено дел – в отношении 15 334 осужденных. Конфискация имущества применялась в отношении 3 707 осужденных. Принудительные меры медицинского характера применялись редко – всего в 346 случаях.

Смягчающие обстоятельства были применены в 3 084 случаях, в то время как отягчающие – в 3 263 случаях.

Экономические преступления с использованием боевого оружия были зафиксированы в 185 случаях.

Наибольшее количество осужденных приходится на преступления, связанные с незаконным предпринимательством и банковской деятельностью. Наименьшее количество осужденных отмечено по статьям, связанным с легализацией денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами (двое осужденных).

В целом, данные показывают, что в 2022 году в России преобладали преступления против собственности, а также значительное количество преступлений было связано с коррупцией и экономической деятельностью. В 2018 году, как уже было показано ранее, доминировали преступления, связанные с незаконной экономической деятельностью и коррупцией в сфере предпринимательства.

Проблемы с коррупцией и незаконной экономической деятельностью остаются актуальными на протяжении нескольких лет, что указывает на сложность борьбы с этими явлениями и наличие структурных проблем в экономике и обществе. Можно также отметить некоторую смену фокуса преступлений с коррупции и незаконной экономической деятельности на преступления против собственности, что может свидетельствовать об изменении динамики экономической преступности.

В разработанных ранее критериях и показателях анализа конвенциональности стратификационных факторов уголовного наказания важное место отводится социально-демографическим факторам осужденных за экономические преступления. Анализ данных материалов судебной статистики позволяет сформировать социально-демографический портрет осужденного за экономические преступления в РФ.

Личность преступника, действующего в сфере экономической деятельности, представляет собой специализированную подгруппу в более

обширной категории «личности экономического преступника». Эта криминологическая дефиниция позволяет глубже понять особенности таких преступников и механизмы их действий.

Рассматривая данную подгруппу, стоит отметить, что преступления в сфере экономической деятельности часто характеризуются высокой степенью организованности и планирования²²⁸. Преступники в данной сфере обычно обладают определенным набором профессиональных навыков и знаний, которые позволяют им успешно реализовывать свои преступные замыслы.

Анализ демографических признаков осужденных за преступления в сфере экономической деятельности в России позволяет сделать следующие выводы.

Количество осужденных варьировалось в течение рассматриваемого периода (2011–2022 годы), причем наблюдался общий тренд к увеличению числа осужденных с 2011 по 2020 год, за исключением некоторых лет, где было замечено снижение. Процент осужденных по статье 175 УК РФ снижался на протяжении всего периода, показывая, что доля преступлений, совершаемых по этой статье, уменьшается относительно других преступлений в сфере экономической деятельности. Доля женщин среди осужденных росла в течение всего периода, что может указывать на увеличение участия женщин в экономической деятельности, в том числе и в преступной.

С увеличением уровня образования доля осужденных снижалась, за исключением тех, кто имеет среднее специальное образование, – доля таких осужденных год от года росла. Снижение доли осужденных с основным и начальным образованием может свидетельствовать о том, что люди с более

²²⁸ Марданов А. Б. Социально-демографические и уголовно-правовые признаки осужденных за преступления в сфере экономической деятельности. Криминологический анализ статистических сведений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 15. С. 356–368. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-15-356-368

низким уровнем образования стали менее участвовать в преступной экономической деятельности.

Анализ возрастных характеристик лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, позволяет выявить определенные тенденции в динамике криминальной активности различных возрастных групп. Наибольшая доля преступлений приходится на возрастную категорию от 31 до 52 лет – они составляют почти половину (49,7 %) от общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Это может быть связано с тем, что в этом возрасте люди уже имеют определенный жизненный и профессиональный опыт, который может способствовать совершению преступлений в сфере экономической деятельности. Следующими по «криминальной активности» идут группы в возрасте от 18 до 26 лет и от 26 до 31 года, на которые приходится 17,1 и 20,7 % соответственно. Это может быть обусловлено началом карьерного пути и стремлением быстро «добиться успеха» в экономической сфере.

Стоит отметить, что в возрастной группе 52–60 лет наблюдается тенденция к увеличению криминальной активности: если в общем они составляют 10,8 %, то в 2022 году доля осужденных из этой группы увеличилась до 19,8 %. Это может свидетельствовать о том, что с возрастом у людей увеличивается потенциал для совершения преступлений в сфере экономической деятельности, возможно, из-за накопленного опыта и имеющихся контактов. Наименьшая доля привлеченных к уголовной ответственности приходится на подростков в возрасте от 14 до 17 лет – всего 1,9 %.

В целом, можно сделать вывод, что средний возраст лиц, осужденных за преступления в сфере экономической деятельности, довольно высок и значительно отличается от среднего возраста по общеуголовной статистике. Это подчеркивает специфику экономической преступности, требующей определенных знаний и навыков, которыми обычно обладают более взрослые люди.

Что касается рода деятельности и экономического статуса, необходимо сказать о том, что наибольшая доля осужденных приходится на категорию «трудоспособные без определенных занятий». Эта группа на протяжении большей части рассматриваемого периода сохраняет свое доминирующее положение, хотя в 2019 году ее доля снижается до 36,3 %. Предприниматели в 2021 году демонстрируют значительный рост доли среди осужденных, достигая 29 %. Это может свидетельствовать об увеличении числа преступлений в сфере бизнеса или же о повышении эффективности борьбы с экономической преступностью среди предпринимателей.

Доля осужденных среди служащих коммерческих и других организаций снижается на протяжении всего периода, что может говорить об улучшении корпоративного управления и контроля. Рабочие занимают стабильную долю среди осужденных, показывая небольшой рост в период с 2011 по 2018 год, после чего наблюдается некоторое снижение. Нетрудоспособные и учащиеся, студенты имеют относительно низкую долю среди осужденных, но доля нетрудоспособных увеличивается, особенно в последние годы, что может указывать на ухудшение социально-экономического положения этой группы населения.

Государственные и муниципальные служащие, а также работники сельского хозяйства и безработные имеют минимальные доли среди осужденных, что может говорить о низкой преступной активности в этих группах.

В анализируемый период за преступления в сфере экономической деятельности различные виды наказаний распределились следующим образом: Лишение свободы – 18,9 % осужденных получили данный вид наказания, что подчеркивает серьезность преступлений и строгость наказания за них; условное лишение свободы – 29,7 % осужденных, что указывает на стремление судебной системы дать шанс на исправление без полной изоляции от общества; штраф – наибольшая доля, а именно 32,9 %, приходится на финансовые взыскания, что может свидетельствовать о

стремлении компенсировать ущерб, причиненный экономике; обязательные работы – 14,5 % осужденных были приговорены к данному виду наказания, что подчеркивает стремление к реабилитации через труд; исправительные работы – 5,7 % осужденных получили этот вид уголовного наказания, что является доказательством применения более мягких форм наказания с целью социальной адаптации осужденных; оправдание – минимальный процент (0,4 %) оправданных говорит о непосредственном влиянии стратификационных факторов на конвенциональность уголовного наказания.

Исходя из проведенного анализа стратификационных аспектов уголовного наказания можно сформулировать следующие ключевые выводы, направленные на выявление и характеристику стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания.

Гендерный аспект криминальной активности: представители мужского пола продолжают оставаться наиболее активной группой среди лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности. Тем не менее следует отметить тенденцию к увеличению криминальной активности среди женщин, что может свидетельствовать о трансформации традиционных гендерных ролей и требует дальнейшего исследования.

Возрастные характеристики преступников: существенная часть преступлений приходится на возрастную категорию от 31 до 52 лет, которая на протяжении рассматриваемого периода демонстрирует высокий уровень криминальной активности. В то же время наименьшая активность отмечается среди подростков и юношей в возрасте от 14 до 17 лет, что может быть связано с более строгим контролем со стороны взрослых и общества в целом.

Образовательный профиль преступников: лица, совершившие преступления в данной сфере, в большинстве своем обладают средним или высшим образованием. Это подчеркивает сложность и специфичность экономических преступлений, требующих определенного уровня знаний и навыков.

Мотивационный аспект преступлений: преобладающим мотивом для совершения преступлений в сфере экономической деятельности является стремление к материальной выгоде. Однако не следует исключать и статусные мотивы, включая стремление улучшить свое социальное положение или сохранить уже достигнутый социальный статус.

Разновидности наказаний: анализ структуры наказаний позволяет выявить, что значительная доля осужденных подвергается финансовым санкциям в виде штрафов. Также довольно распространены условные приговоры, что может свидетельствовать о стремлении судебной системы к гуманизации наказаний. Отмечается низкий процент оправдательных приговоров, что может указывать на высокую степень доказанности виновности в рассматриваемых делах.

Следующей частью данного диссертационного исследования стал анализ функциональности и легитимности уголовного наказания за экономические преступления в отечественной правоприменительной деятельности.

Под функциональностью уголовного наказания автор понимает многогранную систему, направленную на регулирование социальных отношений и поддержание стабильности в обществе через применение законодательно установленных мер воздействия на преступника. В этом контексте функциональность уголовного наказания включает в себя следующие аспекты:

- реабилитационная функция, направлена на социальную адаптацию осужденного, его возвращение в общество как полноценного члена, способного соблюдать установленные нормы и законы;

- превентивная функция, заключается в предотвращении совершения новых преступлений как самим осужденным, так и другими потенциальными преступниками через демонстрацию последствий нарушения закона;

– ретрибутивная функция, предполагает наказание преступника как акт возмездия за совершенное преступление, удовлетворяя тем самым требование общества к справедливости;

– компенсационная функция, направлена на возмещение ущерба, причиненного преступлением, через финансовые санкции или обязательные работы в пользу общества;

– образовательная функция, заключается в формировании у осужденного правопонимания и правосознания через процесс исполнения наказания, а также в общеобразовательном воздействии на общество, демонстрируя негативные последствия преступного поведения;

– нормативная функция, подразумевает поддержание и укрепление социальных норм и ценностей через действие системы уголовного наказания, что способствует укреплению законности и правопорядка в обществе.

Таким образом, функциональность уголовного наказания в данном контексте представляет собой комплекс мер, направленных на регулирование социального поведения индивидов с целью поддержания социального порядка и стабильности в обществе.

Легитимность уголовного наказания в контексте социологического изучения социоструктурных факторов конвенциональности уголовного наказания относится к признанию обществом законности, справедливости и обоснованности применения уголовных санкций к лицам, совершившим преступления. Это понятие включает в себя следующие аспекты:

– законность: уголовное наказание должно основываться на законах, принятых компетентными государственными органами, и соответствовать нормам и принципам правовой системы;

– справедливость: наказание должно быть соразмерным совершенному преступлению, обеспечивая справедливое воздаяние за совершенные деяния и учитывая индивидуальные обстоятельства каждого случая;

– обоснованность: уголовное наказание должно служить достижению определенных целей, таких, как предотвращение преступлений, защита

общества, реабилитация преступника и восстановление социальной гармонии;

- социальное признание: легитимность уголовного наказания предполагает его признание и поддержку со стороны общества, что обеспечивается через социальный консенсус относительно необходимости и правомерности применения уголовных санкций;

- этическая основа: уголовное наказание должно соответствовать основным этическим нормам и ценностям общества, не нарушая основных прав и свобод человека;

- адекватность социокультурному контексту: легитимность уголовного наказания также зависит от его соответствия доминирующим в обществе культурным нормам и ценностям, что обеспечивает его эффективность и социальную приемлемость.

Таким образом, легитимность уголовного наказания в контексте данного диссертационного исследования представляет собой многогранное понятие, включающее в себя юридическую, этическую и социокультурную составляющие, направленное на обеспечение социального порядка и правопорядка через правомерное и обоснованное применение уголовных санкций. Легитимность уголовного наказания есть также признание законности, справедливости и обоснованности применения уголовных санкций, основанных на социокультурных нормах и ценностях, стремящихся обеспечить социальную гармонию и правопорядок через соразмерное и этично обоснованное наказание.

Для решения задачи анализа функциональности и легитимности уголовного наказания за экономические преступления в отечественной правоприменительной деятельности были использованы качественные методы социологического исследования. Основным методом на данном этапе исследования стал опрос экспертов с помощью свободного полуструктурированного интервью с представителями органов внутренних дел, следователями, прокураторами и следственного комитета, а также

сотрудниками органов исполнения наказания и судебной системы. Всего в выборочной совокупности исследования оказалось 46 информантов. Продолжительность каждого интервью составила от 1,4 до 3,2 часов по основному топику, включающему 42 вопроса (Приложение В, Приложение Е).

Формирование выборочной совокупности информантов для социологического исследования функциональности и легитимности уголовного наказания в РФ было осуществлено с учетом ряда ключевых аспектов, включая географическое распределение и профессиональную аффилиацию потенциальных респондентов. В первую очередь, был выбран качественный метод исследования, что предполагает более глубокий анализ мнений и взглядов отдельных экспертов, а не количественное измерение статистически значимой выборки.

Выборочная совокупность включала в себя 37 информантов, представляющих органы судебной власти и правоохранительные органы из Ставропольского края, Краснодарского края, а также Республики Карачаево-Черкессия. Такое географическое распределение позволяет учесть региональные особенности в практике применения уголовного наказания и получить более полное представление о ситуации в целом по РФ. Выбор экспертов обусловлен стремлением получить мнения специалистов, имеющих непосредственный опыт в вопросах уголовного наказания и способных предоставить квалифицированную оценку его функциональности и легитимности. Оставшиеся девять информантов – это представители адвокатского сообщества (пять информантов), а также некоммерческих правозащитных организаций (четыре информанта) из Ставропольского и Краснодарского края.

Таким образом, формирование выборочной совокупности было направлено на получение качественных данных от экспертов с различным профессиональным и географическим фоном для комплексного анализа функциональности и легитимности уголовного наказания в РФ.

Распределение экспертов по регионам и сферам профессиональной деятельности выглядит следующим образом:

- По регионам:
 - Ставропольский край:
 - Органы внутренних дел: 4 эксперта;
 - Следователи прокуратуры: 3 эксперта;
 - Следственный комитет: 3 эксперта;
 - Органы исполнения наказания: 3 эксперта;
 - Судебная система: 3 эксперта;
 - Краснодарский край:
 - Органы внутренних дел: 4 эксперта;
 - Следователи прокуратуры: 3 эксперта;
 - Следственный комитет: 3 эксперта;
 - Органы исполнения наказания: 3 эксперта;
 - Судебная система: 3 эксперта;
 - Карачаево-Черкесская Республика:
 - Органы внутренних дел: 3 эксперта;
 - Следователи прокуратуры: 2 эксперта;
 - Следственный комитет: 2 эксперта;
 - Органы исполнения наказания: 2 эксперта;
 - Судебная система: 2 эксперта.
- По сферам профессиональной деятельности:
 - Органы внутренних дел:
 - Ставропольский край: 4 эксперта;
 - Краснодарский край: 4 эксперта;
 - Карачаево-Черкесская Республика: 3 эксперта;
 - Следователи прокуратуры:
 - Ставропольский край: 3 эксперта;
 - Краснодарский край: 3 эксперта;
 - Карачаево-Черкесская Республика: 2 эксперта;

- Следственный комитет:
- Ставропольский край: 3 эксперта;
- Краснодарский край: 3 эксперта;
- Карачаево-Черкесская Республика: 2 эксперта;
- Органы исполнения наказания:
- Ставропольский край: 3 эксперта;
- Краснодарский край: 3 эксперта;
- Карачаево-Черкесская Республика: 2 эксперта;
- Судебная система:
- Ставропольский край: 3 эксперта;
- Краснодарский край: 3 эксперта;
- Карачаево-Черкесская Республика: 2 эксперта.

Такое распределение позволяет обеспечить разнообразие перспектив и мнений, в то же время сохраняя баланс между различными регионами и сферами профессиональной деятельности. Это способствует получению более объективных и всесторонних данных для исследования. Общая логика представления результатов качественного исследования следует из специфики разработанных критериев и показателей социологического анализа конвенциональности уголовного наказания, представленных в параграфе 2.3 настоящего исследования.

Анализируя социоструктурные факторы конвенциональности уголовного наказания, опираясь на критерий равного доступа к правосудию, важнейшим показателем которого является наличие или отсутствие дискриминации при вынесении приговора, получены следующие основные эмпирические результаты.

Три четверти экспертов из всех сфер профессиональной деятельности, попавших в выборочную совокупность исследования, полагают, что при вынесении приговоров за экономические преступления подсудимые очень часто подвергаются дискриминации, которая может быть вызвана различными причинами. Часть экспертов, в основном из судебной системы и

органов следствия, называет такие причины «объективными». К таким причинам относятся, например, повторное совершения преступления по аналогичной или схожей статье. Чаще всего это преступления, связанные с мошенничеством.

Подтвердить данный тезис можно мнением информанта (судебная система): *«В процессе вынесения приговоров за экономические преступления мы сталкиваемся с различными факторами, которые могут способствовать возникновению дискриминации. В первую очередь, это может быть связано с социально-экономическим положением обвиняемого. К сожалению, иногда бывает так, что люди с более высоким социальным статусом имеют больше ресурсов, более дорогих и классных адвокатов для защиты своих интересов, что может влиять на исход дела.*

Я не хочу и не буду говорить что-либо конкретное, но бывают случаи, когда существует и давление со стороны общественности или даже государственных органов... ну это даже не давление, а иногда как просьба, может быть совет или разъяснение ситуации. У меня в практике случаев прямого давления лично не было ни разу. Это, конечно, может влиять на независимость судебных решений. Это создает определенные риски для справедливости процесса.

Но при этом, и это очень важно, мы стремимся минимизировать влияние этих факторов, обеспечивая каждому обвиняемому справедливое и беспристрастное судебное разбирательство. Для этого мы постоянно работаем над повышением квалификации судей, чтобы обеспечить права всех граждан на справедливое судопроизводство».

Также стоит отметить и влияние стереотипов и предвзятого отношения к определенным группам населения, что может проявляться, например, в отношении к представителям различных этнических групп или к женщинам и мужчинам. Это может влиять на восприятие судьей мотивов преступления, характера обвиняемого и других аспектов, которые в конечном итоге влияют

на решение. О том, что этническая принадлежность обвиняемого может влиять на исход дела, указали треть информантов данного исследования. Мнение информанта (представитель следованных органов): *«Ну вот... масса же, их же можно к экономическим отнести преступлений, вот те же кражи, совершаются у нас в регионе, да и в соседних цыганами. Конечно, вольно-невольно следственный процесс, когда подозреваемый – представитель... ну нетитульной, скажем так, национальности, он бывает, что действительно по-другому немножко идет. Но это очень часто и никак не связано ни с происхождением, ни с чем еще. Это просто, скажем так, очень специфическая среда...».*

Важный вывод, который можно сделать по итогам этой части исследования, заключается в наличии сильной корреляции показателя доступности правосудия с материальным и профессиональным статусом лица, совершившего противоправное деяние. Более 90 % информантов указали, что доступность правосудия, под которой понимается способность людей физически достичь и использовать судебные и юридические услуги, напрямую зависит от финансовых возможностей и социальных связей обвиняемых в экономических преступлениях

Анализ данных глубинных интервью информантов с помощью показателя ясности и понятности законодательства, относящегося к этому же критерию, показал, что обвиняемые, обладающие невысоким социальным статусом и уровнем дохода, чаще других получают более серьезные приговоры. Это подтверждается следующей цитатой информанта (следователь СК): *«Законодательство в некоторых аспектах может быть неясным и непонятным для граждан с невысоким социальным статусом и уровнем дохода. То есть, это, вообще-то, правовая безграмотность в каком-то роде. Это, в свою очередь, приводит к тому, что они чаще сталкиваются с более серьезными приговорами, поскольку не всегда могут позволить себе квалифицированную юридическую помощь и не всегда полностью понимают все нюансы законодательства».*

Мнение информанта (судебная система): *«В основе любого судебного процесса лежит принцип справедливости и беспристрастности. Каждый человек имеет право на справедливое судебное разбирательство, в рамках которого гарантируется право на защиту и соблюдается презумпция невиновности. Это фундаментальные принципы, обеспечивающие равный доступ к правосудию и служащие залогом того, что каждый гражданин может рассчитывать на беспристрастное и объективное рассмотрение своего дела в суде...»* При этом более половины экспертов отметили, что зачастую принцип справедливости нарушается при рассмотрении экономических преступлений. Здесь надо заметить, что почти все информанты данного исследования убеждены в том, что не существует явно выраженной предвзятости при вынесении приговоров за экономические преступления. Этот тезис можно подтвердить типичной цитатой (представитель следованных органов) *«...Ну вот вы же сами, раз этой темой занимаетесь, знаете резонансные дела, например, в отношении одного из бывших министров краевого правительства. Вот в чем тут вопрос, почему он получил такое вроде как несправедливое наказание. Да оно то как раз очень даже справедливое, если посмотреть изнутри или более внимательно. Вот народ как думает – раз чиновник, значит вор. А следственная группа нарушения, безусловно, увидела и доказала, но большинство из них то он совершил, ну что называется ...ну как... из необходимости выполнить поставленные перед ним задачи что ли. Где-то подрядчики попались недобросовестные, где-то коллеги подставили. Вот оно и накопилось. А люди то что видят: бабушка курицу в селе украла – в тюрьму, а чиновник украл миллион – штраф...»*.

В Российской Федерации вопрос о наиболее эффективных видах наказаний за экономические преступления остается предметом обширных дискуссий среди юристов, судей, исследователей и других экспертов. Следует отметить, что «эффективность» наказания может оцениваться с различных точек зрения, включая его способность предотвращать повторное

совершение преступлений, его справедливость и его соответствие принципам гуманности и законности.

Штрафы остаются одним из наиболее распространенных видов наказаний за экономические преступления. О том, что они являются эффективным средством борьбы с экономической преступностью, указали 19 из 46 информантов. Как полагают эксперты данного исследования, они могут быть эффективными в тех случаях, когда размер штрафа значительно превышает возможную выгоду от преступления, создавая тем самым «дисинcentив» для потенциальных преступников. Тем не менее в некоторых случаях штрафы могут быть недостаточно строгими, чтобы остановить повторное совершение преступлений.

Лишение свободы является наиболее традиционным и строгим видом наказания, который имеет сдерживающий эффект на потенциальных преступников. Однако его эффективность может быть ограничена высокими экономическими и социальными затратами, а также риском переполнения тюрем. Мнение информанта (представитель системы исполнения наказаний): *«Лишение свободы действительно является одним из наиболее строгих видов наказания. Его цель – не только наказать преступника, но и предотвратить совершение новых преступлений, создавая сдерживающий эффект на потенциальных преступников. Однако мы сталкиваемся с рядом проблем, связанных с этим видом наказания.*

Во-первых, экономические затраты на содержание заключенных довольно высоки. Это не только затраты на физическое содержание заключенных, но и на их реабилитацию, медицинское обслуживание, обеспечение безопасности и прочее.

Во-вторых, мы сталкиваемся с проблемой переполнения тюрем, что создает неблагоприятные условия для заключенных и ухудшает условия их содержания. Это может способствовать повышению уровня агрессии и насилия в тюрьмах, а также ухудшению психоэмоционального состояния заключенных.

В-третьих, заключенные теряют связь с обществом, что затрудняет их адаптацию после освобождения. К тому же стигматизация осужденных создает дополнительные барьеры для их успешной реинтеграции в общество. Вот получил человек 4 года за получение взятки, да, оступился был не прав, но кем он выйдет и какой у него настрой будет, даже если он по УДО через 2 года освободится...»

Условные наказания, включая условное осуждение к лишению свободы, являются в настоящее время эффективным способом борьбы с экономической преступностью, предлагая альтернативу тюремному заключению и давая преступникам шанс на реабилитацию. Так считают три четверти участников исследования.

Обязательные работы подавляющее большинство экспертов не считают эффективным видом наказания.

Конфискация имущества, полученного преступным путем, может быть эффективным средством борьбы с экономической преступностью, поскольку она устраняет экономическую выгоду от преступления. Мнение информанта (представитель прокуратуры): *«Конфискация имущества, действительно, является одним из наиболее эффективных инструментов борьбы с экономической преступностью. Во-первых, это позволяет нам устранить экономическую выгоду, которую преступник получает от совершения преступления, лишая его материальной базы и финансовых средств, необходимых для дальнейшего совершения преступлений.*

Во-вторых, конфискация имущества служит сильным сдерживающим фактором для потенциальных преступников, поскольку они понимают, что все незаконно приобретенное имущество может быть изъято в пользу государства.

В-третьих, конфискованные активы можно использовать для компенсации ущерба, причиненного преступлением, в том числе и для возмещения материального ущерба пострадавшим от преступления

лицам. Таким образом, мы не только наказываем преступников, но и восстанавливаем справедливость, помогая жертвам.

Но при всем при этом на практике в реальности добиться именно такого наказания в суде в силу самых разных причин очень и очень сложно...».

В некоторых случаях, особенно когда преступление связано с профессиональной деятельностью преступника, ограничение права заниматься определенной профессиональной деятельностью может быть эффективным наказанием. Этому мнению придерживается 32 из 46 информантов данного исследования.

Анализ данных качественного исследования на основе показателя эффективности исправительных мер показал, что оценка того, насколько эффективно уголовное наказание приводит к исправлению преступника и предотвращает повторное преступление в экономической сфере, достаточно неоднозначна. Большинство информантов указало на то, что осужденные за данный вид преступлений, относящиеся к наиболее статусным общественно-профессиональным группам, как правило, в дальнейшем не совершают подобных преступлений. Рецидивы экономических преступлений наиболее характерны для лиц среднего возраста, без постоянного вида деятельности, со средним или начальным образованием. Лица же с высшим образованием, занимающие руководящие позиции и обладающие высоким социальным статусом на момент совершения преступления, редко занимаются аналогичной противоправной деятельностью после наказания за содеянное.

Существуют и другие мнения относительно отбывания наказания за экономические преступления. Так, вопрос создания частных тюрем для лиц, осужденных за экономические преступления, активно обсуждается представителями бизнес-сообщества и некоторыми правозащитниками. Они настаивают на том, что опыт некоторых стран, включая Францию, США и

Великобританию, демонстрирует возможность реализации проектов частных тюрем для бизнесменов²²⁹.

Эксперт из Словении, профессор Г. Мешко, подчеркивает важность детального изучения вопроса государственно-частного партнерства в этой сфере, указывая на сложность оценки эффективности таких учреждений, создаваемых при поддержке государства²³⁰. Однако, как отмечается в анализе зарубежных пенитенциарных систем, введение частных тюрем требует значительных финансовых вложений, что в текущих условиях экономических санкций может быть неподъемным для Российской Федерации.

Стоит отметить, что идея создания частных тюрем в России может привлечь бизнес не столько с точки зрения прибыли, сколько с позиции выполнения социальной миссии в борьбе с преступностью. Тем не менее на данный момент ни государство, ни бизнес-структуры не проявляют активного интереса к данной инициативе, что подчеркивает необходимость более глубокого экономического и социального анализа данного вопроса.

В условиях отсутствия возможности создания специализированных частных тюрем представляется реалистичным рассмотреть предложение Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Б. Итова о создании отдельных блоков в следственных изоляторах для лиц, обвиняемых в экономических преступлениях. Это предложение было озвучено на Дальневосточном экономическом форуме в сентябре 2018 года и поддержано руководством ФСИН России²³¹.

²²⁹ В России могут появиться частные тюрьмы для бизнесменов. URL: <http://www.dg-yug.ru/rubriki/world/89867-v-rossii-mogut-poyavitsya-chastnyie-tyurmyi-dlya-biznesmenov.html> (дата обращения: 07.09.2022).

²³⁰ Мешко Г. Экспертное заключение // Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования / под научной редакцией В. И. Селиверстова. Москва : Юриспруденция, 2019.

²³¹ Королева Е. Сиди тихо: мошенников спасут от насильников // Газета RU. 2018. 12 сентября. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/09/11/11960965.shtml> (дата обращения: 16.11.2018).

Тем не менее Б. Титов подчеркивает, что такой шаг может быть недостаточным, учитывая, что большинство обвиняемых в конечном итоге осуждаются и направляются в общие колонии. Он акцентирует внимание на серьезной проблеме совместного содержания лиц, осужденных за экономические и должностные преступления, с осужденными за более тяжкие преступления, подчеркивая необходимость разработки более дифференцированного подхода к исполнению наказаний. Это вопрос не только безопасности, но и социальной справедливости, требующий дальнейшего обсуждения и анализа.

Здесь стоит отметить, что более 80 % информантов данного исследования не поддерживают идею отбывания наказания за экономические преступления в пенитенциарных учреждениях отдельного типа. Один из экспертов, представитель системы исполнения наказаний, поделился своим мнением по этому вопросу: ***«Создание отдельных учреждений для экономических преступников может создать условия для усиления коррупции и неправомерного «привилегирования» определенной категории осужденных. В нашей стратегии борьбы с преступностью важно сохранять принцип равенства перед законом и обеспечивать справедливое наказание для всех, независимо от характера совершенного преступления...»***.

Следующим является критерий результативности (эффективности) социологического исследования конвенциональности уголовного наказания. Наказание в уголовном праве является одним из ключевых элементов современной системы правосудия. Однако его роль и эффективность постоянно подвергаются обсуждению и критике. Критерий результативности уголовного наказания за экономические преступления подразумевает, что наказание должно служить определенной цели: предотвратить преступление, исправить преступника или возместить ущерб, причиненный обществу. Представитель системы исполнения наказаний: ***«В нашей работе мы стремимся обеспечить, чтобы уголовное наказание служило не просто***

мерой наказания, но и инструментом, способствующим реабилитации осужденного и предотвращению повторных преступлений. Наказание должно быть направлено не только на возмещение ущерба, но и на исправление преступника, чтобы по его освобождению он смог адаптироваться и влиться в общество, не представляя угрозы для окружающих. Это сложный процесс, требующий индивидуального подхода и комплексного использования различных методов воспитательного воздействия». Этой цитатой можно подтвердить мнение информантов о действенности критерия результативности уголовного наказания за экономические преступления. Необходимо заметить, что, несмотря на обширный перечень уголовных статей по экономическим преступлениям, большинство экспертов полагают, что существующий в настоящее время перечень видов наказаний в целом способствует ресоциализации осужденных преступников.

Говоря о критерии ответственности, необходимо отметить, что треть экспертов, в основном представители органов прокуратуры и судебной системы, полагают, что система назначения наказания за экономические преступления в целом функционирует в РФ без серьезных ошибок и сбоев. Другие же информанты, напротив, полагают, что при назначении наказания за экономические преступления ошибки или же дифференцирование толкования законов встречаются достаточно часто.

На вопрос о том, какие же признаки или критерии они могут назвать в качестве детерминант таких ошибок, получено следующее наиболее типичное мнение. Представитель следственных органов: *«Ну... если попытаться это все осмыслить... то, наверное, так – лицам мужского пола, средних лет, совершающим рецидивное преступление, ведущим асоциальный образ жизни, безработным... наказание за аналогичные преступления часто выносится более строгое, чем другим категориям осужденных».*

Целерациональный критерий социологического анализа конвенциональности уголовного наказания предполагает то, что различные компоненты уголовного наказания могут по-разному интерпретироваться членами общества, исходя из дифференциации их позиций в социальной структуре и стратификации. Эмпирическими показателями данного критерия являются:

- цели и функции наказания (возмездие, восстановление нарушенных прав, исправление, специальная превенция, общая превенция);
- виды наказаний (наказаний, связанных с лишением свободы и наказаний, не связанных с лишением свободы: штраф, поражение в правах, принудительный труд, лишение свободы, ограничение свободы, телесные наказания, принудительное перемещение, смертная казнь);
- адекватность наказания содеянному (сроки лишения свободы, величина штрафа и т. д.);
- режим содержания в случае лишения свободы (также отражает и тяжесть меры наказания);
- альтернативы имеющемуся наказанию.

Исследуя стратификационные факторы конвенциональности уголовного наказания на основе данного критерия, можно сделать следующие основные выводы. Практически все информанты, принявшие участие в исследовании, признают то, что уголовное наказание служит инструментом возмездия за экономические преступления, направленным на восстановление социального равновесия. Это указывает на высокую степень конвенциональности уголовного наказания в контексте исследования стратификационных факторов уголовного наказания. Три четверти информантов отмечают важность восстановления прав пострадавших от экономических преступлений, что также подчеркивает высокую степень конвенциональности уголовного наказания в контексте защиты прав и свобод граждан.

Исправление преступника выделяется лишь половиной информантов как долгосрочная цель, требующая индивидуального подхода, что указывает на необходимость разработки более эффективных методов реабилитации. У большинства информантов (38 из 46) преобладают мнения о том, что лишение свободы и штрафы остаются основными и эффективными видами наказания в борьбе с экономической преступностью. Лишь четверть участников исследования выразили тревогу по поводу возможного перебора в определении сроков лишения свободы и размеров штрафов, что подчеркивает необходимость более тщательного подхода к определению адекватности наказания.

Всеми без исключения информантами подчеркивается важность соответствия режима содержания степени общественной опасности преступления, что указывает на стремление к более гуманному и справедливому подходу к наказанию. Представим мнение представителя системы исполнения наказаний: ***«...Сроки лишения свободы зачастую кажутся переборщенными, особенно для тех, кто впервые попал в систему».***

Пятая часть экспертов отметили предложения о разработке альтернативных видов наказания, направленных на реабилитацию, а не на изоляцию, что отражает стремление к инновационным подходам в системе уголовного наказания страны.

В целом, данное исследование подчеркивает необходимость пересмотра текущей системы уголовного наказания с точки зрения критерия целерациональности. Данные качественного исследования демонстрируют потребность в более сбалансированном подходе, который бы сочетал в себе элементы возмездия, восстановления прав пострадавших и реабилитации преступников.

В части мнений информантов акцентируется внимание на необходимости разработки альтернативных методов наказания, которые были бы более соразмерными и адекватными характеру и степени

общественной опасности преступления, а также способствовали бы успешной реинтеграции осужденных в общество.

Стратификационный критерий изучения конвенциональности уголовного наказания является наиболее важным инструментом в социологическом исследовании, позволяя ученым изучать различия между социальными группами на основе класса, этноса, пола, возраста и других характеристик. Применительно к уголовному наказанию стратификационный подход предоставляет ценные инсайты о том, как общественные неравенства влияют на приговоры и восприятие преступлений и наказания.

Результаты проведенного исследования показывают, что социальный статус подсудимого самым непосредственным образом влияет на процесс судопроизводства. Представитель органов прокуратуры: *«Ну конечно влияет, еще как статус влияет, и не только он. И образ жизни, и то, с кем человек общается, где живет, чем дышит... Вот не про экономику, но тоже очень показательно. В среднем за убийство в России приговаривают к 10 годам лишения свободы. Однако, если рассмотреть двух разных людей с различными социальными характеристиками, приговоры могут сильно различаться. Так, ну, к примеру, пожилая женщина с работой и регистрацией может получить 9 лет, в то время как безработный молодой мужчина с судимостью и без регистрации может быть приговорен к 12 годам за аналогичное преступление».*

Первый аргумент, который часто приводят юридические эксперты в дебатах с криминологами и социологами права, стремясь доказать соблюдение принципа равенства всех перед законом, основывается на предположении о различной степени тяжести совершаемых преступлений. Согласно этой точке зрения, преступления, совершаемые, например, безработными, обычно немного тяжелее.

Представитель адвокатского сообщества: *«В некоторых случаях судьи могут учитывать нюансы конкретного дела, включая характер используемого оружия, что, безусловно, влияет на окончательное*

решение. Например, молодая женщина, вероятно, угрожала чьей-то жизни с помощью небольшого ножа, в то время как пожилой мужчина мог использовать топор. Это создает предпосылки для различного восприятия угрозы и, следовательно, различной степени наказания».

Тем не менее криминологические исследования не находят подтверждения этой гипотезе. Представитель правозащитного сообщества: *«Анализ различных дел нашего судопроизводства не позволяет утверждать о существенном влиянии характера угрозы на размер наказания. В действительности, мы видим, что социальные характеристики подсудимого играют значимую роль при вынесении наказания именно за экономические преступления».*

Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда имеется веский критерий, демонстрирующий влияние социального статуса обвиняемого на срок наказания, что явно подчеркивает слабую степень конвенциональности уголовного наказания в данном контексте.

Следующий аргумент, который достаточно часто приводили информанты при ответе на вопросы, относящиеся к стратификационному критерию, заключается в том, что разные судьи могут принимать разные решения в зависимости от своего восприятия дела. Представитель адвокатского сообщества: *«В российской практике мы видим, что мужчины-судьи часто выносят более строгие приговоры по сравнению с женщинами-судьями за аналогичные преступления при прочих равных условиях. Это может быть связано как с различными подходами к оценке обстоятельств дела, так и с чем-то еще».*

Другой адвокат, выступивший информантом в данном исследовании, привел конкретный кейс, согласно которому председатель районного суда очень часто передавал дела безработных лиц, обвиняемых в мошенничестве конкретному судье, специализирующемуся на рассмотрении дел именно этой группы. Этот судья почти всегда выносил более строгие приговоры,

основываясь на своем профессиональном опыте и восприятии конкретных обстоятельств дела.

Еще одна закономерность, которая была выявлена по итогам работы над данной частью исследования, заключается в том, что судьи, как и все члены общества, подвержены влиянию социальных представлений и стереотипов, которые формируются на основе личных характеристик обвиняемого.

Мнение информанта (судебная система): *«Существует тенденция к тому, что судьи могут быть более снисходительными к тем, кто не имеет криминального прошлого, полагая, что такие люди могли просто ошибиться. В то же время судьи могут быть и более строгими к тем, кто находится в более неблагоприятной социальной ситуации, такой как отсутствие прописки или постоянно работы».*

Российский Уголовный кодекс, унаследовав некоторые аспекты от советского предшественника, действительно предписывает судьям учитывать личные характеристики обвиняемого при назначении наказания. Это создает основание для судебской дискреции, которая, в свою очередь, может способствовать неравенству в приговорах.

Представитель адвокатского сообщества: *«Судьи, возможно, воспроизводят общественные стереотипы, что порождает вопросы о том, насколько справедливо дополнительно дискриминировать уже дискриминированные группы через судебную систему. Это ставит перед нами вопрос о том, должны ли мы допускать ужесточение наказания на основе социального статуса, который не имеет прямого отношения к преступлению».*

Таким образом, проблемы конвенциональности и социальной справедливости, а также необходимость рефлексии над тем, как общественные представления и стереотипы влияют на судебные решения, являются весьма актуальной задачей для современной социологии. Это

требует дальнейшего анализа и обсуждения в контексте борьбы с дискриминацией и поощрения равенства перед законом.

Также в рамках анализа конвенциональности уголовного наказания с помощью стратификационного критерия удалось установить, что российская система правосудия имеет явно выраженный обвинительный уклон. Представитель правозащитного сообщества: *«Если дело не доходит до суда, это воспринимается как отрицательный момент в работе следствия. А если суд не выносит обвинительного приговора, который проходит апелляционную проверку, это считается признаком некачественной работы суда»*.

Представитель адвокатского сообщества: *«Мизерный процент оправдательных приговоров указывает на то, что исход дела обвиняемого часто определяется на стадии предварительного расследования»*. По мнению информанта, суды в России часто склонны соглашаться с позицией правоохранительных органов, не проявляя должной независимости.

Однако сотрудники следственных органов не согласны с данной позицией: *«Уменьшение числа оправдательных приговоров связано с улучшением дисциплины в государственных структурах и более тщательной работой над сбором доказательств»*.

Пропорциональность является критерием уголовного наказания, поддерживающим его социальную легитимность. Показателями, используемыми при эмпирическом исследовании конвенциональности на основе данного критерия, являются: степень соответствия между типом преступления и назначенным наказанием, соответствие между наказанием и социальным восприятием его адекватности, социальный портрет лица, совершившего преступление, персональные обстоятельства преступника, социальный портрет жертвы преступления.

Анализ мнений информантов на основе критерия пропорциональности говорит о том, что в настоящее время в РФ отсутствует конвенциональность

в мнениях о соответствии содеянного преступления назначаемому за него наказанию. Представитель адвокатского сообщества: *«В нашей работе мы постоянно сталкиваемся с явным дисбалансом между характером совершенного преступления и мерой наказания, которое за него назначается. Это создает обстановку правовой неопределенности и недоверия к судебной системе, поскольку граждане не могут быть уверены в том, что судебное решение будет справедливым и пропорциональным...»*.

Важнейшим в контексте данной части работы критерием конвенциональности уголовного наказания является критерий легитимности (в социологических науках) или правовая определенность (в правовых науках). Данный критерий связан с ясностью и точностью законов, нормативных актов и регламентов, определяющих наказание за конкретные преступления.

Представитель прокуратуры: *«Легитимность наказания в значительной степени зависит от того, насколько законы сформулированы ясно и однозначно, обеспечивая тем самым прозрачность и предсказуемость юридической системы. У нас же очень часто просто невозможно ясно и однозначно сформулировать одинаковые обвинительные заключения в двух разных ситуациях. Они точно будут отличаться. На это влияет масса факторов, прежде всего, конечно, обстоятельства дела и личность подозреваемого»*.

С точки зрения конвенциональных норм, правовая определенность требует, чтобы законы были сформулированы таким образом, чтобы минимизировать возможность различных трактовок. Представитель адвокатского сообщества: *«Правовая определенность – это краеугольный камень справедливого общества, где каждый индивид понимает границы своей ответственности и возможные последствия нарушения закона»*.

Таким образом, критерий легитимности или правовая определенность играют центральную роль в обеспечении конвенциональности уголовного наказания.

Итак, исходя из анализа качественных данных социологического исследования, можно сделать вывод о том, что функциональность уголовного наказания за экономические преступления включает в себя комплекс мер, направленных на предотвращение преступлений, реабилитацию лиц, совершивших преступление, и восстановление правопорядка через справедливое и законное применение наказаний.

Качественные эмпирические данные, полученные от информантов, говорят о том, что в настоящее время к наиболее высокой степени конвенциональности, соответствующей тяжести причиненного экономического ущерба и степени назначенного наказания, относятся преступления против порядка обращения денег, драгоценных металлов, драгоценных камней и ценных бумаг, а также порядка учета прав на ценные бумаги, преступления против порядка осуществления внешнеэкономической деятельности, преступления против порядка кредитования и порядка удовлетворения требований кредиторов, незаконное предпринимательство и банковская деятельность. Большинство экспертов полагают, что наказания за эти типы экономических преступлений являются наиболее конвенциональными и соответствующими ожиданиям большинства акторов правового процесса.

Частично конвенциональными, судя по результатам исследования, являются легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом, контрабанда, контрабанда при отягчающих обстоятельствах.

Неконвенциональными, по мнению экспертов, участвовавших в исследовании, являются различные виды мошенничества, присвоение или растрата, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, а также взяточничество.

Говоря о функциональности уголовного наказания в части соответствия законности и справедливости, необходимо заметить, что большинство экспертов склоняются к тому, что в настоящее время существует явно выраженный дисбаланс между указанными понятиями в отношении наказания лиц, совершивших экономические преступления. Доминанта правоприменительной деятельности явно выражена в сторону обеспечения законности, зачастую игнорируя принципы справедливости, в особенности в отношении людей, обладающих невысоким социальным статусом.

Данные проведенного исследования также показали, что существующая система уголовного наказания в РФ не способствует предотвращению преступлений в сфере экономики. Особенно это касается уголовных статей, связанных с коррупцией, мошенничеством и взяточничеством.

Анализ материалов и результатов проведенного исследования показал, что процесс назначения наказаний за экономические преступления претерпевает значительные изменения благодаря изменению законодательства, оказывающего влияние на судебную практику. Эти реформы способствуют частичному снижению дискриминации осужденных из различных социальных слоев, в том числе предпринимателей, экономически активных граждан и безработных. Судя по экспертным мнениям представителей судебной системы, в настоящее время наблюдается тенденция к снижению количества реальных сроков лишения свободы, в том числе и для предпринимателей. При этом судьи стали чаще применять альтернативные виды наказаний, такие как, например, штрафы, в отношении экономически активных осужденных и безработных.

Также следует констатировать сокращение разрыва в назначаемых наказаниях между различными социальными группами, включая тех, кто осужден за мошенничество. Это свидетельствует о том, что уголовная репрессия стала менее строгой, что является результатом общих реформ в

системе уголовного судопроизводства, а не исключительно мер, направленных на защиту лиц, находящихся под следствием по делам об экономических преступлениях.

Проведенное исследование позволило выявить тенденцию, согласно которой стратегия укрепления защиты прав обвиняемых и гуманизация уголовной ответственности, не зависящая от социального статуса обвиняемого, являются наиболее продуктивными подходами к снижению давления правоохранительных органов на лиц, подозреваемых в совершении экономических преступлений.

Сопоставление мнений представителей общественных объединений предпринимателей, адвокатов и работников правоохранительной системы позволило сделать эмпирический вывод о том, что безработные обвиняемые чаще других категорий сталкиваются с более строгим отношением со стороны правоохранительных органов, что проявляется в повышенной вероятности досудебного заключения под стражу, особенно в случаях, связанных с обвинениями в краже. Вероятность предварительного заключения под стражу для безработных значительно превышает аналогичный показатель для предпринимателей.

Предприниматели, осужденные за мошенничество, часто сталкиваются с более строгими наказаниями по сравнению с другими категориями обвиняемых, имеющими стабильный легальный доход. Этот вывод подтверждается данными и других аналогичных исследований, в которых отмечается, что предварительное заключение под стражу может влиять на выбор вида наказания, в частности, на решение о лишении свободы, но не определяет его продолжительность²³².

Следующий вывод заключается в том, что наемные работники, особенно бюджетной сферы, наряду с государственными и муниципальными

²³² Трошев А. 2012. Как судьи арестовывают и оправдывают: советское наследие в уголовном судопроизводстве. В сб.: Волков В. В. (отв. ред.) Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права. М.: Статут; С. 18–56.

служащими могут рассчитывать на более лояльное отношение со стороны суда по сравнению с представителями бизнес-сообщества.

Функциональность уголовного наказания за экономические преступления характеризуется высоким уровнем дисбаланса между тяжестью совершенного преступления и реальным приговором в отношении различных категорий населения. Чем ниже социальный и профессиональный статус обвиняемого, тем больше вероятность вынесения более строгого наказания. Следующей характеристикой функциональности современной системы уголовного наказания за экономические преступления является ее дискриминационный характер. Особенно отчетливо это проявляется в отношении такой социальной группы, как предприниматели.

Важным аспектом функциональности уголовного наказания за экономические преступления является уровень рецидива. Данные проведенного исследования показывают, что резонансные преступления, по которым выносятся наиболее неконвенциональные решения, такие, как мошенничество, характеризуются самым высоким уровнем рецидива.

Говоря о легитимности уголовного наказания за экономические преступления в современной правоприменительной деятельности, необходимо заострить внимание на том, что уголовное законодательство, направленное на регулирование общественных отношений, связанных с предотвращением преступлений и установлением наказаний за их совершение, имеет своей целью обеспечение правопорядка и защиту общества от преступных посягательств. С другой же стороны, уголовно-исполнительное законодательство фокусируется на регулировании отношений, возникающих в процессе исполнения уголовных наказаний, стремясь обеспечить баланс между интересами общества и правами осужденных, а также способствовать их ресоциализации.

Данные проведенного исследования показывают, что несмотря на то, что рассматриваемые системы функционируют в рамках уголовной юстиции, они имеют различные фокусы и цели, что создает серьезные трудности в

координации их действий и взаимодействия. Это подчеркивает необходимость дальнейшей легитимации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства с целью создания более согласованной и эффективной системы уголовной юстиции в отношении экономических преступлений.

Вопросы, затронутые в интервью с экспертами, позволяют глубже понять, как стратификационные факторы влияют на восприятие и реальное применение уголовного наказания за экономические преступления:

1. Связь между социальным классом и тяжестью наказания

Интервью: информанты подчеркивают значимость того, что представители высшего класса чаще других категорий получают более мягкие наказания за экономические преступления. Это связано как с их финансовыми возможностями, позволяющими нанимать квалифицированных адвокатов, так и с их социальным капиталом, что способствует благоприятному исходу дела.

Статистика: согласно статистическим данным, более 60% осужденных за экономические преступления получили условные наказания или штрафы.

2. Различия в подходе к экономическим преступникам из разных социальных слоев

Интервью: различия в подходе к осужденным из разных социальных слоев подтверждаются информантами исследования. Они отмечают, что суды более суровы к представителям низших социальных слоев, что связано с меньшими возможностями защититься и меньшим социальным капиталом.

Статистика: среди осужденных из низших слоев общества, 70% получили реальные сроки лишения свободы, что подтверждает более жесткий подход к этим категориям.

3. Различия в тяжести наказания для более обеспеченных обвиняемых

Интервью: различия в назначении наказания для обеспеченных и менее обеспеченных обвиняемых четко видны. Информанты указывают на то, что обеспеченные лица чаще получают альтернативные или условные наказания,

в то время как менее обеспеченные сталкиваются с реальными сроками лишения свободы.

Статистика: статистика подтверждает, что 80% обвиняемых из высшего класса получили условные наказания или штрафы, что контрастирует с данными по низшему классу, где преобладает реальное лишение свободы.

4. Барьеры для доступа к справедливому судебному разбирательству

Интервью: информанты выделяют несколько барьеров для доступа к справедливому суду, включая финансовые ограничения, отсутствие качественной юридической помощи и предвзятость судей.

Статистика: статистические данные подтверждают, что среди лиц с низким доходом только 30% получили квалифицированную юридическую помощь, что усиливает их уязвимость перед судебной системой.

Кроме того, информанты признают, что в настоящее время механизмы, направленные на снижение влияния социального неравенства, практически отсутствуют. Недостаток таких механизмов усугубляет неравенство в судебной системе. Можно предположить, что в будущем возможно внедрение таких механизмов, как обязательная помощь общественных адвокатов или квоты на назначение присяжных из различных социальных слоев, что позволит сбалансировать влияние неравенства.

Эксперты отмечают, что последствия осуждения за экономические преступления для различных социальных классов существенно различаются. Представители высшего класса часто могут быстро восстановить свои позиции после отбытия наказания, в то время как лица из низших слоев общества сталкиваются с длительной социальной изоляцией и потерей статуса. Можно предположить, что осужденные из высшего класса восстанавливаются в течение 1-2 лет, тогда как для низших классов этот процесс может занять 5-10 лет или вовсе оказаться невозможным.

Анализ статистической информации и результатов интервью с экспертами позволяет сделать ряд выводов о стратификационных факторах,

влияющих на восприятие и реальное применение уголовного наказания за экономические преступления.

Статистические данные и экспертные оценки подтверждают существование значительного неравенства в наказаниях для представителей различных социальных классов. Высший класс получает более мягкие наказания, что вызывает недовольство среди менее обеспеченных слоев общества и подрывает легитимность судебной системы. Социальный капитал и финансовые ресурсы играют ключевую роль в исходе судебного разбирательства. Лица с высоким социальным статусом имеют больше возможностей для защиты своих интересов в суде, что приводит к более благоприятным для них исходам. Долгосрочные социальные и экономические последствия осуждения значительно различаются в зависимости от социального класса осужденного. Высший класс быстрее восстанавливает свои позиции, в то время как низший класс сталкивается с длительной маргинализацией. Отсутствие эффективных механизмов, направленных на устранение социального неравенства в процессе исполнения правосудия, усугубляет дискриминацию и предвзятость.

Таким образом, анализ стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания позволил выявить различные тенденции в практике правоприменения в отношении разных социальных групп, что может служить основой для дальнейшего исследования данной проблематики с целью создания более справедливой судебной системы. В следующей части исследования будут рассмотрены различные характеристики конвенциональности уголовного наказания за экономические преступления в представлениях осужденных к лишению свободы.

3.3. Стратификационные аспекты конвенциональности уголовного наказания за экономические преступления в представлениях осужденных к лишению свободы

Данный этап исследования направлен на получение социологической информации о том, как осужденные воспринимают систему уголовного наказания и в чем они видят ее основные проблемы и недостатки. Представленное исследование способствует получению ответов на вопросы о том, как социальные, экономические и культурные факторы влияют на восприятие осужденными за экономические преступления конвенциональности уголовного наказания. Прежде всего, это анализ влияния образования, социального статуса, этнической принадлежности и других факторов на восприятие осужденными уголовного наказания.

Также важно учитывать психологический аспект восприятия уголовного наказания осужденными, а именно, какие психологические механизмы лежат в основе восприятия осужденными уголовного наказания и как это восприятие может влиять на их поведение и отношение к обществу.

С точки зрения теории и практики уголовного судопроизводства, исследование предлагает новые подходы к уголовному наказанию, которые будут более эффективными с точки зрения предотвращения преступлений и реабилитации преступников, включая разработку новых методов реабилитации, которые будут более эффективными с точки зрения предотвращения рецидива экономических преступлений.

Решение этой задачи предусматривает использование количественных методов социологического исследования, в частности, лиц, отбывающих наказание за совершенные экономические преступления в местах лишения свободы.

Основным методом осуществления данного этапа исследования стал опрос лиц, осужденных к лишению свободы за совершение экономических преступлений и отбывающих наказание в четырех исправительных

учреждениях: ФКУ ИК-2 УФСИН России по Ставропольскому краю, ФКУ ИК-5 УФСИН России по Ставропольскому краю, ФКУ ИК-14 УФСИН России по Краснодарскому краю, а также ФКУ ИК-11 ОИК-11 ОУХД ГУФСИН России по Пермскому краю. Общий объем выборочной совокупности составил 467 респондентов. Учитывая специфику эмпирического объекта, а также деятельности исправительных колоний, необходимо обратить внимание на то, что в выборочной совокупности исследования оказались лишь респонденты мужского пола. Данные статистики, представленные ранее, свидетельствуют, что подавляющее большинство преступлений экономической направленности совершаются именно мужчинами.

Первым этапом реализации данной части исследования стал анализ эмпирических данных, касающихся уровня доверия лиц, отбывающих наказания за экономические преступления, к системе уголовного наказания (приложение Г). Этот показатель характеризует критерий легитимности конвенциональности уголовного наказания. Данные об этом представлены на рисунке 52.

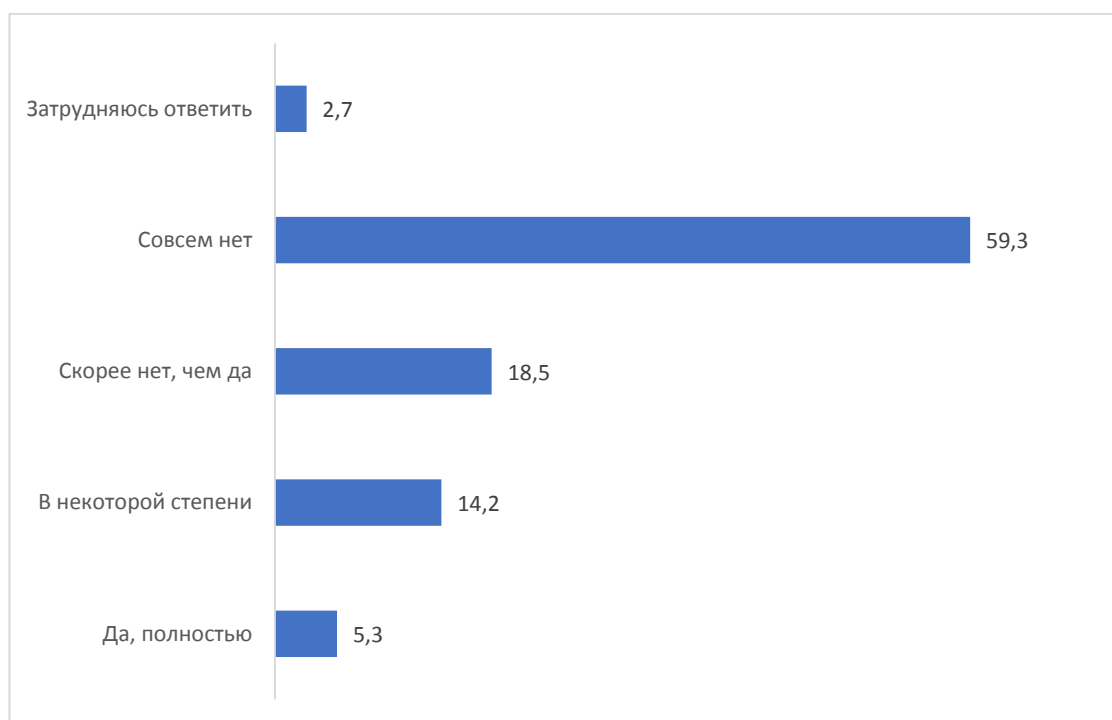

Рисунок 52 – Как бы Вы оценили свой уровень доверия
к системе уголовного наказания в РФ? (%)

Большинство респондентов (59,3 %) полностью не согласны с тем, что их наказание способствует предотвращению экономических преступлений в будущем, что указывает на низкий уровень доверия превентивной функции уголовного наказания среди осужденных за экономические преступления. Почти пятая часть участников исследования (18,5 %) склоняются к тому, что наказание не способствует предотвращению экономических преступлений, но при этом не уверены в этом на 100 %. Это также может указывать на наличие сомнений относительно эффективности наказания в контексте его превентивной роли.

Суммарно лишь 19,5 % респондентов (5,3 % «да, полностью» и 14,2 % «в некоторой степени») полагают, что их наказание может способствовать предотвращению экономических преступлений. Таким образом, лишь незначительная часть осужденных видит в своем наказании инструмент предотвращения подобных преступлений в будущем.

Большинство респондентов не усматривают прямой взаимосвязи между их наказанием и предотвращением последующих экономических преступлений. Такой результат может быть обусловлен рядом факторов, среди которых можно выделить недоверие к судебной системе, низкую эффективность исправительных учреждений, а также скептицизм по поводу реабилитационного потенциала уголовного наказания. Подобные настроения среди респондентов указывают на возможные существующие проблемы в системе правосудия и исправления, которые могут способствовать снижению их воспринимаемой легитимности и эффективности в глазах общества.

Половина респондентов (50,8 %) выразила недовольство процессом защиты в суде, выбрав варианты «Скорее нет, чем да» и «Нет», что указывает на наличие проблем в судебной системе, связанных с обеспечением прав на защиту лиц, совершивших экономические преступления (Рисунок 53). Всего 43,4 % респондентов (сумма процентов за «Да, конечно» и "Скорее да, чем

нет») дали положительную оценку возможности собственной защиты в суде. Это свидетельствует о том, что значительная часть опрошенных считают, что им предоставили достаточные возможности для защиты в суде, что является положительным фактором в контексте рассмотрения конвенциональности уголовного наказания.

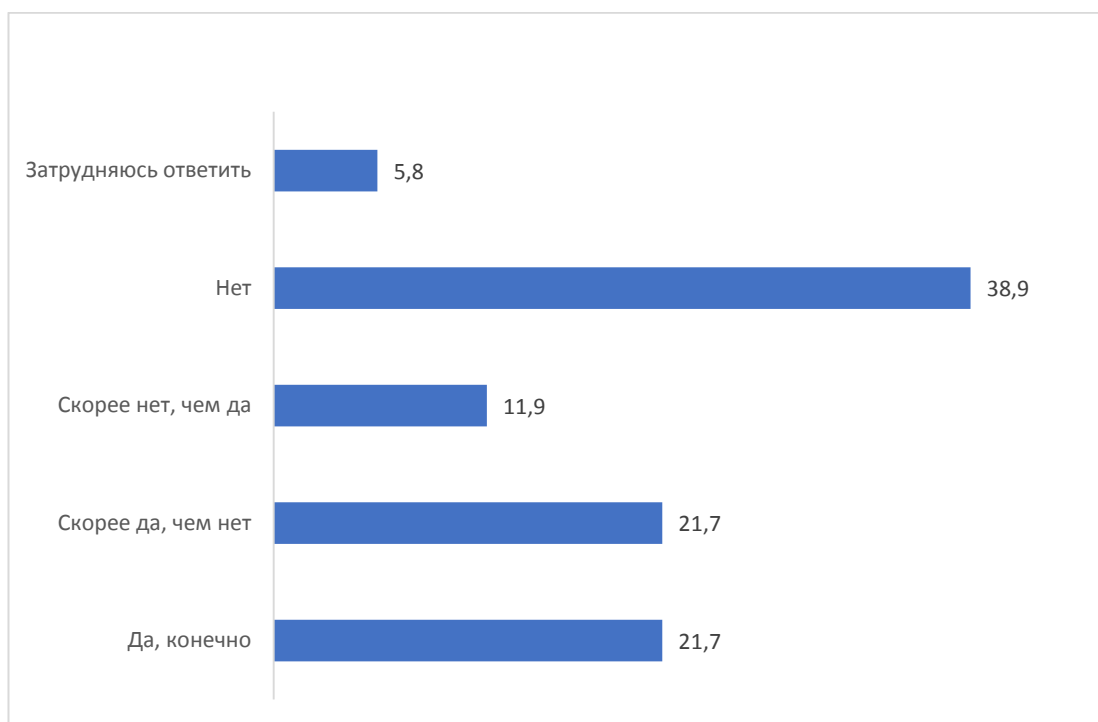

Рисунок 53 – Считаете ли Вы, что Вам предоставили все возможности для защиты в суде? (%)

Исходя из представленных данных, можно заключить, что участники исследования разделены в вопросе обеспечения возможностей для защиты в суде. Большая часть респондентов высказалась в пользу того, что им не предоставили все возможности для защиты, что указывает на потенциальные проблемы в судебной системе и говорит о недостатке справедливости, являющейся важнейшим показателем конвенциональности, в процессе уголовного судопроизводства. При этом значительная доля респондентов из числа осужденных (43,4 %) уверены, что им предоставили необходимые

возможности для защиты, что указывает на наличие положительных аспектов в работе судебной системы.

Наибольшая доля тех, кто считает, что их лишили возможностей для защиты в суде (59,8 % в подвыборке), отбывают уголовное наказание за статьи, связанные с мошенничеством, а также коррупционные преступления (39,7 % в подвыборке). Более других категорий уверены в наличии возможностей в суде для собственной защиты лица, отбывающие наказание по статьям, связанным с нарушением порядка экономической деятельности. Интересно также, что более молодые респонденты (до 35 лет) больше, чем другие категории (18,7 % в подвыборке), уверены, что их права на судебную защиту не были соблюдены.

В целом же, анализ социально-психологического портрета респондентов позволил сделать следующие выводы. Преобладающая часть респондентов относится к возрастной категории 30–52 года, что соответствует периоду социальной зрелости, когда у индивида уже сформированы основные мировоззренческие позиции. Большинство из них состоят в браке и имеют детей (62,9 %). Наиболее часто встречающийся род деятельности осужденных по экономическим статьям – сотрудники предприятий различных форм собственности, государственные служащие и лица без постоянной трудовой занятости. Большинство участников исследования из числа лиц, отбывающих наказание (63,8 %), имеют высшее образование, что указывает на то, что уровень образования не всегда является фактором, сдерживающим от совершения экономических преступлений.

Лица, совершающие экономические преступления, чаще всего мотивированы стремлением к материальному обогащению, верой во всевластие денег и желанием выжить в условиях жесткой конкуренции. Это указывает на доминирование материального в их системе ценностей, что, вероятно, способствует совершению преступлений этого рода.

Проведенное исследование также показало, что лица, отбывающие наказание за совершение экономических преступлений, часто демонстрируют двойные стандарты в отношении закона, выборочно соблюдая нормы и игнорируя другие в зависимости от своих интересов. Они активно участвуют в общественной жизни, обладая хорошими коммуникативными навыками и предприимчивостью.

С позиций общественной конвенциональности, стоит особо подчеркнуть, что общество все чаще воспринимает модель поведения экономических преступников как приемлемую, оценивая их не с точки зрения нарушения норм и законов, а с позиции умения извлекать выгоду из экономических процессов.

Следующий вывод заключается в том, что экономические преступления чаще совершаются социально активными гражданами с высоким уровнем образования, что противоречит общепринятому мнению о том, что образование является «антикриминогенным» фактором. Это говорит и о необходимости пересмотра подходов к превентивной работе в данной сфере, включая формирование правильных ценностных ориентаций среди населения.

Большая часть респондентов (68 %) полагают, что суд над ними был проведен несправедливо (в той или иной степени), включая наличие дискриминации и непрозрачности при вынесении судебных решений (Рисунок 54). Низкий уровень доверия к судебной системе подтверждается тем фактом, что только 9,7% респондентов полностью согласны с утверждением, что их суд был справедливым. Дополнительно, лишь 16,8% опрошенных отметили, что суд был в основном справедливым. Эти данные указывают на системные недостатки, требующие внимания и реформирования для повышения доверия к судебной системе.

Значительная доля респондентов считают процесс полностью несправедливым (28,7 %), что свидетельствует о системных проблемах,

включая возможное наличие коррупции, дискриминации и нарушения прав подсудимого.

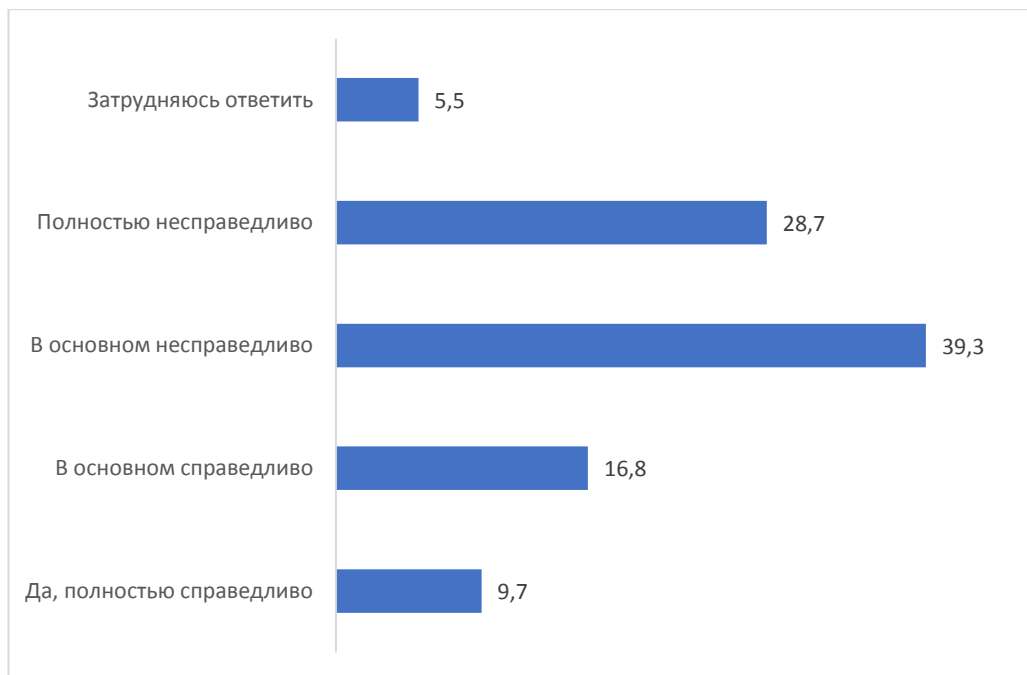

Рисунок 54 – Считаете ли Вы, что Вас судили справедливо и без дискриминации по каким-либо признакам? (%)

Далее установлено, что большая часть опрошенных (61,1 %) не сталкивалась с ситуациями вымогательства со стороны сотрудников исправительной колонии. Однако стоит отметить, что 27,9 % испытывали затруднения с ответом на данный вопрос, что может указывать на нежелание раскрывать подобную информацию. Десятая часть участников исследования подтвердили наличие подобных фактов, а четыре респондента выразили страх перед возможными последствиями раскрытия подобной информации.

Следующий вопрос касался фактов вымогательства денежных средств или имущества со стороны других осужденных. Большинство опрошенных (62,7 %) отрицали наличие таких фактов, тогда как 22,1 % затруднились с ответом. Интересно, что 11,5 % респондентов указали на наличие подобных фактов, но классифицировали их как просьбы, а не вымогательства.

Большинство осужденных не сталкиваются с притеснениями и вымогательствами в период отбывания наказания. Однако довольно большой

процент тех, кто затруднился с ответом, может свидетельствовать о наличии скрытых проблем в данной сфере, требующих дополнительного исследования.

Более половины респондентов (59,7 %) указали, что процесс судебного разбирательства в их отношении был мало прозрачным, что свидетельствует о трудностях с пониманием судебного процесса (Рисунок 55). Пятая часть респондентов (20,4 %) уверены в том, что процесс судебного разбирательства был совсем не прозрачным. Это говорит о серьезных проблемах в судебной системе, зачастую связанных с коррупцией, бюрократией и некомпетентностью. Лишь 8,6 % респондентов оценили процесс судебного разбирательства как полностью прозрачный. Еще 11,3 % участников исследования отметили, что процесс был частично прозрачным.

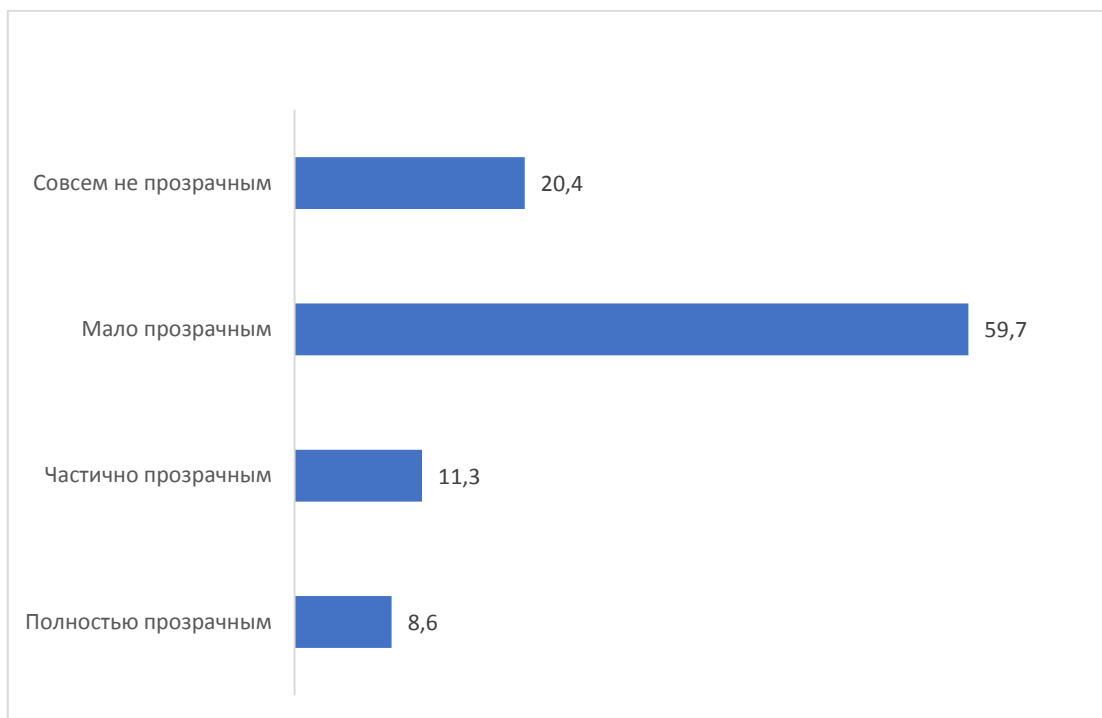

Рисунок 55 – Насколько прозрачным был процесс Вашего судебного разбирательства? (%)

В целом, представленные данные указывают на значительные проблемы в сфере судебной системы, связанные с непрозрачностью

судебных процессов. Большинство респондентов высказались в пользу того, что судебный процесс в их отношении был мало прозрачным или совсем не прозрачным, что подчеркивает низкий уровень конвенциональности уголовного наказания.

Абсолютное большинство респондентов (93,5 %) указали на то, что сталкивались с дискриминацией в процессе судебного разбирательства (Рисунок 56). Это свидетельствует о значительном уровне дискриминации в судебной системе, что требует детального исследования и принятия мер по ее устранению. Лишь 4,1 % респондентов указали в ходе исследования, что не сталкивались с дискриминацией, что свидетельствует о том, что проблема дискриминации является актуальной и затрагивает почти всех участников судебного процесса.

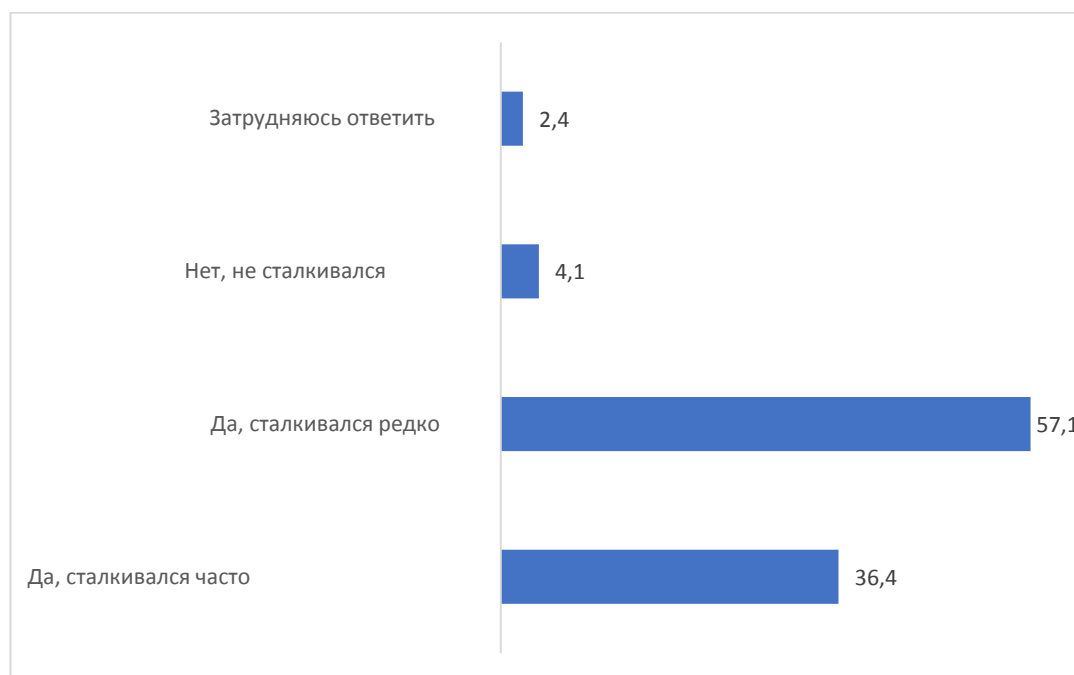

Рисунок 56 – Сталкивались ли Вы с дискриминацией
в процессе судебного разбирательства? (%)

Респонденты, отбывающие более короткий срок наказания (до 1 года), чаще всего указывают на частое сталкивание с дискриминацией (Рисунок

57). Это может свидетельствовать о высокой степени неопределенности и стресса, связанного с недавним процессом судебного разбирательства.

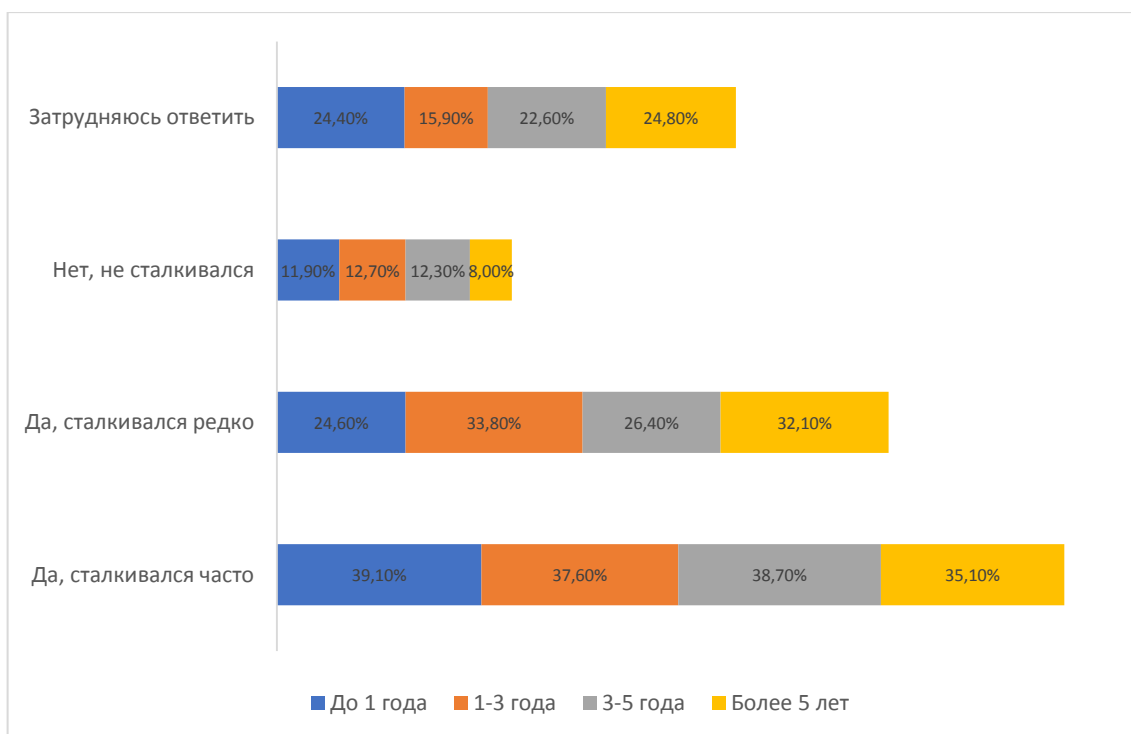

Рисунок 57 – Оценка уровня дискриминации в процессе судебного разбирательства в зависимости от срока отбывания наказания (%)

Большинство респондентов во всех группах отметили, что сталкивались с дискриминацией в процессе судебного разбирательства, что указывает на наличие серьезных проблем в отечественной судебной системе, что, в свою очередь, влияет на конвенциональность уголовного наказания, подрывая доверие к юридической системе.

Больше других категорий респондентов (49,1 % в подвыборке) дискриминацию испытывают представители нетитульных национальностей, что указывает на серьезную социальную проблему, требующую внимания и решения. Такой высокий уровень дискриминации детерминирует снижение уровня доверия к судебной системе и уголовному наказанию в целом, учитывая, что конвенциональность предполагает справедливость и равенство перед законом.

Наличие дискриминации по национальному признаку также указывает на наличие стереотипов и предвзятого отношения к представителям

нетитульных национальностей, что в свою очередь может оказывать влияние на решения суда.

Далее респондентам, отбывающим наказание за совершение экономических преступлений, был задан один из самых сложных вопросов, касающихся учета интереса жертв преступлений в ходе судебного процесса. Данный индикатор относится к критерию равного доступа к правосудию (Рисунок 58).

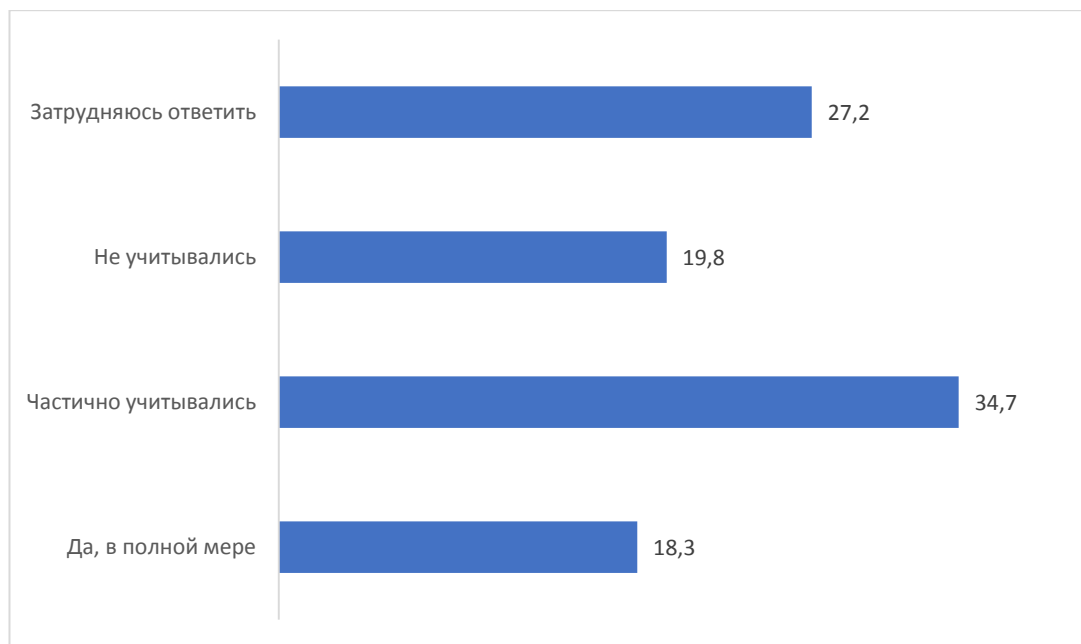

Рисунок 58 – Считаете ли Вы, что потребности и интересы пострадавших были учтены в ходе Вашего судебного процесса? (%)

Более половины респондентов (53 %) считают, что потребности и интересы пострадавших были учтены хотя бы частично в ходе судебного процесса над ними. Это может указывать на то, что в судебной системе существует определенный уровень конвенциональности данного аспекта судопроизводства.

Пятая часть респондентов (19,8 %) указали, что интересы и потребности пострадавших не учитывались вообще. Это довольно значительная доля, указывающая на проблемы в судебной системе, связанные с недостаточным уровнем конвенциональности в отношении

интересов пострадавших. Почти треть респондентов (27,2 %) затруднились ответить на вопрос. Такой высокий уровень неопределенности может указывать на необходимость более детального исследования данного вопроса для выявления конкретных проблем и причин подобной неопределенности.

В целом, данные, представленные на рисунке 55, указывают на наличие разнообразия мнений относительно того, насколько потребности и интересы пострадавших учитываются в ходе судебного процесса, что свидетельствует о наличии различий в практике судопроизводства и потребности в дальнейшем углубленном изучении данного вопроса с целью оптимизации судебного процесса и улучшения учета интересов всех участников процесса.

Лишь 8,5 % респондентов полностью согласны с тем, что уголовное наказание способствует их реабилитационному процессу. Это указывает на то, что большинство осужденных не видят наказание инструментом для своей реабилитации.

Данные рисунка 59 показывают, что большинство респондентов (61,1 %) отрицательно оценивают реабилитационный потенциал уголовного наказания, что указывает на значительные проблемы в текущей системе уголовного наказания и отражает недостаточное внимание реабилитационным аспектам в процессе исполнения наказания.

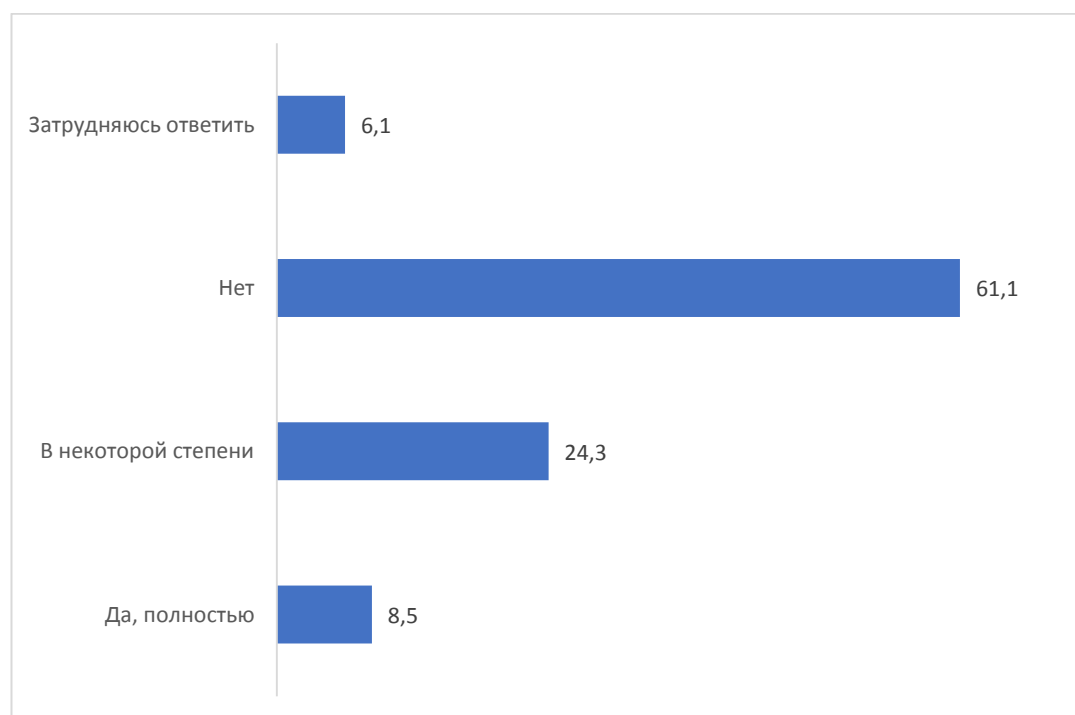

Рисунок 59 – Считаете ли Вы, что уголовное наказание способствует
Вашему реабилитационному процессу? (%)

Пятая часть респондентов (24,3 %) убеждены в том, что уголовное наказание отчасти способствует их реабилитационному процессу. Данное обстоятельство указывает на наличие определенных позитивных аспектов в текущей системе, которые, тем не менее, требуют дальнейшего совершенствования.

Лишь небольшой процент респондентов уверены, что их наказание полностью соответствует тяжести совершенного ими же преступления, что указывает на высокий уровень неудовлетворенности существующей системой наказания и на то, что большинство осужденных считают наказание несправедливым (Рисунок 60). Также небольшая доля респондентов (11,9 %) склоняются к тому, что наказание им, возможно, соответствует тяжести преступления. Значительная часть респондентов (24,6 %) склоняется к тому, что наказание, которое они в данный момент отбывают, не соответствует тяжести совершенного преступления.

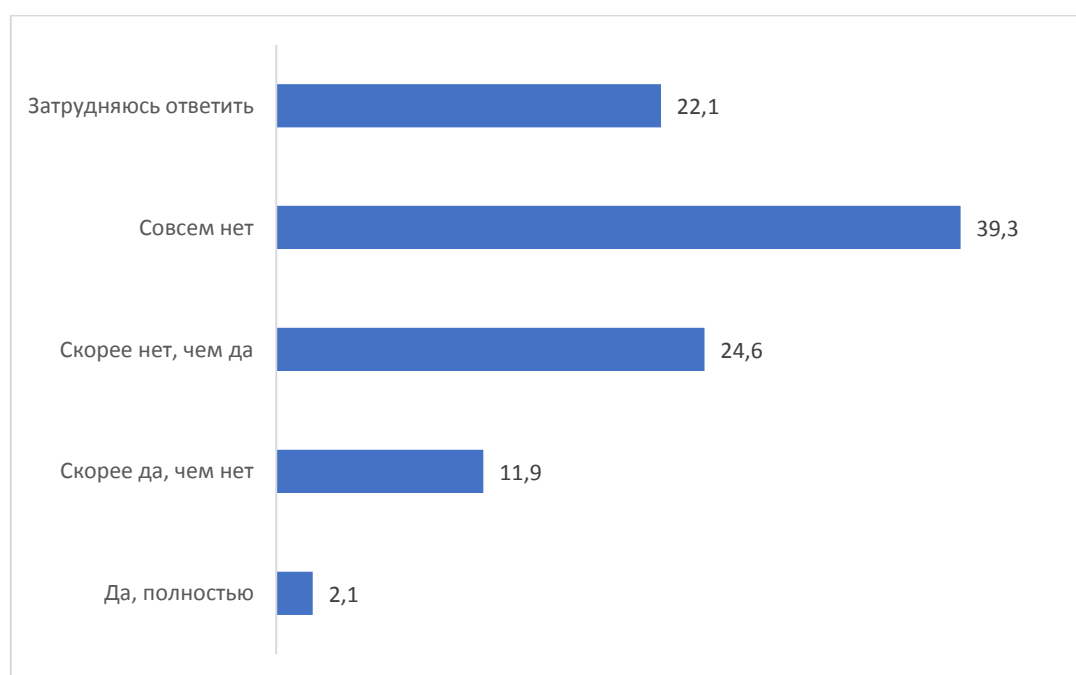

Рисунок 60 – Считаете ли Вы, что Ваше наказание соответствует тяжести

совершенного Вами преступления? (%)

Существенная доля участников исследования категорически не согласны с тем, что их наказание соответствует тяжести совершенного преступления. Это явный сигнал о необходимости пересмотра механизмов определения наказаний, чтобы обеспечить более справедливое и сбалансированное наказание. Также довольно большой процент респондентов затруднились с ответом на данный вопрос, что может говорить о неопределенности относительно собственного восприятия справедливости наказания.

Большинство респондентов (64,9 %) выразили недовольство тем, как их наказание соответствует тяжести совершенного преступления, указывая на значительные дисбалансы в системе уголовного наказания. Таким образом, существует явная потребность в пересмотре подходов к определению наказаний для обеспечения более справедливого и адекватного уголовного наказания, соответствующего тяжести преступления.

Весьма небольшой процент осужденных (17,1 %) полагают, что общество готово принять их обратно без каких-либо оговорок (Рисунок 61).

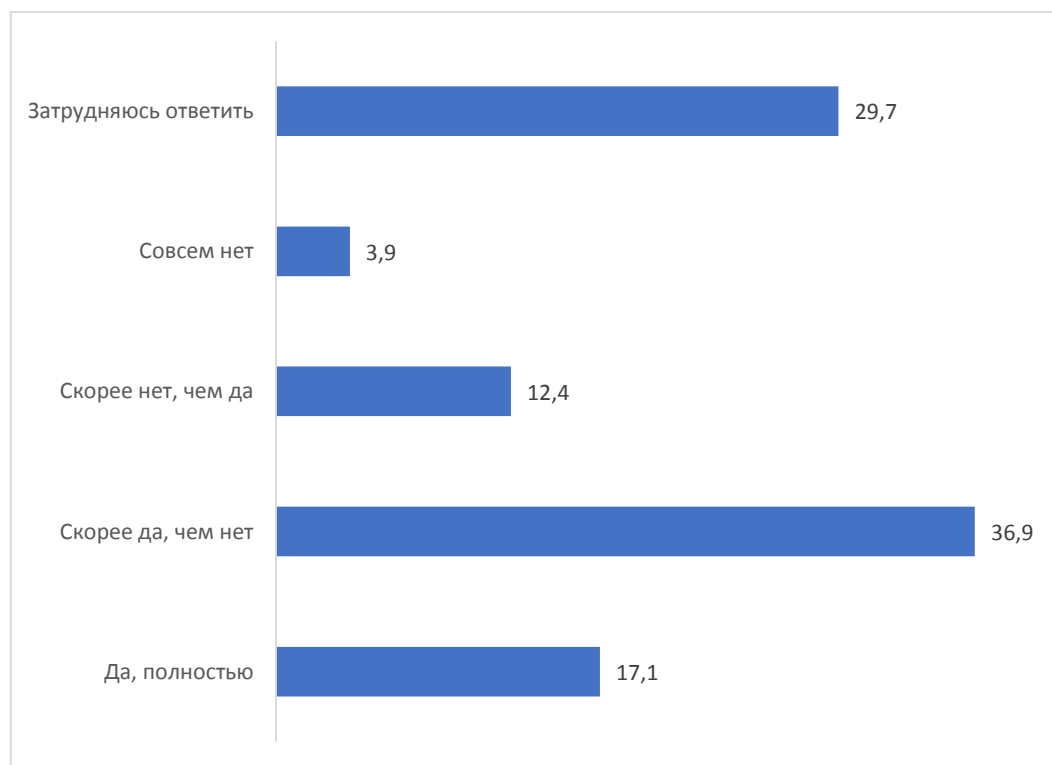

Рисунок 61 – Как Вы думаете, общество готово принять Вас обратно

после отбытия наказания? (%)

Основная часть осужденных (36,9 %) склоняются к тому, что общество, вероятно, готово принять их обратно, хотя и с некоторыми оговорками. Это может свидетельствовать о наличии у осужденных надежд на успешную реадаптацию, но с пониманием возможных трудностей на этом пути.

Некоторая часть осужденных (12,4 %) считают, что общество, скорее, не готово принять их обратно. Эти данные отражают опасения осужденных перед стигматизацией и дискриминацией со стороны общества.

Лишь малый процент осужденных (3,9 %) категорически уверены в том, что общество не готово принять их обратно, что говорит о глубоком пессимизме и страхе перед полной социальной изоляцией после освобождения.

Таким образом очевидно, что осужденные за экономические преступления имеют смешанные чувства относительно будущей реинтеграции в общество. Более половины респондентов (54 %) сохраняют надежду на то, что общество готово принять их обратно, хотя и с некоторыми оговорками.

Говоря о конвенциональности факторов, влияющих на ожидания относительно реинтеграции в общество, необходимо сделать вывод о том, что возраст, уровень образования и профессиональный опыт осужденных за экономические преступления играют определяющую роль. Анализ материалов и результатов проведенного исследования позволил установить, что чем моложе осужденные за экономические преступления, тем позитивнее уровень их ожиданий относительно будущей реинтеграции в общество. Те же тенденции характерны для уровня образования и профессионального опыта осужденных. Чем более высоки эти показатели, тем позитивнее представления респондентов о своем будущем после освобождения из исправительной колонии.

Интересно также, что чем меньше срок осуждения за совершенные экономические преступления, тем больше уверенность в позитивной

интеграции в общество, и, наоборот, сроки заключения от трех лет и больше негативно влияют на ожидания относительно будущего за пределами исправительной колонии.

Большинство респондентов убеждены, что общество положительно относится к уголовному наказанию за экономические преступления. Значительная часть респондентов (19,7%) полагают, что общество в целом склонно к положительной оценке уголовного наказания за экономические преступления (Рисунок 62). Это отражает понимание того, что, несмотря на некоторые недостатки системы, она в целом работает на благо общества, предотвращая экономические преступления.

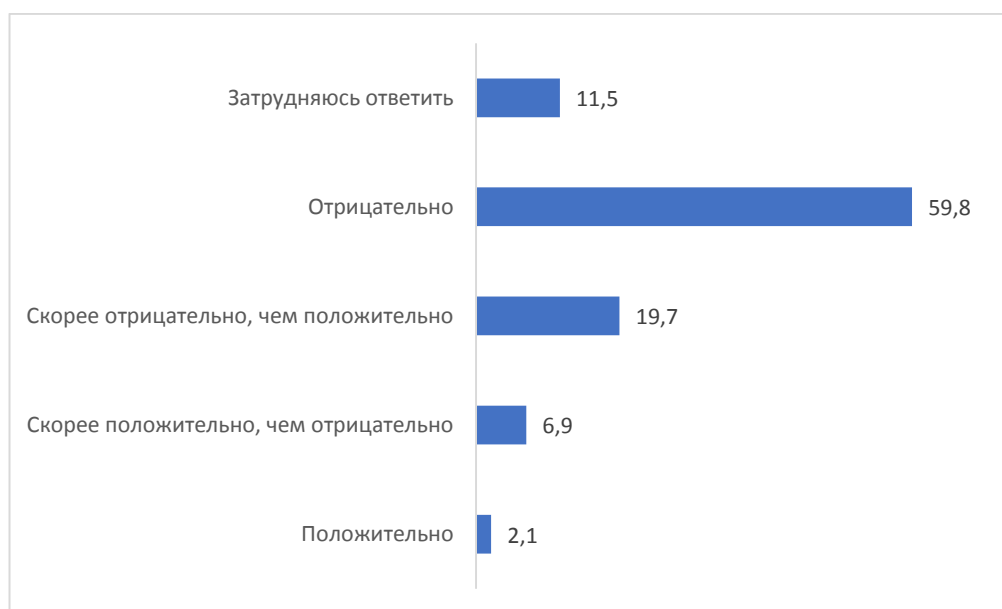

Рисунок 62 – Как, на Ваш взгляд, общество в целом относится к уголовному наказанию за экономические преступления? (%)

Меньшая доля респондентов считает, что общественное мнение склонно к отрицательной оценке уголовного наказания за экономические преступления. Это может отражать критическое отношение части общества к текущей системе наказания, возможно, из-за ее неспособности адекватно реагировать на экономические преступления.

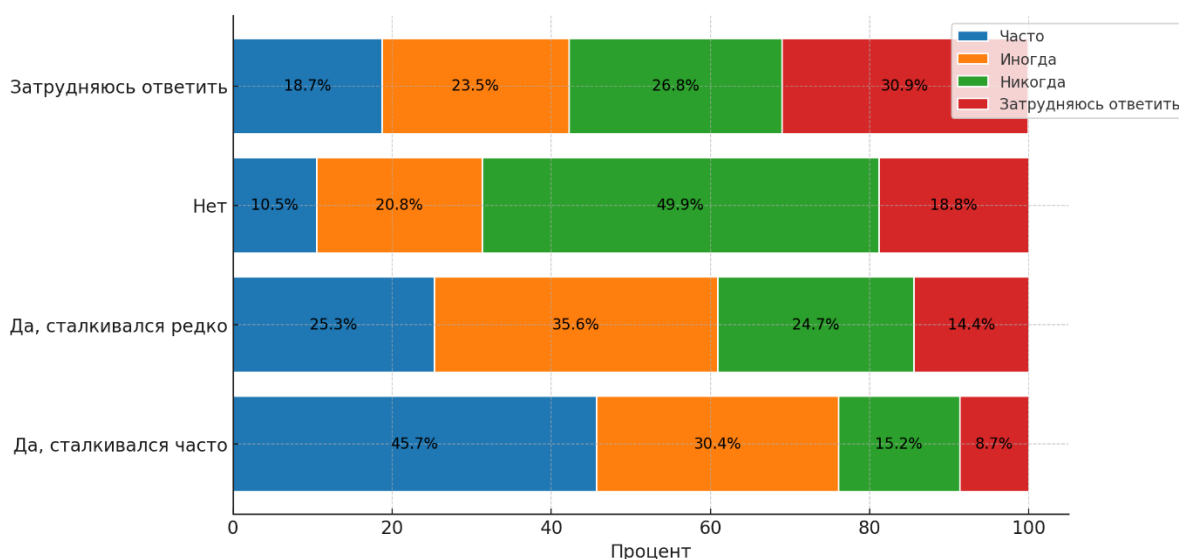

Рисунок 63 – Оценка уровня дискриминации в процессе судебного разбирательства в зависимости от социально-экономического положения (%)

Респонденты, которые отметили, что часто сталкивались с дискриминацией из-за низкого социального-экономического положения, в большинстве случаев также отмечают несправедливость судебного разбирательства (45,7%). Респонденты, не сталкивавшиеся с несправедливым обращением (49,9%), оценивают правоприменительную систему как справедливую.

Данные рисунка 63 демонстрируют, что респонденты, которые редко сталкивались с дискриминацией (25,3%), также часто оценивают правоприменительную систему как несправедливую. Это свидетельствует о том, что даже минимальный опыт дискриминации приводит к значительному снижению доверия к правосудию. Важно отметить, что значительный процент респондентов, столкнувшихся с несправедливым обращением, затруднились однозначно ответить на вопрос о своем опыте. Это может свидетельствовать о сложностях в интерпретации собственного опыта и о том, что некоторые формы дискриминации могут быть скрытыми или неочевидными для жертв. В целом, социально-экономическое неравенство и связанная с ним дискриминация препятствуют достижению общественного согласия по вопросам уголовной политики.

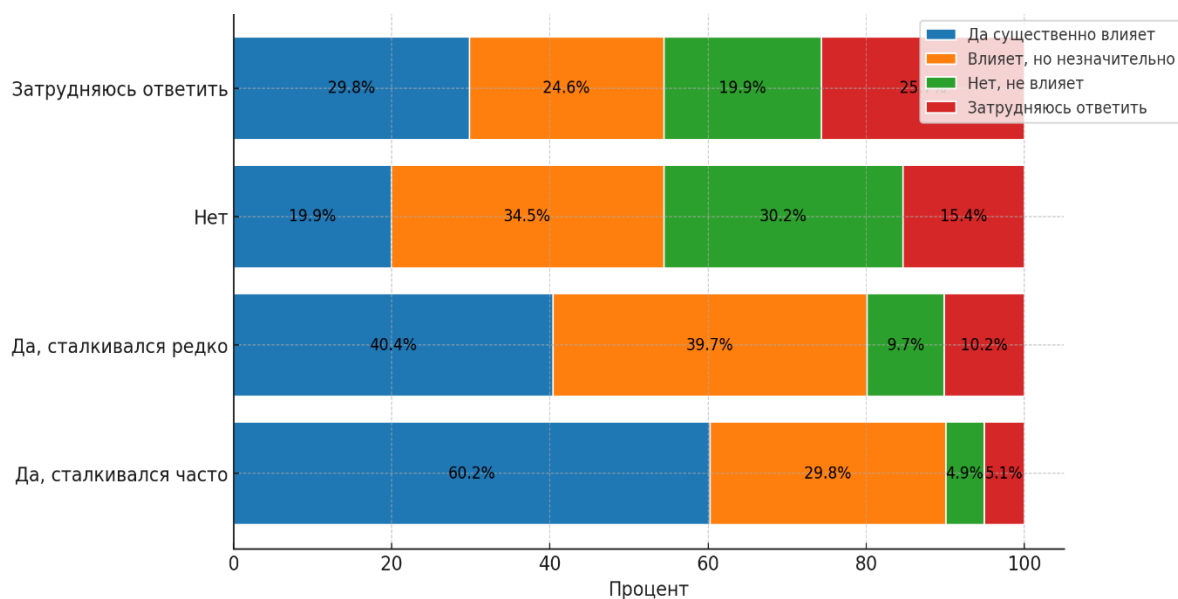

Рисунок 64 – Оценка уровня дискриминации в процессе судебного разбирательства в зависимости от уровня дохода осужденных (%)

60,2% респондентов, которые часто сталкивались с дискриминацией, считают, что уровень дохода существенно влияет на результаты судебных разбирательств. Это подтверждает гипотезу исследования о том, что лица с более низким социально-экономическим статусом чаще воспринимают правоприменительную систему как предвзятую и несправедливую, что подчеркивает важность уровня доходов как значимого стратификационного фактора, который определяет отношение к правосудию.

Путая часть осужденных, не сталкивавшихся с дискриминацией, считают, что уровень дохода не влияет на результаты судебных разбирательств, что демонстрирует связь между легитимностью системы правосудия и отсутствием опыта дискриминации. Осужденные, не сталкивавшиеся с предвзятостью, более склонны доверять системе и воспринимать ее решения как справедливые.

Анализ данных, представленных на рисунке 64 подтверждает, что уровень дохода является критическим фактором, влияющим на восприятие справедливости правоприменительной системы. Лица, которые чаще сталкивались с дискриминацией, склонны видеть в правосудии предвзятость

и зависимость уровня и частоты дискриминации от экономического положения осужденных.

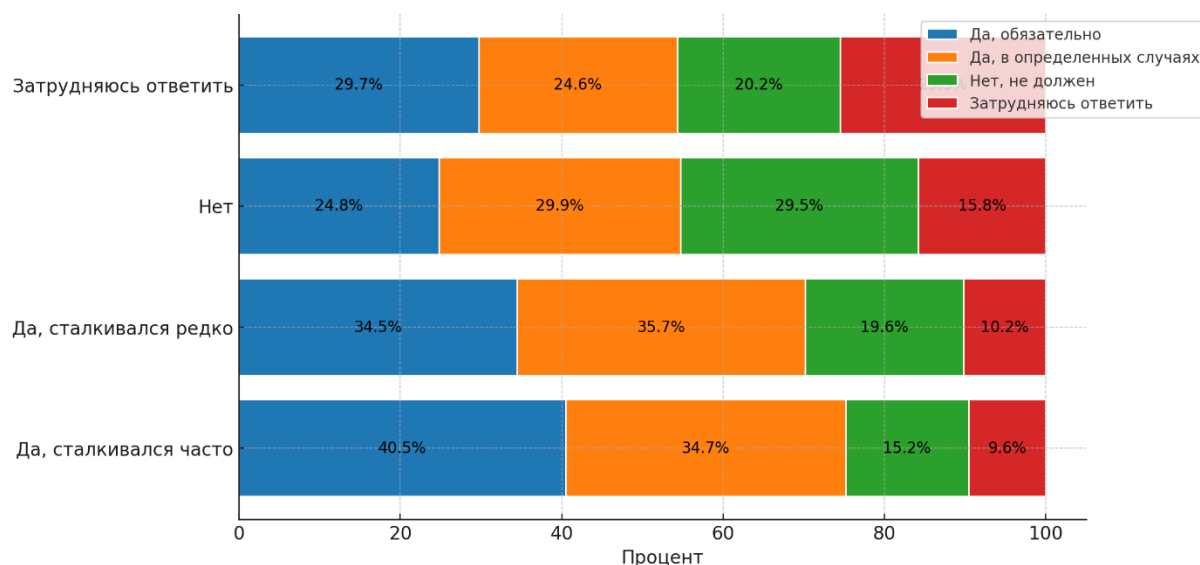

Рисунок 65 – Оценка уровня дискриминации в процессе судебного разбирательства в зависимости от учета социального статуса обвиняемого (%)

Данные рисунка 65 демонстрируют, зависимость и влияние опыта дискриминации на восприятие справедливости правоприменительной системы. Осужденные, которые чаще сталкивались с дискриминацией, поддерживают необходимость учета социально-экономического статуса обвиняемого при вынесении приговора, видя в этом возможность смягчения социальной несправедливости.

В целом, частое столкновение с несправедливым обращением в процессе судебного разбирательства (45,7%) респонденты связывают с дискриминацией по социально-экономическому признаку. Респонденты, имевшие минимальный опыт дискриминации (25,3%), также часто оценивают правоприменительную систему как несправедливую, что свидетельствует о том, что даже минимальный опыт дискриминации приводит к значительному снижению доверия к правосудию.

Результаты анализа данной части исследования подтверждают, что общественный консенсус относительно справедливости правосудия отсутствует. Это очевидно в силу наличия различий в восприятии правосудия среди респондентов с разным социально-экономическим статусом.

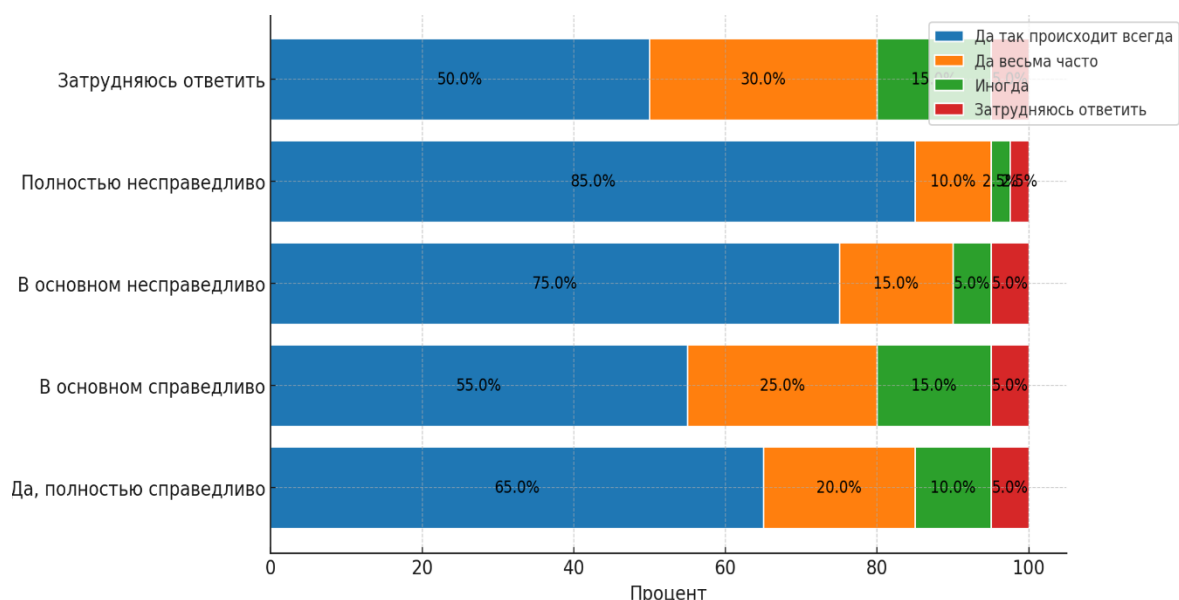

Рисунок 66 – Оценка справедливости судебного разбирательства в зависимости от социального статуса обвиняемого (%)

Данные рисунка 66 подтверждают, что восприятие социальной стратификации оказывает существенное влияние на оценку справедливости и легитимности судебной системы. Даже среди тех, кто считает свой процесс справедливым, значительная часть респондентов отмечают наличие предвзятости в отношении лиц с высоким социальным статусом. Это свидетельствует о распространении социальной несправедливости в судебной практике и подчеркивает необходимость реформ, направленных на устранение дискриминации и повышение прозрачности судебных решений.

Респонденты, которые считают судебный процесс справедливым (полностью или в основном), склонны к более позитивной оценке ключевых аспектов правосудия, таких как прозрачность процесса и необходимость учета социально-экономического статуса. Участники исследования, уверенные в несправедливости судебного разбирательства, в значительной мере воспринимают процесс вынесения приговора как непрозрачный. Это подтверждает гипотезу о том, что восприятие несправедливости связано с недоверием к прозрачности и легитимности правосудия. Стратификационные различия подтверждаются тем, что такие респонденты также меньше

склонны считать, что социально-экономический статус обвиняемого должен учитываться при вынесении приговора.

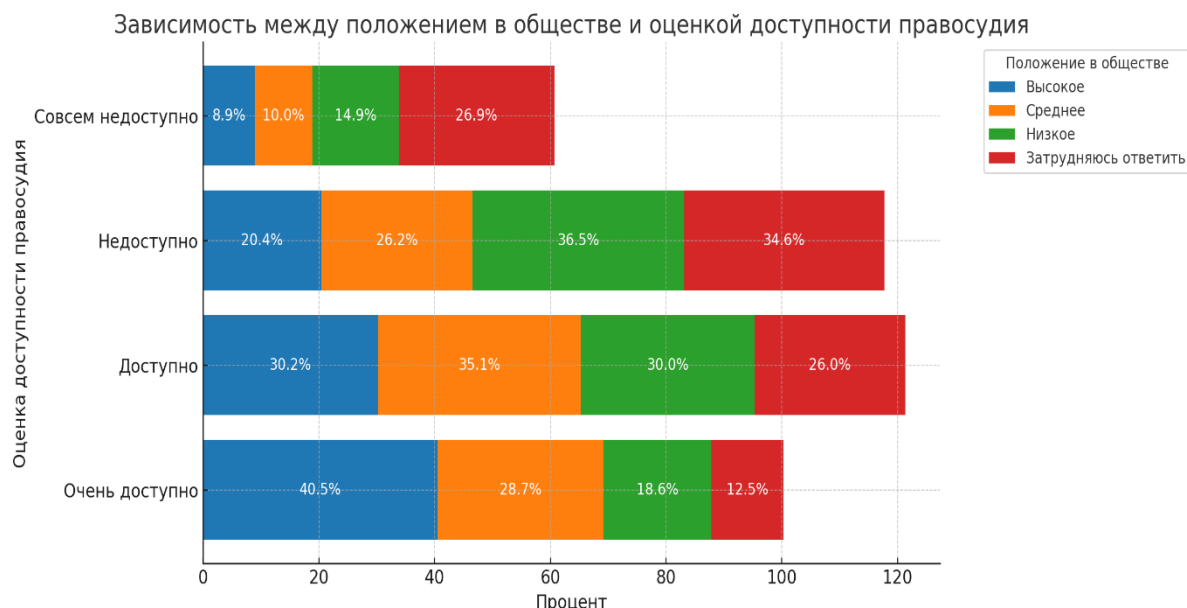

Рисунок 67 – Распределение оценок доступности правосудия в зависимости от положения в обществе до отбывания наказания (%)

Респонденты с высоким положением в обществе в основном воспринимают правосудие как доступное. Участники исследования со средним положением также склонны считать правосудие доступным, хотя их оценки более сбалансированы. Около 35,1% считают правосудие «Доступным», и лишь 10% считают его «Совсем недоступным».

Респонденты с низким положением в обществе чаще считают правосудие «Недоступным» (36,5%) или «Совсем недоступным» (14,9%). Эти данные подтверждают существование барьеров, с которыми сталкиваются люди с низким социальным статусом при обращении за правовой помощью. Они могут испытывать недостаток ресурсов для эффективной защиты своих интересов в суде, что приводит к ощущению несправедливости.

Данные рисунка 67 подчеркивают влияние стратификации на восприятие правосудия. Социально-экономическое неравенство играет ключевую роль в формировании мнений респондентов о доступности правосудия. Лица с высоким социальным положением могут легче

преодолевать барьеры в правовой системе, тогда как лица с низким положением сталкиваются с многочисленными препятствиями, что усиливает чувство социальной несправедливости. В целом, восприятие доступности правосудия напрямую связано с социальным положением респондентов. Лица с высоким социальным статусом чаще оценивают правосудие как доступное, тогда как респонденты с низким статусом сталкиваются с трудностями, которые подрывают их доверие к системе.

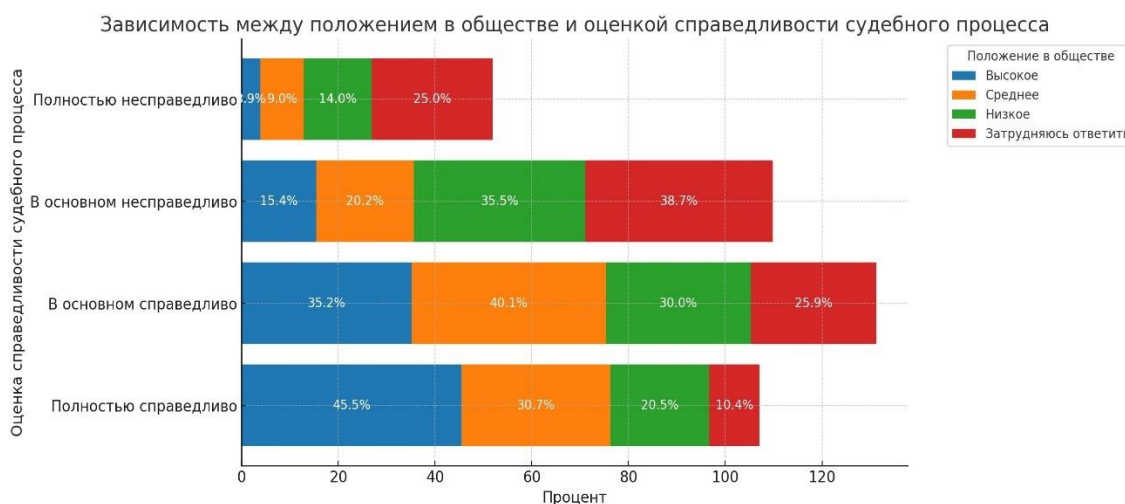

Рисунок 68 – Зависимость между положением в обществе и оценкой справедливости судебного процесса (%)

Осужденные с более высоким положением в обществе имеют наиболее позитивное восприятие правосудия. Более 45% из них оценивают судебный процесс как полностью справедливый и около 35% респондентов считают его в основном справедливым. Легитимность судебной системы, как видно из данных рисунка 68, существенно различается в зависимости от социального положения респондентов. Люди с высоким и средним социальным статусом в большей степени доверяют судебным институтам и воспринимают их решения как справедливые. Напротив, люди с низким статусом и те, кто не уверен в своем социальном положении, демонстрируют более высокий уровень недоверия к судебной системе, что подрывает ее легитимность в их глазах.

Результаты опроса показывают, что большая часть осужденных считает, что общество в целом положительно относится к уголовному

наказанию за экономические преступления. Это может свидетельствовать о высокой степени конвенциональности текущей системы уголовного наказания в обществе.

Говоря о критерии легитимности социологического анализа конвенциональности уголовного наказания, необходимо сделать вывод о том, что 18,5 % респондентов считают, что их осудили полностью справедливо, в то время как 29,0 %, наоборот, полагают, что процесс был полностью несправедливым. Таким образом, выявлено, что существует значительный разрыв в восприятии справедливости судопроизводства большим количеством осужденных, выражающих недовольство процессом.

Полученные в ходе исследования данные указывают на серьезные проблемы с обеспечением равенства перед законом для лиц, совершивших экономические преступления, а также высокий уровень дискриминации на различных этапах судопроизводства. Среди стратификационных факторов, влияющих на конвенциональность уголовного наказания в данной части, наибольшим влиянием обладают этническая принадлежность, статья, по которой осужденный отбывает наказание, а также характер занятости, уровень дохода и материальный статус осужденного.

Система уголовного наказания не достигает своей цели в предотвращении преступлений и обеспечении безопасности общества в отношении совершения экономических преступлений, учитывая высокий процент негативных ответов. Прозрачность системы уголовного судопроизводства находится на низком уровне, что подтверждается большим количеством негативных ответов.

Анализируя полученные данные на основе критерия равного доступа к правосудию, можно сделать вывод о присутствии дискриминационных практик в судебной системе, что подрывает принцип равного доступа к правосудию.

Показатель ясности и понятности законодательства для осужденных за экономические преступления говорит о том, что 59,7 % респондентов

считают процесс своего судебного разбирательства мало прозрачным. Эти данные указывают на низкую степень понятности законодательства для большинства осужденных. Исходя из анализа данных на основе критерия равного доступа к правосудию, можно заключить, что в представлениях лиц, осужденных к лишению свободы за экономические преступления, в РФ на сегодняшний день существуют серьезные проблемы в области равного доступа к правосудию. Проблемы касаются дискриминации, непрозрачности судебного процесса, недостаточной справедливости уголовного наказания и недостаточного внимания к потребностям жертв. Анализ данных таблиц сопряженности показал, что чаще всего с подобными видами дискриминации сталкиваются лица, осужденные за мошенничество, не обладающие постоянной занятостью.

Анализ эмпирических данных на основе критерия ответственности позволил прийти к выводу о низком уровне конвенциональности, зависящем от малого процента успешных обжалований приговоров по экономическим преступлениям.

Говоря о целерациональном критерии изучения конвенциональности уголовного наказания, можно сделать вывод, что большинство осужденных за экономические преступления (61,1 %) не считают, что уголовное наказание способствует их реабилитационному процессу. Это указывает на то, что цель исправления и реабилитации не достигается в большинстве случаев. Также стоит отметить, что только 18,3 % респондентов считают, что потребности и интересы пострадавших были учтены в полной мере, что указывает на недостаточную реализацию функции восстановления нарушенных прав. Осужденные к лишению свободы в большинстве своем критически оценивают систему уголовного наказания за экономические преступления в России. Основные проблемы, выделяемые респондентами, связаны с несправедливостью и непрозрачностью судебного процесса, а также с неадекватностью наказаний.

Исходя из имеющихся данных следующий вывод, который можно сделать, заключается в том, что существуют значительные проблемы в системе уголовного наказания в контексте его конвенциональности. Большинство осужденных не видят наказание инструментом реабилитации, а также считают, что оно не соответствует тяжести совершенного преступления.

Высокая степень конвенциональности уголовного наказания в представлениях лиц, осужденных к лишению свободы за экономические преступления, характеризуется сроком отбывания наказания (до 5 лет), уровнем образования (высший), возрастом осужденного (до 43 лет), а также уровнем профессионального статуса, которым он обладал до отбывания наказания.

Средняя степень конвенциональности характеризуется такими социоструктурными факторами, как уголовная статья за совершенное преступление, характер трудовой деятельности, возраст и срок отбывания наказания.

Низкая степень конвенциональности детерминирована этнической принадлежностью осужденного, его социально-профессиональным статусом, сроком и статьей УК РФ, по которой он отбывает наказание за совершенное экономическое преступление.

Кроме того, проведенный анализ показал, что восприятие справедливости судебного процесса значительно варьируется в зависимости от срока осуждения. Лица, осужденные на короткие сроки (до 1 года), чаще всего отмечают, что сталкивались с дискриминацией и несправедливым отношением. В этой категории 35% респондентов заявили, что их судебный процесс был несправедливым и непрозрачным. Осужденные на более длительные сроки (3-5 лет и более) чаще выражают разочарование в эффективности и справедливости системы. В этой группе 46% респондентов считают, что их наказание не соответствует тяжести совершенного преступления.

Социальный статус и уровень образования оказывают значительное влияние на восприятие справедливости и легитимности уголовного наказания. Лица с высоким уровнем образования (высшее и неоконченное высшее образование) более критично относятся к судебной системе. Несмотря на высокий уровень юридической грамотности, 42% из них считают, что их права на защиту в суде не были соблюдены. Респонденты с низким социальным статусом чаще сталкиваются с дискриминацией и несправедливостью. Среди них 58% респондентов заявили, что судебный процесс в их отношении был несправедливым, что подтверждает влияние стратификационных факторов на восприятие правосудия.

Прозрачность судебного процесса также воспринимается по-разному в зависимости от сроков осуждения и социального положения. Респонденты с короткими сроками наказания (до 1 года) чаще указывают на низкую прозрачность судебного процесса. 34% из них считают, что процесс был «совсем не прозрачным», что подтверждает их неудовлетворенность и недоверие к системе. Осужденные на длительные сроки (5 лет и более) выражают наибольшее недовольство эффективностью наказания. В этой категории 61% респондентов указали, что наказание не способствовало их реабилитации.

Осужденные с высоким социальным статусом и короткими сроками наказания чаще выражают надежду на успешную реадaptацию в общество. 54% из них считают, что общество примет их обратно после отбытия наказания, хотя и с некоторыми оговорками. Осужденные на длительные сроки и с низким социальным статусом демонстрируют более пессимистичный взгляд на будущее. 63% из них считают, что общество не готово принять их обратно, что указывает на глубокую социальную изоляцию и страх перед стигматизацией.

Восприятие конвенциональности уголовного наказания существенно зависит от срока осуждения, социального статуса и уровня образования осужденных. Осужденные на короткие сроки чаще воспринимают наказание

как несправедливое и дискриминационное, тогда как лица с более длительными сроками наказания выражают недовольство эффективностью и прозрачностью судебного процесса. Социальный статус и уровень образования также играют ключевую роль в формировании восприятия справедливости и легитимности системы. Высокообразованные осужденные и лица с высоким социальным статусом лучше осведомлены о своих правах, но чаще критично оценивают правосудие. В то же время лица с низким статусом и длительными сроками наказания чаще сталкиваются с дискриминацией и испытывают страх перед будущей реинтеграцией в общество.

Представители более высших слоев осужденных за экономические преступления, склонны воспринимать наказание как несправедливое, особенно если оно затрагивает их финансовые и социальные интересы. Около 60% представителей этой категории считают, что наказание несоразмерно их преступлениям и является чрезмерно жестким. При этом 70% респондентов указывают на наличие дискриминации в процессе судебного разбирательства, что связано с их высоким социальным статусом.

Уровень доверия к правосудию среди представителей высшего класса низок, что связано с их осведомленностью о возможностях манипулирования судебной системой. Три четверти респондентов этой категории считают, что судебная система предвзята и недостаточно прозрачна.

Высший класс склонен воспринимать наказание как несправедливое не только из-за его строгости, но и из-за непрозрачности судебного процесса. Около 65% респондентов утверждают, что процесс был «закрытым» и они не могли полноценно защитить свои интересы.

Представители среднего класса чаще оценивают наказание как в основном справедливое, хотя и с оговорками. Около 45% респондентов считают, что наказание соответствует тяжести преступления, но при этом 55% указывают на наличие факторов, усложняющих их защиту в суде, таких как недостаток квалифицированной юридической помощи. Уровень доверия

к правосудию среди среднего класса выше, чем у элиты, но также имеет свои ограничения. Так половина респондентов считают, что суды действуют в соответствии с законом, но при этом 40% из этого числа указывают на возможные случаи коррупции и предвзятости.

Средний класс рассматривает наказание как относительно эффективное, но с оговорками. Около 48% респондентов считают, что наказание способствовало их реабилитации, однако 30% из них указывают на недостаточную прозрачность процесса и неоправданные задержки в суде.

Осужденные с низким положением в обществе чаще всего воспринимают наказание как несправедливое и дискриминационное. Около 65% респондентов считают, что наказание несоразмерно их преступлениям, а 70% указывают на явные признаки дискриминации в ходе судебного разбирательства.

Доверие к судебной системе среди представителей низшего класса крайне низкое. 80% респондентов уверены, что суды предвзяты и что они стали жертвами социального неравенства. Только 15% осужденных из этой группы полагают, что суды действовали в соответствии с законом.

Респонденты с наиболее низким положением в обществе воспринимают наказание как крайне неэффективное и несправедливое. Около 70% респондентов считают, что их процесс был непрозрачным, а наказание не способствовало их реабилитации. Более 60% из них указывают на наличие коррупции и предвзятости в суде.

Восприятие конвенциональности уголовного наказания среди осужденных за экономические преступления варьируется в зависимости от их социального статуса, класса и уровня стратификации. Представители наиболее элитных слоев общества демонстрируют критическое восприятие судебной системы, основанное на осознании своей уязвимости перед законом, несмотря на привилегированное положение. Средний класс проявляет больше доверия к правосудию, но также указывает на проблемы с прозрачностью и доступностью юридической помощи. Низший класс и

маргинальные слои общества воспринимают наказание как несправедливое, дискриминационное и неэффективное.

Выводы по главе 3

Конвенциональность в отношении уголовного наказания в большей степени проявляется среди образованных людей и тех, кто выражает доверие к судебной системе. Респонденты с высшим уровнем образования более склонны поддерживать уголовное наказание как эффективное средство борьбы с преступностью. Это может быть связано с более глубоким пониманием законодательства и правовых процессов в современной России.

Факторы стратификации, включая пол, образование, тип занятости, социальный статус и отношение к судебной системе, играют существенную роль в определении конвенциональности уголовного наказания. Мужчины и женщины, люди с различным уровнем образования и различным отношением к судебной системе имеют неодинаковые взгляды на уголовное наказание и его эффективность.

Уголовное наказание воспринимается как обязательный элемент борьбы с преступностью, но его эффективность характеризуется неоднозначно. Большинство респондентов считают, что уголовное наказание является эффективным средством борьбы с преступностью, но существует также значительная доля опрошенных, кто полагает, что эффективность наказания зависит от конкретных условий и обстоятельств.

Восприятие уголовного наказания определяется несколькими ключевыми факторами, включая вероятность применения наказания, степень его жесткости, восприятие справедливости и реабилитационный потенциал. Эти факторы имеют различное влияние на различные стратификационные группы. Например, молодежь и студенты, а также люди с высшим образованием, занятые в секторе оказания услуг, больше акцентируют внимание на реабилитационном потенциале уголовного наказания.

Представления о справедливости наказания также играют важную роль в определении отношения к уголовному наказанию. Респонденты, которые считают, что судебная система защищает интересы богатых и власть

имущих, а не обычных людей, склонны проявлять более низкий уровень конвенциональности. Это говорит о значимости восприятия справедливости в контексте отношения к уголовному наказанию.

Уголовное наказание за экономические преступления в современном обществе обладает рядом особенностей, среди которых преобладает дисбаланс между серьезностью деяния и фактически назначаемым наказанием, особенно когда речь идет о лицах с различным социальным и профессиональным статусом. Так, лица с низким статусом чаще сталкиваются с более строгими мерами наказания.

Другой важной чертой является дискриминационный характер системы, который особенно заметен в отношении предпринимателей. Это подчеркивает необходимость пересмотра подходов к формированию уголовной политики в отношении данной категории граждан.

В контексте изучения легитимности уголовного наказания за экономические преступления важно подчеркнуть двойственную роль уголовного законодательства. С одной стороны, оно направлено на обеспечение общественного порядка и защиту от преступных действий, устанавливая нормы и наказания за их нарушение. С другой стороны, уголовно-исполнительное законодательство регулирует процесс исполнения наказаний, стремясь найти баланс между интересами общества и правами осужденных, обеспечивая условия для их успешной ресоциализации.

Анализ мнений представителей бизнес-сообществ, юридической сферы и сотрудников органов правопорядка позволил прийти к выводу, основанному на эмпирических данных, о том, что лица, не имеющие постоянного источника дохода, чаще сталкиваются с жестким отношением со стороны правоохранительных структур. Это особенно заметно на этапе предварительного расследования, где безработные обвиняемые испытывают повышенный риск быть помещенными под стражу, преимущественно в случаях, когда речь идет об обвинениях в совершении краж.

Такое явление может быть связано с рядом факторов, включая социальное положение обвиняемого и его финансовые возможности. Стоит отметить, что вероятность предварительного заключения под стражу для безработных значительно выше по сравнению с предпринимателями, что указывает на наличие дисбаланса в подходах к различным социальным группам в рамках уголовно-правовой системы.

Говоря о факторах, влияющих на перспективы ресоциализации осужденных за экономические преступления в общество, следует отметить ключевую роль таких факторов, как возраст, уровень образования и профессиональный стаж. Проведенное исследование показало, что молодые люди, обладающие более высоким уровнем образования и профессиональным опытом, более оптимистично настроены на будущее после освобождения.

Тем не менее анализ выявил серьезные проблемы в обеспечении равенства перед законом для лиц, привлекаемых к ответственности за экономические преступления. На различных этапах судопроизводства наблюдается высокий уровень дискриминации, особенно с учетом таких стратификационных факторов, как этническая принадлежность, характер занятости, уровень дохода и материальный статус осужденного.

Кроме того, система уголовного наказания не полностью достигает своей основной цели – предотвращения преступлений и обеспечения общественной безопасности, что подтверждается высоким процентом негативных ответов респондентов. Это указывает на низкую степень прозрачности уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, подтверждается большим количеством негативных отзывов.

Сравнение статистических данных и результатов опроса показывает, что социальный статус осужденных за экономические преступления играет ключевую роль в восприятии конвенциональности уголовного наказания. За последние годы наблюдается стабильный рост числа зарегистрированных экономических преступлений, что свидетельствует о том, что экономическая

преступность становится все более значимой проблемой для общества и государства. Среди экономических преступлений наиболее распространены мошенничество, уклонение от уплаты налогов, злоупотребление служебным положением и коррупционные деяния. Данные преступления чаще всего совершаются лицами с высоким социальным статусом и образованием. Основная часть осужденных за экономические преступления — мужчины среднего возраста, преимущественно с высшим образованием и значительным профессиональным опытом. Статистические данные подтверждают, что экономическая преступность в значительной мере связана с профессиональной деятельностью и социальным статусом.

Осужденные из элитных социальных слоев воспринимают наказание как особенно несправедливое, часто упоминая о дискриминации и предвзятости в суде. Это подтверждает гипотезу о том, что лица с высоким статусом, ожидающие справедливого отношения, особенно остро реагируют на любые отклонения от этого ожидания. Представители среднего класса, согласно опросу, также выражают недовольство судебной системой, но менее критично, чем элита. Это может быть связано с тем, что они сталкиваются с меньшими ожиданиями от правоприменительной системы. Лица с низким социальным статусом чаще воспринимают наказание как несправедливое и дискриминационное. Высокий уровень недоверия к судебной системе среди этой группы обусловлен ограниченными возможностями защиты своих прав и влиянием стратификационных факторов.

Более образованные респонденты чаще отмечают недостатки судебной системы, указывая на предвзятость и недостаточную прозрачность процесса. Лица с низким уровнем образования реже критикуют правовую систему, но при этом демонстрируют высокий уровень недоверия и скептицизма относительно эффективности наказания. Срок наказания также является значимым фактором восприятия конвенциональности. Осужденные на короткие сроки чаще выражают недовольство судебным процессом, что

может быть связано с ощущением несправедливости из-за быстроты и формальности судебных процедур. Лица, отбывающие длительные сроки, выражают большее недовольство эффективностью наказания, отмечая его несоответствие тяжести преступления и неспособность системы способствовать их реабилитации.

Статистические данные и экспертные оценки подтверждают существование значительного неравенства в наказаниях для представителей различных социальных классов. Высший класс получает более мягкие наказания, что вызывает недовольство среди менее обеспеченных слоев общества и подрывает легитимность судебной системы. Социальный капитал и финансовые ресурсы играют ключевую роль в исходе судебного разбирательства. Лица с высоким социальным статусом имеют больше возможностей для защиты своих интересов в суде, что приводит к более благоприятным для них исходам. Долгосрочные социальные и экономические последствия осуждения значительно различаются в зависимости от социального класса осужденного. Высший класс быстрее восстанавливает свои позиции, в то время как низший класс сталкивается с длительной маргинализацией. Отсутствие эффективных механизмов, направленных на устранение социального неравенства в процессе исполнения правосудия, усугубляет дискриминацию и предвзятость.

Восприятие конвенциональности уголовного наказания среди различных социальных групп является ключевым аспектом для понимания того, как институт права воспринимается в обществе. В исследовании были проанализированы мнения осужденных за экономические преступления, населения и экспертов, представляющих различные частные правовые институты. Сравнительный анализ их оценок выявляет значительные различия в восприятии справедливости, легитимности и прозрачности судебной системы.

Осужденные за экономические преступления демонстрируют высокий уровень недовольства своим наказанием. Почти 59% из них считают, что

наказание не соответствует тяжести совершенного преступления. Подобное недовольство особенно выражено среди лиц с низким социальным статусом, что подчеркивает значительное влияние стратификационных факторов на восприятие справедливости. Осужденные респонденты также указывают на широкую дискриминацию в судебной системе. Так 93% респондентов заявляют о наличии предвзятости и неравного отношения в ходе судебного разбирательства.

Мнение населения в значительной степени подтверждает эти выводы. Почти половина респондентов (49,7%) признают доминирующее влияние социального статуса на вероятность столкновения с правовыми проблемами и на строгость наказания. Четверть участников исследования полагают, что система справедлива ко всем одинаково, в то время как остальные респонденты указывают на наличие социальной несправедливости.

Эксперты, участвовавшие в исследовании, также признают наличие проблем в правоприменительной системе, но их оценки существенно менее критичны в сравнении с мнениями осужденных и населения. Информанты соглашались с тем, что лица с высоким социальным статусом часто получают более мягкие наказания благодаря доступу к квалифицированной юридической помощи и своему социальному капиталу. Однако, в отличие от осужденных и населения эксперты предлагают конструктивные меры для решения этих проблем, такие как усиление общественного контроля, повышение прозрачности судебных процессов и внедрение механизмов, снижающих влияние социального неравенства.

Таким образом, сравнительный анализ мнений осужденных, населения и экспертов показывает, что восприятие конвенциональности уголовного наказания существенно варьируется в зависимости от социального положения и доступа к ресурсам. Осужденные и представители населения, особенно из низших социальных слоев, выражают существенное недовольство системой правоприменения, видя в ней несправедливость и дискриминацию. Эксперты, признавая существование данных проблем,

предлагают более конструктивные пути их решения, подчеркивая необходимость реформирования правоприменительной системы.

Заключение

Анализ социоструктурных факторов конвенциональности уголовного наказания, представленный в данной работе, позволил нам получить ряд теоретически и методологически значимых результатов:

1. Осуществление интерпретации понятия конвенциональности уголовного наказания в социально-гуманитарном знании позволило сформулировать дефиницию «конвенциональность уголовного наказания», которая отражает уровень общественного согласия с государственно установленными целями и функциями наказания, а также с адекватностью выбранных видов наказания по отношению к совершенному преступлению, включая учет альтернативных вариантов наказания, обсуждаемых в общественном диалоге.

2. Социальное неравенство как фактор уголовного наказания проявляется в таких аспектах, как неравномерное распределение преступности в социальной структуре общества. В работе доказано, что преступность не следует строго «пирамидальной модели», где ее уровень уменьшается по мере подъема по социальной лестнице. Конвенциональность уголовного наказания отражается не только в восприятии его большинством, но и в отношении различных социоструктурных общностей и групп. Система наказания может воспроизводить и усиливать социальное неравенство, стигматизируя нижние социальные слои за нарушение норм, установленных верхними слоями в своих интересах.

3. Изучение неравенства в уголовном наказании в отечественной судебной и пенитенциарной практике показало, что факторы, негативно влияющие на процесс уголовного судопроизводства в России и способствующие проявлению социального неравенства при назначении и исполнении уголовного наказания, включают:

– проявления коррупции на этапе предварительного расследования, включая досудебное урегулирование через примирение сторон;

- возможность воздействия на судебные органы с помощью административных, политических и финансовых рычагов;
- недостаток гарантированной независимости судей, что подрывает принцип справедливого суда;
- судебные ошибки, проявляющиеся в необоснованных решениях и нарушении процессуальных норм;
- наличие коррупционных схем в судебной системе, влияющие на исход дел;
- влияние социально-демографических факторов, таких, как пол и возраст, на процесс судопроизводства;
- учет социально-профессионального статуса правонарушителя, включая его должностное положение и профессиональный бэкграунд, что может влиять на ход судопроизводства.

4. Данные исследований социоструктурных факторов конвенциональности уголовного наказания в мировой науке (отношения к преступности и уголовному наказанию в общественном сознании) свидетельствуют об актуальности нахождения сущностной близости и логических соответствий между восприятием уголовного наказания представителями дифференцированных в социальной структуре и стратификации социальных общностей и групп и мерами по гуманизации, либерализации, коррекции санкций уголовного наказания, проводимыми на уровне уголовной политики государства. Выразить уверенность в возможности построения некоего совершенного баланса между оценкой деяния и уголовного наказания общественным мнением и соответствующими им санкциями, одобряемыми большинством, представляется достаточно наивным идеализмом, не соответствующим реалиям борьбы с преступностью и специфике функционирования системы уголовного правосудия. Скорее, конвенциональность уголовного наказания ставит вопрос о нахождении относительно непротиворечивых соответствий между восприятием

преступления и наказания в общественном сознании, максимально легитимизирующих уголовно-правовую систему.

5. Анализ динамики отношения российского общества к уголовному наказанию выявляет следующие аспекты:

- конвенциональность уголовного наказания тесно связана с социальной структурой и стратификацией, что подразумевает различное восприятие наказания разными социальными слоями;

- сложность и многообразие социального устройства общества способствуют формированию многоуровневой системы конвенций, включая различные конвенциональные отношения и нонконформистов на макро-, мезо- и микроуровнях;

- социальный контракт, представляющий собой макроконвенцию между обществом и властью, основывается на мнении большинства, но также учитывает позиции конвенциональных нонконформистов, определенные не только личностной позицией, но и местом в социальной структуре;

- конвенциональность наказания за различные преступления определяется текущим состоянием общества и его восприятием существующих условий, включая социальные настроения, ожидания и представления о текущей ситуации;

- в современном обществе с его сложной социальной структурой и стратификацией существуют различия в восприятии конвенциональности уголовного наказания среди разных социальных групп, что делает акцент на мнении большинства;

6. В результате осуществления процедуры факторного анализа были определены четыре основных аспекта, которые существенно влияют на восприятие уголовного наказания в современном российском обществе.

В результате осуществления процедуры факторного анализа выявлены четыре ключевых фактора, влияющих на восприятие отношения к уголовному наказанию в современном российском обществе:

Фактор 1: вероятность наказания. Этот фактор подчеркивает важность вероятности наказания, включая вероятность задержания и осуждения. Этот фактор имеет наибольшее влияние на восприятие уголовного наказания среди молодых мужчин и представителей рабочих профессий.

Фактор 2: степень жесткости наказания. Второй фактор описывает влияние степени жесткости наказания на его восприятие, включая продолжительность тюремного срока и уровень репрессивности условий содержания. Данный фактор имеет большое значение для группы респондентов с высшим образованием и занимающих высокопоставленные должности.

Фактор 3: справедливость наказания. Третий фактор обозначает восприятие справедливости наказания, включая его соответствие совершенному преступлению и предыдущей криминальной истории преступника. Этот фактор наиболее заметен среди женщин среднего возраста и лиц пенсионного возраста, независимо от их профессионального статуса.

Фактор 4: реабилитационный потенциал наказания. Четвертый фактор обозначает восприятие возможности наказания способствовать реабилитации и ресоциализации преступника. Данный фактор имеет наибольшее влияние на восприятие уголовного наказания среди молодежи и студентов, а также людей с высшим образованием, занятых в секторе оказания услуг.

7. Данные проведенного эмпирического исследования позволили прийти к выводу о том, что высокая степень конвенциональности в отношении уголовного наказания чаще всего наблюдается среди образованных индивидов и тех, кто имеет положительное отношение к судебной системе. При этом люди с высшим образованием чаще склонны видеть в уголовном наказании эффективный инструмент борьбы с преступностью, возможно, благодаря более глубокому пониманию правовой системы и законодательных процессов в России.

Стратификационные факторы, такие, как пол, уровень образования, профессиональная деятельность и социальный статус, а также отношение к

судебной системе, играют ключевую роль в формировании конвенциональности уголовного наказания. Различные демографические группы имеют разные перспективы на уголовное наказание и его роль в обществе, что подчеркивает многообразие взглядов на данную тему.

Восприятие уголовного наказания как неотъемлемого элемента борьбы с преступностью существует, но оценки его эффективности могут варьироваться. Большая часть респондентов утверждает, что уголовное наказание является действенным средством противостояния преступности, однако половина опрошенных подчеркивают, что его эффективность может колебаться в зависимости от конкретных условий и контекста применения.

8. Следующий эмпирический вывод заключается в том, что восприятие уголовного наказания в современном российском обществе формируется под влиянием ряда ключевых факторов, в числе которых выделяются вероятность применения наказания, его жесткость, восприятие справедливости и реабилитационный потенциал. Эти аспекты в разной степени влияют на различные стратификационные группы. Так, например, молодежь и представители интеллектуальных профессий чаще обращают внимание на возможности реабилитации, предоставляемые уголовным наказанием.

Справедливость наказания занимает центральное место в формировании общественного мнения по данному вопросу. Индивиды, склонные думать, что судебная система в большей степени служит интересам элиты, чем обычных граждан, демонстрируют низкий уровень конвенциональности. Это подчеркивает важность восприятия справедливости в контексте отношения к уголовному наказанию.

Также следует учитывать, что восприятие уголовного наказания подвержено изменениям, обусловленным динамикой социальных, политических и культурных процессов. В этом контексте отношение к уголовному наказанию представляет собой динамичный конструкт, подверженный изменениям на основе текущих общественных настроений и взглядов.

9. В течение анализируемого периода (2011–2022 гг.) динамика количества осужденных демонстрировала восходящий тренд, несмотря на временные отклонения в некоторые годы. Отмечается снижение доли осужденных по статье 175 УК РФ, что свидетельствует об уменьшении преступлений данного вида в контексте общей картины экономической преступности.

Анализ возрастных групп показывает, что наибольшая «криминальная активность» в части совершения экономических преступлений приходится на возрастную категорию от 31 до 52 лет, которая занимает почти половину всех осужденных. Следом за ней идут возрастные группы 18–26 и 26–31 год с долями 17,1 и 20,7 % соответственно. Стоит отметить, что средний возраст осужденных за преступления в сфере экономической деятельности значительно выше, чем в общеуголовной статистике.

Что касается профессионального и экономического статуса осужденных, наибольшая доля приходится на лиц без определенных занятий, находящихся в трудоспособном возрасте. При этом наблюдается положительная динамика среди служащих коммерческих и других организаций, где доля осужденных снижается, что может свидетельствовать об улучшении практик корпоративного управления и контроля. С другой стороны, рабочие демонстрируют стабильную долю среди осужденных с небольшим ростом до 2018 года, после чего следует снижение. Среди государственных и муниципальных служащих, а также среди работников сельского хозяйства и безработных доля осужденных минимальна, что может указывать на относительно низкую преступную активность в этих демографических группах.

10. Динамика процесса назначения наказаний за экономические преступления претерпела существенные изменения в свете нововведений в законодательстве, которые в свою очередь повлияли на судебную практику. Эти изменения способствовали уменьшению дискриминации осужденных из различных социальных слоев, включая предпринимателей и безработных.

11. Большинство осужденных за экономические преступления (61,1 %) не считают, что уголовное наказание способствует их реабилитационному процессу. Только 18,3 % респондентов уверены, что потребности и интересы пострадавших были учтены в полной мере, что указывает на недостаточную реализацию функции восстановления нарушенных прав. Осужденные к лишению свободы в большинстве своем критически оценивают систему уголовного наказания за экономические преступления в России. Основные проблемы, выделяемые респондентами, связаны с несправедливостью и непрозрачностью судебного процесса, а также с неадекватностью наказаний.

Высокая степень конвенциональности уголовного наказания в представлениях лиц, осужденных к лишению свободы за экономические преступления, характеризуется сроком отбывания наказания (до 5 лет), уровнем образования (высший), возрастом осужденного (до 43 лет), а также уровнем профессионального статуса, которым он обладал до отбывания наказания. Средняя степень конвенциональности характеризуется такими социоструктурными факторами, как уголовная статья за совершенное преступление, характер трудовой деятельности, возраст и срок отбывания наказания. Низкая степень конвенциональности детерминирована этнической принадлежностью осужденного, его социально-профессиональным статусом, сроком и статьей УК РФ, по которой он отбывает наказание за совершенное экономическое преступление.

Согласно экспертным оценкам представителей судебной системы, сейчас можно наблюдать тенденцию к уменьшению количества реальных сроков лишения свободы, в том числе для предпринимателей. Судьи все чаще прибегают к альтернативным видам наказаний, таким, как штрафы, особенно в отношении экономически активных граждан и безработных.

Проведенное исследование подчеркивает сокращение разрыва в назначаемых наказаниях между различными социальными группами, что указывает на общее смягчение уголовной репрессии, являющееся

результатом широкомасштабных реформ в системе уголовного судопроизводства.

Значимым является вывод о том, что стратегия укрепления защиты прав обвиняемых и гуманизация уголовной ответственности, независимо от социального статуса обвиняемого, является наиболее эффективным подходом к снижению давления со стороны правоохранительных органов на лиц, подозреваемых в совершении экономических преступлений.

Несмотря на общую позитивную динамику, безработные обвиняемые продолжают сталкиваться с более строгим отношением со стороны правоохранительных органов, в том числе с повышенной вероятностью досудебного заключения под стражу. Предприниматели, осужденные за мошенничество, также часто сталкиваются с более строгими наказаниями по сравнению с другими категориями обвиняемых, имеющими стабильный легальный доход.

12. Высокая степень конвенциональности уголовного наказания в представлениях лиц, осужденных за экономические преступления, ассоциируется с определенными характеристиками, включая срок отбывания наказания до 5 лет, наличие высшего образования, возраст до 43 лет и высокий профессиональный статус до момента ареста.

Средняя степень конвенциональности связана с рядом социоструктурных факторов, включая конкретную уголовную статью, по которой произошло осуждение, характер предшествующей трудовой деятельности, возраст осужденного и срок, на который назначено наказание.

Низкая степень конвенциональности, в свою очередь, определяется через этническую принадлежность осужденного, его социально-профессиональный статус до момента ареста, а также сроки наказания и конкретную статью УК РФ, по которой произошло осуждение за экономическое преступление.

Осужденные и эксперты по-разному воспринимают ключевые факторы конвенциональности уголовного наказания. Осужденные, особенно из

низших слоев, более критичны и склонны видеть наказания как несправедливые и дискриминационные. Эксперты же признают существование проблем, но оценивают их менее остро, предлагая конструктивные решения для улучшения правоприменительной практики и повышения доверия к судебной системе.

13. Сравнительный анализ мнений осужденных, населения и экспертов показывает, что восприятие конвенциональности уголовного наказания существенно варьируется в зависимости от социального положения и доступа к ресурсам. Осужденные и представители населения, особенно из низших социальных слоев, выражают глубокое недовольство существующей системой правоприменения, видя в ней несправедливость и дискриминацию. Эксперты, признавая существование этих проблем, предлагают более конструктивные пути их решения, подчеркивая необходимость реформирования правоприменительной системы. Данные различия в восприятии подчеркивают необходимость учета стратификационных и социоструктурных факторов при разработке уголовной политики, направленной на обеспечение равенства перед законом и повышение доверия к судебной системе.

Список литературы

1. Аверин, А. В. Истина и судебная достоверность. (Постановка проблемы) / А. В. Аверин. – 2-е изд., доп. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007.
2. Агаев, И. А. Современные методы противодействия экономической преступности и обеспечения экономической безопасности органами внутренних дел / И. А. Агаев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2.
3. Айдукевич, К. Картина мира и понятийный аппарат / К. Айдукевич // Философия науки.. – Вып. 2: Гносеологические и логико-методологические проблемы. – М. : РАН, 1996.
4. Алгоритмы противодействия экономическим преступлениям и оценка уровня угроз экономической безопасности в контексте стратегического управления / С. П. Хрусталева, К. С. Кривякин, М. С. Луценко, О. О. Шендрикова // Вестник ВГУИТ. Vol. 81, по. 4. Р. 280–290. – 2020. – Янв.
5. Алексеев, С. С. Право. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М., 1999.
6. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М., 1995.
7. Аналитический отчёт о восприятии уровня коррупции в муниципальном образовании город Краснодар, июнь 2019 год / Администрация муниципального образования город Краснодар. Отдел аналитики и социологии информационно-аналитического управления. – URL : <http://krd.ru/uploads/files/2019/06/10/86595-analitichestiy-otchet-ob-urovne-korrupsii-2019.pdf>
8. Аналитический отчёт о проведении социологического исследования на тему «Оценка уровня коррупции в Архангельской области». – URL : https://anticorr29.ru/documents/?ELEMENT_ID=2018
9. Аналитический отчёт по результатам социологического исследования о состоянии коррупции и эффективности мер,

предпринимаемых по её предупреждению в государственных органах и органах местного самоуправления в Оренбургской области. Оренбург–2019. – URL : <http://www.orenburg-gov.ru/upload/medialibrary/8f7/8f76b7c3ed9a7070318db2b91d78f176.pdf>

10. Аналитический отчёт по результатам социологического исследования для выявления оценки населением Тверской области уровня коррупции в Тверской области. – URL : <https://xn--90ad3bl.xn--80aaccp4ajwpkgbl4lpb.xn--p1ai/protivodey-korrup/informatsiya-doklady-otchety/45674565445695769054762017.pdf>

11. Аргайл, М. Правила / М. Аргайл, А. Фернхэм, А. Дж. Грэхем // Межличностное общение. Хрестоматия / сост. Н. В. Казаринова., В. М. Погольша. – СПб. : Питер, 2001.

12. Бегичев, М. М. Проблемы противодействия экономическим преступлениям в современных условиях / М. М. Бегичев, А. В. Власов // Путеводитель предпринимателя. – 2020;13(1).

13. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа, ; Фирма «Стелс» БИМПЛ. – Москва, 1995.

14. Белова, Н. А. Исполнение наказаний в России в отношении женщин: история и современность : монография / Н. А. Белова. – Вологда, 2016.

15. Беляев, Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н. А. Беляев. – Л., 1986.

16. Бентам, И. Избранные сочинения. Т. 1 / И. Бентам. – СПб., 1867.

17. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995.

18. Бибик, О. Н. Культурная обусловленность уголовного наказания / О. Н. Бибик. – М., 2013.

19. В России могут появиться частные тюрьмы для бизнесменов. – URL: <http://www.dg-yug.ru/rubriki/world/89867-v-rossii-mogut-poyavitsya-chastnyie-tyurmyi-dlya-biznesmenov.html> (дата обращения: 07.09.2022).
20. Васильева, Т. В. Назначение и исполнение уголовного наказания в виде штрафа (Социально-правовые проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Васильева Т. В. – Рязань, 2004.
21. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990.
22. Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 2.
23. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948) //
24. Гальперин, И. М. Наказание: социальные функции, практика применения / И. М. Гальперин. – М., 1983.
25. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. – М. : Мысль, 1990.
26. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. Зарегистрированные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. – URL: http://crimestat.ru/offenses_chart
27. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2003.
28. Гизатуллин, И. А. Процессуальные проблемы реализации независимости судей в судебном разбирательстве по уголовным делам : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.09 / Гизатуллин И. А. ; Башкир. гос. университет. – Уфа, 2019.
29. Гирько, С. И. Меры по предупреждению коррупционной преступности в уголовно-исполнительной системе РФ [Электронный ресурс] / С. И. Гирько // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 17.08.2018).

30. Голов, А. А. Знакомство с наркотиками / А. А. Голов. – URL: <https://www.levada.ru/2008/03/20/a-a-golov-znakomstvo-s-narkotikami/>
31. Горбань, Д. В. Современные тенденции коррупционной преступности в сфере функционирования уголовно-исполнительной системы / Д. В. Горбань, О. С. Ефремова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 12 (декабрь). – 0,5 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/173018.htm>.
32. Губаева, Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – М. : Норма, 2003.
33. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк, В. Кинч. – М. : Прогресс, 1989. – С. 55.
34. Дементьев, С. И. Лишение свободы: уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты / С. И. Дементьев. – Ростов н/Д, 1981.
35. Дэвидсон, Д. Исследования истины и интерпретации / Д. Дэвидсон. – М. : Праксис, 2003.
36. Дюркгейм, Э. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – Киев-Харьков : Ф. А. Иогансон, 1899.
37. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда (этюды об организации высших обществ) / Э. Дюркгейм. – Одесса, 1900.
38. Захаров, А. Л. Межотраслевые принципы права / А. Л. Захаров ; под общ. ред. В. М. Ведяхина. – Самара : Самар. отд-ние Литфонда, 2004.
39. Защита правосудия: Дисциплинарное производство в отношении судей в Российской Федерации. Доклад миссии МКЮ. 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/D903CE857F256FAE5025412383B1C08A_MISSION.pdf
40. Исправительно-трудовое право / И. В. Шмаров,. – М., 1966.
41. Кант, И. Метафизика нравов. Сочинения. В 8 т. Т. 6 / И. Кант. – М., 1994.

42. Карнап Р. Значение и необходимость / Р. Карнап. – М.: Иностранная литература, 1959.
43. Карташов, В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества / В. Н. Карташов. – Ярославль, 1997. – Ч. 3.
44. Кетле, А. Социальная система и законы ею управляющие / А. Кетле. – СПб., 1866.
45. Козак, Д. Н. Суд в современном мире: проблемы и перспективы / Д. Н. Козак // Российская юстиция. – 2009.
46. Козаченко, И. Я. Коллизии уголовного и уголовно-исполнительного законодательства / И. Я. Козаченко, З. А. Николаева // Государство и право. – 1993. – № 2.
47. Колтунова, М. В. От постулатов прагматики к социокультурным конвенциям // Эмоции в языке и речи / М. В. Колтунова ; ред. И. А. Шаронов. – М.: Изд-во РГГУ, 2005.
48. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
49. Королева, Е. Сиди тихо: мошенников спасут от насильников // Газета RU. – 2018 12 сентября. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/09/11/11960965.shtml> (дата обращения: 16.11.2018).
50. Коррупция в России: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korrupczija-v-rossii-monitoring-1>
51. Коршакевич, Н. Г. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон – право или обязанность суда? / Н. Г. Коршакевич // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – Вып. 2 (6).
52. Кречмер, Э. Медицинская психология / Э. Кречмер. – СПб.: Союз, 1998.

53. Курченко, В. Н. Новая кассация: порядок и пределы проверки судебных решений / В. Н. Курченко // Уголовный процесс. – 2019. – № 6.
54. Лебедев, М. В. Стабильность языкового значения / М. В. Лебедев. – М. : Эдиториал УРСС, 1998.
55. Лист, Ф. Учебник уголовного права: Общая часть: Разрешенный автором перевод с 12-го переработанного издания / Ф. Фон Лист, проф. Берлин. ун-та ; пер.: Ф. Ельяшевич ; предисл.: М. В. Духовской, проф. Моск. ун-та. – М. : Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1903.
56. Ломброзо, Ч. Преступный человек / Ч. Ломброзо. – М. : Эксмо ; МИДГАРД, 2005.
57. Лушников, Д. А. Социальная дезорганизация на микроуровне социальной реальности : монография / Д. А. Лушников. – Ставрополь : Издательство СевКавГТУ, 2005.
58. Лягин, К. А. Теоретические аспекты правоприменительной политики / К. А. Лягин // Образование и право. – 2017. – № 6.
59. Макарова, З. В. Справедливость – нравственно-правовая основа уголовного судопроизводства / З. В. Макарова // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : мат. Всерос. науч.-практ. конф., 20–21 марта 2015 г. – Ч. 1. – СПб., 2016. – С. 224–225.
60. Марданов, А. Б. Социально-демографические и уголовно-правовые признаки осуждённых за преступления в сфере экономической деятельности. Криминологический анализ статистических сведений / А. Б. Марданов // Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – Т. 4. – № 15. – С. 356–368. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-15-356-368
61. Маркс, К. Сочинения. Т. 8 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Издательство политической литературы, 1962.
62. Мешко, Г. Экспертное заключение // Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги

теоретического исследования / Г. Мешко ; под научной редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2019.

63. Микешина, Л. А. Конвенции как следствие коммуникативной природы познания / Л. А. Микешина // Субъект, познание, деятельность. К 70-летию В. А. Лекторского. – М., 2002.

64. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. – М., 2007. – Гл. 2.

65. Минстер, М. В. Реализация некоторых направлений уголовной политики России в отношении женщин / М. В. Минстер // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13 (1-4), № 4.

66. Наркомания в России: масштаб проблемы и как с ней бороться? – URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=116282>

67. Наркомания в России: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkomaniya-v-rossii-monitoring>

68. Наташев, А. Е. Основы теории исправительно-трудового права / А. Е. Наташев. – М., 1967.

69. Недбайло, П. Е. Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М., 1960.

70. Нешатаева, Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т. Н. Нешатаева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 3.

71. О наркозависимости. Следует ли принудительно лечить и наказывать уголовно людей, принимающих наркотики? – URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14523>

72. Ожидания от 2021-го. Традиционный опрос ФОМ об ожиданиях, связанных с наступающим годом. – URL <https://fom.ru/Nastroeniya/1452>

73. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2019 годы. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>

74. Остапенко, И. А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу : дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Остапенко И. А. – Владимир, 2007.

75. Осьмук, Л. А. Теоретические основания социальной конвенциональности : дис. ... д-ра социол. наук / Осьмук Л. А. ; Алтайский гос. университет. – Барнаул, 2004.

76. Отношение к смертной казни. ФОМ. – URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14285>

77. Отношение населения России к смертной казни. Левада-Центр. – URL: <https://www.levada.ru/2005/07/04/otnoshenie-naseleniya-rossii-k-smertnoj-kazni/>

78. Отчеты о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011 г., за 12 месяцев 2012 г. [Электронный ресурс]: офиц. сайт // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – М., 2013. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

79. Отчеты о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 г., за 12 месяцев 2019 г. [Электронный ресурс]: офиц. сайт // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

80. Панкина, М. Е. Экономические преступления в Российской Федерации: пути их предупреждения / М. Е. Панкина // Студенческий научный форум : Материалы XIV Международной студенческой научной конференции. – URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018028651> (дата обращения: 30.06.2023).

81. Пинатель, Ж. Методология сравнительной криминологии / Ж. Пинатель // Проблемы сравнительного правоведения / Академия наук СССР. Институт государства и права. – М., 1978.

82. Поливцев, А. В. Восстановление социальной справедливости как цель наказания // Криминологические проблемы уголовного

законодательства России : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2004.

83. Полубинская, С. В. Цели уголовного наказания / С. В. Полубинская. – М., 1990.

84. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

85. Приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 года № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (с изменениями на 1 апреля 2020 года)». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420387264>

86. Принс, А. Преступность и репрессия: Уголовно-юридический очерк / А. Принс ; пер. под ред., с предисл.: В. В. Пржевальский. – М. : Кн. маг. Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1898.

87. Проблема безопасности, качество работы полиции (милиции) и отношение к смертной казни в Болгарии, Чехии, Венгрии, Литве, Польше и России. Левада-Центр. – URL: <https://www.levada.ru/2002/08/04/problema-bezopasnosti-kachestvo-raboty-politsii-militsii-i-otnoshenie-k-smertnoj-kazni-v-bolgarii-chehii-vengrii-litve-polshe-i-rossii/>

88. Проблема коррупции в России. Об уровне коррупции и способах борьбы с ней. Фонд «Общественное мнение». – URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10368>

89. Рабцевич, О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. И. Рабцевич. – Казань, 2003.

90. Расторопова, О. В. Гуманизация уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности / О. В. Расторопова // Человек: преступление и наказание. – 2015.

91. Рахманова, Е. Н. Об укреплении доверия к судам и снижении коррупции / Е. Н. Рахманова // Адвокатская практика. – 2013. – № 6.

92. Резник, Ж. Я. Состояние коррупционной преступности в сфере уголовно-исполнительной системы / Ж. Я. Резник // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 1.

93. Резниченко, Л. Доступ к правосудию / Л. Резниченко // Проблемы юридической помощи в странах Центральной и Восточной Европы. – 2004.

94. Романов, С. Р. Структурно-динамический анализ экономических преступлений: статистический аспект / С. Р. Романов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – № 5. – 2019.

95. Романова, В. И. Виды правоприменительной деятельности / В. И. Романова // Материалы Международной научно-практической конференции: в 3 частях. – Пенза, 2017.

96. Россияне о смертной казни. Левада-Центр. – URL: <https://www.levada.ru/2009/11/19/rossiyane-o-smertnoj-kazni/>

97. Россияне против предложения разрешить употребление «легких» наркотиков. – URL: <https://www.levada.ru/2012/08/16/rossiyane-protiv-predlozheniya-razreshit-upotreblenie-legkih-narkotikov/>

98. Сатерленд, Э. Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? / Э. Х. Сатерленд // Социология преступности : сборник статей: пер. с англ. – М. : Прогресс, 1966.

99. Серль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986.

100. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 6. – Ст. 699 //

101. Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2021 года. – М. : МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» 2021. – 67 с. – URL: [file:///C:/Users/COMP/Downloads/sb_2109%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/COMP/Downloads/sb_2109%20(1).pdf) (дата обращения: 29.11.2022).

102. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской

Академии наук. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2001.

103. Становский, М. Н. Назначение наказания. – СПб. : Юридический центр, 1999.

104. Статистическая информация ФСИН РФ: Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>

105. Статистическая информация ФСИН РФ: Характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах, 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOiT/2020-03-17_122324.jpg

106. Степаненко, Р. Ф. Основные направления современной правовой политики России / Р. Ф. Степаненко, К. А. Лягин // Материалы итоговой научно-практической конференции преподавателей и аспирантов. – Казань : НОУ ВПО «Университет управления ТИСБИ», 2015.

107. Стецовский, Ю. И. Судебная власть : учеб. пособие / Ю. И. Стецовский. – 2-е изд. – М. : Дело, 2011. – С. 272–273.

108. Стратегия права: в поисках гармонии личности и государства. Стратегии правового развития России : коллективная монография / О. Ю. Рыбаков ; под редакцией О. Ю. Рыбакова. – М., 2015.

109. Тарасов, А. А. Независимость судей – имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема / А. А. Тарасов, И. А. Гизатуллин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1.

110. Тард, Г. Преступник и преступление. Преступник. Часть 1 VIII / Г. Тард. – М., 1906.

111. Трошев, А. Как судьи арестовывают и оправдывают: советское наследие в уголовном судопроизводстве / А. Трошев // Как судьи принимают

решения: эмпирические исследования права / отв. ред. В. В. Волков. – М. : Статут, 2012.

112. Уголовное право России. Часть общая : учебное пособие / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – М., 2005.

113. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)

114. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри. – М. : ИНФРА-М, 2005.

115. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. – СПб. : Наука, 2000.

116. Целищев, В. В. Конвенция / В. В. Целищев // Проблемы логики и методологии науки / под ред. В. В. Целищева. – Новосибирск : Наука, 1982.

117. Чавкин, С. Похитители разума. Психохирургия и контроль над деятельностью мозга : пер. с англ. / С. Чавкин. – 1981.

118. Шаргородский, М. Д. Избранные труды по уголовному праву / М. Д. Шаргородский,. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2007.

119. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский. – Л., 1973.

120. Шахкелдов, Ф. Г. Без реформирования судебной системы нельзя решить проблему коррупции / Ф. Г. Шахкелдов // Российский судья. – 2008. – № 12.

121. Шепелев, М. И. Экономическая преступность в Российской Федерации / М. И. Шепелев, В. Л. Горичева // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 2.

122. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов н/Д : Феникс, 1998.

123. Шмаров, И. В. Дифференциация исполнения наказания в исправительно-трудовых учреждениях / И. В. Шмаров, М. П. Мелентьев. – Пермь, 1971.
124. Шумилин, С. Ф. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: вопросы теории и практики / С. Ф. Шумилин, Е. А. Новикова, О. С. Шумилина // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – Vol. 45, no. 4. – 2020.
125. Шур, Э. Наше преступное общество / Э. Шур. – М. : Прогресс, 1977.
126. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998.
127. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью / под ред. Б. С. Никифорова. – М., 1968.
128. Юм, Д. Сочинения в 2 т. Т. I / Д. Юм. – М. : Мысль, 1996.
129. Ярославцев, В. Г. Одним из зол уголовного процесса стал формальный подход / В. Г. Ярославцев // *Уголовный процесс.* – 2020. – № 2.
130. Alexeev, Michael. Economic Crime and Russian Reform / Michael Alexeev, Gaddy Clifford, Leitzel Jim // *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) / Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft* 151, no. 4 (1995): 677–92. URL: <http://www.jstor.org/stable/40751848>.
131. Almanza-Avendaño, A. M. Feelings of insecurity regarding organized crime in Tamaulipas, Mexico / A. M. Almanza-Avendaño, M. P. Romero-Mendoza, A. H. Gómez-San Luis. – *Salud Publica Mex* [Internet]. 28 de junio de 2018 [citado 26 de diciembre de 2020]; 60 (4, jul-ago).
132. Argyle, M. Bodily communication / M. Argyle. – N. Y., 1977.
133. Armbrorst, A. How fear of crime affects punitive attitudes / A. Armbrorst // *European Journal on Criminal Policy and Research*, 23, 2017.

134. Attribution, salience and attitudes toward criminal sanctioning / F. T. Cullen, G. A. Clark, J. B. Cullen, R. A. Mathers // *Criminal Justice and Behaviour*, 12, 1985.
135. Becker, H. S. *Outsiders: Studies in the sociology of deviance* / H. S. Becker,. – New York : Free Press, 1963.
136. Box, S. Explaining fear of crime / S. Box, C. Hale, G. Andrews // *The British Journal of Criminology*. – Volume 28, Issue 3. –1988. – Summer.
137. Burge, Tyler. *On Knowledge and Convention* / Tyler Burge // *Philosophical Review*. – 84. – 1975.
138. Burgess, R. L. A differential association-reinforcement theory of criminal behavior / R. L. Burgess, R. L. Akers // *Social Problems*. – 1966. – 14.
139. Chanley, V. A. The origins and consequences of public trust in government / V. A. Chanley, T. J. Rudolph, W. M. Rahn // *Public Opinion Quaterly*, 64, 2000.
140. Cloward, R.. *Delinquency and Opportunity, A Theory of Delinquent Gangs* / R. Cloward, L. Ohlin. – Glencoe : The Free Press, 1960.
141. Cohen, A. K. *Delinquent boys: The culture of the gang* / A. K. Cohen. – Free Press, 1955.
142. *Delinquency Areas* / Clifford R. Shaw, Harvey Zorbaugh, McKay et al. – Chicago : University of Chicago Press, 1929.
143. Dicey, A. V. *Lectures on the relation between law and public opinion in England during the 19th Century* / A. V. Dicey. – London : Macmillan, 1962.
144. Donnermeyer, J. F. *Rural criminology* / J. F. Donnermeyer, W. S. DeKeseredy. – New York, NY: Routledge. 2014.
145. Dugdale R. L. *The Jukes* / R. L. Dugdale. – N. Y., 1877.
146. Gaitán-Rossi, P. Fear of Crime in Mexico: The Impacts of Municipality Characteristics / P. Gaitán-Rossi, C. Shen // *Social Indicators Research*, 135, 2018.
147. Gann, S. *Estimating the Effect of Race on Juvenile Court Decision-Making: A Comparison of Methods* / S. Gann // *A Dissertation Submitted to the*

Graduate School of the University of Cincinnati in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy (Ph. D.) in the School of Criminal Justice of the College of Education, Criminal Justice, and Human Services. – August 2017. – P. 4.

148. Garafalo, J. The fear of crime: Causes and Consequences / J. Garafalo // Journal of Criminal Law and Criminology. –1981. – 82.

149. Garofalo, R. Criminologia / J. Garafalo. – Torino, 1891.

150. Gault, B. A. The role of empathy, anger, and gender in predicting attitudes toward punitive, reparative and preventative public policies / B.A. Gault. – Cognition and Emotion, 14, 2000.

151. Gauthier, David. Moral Dealing: Contract, Ethics, and Reason / David Gauthier. – Ithaca : Cornell University Press, 1990.

152. Gelb, K. Predictors of punitiveness: Community views in Victoria / K. Gelb. – Melbourne, Vic: Sentencing Advisory Council. 2011.

153. Gilbert Margaret, P. Game Theory and Convention (December 12, 2007) / Margaret P. Gilbert // Game Theory and Convention. Synthese. – Vol. 46. – Pp. 41–93. – 1981. – January.

154. Gilbert, Margaret. On Social Facts / Margaret Gilbert. – New York : Routledge, 1989.

155. Glueck, S. Criminal Careers in Retrospect / S. Glueck, E. Glueck. – New York : The Commonwealth Fund, 1943.

156. Glueck, S. Delinquency and crime / S. Glueck, E. Glueck. – Springfield : Charles C. Thomas Pub, 1974.

157. Glueck, S. Juvenile Delinquents Grown Up / S. Glueck, E. Glueck. – Pp. ix, 330. – New York : The Commonwealth Fund, 1940.

158. Goddard, H. H. The Kallikak family: A study in the heredity of feeble mindedness // H. H. Goddard. – New York : MacMillan, 1912.

159. Goodman, Nelson. «Just the Facts, Ma'am!» / Nelson Goodman // Interpretation and Confrontation, ed. Michael Krausz. – Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1989.
160. Hale, C. Fear of crime: A review of the literature / C. Hale // International Review of Victimology. – 1996. – 4.
161. Hale, C. Fear of crime: A review of the literature / C. Hale // International Review of Victimology. – 1996. – 4.
162. Harman, Gilbert. Moral Relativism / Harman Gilbert // Moral Relativism and Moral Objectivity / ed. Gilbert Harman and J. J. Thompson. – Cambridge : Blackwell, 1996.
163. Henry D. Juvenile Delinquency in Urban Areas / D. Henry. – Chicago : University of Chicago Press, 1942.
164. Hooton, E. A. The American Criminal. An anthropological study / E. A. Hooton. – Cambridge, 1939.
165. Hough, M. Attitudes to crime and punishment: Findings from the British Crime Survey / M. Hough, J. Roberts. – London : HMSO, 1998.
166. Hough, M. Dealing with offenders: Popular opinion and the views of victims. Findings from the British Crime Survey / M. Hough, D. Moxon // The Howard Journal. – 1985. – 24.
167. Hurwitz, J. Public perception of race and crime: The role of racial stereotypes / J. Hurwitz, M. Peffley // American Journal of Political Science. – 1997. – 41.
168. International Report on Crime Prevention and Community Safety: Trends and Perspectives / M. Idriss, M. Jendly, J. Karn, M. Mulone. – Montreal : International Centre for the Prevention of Crime, 2010.
169. Ito, K. Research on the fear of crime: Perceptions and realities of crime in Japan / K. Ito // Crime and Delinquency. – 1993. – 39.
170. Joseph, J. Fear of crime among the black elderly / J. Joseph // Journal of Black Studies. – 1997. – 27.

171. Kaukinen, C. Public perceptions of the courts: An examination of attitudes toward the treatment of victims and accused / C. Kaukinen, S. Colavecchia // *Canadian Journal of Criminology*. – 41. – 1999.
172. Kury H., Obergfell-Fuchs, J. Public attitudes towards sanctioning / H. Kury, J. Obergfell-Fuchs // H. J. Albrecht and H. Kury (Eds) // *Research on crime and criminal justice at the Max Planck Institute, Freiburg*. – 1998.
173. Kury, H. Public opinion and punitivity / H. Kury, T. Ferdinand // *International Journal of Law and Psychiatry*. – 1999. – 22.
174. Langworthy R.H., Whitehead J.T. Liberalism and fear as explanation of Punitiveness / R. H. Langworthy, J. T Whitehead // *Criminology*. – 24. – 1986.
175. Lemert, E. M. *Social pathology* / E. M. Lemert. New York : McGraw-Hill, 1951.
176. Lepore, E. *Imagination and Convention: Distinguishing Grammar and Inference in Language* / E. Lepore, M. Stone // CPI Group (UL) Ltd, 2015.
177. Lewis, D. K. *Convention: A philosophical study* / D. K. Lewis. – Harvard : Harvard University Press, 1969.
178. Mattison, J. Attitudes to crime and criminal justice: Findings from the 1998 British Crime Survey / J. Mattison, C. Mirrlees-Black. – London. HMSO, 2000.
179. Melossi, D. Changing representations of the criminal / D. Melossi // *British Journal of Criminology*. – 2000. – 40.
180. Miller, S. *Social Action: A Teleological Account* / S. Miller. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
181. Millikan R. *Language: A Biological Model* / R. Millikan. – Oxford : Clarendon Press, 2005.
182. Millikan, R. A Difference of Some Consequence Between Conventions and Rules / R. Millikan. – 2008. – *Topoi*, 27.

183. Mulrooney, K. Punitive attitudes across geographical areas: Exploring the rural/urban divide in Canada / K. Mulrooney, J. Wise // *International Journal of Rural Criminology*. – Volume 5, Issue 1 (November). – 2019.
184. Patterson, A. H. Fear of crime and other barriers to the use of public transportation by the elderly / A. H. Patterson // *Journal of Architectural and Planning Research*. – 1985. – 2.
185. Pettit, P. *Republicanism: A Theory of Freedom and Government* / P. Pettit. – Oxford University Press, U.S.A. (September 30, 1999).
186. Piven, F. *Breaking of the American Social Compact* / F. Piven, R. Cloward. – New Press, 1998.
187. Pudovochkin, Y. E. Statistical considerations for the exemption from criminal punishment as an institution / Y. E. Pudovochkin // *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2022. – № 1.
188. Quinney, R. *The Social Reality of Crime* / R. Quinney. – Little, Brown, 1974.
189. Racial attitudes and the death penalty / J. F. Dovidio, J. K. Smith, A. G. Donella, S. L. Gaertner // *Journal of Applied Social Psychology*. – 1997. –, 27.
190. Rawls, A *Theory of Justice* / J. Rawls. – Cambridge, MA : Harvard University Press. Revised edition, 1999.
191. Sanders, J. Is there a «common law» of responsibility? / J. Sanders, L. Hamilton // *Law and Human Behaviour*. –1987. – 11.
192. Schlapp, M. G. *The new criminology* / M. G. Schlapp, E. H. Smith. – N. Y., 1928.
193. Schubert, G. Subcultural Effects on Judicial Behavior: A Comparative Analysis / G. Schubert // *The Journal of Politics*. – vol. 42. – № 4. – 1980.

194. Schwarz, N. Mood, misattribution and judgement of well-being: Informative and directive functions of affective states / N. Schwarz, G. L. Clore // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1983. – 45.
195. Sellin, T. Culture conflict and crime / T. Sellin. – New York : Social Science Research Council, 1938.
196. Sellin, T. Race prejudice in the administration of justice / / T. Sellin // *American Journal of Sociology*. – 1935.
197. Shaw, Clifford R. Brothers in Crime / Clifford R. Shaw. – Philadelphia : Albert Saifer, 1952.
198. Shaw, Clifford R. Juvenile Delinquency in Urban Areas / Clifford R. Shaw & McKay, D. Henry. – Chicago : University of Chicago Press, 1942.
199. Sheldon, William H. The varieties of human physique: An introduction to constitutional psychology / William H. Sheldon. – New York : Harper & Brothers, 1940.
200. Sparks, R. Penal «austerity»: The doctrine of less eligibility reborn? / R. Sparks // R. Matthews & P. Francis, *Prison 2000: An international perspective on the current state and future of imprisonment*. – London : Macmillan, 2000.
201. Sugden, Robert. The Economics of Rights, Co-operation, and Welfare / Robert Sugden. – 2nd ed. – New York : Palgrave Macmillan, 2004.
202. Sutherland E. H. Principles of criminology (4th ed.) / E. H. Sutherland. – Philadelphia : Lippincott, 1947.
203. Tannenbaum, F. Crime and the community / F. Tannenbaum. – Boston : Ginn and Company, 1938.
204. Thinking critically about rural gender relations: Toward a rural masculinity crisis/male peer support model of separation/divorce sexual assault / W. S. DeKeseredy, J. F. Donnermeyer, M. D. Schwartz at al. // *Critical Criminology*, 15(4), 2007.

205. Tilley J. L. Social Class and Capital Punishment: A Theoretical and Empirical Analysis / J. L. Tilley // Online Theses and Dissertations. – 2014. – 209.
206. Vilalta, C. Perceived Police Corruption and Fear of Crime in Mexico / C. Vilalta, G. Fondevila // Mexican Studies/Estudios Mexicanos. – 2020. – 36 (3).
207. Walker, J. How the public sees sentencing: an Australian survey / J. Walker, M. Collins and P. Wilson. – Australian Institute of Criminology, 1987.
208. Wallace, S. Race versus class in health care of African-American elderly / S. Wallace // Social Problems. – 1990. – 37.
209. Wallerstein, J. S. Our law-abiding law-breakers / J. S. Wallerstein, C. J. Wyle // Probation. – 1947. – 25.
210. Walter M. Prevention of Crime in Local Society-Where will it Lead to / M. Walter // Penal Justice. – 2002. – vol. 12.
211. Weisheit, R. A. Crime and policing in rural and small-town America (3rd edn) / R. A. Weisheit, D. N. Falcone and L. E. Wells // Prospect Heights. – IL : Waveland Press, 2006.
212. Wilson J. Q. Thinking about Crime / J. Q. Wilson. – Pp. 231. – New York : Basic Books, 1975.
213. Wirth, L. Urbanism as a Way of Life / L. Wirth // AJS 44.
214. Zarafonitou, C. Fear of Crime and Victimization: The Greek Experience / C. Zarafonitou // Fear of Crime-Punitivity. New Developments in Theory and Research / H. Kury ed. – Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer; Bochum, 2008.
215. Zlokazov, K. V. The impact of criminal punishment on interaction of an offender with social environment / K. V. Zlokazov // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2 (2022): 225-232. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-2-225-232> (Date of access 29.06.2022)

**Программа эмпирического социологического исследования
на тему «Стратификационные факторы конвенциональности
уголовного наказания»**

Развитие и функционирование социологии права в современных условиях требует учета мнения различных социальных групп относительно справедливости и законности уголовного наказания. Важным аспектом является конвенциональность уголовного наказания, то есть соответствие наказания общественным ожиданиям и нормам. Исследование стратификационных факторов, влияющих на восприятие конвенциональности уголовного наказания, позволит выявить ключевые социальные детерминанты, определяющие отношение различных социальных групп к уголовной юстиции и ее справедливости.

Программа социологического исследования стратификационных факторов конвенциональности уголовного наказания за преступления экономической направленности в современном российском обществе определяется предметом диссертационной работы и целью, состоящей в анализе влияния стратификационных факторов на конвенциональность уголовного наказания.

Стратификационные факторы конвенциональности уголовного наказания связаны с социальным неравенством и различиями в социально-экономическом положении, которые напрямую влияют на восприятие и реальное применение уголовного наказания. К ключевым стратификационным факторам можно отнести:

1. Социальный статус
2. Уровень образования
3. Доход и экономическое положение

4. Профессиональный статус.

Социоструктурные факторы включают более широкие социальные и институциональные контексты, которые определяют конвенциональность уголовного наказания. К основным социоструктурным факторам относятся:

1. Правовая культура и общественное мнение
2. Институциональные практики
3. Медиа и общественные дискурсы
4. Социальная мобильность и классовая структура.

Различия между стратификационными и социоструктурными факторами конвенциональности уголовного наказания отражают сложное взаимодействие между индивидуальными характеристиками осужденных и более широкими социальными структурами. Стратификационные факторы акцентируют внимание на социальном неравенстве и различиях в доступе к ресурсам, тогда как социоструктурные факторы связаны с более широкими институциональными и культурными контекстами, определяющими восприятие и легитимность наказания. Оба набора факторов играют важную роль в формировании общественного мнения и практики правоприменения, влияя на восприятие справедливости и эффективности уголовного наказания.

Объект исследования: лица, отбывающие наказание за экономические преступления, представители различных социальных слоев, а также экспертного сообщества.

Предмет исследования: стратификационные факторы, влияющие на восприятие конвенциональности уголовного наказания.

Цель исследования: выявление стратификационных факторов, влияющих на восприятие конвенциональности уголовного наказания среди различных социальных групп.

Задачами теоретико-прикладного исследования являются:

1. Определение основных стратификационных факторов, влияющих на восприятие уголовного наказания.
2. Изучение различий в восприятии справедливости и законности наказаний среди различных социальных слоев.
3. Исследование влияния социального статуса и экономических условий на восприятие уголовного наказания.
4. Оценка степени общественного консенсуса относительно уголовных наказаний за экономические преступления.
5. Характеристика конвенциональности уголовного наказания за экономические преступления в представлениях осужденных к лишению свободы.

Гипотезы исследования:

1. Восприятие конвенциональности уголовного наказания зависит от социального статуса и экономических условий респондентов.
2. Лица с более высоким социальным статусом склонны оценивать уголовные наказания как менее справедливые по сравнению с лицами с низким социальным статусом.
3. Существуют значительные различия в восприятии законности и справедливости наказаний среди различных возрастных и профессиональных групп.

План исследования:

Подготовительный этап:

- Разработка анкеты и гайда для интервью.
- Пилотное тестирование инструментария.
- Корректировка инструментария на основе результатов пилотного тестирования.

Полевой этап:

- Проведение массового опроса населения.
- Проведение интервью с экспертами.

– Проведение опроса осужденных за экономические преступления.

Аналитический этап:

– Обработка и анализ собранных данных.

– Сравнительный анализ результатов различных групп.

– Выявление основных закономерностей и факторов, влияющих на восприятие конвенциональности уголовного наказания.

Заключительный этап:

– Подготовка отчета по результатам исследования.

– Интерпретация и операционализация основных понятий:

В основе прикладного исследования лежит социологический подход к анализу уголовного наказания. В данной части работы используются как количественные, так и качественные методы исследования для получения наиболее полной и объективной картины. Количественные методы позволяют установить тенденции и корреляции между стратификационными факторами и уровнем уголовной наказуемости, в то время как качественные методы способствуют пониманию причин и контекста этих тенденций.

Для проверки собственных выводов и их верификации полученные данные сопоставлялись с результатами всероссийского социологического исследования «Социальная справедливость», проведенного в 2017 году компанией GFK совместно с НИУ ВШЭ. База данных данного исследования находится в открытом доступе в Едином архиве социологических и экономических данных НИУ ВШЭ.

Интерпретация и операционализация основных понятий исследования

Таблица 1А представляет собой операционализацию ключевых понятий исследования, включающих конвенциональность, справедливость, легитимность, эффективность, стратификацию и стратификационные факторы, уголовное наказание и экономические преступления. Операционализация позволяет преобразовать теоретические концепции в конкретные измеримые параметры, обеспечивая методологическую основу

для проведения эмпирического исследования. В таблице детализированы показатели для каждого из понятий и указаны соответствующие вопросы из анкет и топик-гайда, что гарантирует систематический сбор и анализ данных.

Таблица 1А – Интерпретация и операционализация основных понятий исследования и их связь с вопросами инструментария

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
Конвенциональность	Степень согласия общества с существующими уголовными санкциями и их применением. Включает восприятие общественной поддержки и одобрения уголовной политики	– Уровень доверия к системе уголовного наказания; – восприятие общественного участия в формировании уголовной политики; – оценка адекватности наказания общественным нормам и ценностям	Анкета для осужденных – Как бы Вы оценили свой уровень доверия к системе уголовного наказания в РФ? – Считаете ли Вы, что общество должно активнее участвовать в формировании уголовной политики? – Считаете ли Вы, что ваше наказание соответствует общепринятым нормам и ценностям общества? Анкета для населения – Вопросы о доверии к правоохранительным органам, судебной системе и восприятии справедливости наказаний. Топик-гайд для экспертов – Какова роль общественности в формировании уголовной политики? – Какие меры предпринимаются для вовлечения общественности в дискуссии по уголовной политике за экономические преступления?
Справедливость	Восприятие	– Оценка	Анкета для

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
	соответствия между тяжестью преступления и строгостью наказания, а также беспристрастность и равенство в применении правосудия	соответствия наказания тяжести преступления; – восприятие справедливости судебного процесса; – оценка отсутствия дискриминации	осужденных – Считаете ли Вы, что Ваше наказание соответствует тяжести совершенного Вами преступления? – Считаете ли Вы, что Вас судили справедливо и без дискриминации по каким-либо признакам? – Считаете ли Вы, что Ваш судебный процесс был справедливым и беспристрастным? Анкета для населения – Вопросы о справедливости и беспристрастности судебных процессов и адекватности наказаний. Топик-гайд для экспертов – Какие критерии используются для определения адекватности наказания экономическому преступлению? – Какие аспекты уголовного наказания вызывают наибольшее общественное недовольство и как это можно было бы исправить?
Легитимность	Признание и поддержка правомерности действий правоприменительных институтов обществом. Включает доверие к правоохранительным органам, судам и государственной власти	– Уровень доверия к полиции и судам; – восприятие законности и прозрачности судебных процессов; – оценка легитимности уголовной политики и наказаний	Анкета для осужденных – Насколько прозрачным был процесс вашего судебного разбирательства? – Существуют ли механизмы для выявления и исправления судебных ошибок в нашей стране? – Как бы Вы оценили

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			доступность правосудия в стране? Анкета для населения – Вопросы о доверии к правоприменительным институтам и восприятию легитимности судебных решений Топик-гайд для экспертов – Как Вы оцениваете текущее состояние уголовной политики в РФ с точки зрения функциональности и легитимности? – Какие изменения в уголовной политике, на ваш взгляд, могли бы способствовать улучшению ее легитимности и функциональности?
Эффективность	Способность уголовного наказания достигать поставленных целей, таких, как предотвращение преступлений, реабилитация осужденных и удовлетворение интересов пострадавших	– Оценка профилактической функции наказания; – восприятие реабилитационной функции наказания; – оценка удовлетворения интересов пострадавших	Анкета для осужденных – Считаете ли Вы, что Ваше наказание способствует предотвращению экономических преступлений? – Считаете ли Вы, что уголовное наказание способствует Вашему реабилитационному процессу? – Считаете ли Вы, что потребности и интересы пострадавших были учтены в ходе Вашего судебного процесса? Анкета для населения – Вопросы о восприятии эффективности различных видов наказаний и их функций. Топик-гайд

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			для экспертов – Какие виды наказаний за экономические преступления на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными? – Какие цели наказания наиболее приоритетны в современной уголовной политике РФ?
Стратификация и стратификационные факторы	Социальное неравенство и различия в доступе к ресурсам и возможностям среди различных социальных групп. Включает влияние социально-экономического статуса, уровня образования, профессии и других характеристик на восприятие и оценку уголовного наказания	– Влияние социального статуса на восприятие справедливости наказания; – оценка различий в доступе к правосудию и правовым ресурсам; – восприятие дискриминации в судебных процессах	Анкета для осужденных – Укажите Ваш возраст. – Назовите Ваш основной род деятельности до отбывания наказания. – Укажите Ваш уровень образования. Анкета для населения – Вопросы о восприятии справедливости наказаний в различных социальных группах и уровнях дохода. Топик-гайд для экспертов – Какие социальные группы наиболее часто подвергаются уголовному наказанию за экономические преступления? – Какие факторы стратификации наиболее значимы при рассмотрении уголовных дел за экономические преступления?
Уголовное наказание	Меры, применяемые государством к лицам, признанным виновными в совершении преступлений,	– Виды применяемых наказаний; – восприятие строгости и адекватности наказаний;	Анкета для осужденных – Считаете ли Вы, что Вам предоставили все возможности для защиты в суде? – Как, на Ваш взгляд,

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
	с целью восстановления справедливости, предотвращения преступлений и исправления правонарушителей	– оценка эффективности наказаний в предотвращении преступлений	общество в целом относится к уголовному наказанию за экономические преступления? Анкета для населения – Вопросы о восприятии различных видов наказаний и их адекватности преступлениям. Топик-гайд для экспертов – Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными? – Какие альтернативные формы наказания могли бы быть введены или расширены в РФ?
Экономические преступления	Деяния, связанные с нарушением экономического законодательства, такими, как мошенничество, уклонение от уплаты налогов, отмывание денег и коррупция	– Распространенность различных видов экономических преступлений; – восприятие строгости наказаний за экономические преступления; – оценка адекватности наказаний за экономические преступления	Анкета для осужденных – Укажите статью уголовного кодекса, по которой Вы были осуждены. – Как Вы оцениваете степень строгости наказания, которое Вы получили? Анкета для населения – Вопросы о восприятии распространенности экономических преступлений и адекватности наказаний за них Топик-гайд для экспертов – Какие виды наказаний за экономические преступления наиболее часто применяются в РФ? – Как Вы оцениваете текущее состояние

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			уголовной политики в РФ с точки зрения функциональности и легитимности?
Восприятие уголовного наказания	Оценка обществом и отдельными индивидами строгости, справедливости и эффективности применяемых уголовных наказаний	– Уровень одобрения применяемых наказаний; – восприятие справедливости и адекватности наказаний; – Оценка эффективности наказаний в предотвращении преступлений	Анкета для осужденных – Как Вы оцениваете справедливость наказания, которое Вы получили? – Считаете ли Вы, что наказания в РФ эффективны в предотвращении преступлений? Анкета для населения – Вопросы о восприятии справедливости, адекватности и эффективности наказаний. Топик-гайд для экспертов – Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, наиболее эффективны? – Как общество оценивает адекватность наказаний за экономические преступления?
Правовое государство	Государство, в котором обеспечиваются верховенство закона, права и свободы граждан, а также их равенство перед законом	– Уровень соблюдения прав и свобод граждан; – оценка равенства перед законом; – восприятие верховенства закона	Анкета для осужденных – Считаете ли Вы, что Ваши права и свободы были соблюдены в ходе судебного процесса? – Считаете ли Вы, что в РФ все равны перед законом? Анкета для населения – Вопросы о восприятии соблюдения прав и свобод, равенства перед законом и верховенства закона. Топик-гайд

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			для экспертов – Какие механизмы обеспечения верховенства закона наиболее эффективны? – Как Вы оцениваете уровень соблюдения прав и свобод граждан в РФ?
Справедливое государство	Государство, в котором обеспечивается социальная справедливость, равенство возможностей и распределение ресурсов на основе справедливости	– Уровень социальной справедливости; – Оценка равенства возможностей; – Восприятие справедливого распределения ресурсов	Анкета для осужденных – Считаете ли Вы, что Ваше наказание было справедливым в социальном контексте? – Считаете ли Вы, что в РФ равные возможности для всех граждан? Анкета для населения – Вопросы о восприятии социальной справедливости, равенства возможностей и справедливого распределения ресурсов. Топик-гайд для экспертов – Какие меры способствуют достижению социальной справедливости? – Как Вы оцениваете равенство возможностей в РФ?
Граждане (население)	Индивиды, проживающие в государстве, обладающие гражданскими правами и обязанностями	– Уровень гражданской активности; – оценка удовлетворенности жизнью; – восприятие роли граждан в формировании государственной политики	Анкета для осужденных – Насколько активно Вы участвовали в гражданской жизни до осуждения? – Насколько Вы удовлетворены жизнью в целом? Анкета для населения – Вопросы

Понятие	Определение	Показатели	Связь с инструментарием исследования
			о гражданской активности, удовлетворенности жизнью и восприятии роли граждан в формировании государственной политики. Топик-гайд для экспертов – Какие механизмы вовлечения граждан в формирование государственной политики наиболее эффективны? – Как Вы оцениваете уровень гражданской активности в РФ?

Конвенциональность уголовного наказания определяется через уровень доверия к системе уголовного наказания, восприятие общественного участия в формировании уголовной политики и оценку соответствия наказания общественным нормам и ценностям. Эти показатели позволяют измерить степень общественного согласия с существующими уголовными санкциями и политикой их применения.

Понятие справедливости, центральное для оценки уголовного наказания, операционализировано через восприятие соответствия наказания тяжести преступления, оценку справедливости судебного процесса и отсутствие дискриминации. Эти измерения помогают понять, насколько общество и осужденные считают правоприменение беспристрастным и равноправным.

Легитимность наказания исследуется через показатели уровня доверия к полиции и судам, восприятие законности и прозрачности судебных процессов, а также общей оценки легитимности уголовной политики и наказаний. Эти показатели дают представление о степени признания и

поддержки правомерности действий правоприменительных институтов обществом.

Эффективность уголовного наказания операционализируется через оценку его профилактической и реабилитационной функций, а также удовлетворение интересов пострадавших. Эти показатели важны для анализа того, насколько наказание способствует предотвращению преступлений и реабилитации осужденных.

Стратификация и стратификационные факторы включают социальное неравенство и различия в доступе к ресурсам и возможностям среди различных социальных групп. Показатели включают влияние социального статуса на восприятие справедливости наказания, оценку различий в доступе к правосудию и правовым ресурсам, а также восприятие дискриминации в судебных процессах. Эти измерения позволяют исследовать, как социально-экономические характеристики влияют на восприятие и оценку уголовного наказания.

Уголовное наказание операционализировано через виды применяемых наказаний, восприятие их строгости и адекватности, а также оценку эффективности в предотвращении преступлений. Эти показатели позволяют понять, как респонденты воспринимают различные формы наказаний и их адекватность совершенным преступлениям.

Экономические преступления исследуются через показатели распространенности различных видов этих преступлений, восприятие строгости наказаний за них и оценку адекватности таких наказаний. Эти измерения важны для понимания общественного мнения о наказаниях за экономические преступления и их воспринимаемой справедливости.

В совокупности операционализация ключевых понятий и их связь с вопросами инструментария обеспечивает валидность и надежность исследования, позволяя детально изучить общественное восприятие уголовных наказаний за экономические преступления и выявить основные стратификационные факторы, влияющие на эти оценки.

Таблица 2А – Вопросы инструментария исследования и их соответствие операционализированным понятиям

Инструментарий	Дефиниция	Эмпирический индикатор
Анкета для осужденных	Конвенциональность	Считаете ли Вы, что система уголовного наказания подлежит общественному контролю?
	Конвенциональность	Существуют ли механизмы для выявления и исправления судебных ошибок в нашей стране?
	Конвенциональность	Считаете ли Вы, что Ваше наказание соответствует общепринятым нормам и ценностям общества?
	Конвенциональность	Как бы Вы оценили доступность правосудия в стране?
	Справедливость	Считаете ли Вы, что Ваше наказание соответствует тяжести совершенного Вами преступления?
	Справедливость	Считаете ли Вы, что Вас судили справедливо и без дискриминации по каким-либо признакам?
	Справедливость	Считаете ли Вы, что Ваш судебный процесс был справедливым и беспристрастным?
	Легитимность	Насколько прозрачным был процесс Вашего судебного разбирательства?
	Легитимность	Существуют ли механизмы для выявления и исправления судебных ошибок в нашей стране?
	Легитимность	Как бы Вы оценили доступность правосудия в стране?
	Эффективность	Считаете ли Вы, что Ваше наказание способствует предотвращению экономических преступлений?
	Эффективность	Считаете ли Вы, что уголовное наказание способствует Вашему реабилитационному процессу?
	Эффективность	Считаете ли Вы, что потребности и интересы пострадавших были учтены в ходе Вашего судебного процесса?
	Стратификация и стратификационные факторы	Укажите Ваш возраст.
	Стратификация и стратификационные факторы	Назовите Ваш основной род деятельности до отбывания наказания.
	Стратификация	Укажите Ваш уровень образования.

Инструментарий	Дефиниция	Эмпирический индикатор
	и стратификационные факторы	
	Уголовное наказание	Считаете ли Вы, что Вам предоставили все возможности для защиты в суде?
	Уголовное наказание	Как, на Ваш взгляд, общество в целом относится к уголовному наказанию за экономические преступления?
	Экономические преступления	Укажите статью уголовного кодекса, по которой Вы были осуждены.
	Экономические преступления	Как Вы оцениваете степень строгости наказания, которое Вы получили?
	Восприятие уголовного наказания	Считаете ли Вы, что Ваше наказание соответствует тяжести совершенного Вами преступления?
	Правовое государство	Считаете ли Вы, что Вам предоставили все возможности для защиты в суде?
	Справедливое государство	Считаете ли Вы, что Ваш судебный процесс был справедливым и беспристрастным?
	Справедливое государство	Считаете ли Вы, что Вас судили справедливо и без дискриминации по каким-либо признакам?
	Граждане (население)	Назовите Ваш основной род деятельности до отбывания наказания
	Граждане (население)	Считаете ли Вы, что общество должно активнее участвовать в формировании уголовной политики?
Анкета для населения	Конвенциональность	Вопросы о доверии к правоохранительным органам, судебной системе и восприятии справедливости наказаний
	Справедливость	Вопросы о справедливости и беспристрастности судебных процессов и адекватности наказаний
	Легитимность	Вопросы о доверии к правоприменительным институтам и восприятии легитимности судебных решений
	Эффективность	Вопросы о восприятии эффективности различных видов наказаний и их функций
	Стратификация и стратификационные факторы	Вопросы о восприятии справедливости наказаний в различных социальных группах и уровнях дохода
	Уголовное наказание	Вопросы о восприятии различных видов наказаний и их адекватности преступлениям
	Восприятие уголовного наказания	Как Вы оцениваете справедливость наказания, которое Вы получили?
	Восприятие уголовного наказания	Считаете ли Вы, что наказания в РФ эффективны в предотвращении

Инструментарий	Дефиниция	Эмпирический индикатор
		преступлений?
	Правовое государство	Считаете ли Вы, что Ваши права и свободы были соблюдены в ходе судебного процесса?
	Правовое государство	Считаете ли Вы, что в РФ все равны перед законом?
	Справедливое государство	Считаете ли вы, что в РФ равные возможности для всех граждан?
	Экономические преступления	Вопросы о восприятии распространенности экономических преступлений и адекватности наказаний за них
Топик-гайд для экспертов	Конвенциональность	Какова роль общественности в формировании уголовной политики?
	Конвенциональность	Какие меры предпринимаются для вовлечения общественности в дискуссии по уголовной политике за экономические преступления?
	Восприятие уголовного наказания	Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными?
	Восприятие уголовного наказания	Как общество оценивает адекватность наказаний, назначаемых за экономические преступления?
	Справедливость	Какие критерии используются для определения адекватности наказания экономическому преступлению?
	Справедливость	Какие аспекты уголовного наказания вызывают наибольшее общественное недовольство и как это можно было бы исправить?
	Легитимность	Как Вы оцениваете текущее состояние уголовной политики в РФ с точки зрения функциональности и легитимности?
	Легитимность	Какие изменения в уголовной политике, на Ваш взгляд, могли бы способствовать улучшению ее легитимности и функциональности?
	Эффективность	Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными?
	Эффективность	Какие цели наказания наиболее приоритетны в современной уголовной политике РФ?
	Стратификация и стратификационные факторы	Какие социальные группы наиболее часто подвергаются уголовному наказанию за экономические преступления?
	Стратификация и стратификационные факторы	Какие факторы стратификации наиболее значимы при рассмотрении уголовных дел за экономические преступления?

Инструментарий	Дефиниция	Эмпирический индикатор
	Уголовное наказание	Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными?
	Уголовное наказание	Какие альтернативные формы наказания могли бы быть введены или расширены в РФ?
	Экономические преступления	Какие виды наказаний за экономические преступления наиболее часто применяются в РФ?
	Экономические преступления	Как Вы оцениваете текущее состояние уголовной политики в РФ с точки зрения функциональности и легитимности?
	Правовое государство	Какие цели наказания наиболее приоритетны в современной уголовной политике РФ?
	Справедливое государство	Какие аспекты уголовного наказания вызывают наибольшее общественное недовольство и как это можно было бы исправить?

Исследование конвенциональности уголовного наказания требует детализированного и системного подхода к выбору и характеристике единиц анализа. Данные единицы анализа, основанные на теоретических концепциях и операционализированных понятиях, тесно связаны с инструментарием исследования (анкеты для осужденных, анкеты для населения и топик-гайд для интервью с экспертами).

1. Индивидуальные единицы анализа

Социально-демографические характеристики респондентов:

Пол:

Показатели: Гендерные различия в восприятии справедливости и адекватности наказаний.

Вопросы инструментария: «Как Вы оцениваете справедливость наказания за экономическое преступление?» (мужчины/женщины), «Доверяете ли Вы правоохранительным органам в отношении расследования экономических преступлений?» (мужчины/женщины).

Возраст:

Показатели: Возрастные различия в восприятии целей и адекватности наказаний.

Вопросы инструментария: «Считаете ли Вы, что основная цель наказания за экономические преступления – исправление?» (разные возрастные группы), «Считаете ли Вы, что наказания за экономические преступления должны быть более мягкими для молодых людей?» (разные возрастные группы).

Уровень образования:

Показатели: Влияние уровня образования на восприятие легитимности и справедливости наказаний.

Вопросы инструментария: «Насколько понятными и доступными для вас были законы, регулирующие уголовное наказание?» (разные уровни образования), «Считаете ли Вы, что у Вас была возможность обратиться за квалифицированной юридической помощью?» (разные уровни образования).

2. Групповые единицы анализа

Социальные группы и профессиональные категории:

Род деятельности и профессиональная принадлежность:

Показатели: Различия в оценках наказаний за экономические преступления в зависимости от рода деятельности и профессиональной принадлежности.

Вопросы инструментария: «Назовите Ваш основной род деятельности до отбывания наказания», «Считаете ли Вы, что предприниматели должны получать более строгое наказание за экономические преступления?» (разные профессиональные группы), «Доверяете ли Вы судам в вопросах экономических преступлений?» (разные профессиональные группы).

Социальный статус и уровень дохода:

Показатели: Влияние социально-экономического статуса на отношение к уголовным наказаниям за экономические преступления.

Вопросы инструментария: «Каков был Ваш уровень дохода до начала отбывания наказания?», «Считаете ли Вы, что уголовное наказание

способствует Вашему реабилитационному процессу?» (разные уровни дохода).

3. Региональные и местные сообщества

Территориальные критерии:

Место проживания:

Показатели: Региональные различия в восприятии уголовных наказаний за экономические преступления.

Вопросы инструментария: «Укажите Ваш регион проживания до ареста», «Доверяете ли Вы полиции в Вашем регионе в вопросах экономических преступлений?», «Считаете ли Вы, что суды в вашем регионе справедливо рассматривают дела по экономическим преступлениям?» (разные типы населенных пунктов).

4. Контекстуальные единицы анализа

Правовая и уголовная политика:

Осведомленность о правовых нормах:

Показатели: Уровень осведомленности о законах и нормативных актах, оценка справедливости существующих норм и законов.

Вопросы инструментария: «Насколько понятными и доступными для Вас были законы, регулирующие уголовное наказание?», «Считаете ли Вы, что существующие законы справедливы?».

Оценка судебной практики:

Показатели: Оценка справедливости судебных решений, уровень доверия к судебной системе.

Вопросы инструментария: «Считаете ли Вы, что Ваш судебный процесс был справедливым и беспристрастным?», «Насколько прозрачным был процесс Вашего судебного разбирательства?».

5. Социальные и экономические условия

Социально-экономические факторы:

Уровень жизни и экономическая стабильность:

Показатели: Влияние экономических условий на восприятие уголовных наказаний, оценка влияния уровня жизни на отношение к правоприменительной практике.

Вопросы инструментария: «Как Вы считаете, влияет ли уровень жизни на восприятие уголовных наказаний?», «Влияет ли экономическая стабильность на доверие к правоприменительной практике?».

6. Социальная стратификация и неравенство:

Показатели: Влияние социального неравенства на восприятие справедливости наказаний, оценка влияния социального статуса на отношение к правоприменительной системе.

Вопросы инструментария: «Считаете ли Вы, что социальное неравенство влияет на восприятие справедливости наказаний?», «Как, по Вашему мнению, социальный статус влияет на отношение к правоприменительной системе?».

Выборочная совокупность количественного исследования

В рамках диссертационного исследования было проведено количественное исследование для выявления стратификационных факторов восприятия уголовного наказания. Выборочная совокупность респондентов составила 3126 человек, представляющих различные социально-демографические группы и регионы.

Для расчета выборочной совокупности исследования был использован кластерный метод ($n = (K * n_{avg}) / (1 + (K - 1) * ICC)$), где в качестве каждого отдельного кластера был использован отдельный субъект РФ. После расчета дизайн-эффекта выборочной совокупности ($DEFF = 1 + (\rho * (n_E - 1)) / (n_E * p_E) + (\rho * (n_C - 1)) / (n_C * p_C)$) ошибка выборки составила 3,49 %. Общий объем выборочной совокупности составил 3126 респондентов. Данное исследование было проведено в период с 2020 по 2021 год.

Таблица 3А – Характеристики выборочной совокупности

Признак	Численность респондентов	Процент респондентов
Пол		
Мужской	1500	48
Женский	1626	52
Возраст		
До 18 лет	200	6,4
19–33 года	1000	32
34–45 лет	800	25,6
46–54 года	400	12,8
55–64 года	500	16
Свыше 65 лет	226	7,2
Образование		
Высшее	1200	28,6
Среднее образование (школа или ПТУ)	1200	48,2
Среднее специальное образование (техникум)	500	16
Незаконченное высшее	226	7,2
Регион		
Ставропольский край	800	25,6
Краснодарский край	800	25,6
Карачаево-Черкесская Республика	700	22,4
Ростовская область	826	26,4

Обоснование выборочной совокупности для качественного этапа исследования

В рамках исследования была сформирована целевая выборочная совокупность экспертов, представляющих различные сферы деятельности, связанные с правоприменительной практикой и социологическим анализом уголовного наказания. Обоснование объема выборки основывается на критерии максимизации получения информации. Формирование выборки прекращается в тот момент, когда не ожидается дополнительной информации от включенных в выборку экспертов. Объем выборочной совокупности составил $n = 20$.

Описание принципов отбора экспертов

Отбор экспертов для исследования строился на принципе системности и включал в себя полный охват ролевых позиций, характеризующихся

видами информации, которую эксперты могут предоставить. Типы экспертов были выделены на основе методологической модели обоснования выборки качественного исследования И. Штейнберга.

Выбор метода качественного исследования

Основным методом качественного исследования стали глубинные интервью, что обусловлено необходимостью получения детализированной и контекстуализированной информации от экспертов. Гайд интервью включал несколько смысловых блоков:

Восприятие уголовного наказания: вопросы о том, как эксперты оценивают текущую систему уголовных наказаний, ее справедливость и эффективность.

Стратификационные факторы: обсуждение влияния социально-экономического статуса, возраста, пола и других факторов на восприятие и применение уголовного наказания.

Практика правоприменения: опыт экспертов в применении уголовного законодательства, особенности работы с различными социальными группами.

Рекомендации по улучшению системы наказаний: предложения экспертов по реформированию и улучшению системы уголовного правосудия.

Методы обработки информации

Обработка первичной социологической информации будет реализована с помощью пакета SPSS v 22 и программы QDA Miner для анализа текстовой информации. Тематический анализ станет основным методом обработки данных качественных интервью, что позволит выявить ключевые темы и категории, обсуждаемые экспертами.

Этот подход обеспечивает всесторонний анализ восприятия уголовного наказания, учитывая мнение специалистов из различных сфер, что позволяет глубже понять стратификационные факторы и их влияние на конвенциональность уголовного наказания.

Формализованное интервью осужденных к лишению свободы за экономические преступления

Основным методом осуществления данного этапа исследования стал опрос лиц, осужденных к лишению свободы за совершение экономических преступлений и отбывающих наказание в четырех исправительных учреждениях: ФКУ ИК-2 УФСИН России по Ставропольскому краю, ФКУ ИК-5 УФСИН России по Ставропольскому краю, ФКУ ИК-14 УФСИН России по Краснодарскому краю, а также ФКУ ИК-11 ОИК-11 ОУХД ГУФСИН России по Пермскому краю. Общий объем выборочной совокупности составил 467 респондентов. Учитывая специфику эмпирического объекта, а также деятельности исправительных колоний, необходимо обратить внимание на то, что в выборочной совокупности исследования оказались лишь респонденты мужского пола. Данные статистики, представленные ранее, свидетельствуют, что подавляющее большинство преступлений экономической направленности совершаются именно мужчинами.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Уважаемый респондент!

Наш университет проводит исследование с целью изучения отношения к различным аспектам справедливости и уголовного наказания в современном российском обществе. Ваши искренние и точные ответы помогут сделать достоверные выводы об истинном отношении российского общества к справедливости и обоснованности уголовного наказания.

Исследование проводится анонимно, а его результаты будут использоваться только в обобщенном виде. Для нас ценно **Ваше мнение**.

Заранее благодарим Вас за ответы на вопросы анкеты!

1. Может ли человек из небогатой семьи, не имеющий связей, добиться высокого социального положения?

1. Определенно может
2. Скорее, может
3. Скорее, не может
4. Определенно не может
5. Затрудняюсь ответить

2. Может ли человек из небогатой семьи в России, не имеющий связей, добиться высокого социального положения, устроившись на государственную службу?

1. Определенно может
2. Скорее, может
3. Скорее, не может
4. Определенно не может
5. Человек из небогатой семьи в России, не имеющий связей, не может устроиться на государственную службу
6. Затрудняюсь ответить

3. Что из перечисленного определяет уровень жизни человека в справедливо устроенном обществе?

1. Уровень жизни человека в справедливо устроенном обществе должен зависеть от его образования и способностей.
2. Уровень жизни должен зависеть от того, кем и как много работает человек.
3. Уровень жизни должен быть примерно одинаковым у всех.
4. Затрудняюсь ответить.

4. К Какому слою в настоящее время относятся следующие социально-профессиональные группы в России? (обведите ответ в каждой строке)

№ п/п	Социально-профессиональная группа	Высокий	Средний	Низкий
1	Силовики: работники спецслужб, армии, МВД	1	2	3
2	Интеллигенция: учителя, врачи, инженеры, деятели культуры, ученые	1	2	3
3	Начальники отделов и подразделений	1	2	3
4	Рядовые офисные служащие	1	2	3
5	Частные предприниматели в малом и среднем бизнесе	1	2	3
6	Промышленные и сельскохозяйственные рабочие, водители, продавцы	1	2	3
7	Чиновники высокого уровня: министры, губернаторы, депутаты	1	2	3
8	Другие чиновники: руководители местных администраций, работники министерств и ведомств	1	2	3
9	Крупные предприниматели	1	2	3

	банкиры			

5. Чувствуете ли Вы себя под защитой закона? (%)

1. Определенно да.
2. Скорее, да.
3. Скорее, нет.
4. Определенно нет.
5. Затрудняюсь ответить.

6. Почему Вы не чувствуете на себе защиты закона? (возможно несколько вариантов ответа)

1. Потому что законы несправедливы, не защищают интересы обычных людей.
2. Потому что у меня нет средств, чтобы отстоять свои законные права в случае необходимости.
3. Потому что всё коррумпировано, и я не могу надеяться на честное и объективное рассмотрение моего дела в суде.
4. Потому что законы писаны не для всех, появилось слишком много людей, которые ощущают себя над законом.
5. Потому что законы постоянно меняются.
6. Потому что законы вольно трактуются теми, кто находится у власти.

7. Как Вы считаете, есть ли сейчас в России люди, которые считают себя находящимися «над законом»?

1. Да, такие люди есть.
2. Нет таких людей нет.
3. Затрудняюсь ответить.

8. Как Вам кажется, государство относится к Вам справедливо или не справедливо?

1. Государство относится ко мне несправедливо, я считаю, что заслуживаю большего как гражданин.
2. В целом, государство относится ко мне, скорее, справедливо, но иногда я сталкиваюсь с несправедливым отношением к себе.
3. Государство относится ко мне справедливо.
4. Затрудняюсь ответить.

9. Считаете ли Вы, что государство должно следить за частной жизнью граждан и контролировать ее больше, так же или меньше, чем сейчас?

1. Также, как сейчас.
2. Больше, чем сейчас.
3. Меньше, чем сейчас.
4. Государство не должно следить за частной жизнью граждан.
5. Затрудняюсь ответить.

10. За последние пять лет Вы подвергались насилию, становились жертвами преступления?

1. Да.
2. Нет.

11. Как часто Вы испытываете беспокойство по поводу того, что Вашу квартиру (дом) могут обокрасть?

1. Никогда.
2. Очень редко.
3. Время от времени.
4. Постоянно.

12. Как часто Вы испытываете беспокойство по поводу того, что Вы можете стать жертвой насилия?

1. Никогда.
2. Очень редко.
3. Время от времени.
4. Постоянно.

13. Влияет ли на качество Вашей жизни беспокойство о том, что Вы можете оказаться жертвой насилия?

1. Почти никак не влияет.
2. Влияет, но не сильно.
3. Сильно влияет.

14. Правоохранительные органы одинаково относятся к жертвам преступлений, если они являются представителями различных этнических групп?

1. К представителям нетитульной национальности относятся лучше.
2. К представителям нетитульной национальности относятся хуже.
3. Ко всем людям относятся одинаково.
4. Затрудняюсь ответить.

15. Если жертвой преступления оказался богатый/бедный человек: к кому правоохранительные органы отнесутся лучше?

1. К бедным и богатым относятся одинаково.
2. К богатым относятся лучше.
3. К бедным относятся хуже.
4. Затрудняюсь ответить.

16. Насколько успешно полиция предотвращает совершаемые преступления в том месте, где Вы постоянно проживаете?

1. Плохо.
2. Очень плохо.
3. Относительно успешно.
4. Очень успешно.
5. Затрудняюсь ответить.

18. Как часто Вы слышите о проявлении уважения к населению со стороны правоохранительных органов?

1. Часто.
2. Не очень часто.
3. Совсем не часто.
4. Очень часто.

19. Как часто правоохранительные органы принимают справедливые и беспристрастные решения?

1. Очень часто.
2. Не очень часто.
3. Совсем не часто.
4. Затрудняюсь ответить.

20. Насколько часто правоохранительные органы объясняют свои решения и действия широкой общественности?

1. Очень часто.
2. Не очень часто.
3. Совсем не часто.
4. Затрудняюсь ответить.

21. Насколько Вы согласны со следующим утверждением: «У полиции такие же представления о правильном и неправильном, как и у меня»?

1. Согласен.
2. Не согласен.
3. Ни согласен, ни не согласен.
4. Полностью согласен.
5. Полностью не согласен.

22. Как вы можете оценить работу судебной системы?

1. Очень плохо.
2. Плохо.
3. Ни хорошо, ни плохо.
4. Хорошо.
5. Очень хорошо.

23. Как часто суды принимают справедливые, беспристрастные решения на основе имеющихся доказательств? (отметьте по шкале от 1 до 10, где 1 – никогда и 10 – постоянно)

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

24. Как Вы думаете, у кого больше шансов быть признанным виновным: у богатого человека или у нуждающегося человека?

1. У всех равные шансы быть признанным виновным.
2. Богатый человек с большей вероятностью может быть признан виновным.
3. Бедный человек с большей вероятностью может быть признан виновным.

25. Как часто судьи берут взятки? (отметьте по шкале от 1 до 10, где 1 – никогда и 10 – постоянно).

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

26. Насколько Вы согласны со следующим утверждением: «Суды защищают богатых и власть имущих, а не простых людей»?

1. Полностью не согласен.
2. Не согласен.
3. Ни согласен, ни не согласен.
4. Согласен.
5. Полностью не согласен.

27. Насколько Вы согласны со следующим утверждением: «Каждый обязан поддержать окончательный вердикт суда»?

1. Полностью не согласен.
2. Не согласен.
3. Ни согласен, ни не согласен.
4. Согласен.
5. Полностью согласен.

29. Как Вы думаете, какой приговор должен быть вынесен в следующей ситуации: 25-летний мужчина совершил кражу со взломом во второй раз?

1. Тюремное заключение.
2. Условное лишение свободы.
3. Общественное порицание.
4. Штраф.
5. Другое наказание.

30. Насколько вероятно, что Вы вызовете полицию, если увидите, что у человека украли кошелек?

1. Вполне вероятно.
2. Вероятно.
3. Не очень вероятно.
4. Маловероятно.

31. Насколько Вы были бы готовы дать показания против такого человека в суде?

1. Сделаю это с удовольствием.
2. Готов к такому.
3. Очень неохотно.
4. Не готов ни при каких условиях.

32. Считаете ли Вы, что уголовное наказание является эффективным средством борьбы с преступностью?

1. Да всегда.
2. Да, но не всегда.
3. Нет.
4. Затрудняюсь ответить.

33. Считаете ли Вы, что уголовное наказание должно быть обязательным для всех видов преступлений?

1. Да.
2. Нет.
3. Затрудняюсь ответить.

34. Как Вы считаете, влияет ли социальное положение человека на вероятность столкновения с правовыми проблемами?

1. Да, значительно влияет
2. Да, влияет в определенной степени
3. Нет, не влияет
4. Затрудняюсь ответить

35. Считаете ли Вы, что люди из обеспеченных слоев населения реже сталкиваются с уголовным наказанием за экономические преступления по сравнению с менее обеспеченными?

1. Да, значительно реже
2. Да, немного реже
3. Нет, не реже
4. Затрудняюсь ответить

36. Как Вы оцениваете справедливость уголовного наказания в отношении людей разного социального положения?

1. Система справедлива ко всем одинаково
2. Более справедлива к людям из высших слоев
3. Более справедлива к людям из низших слоев
4. Затрудняюсь ответить

37. Считаете ли Вы, что уровень дохода человека влияет на строгость наказания за совершенное преступление?

1. Да, существенно влияет
2. Влияет, но незначительно
3. Нет, не влияет
4. Затрудняюсь ответить

38. Считаете ли Вы, что в России существуют значительные различия в практике правоприменения для разных социальных слоев?

1. Да, различия очень значительные
2. Да, есть небольшие различия
3. Нет, различий нет
4. Затрудняюсь ответить

39. Как Вы думаете, общественное мнение о справедливости наказаний зависит от социального статуса преступника?

1. Да, общество строже судит людей из низших слоев
2. Да, общество строже судит людей из высших слоев
3. Нет, общественное мнение одинаково ко всем
4. Затрудняюсь ответить

40. Ваш пол:

1. Мужской
2. Женский

41. Место Вашего проживания.

1. Город с численностью от 100 до 500 тыс. чел.

2. Город с численностью от 50 до 100 тыс. чел.
3. Город с численностью до 50 тыс. чел.
4. Поселок городского типа.
5. Село.
- 6.

Другое _____.

42. Ваше семейное положение:

1. Не замужем (не женат)
2. Состою в зарегистрированном браке
3. Состою в незарегистрированном браке
4. Разведен
5. Вдова/вдовец

43. Как Вы оцениваете свое положение в обществе?

1. Высокое
2. Среднее
3. Низкое
4. Затрудняюсь ответить

44. К какому социальному слою населения Вы себя относите?

1. Денег хватает на удовлетворение потребностей без особых ограничений
2. Денег хватает на питание, жилье, одежду, образование, здоровье, отдых, товары длительного пользования
3. Денег хватает в основном на питание, жилье, товары первой необходимости
4. Денег не хватает даже на питание

45. Ваш основной род деятельности (отметьте только основной род деятельности).

1. Наемный работник.
2. Предприниматель.
3. Студент.
4. Военнослужащий, работник правоохранительных органов.
5. Пенсионер.
6. Безработный.
7. Домохозяйка.

46. Какое у Вас образование?

1. Высшее.
2. Среднее образование (школа или ПТУ).
3. Среднее специальное образование (техникум).
4. Незаконченное высшее.

47. Ваш возраст:

1. До 18 лет.
2. 19–33 года.
2. 34–45 лет.
3. 46–54 года.
4. 55–64 года.
6. Свыше 65 лет.

Благодарим за уделенное время!

Топик-Гайд для интервью с экспертами

1. Какие меры предпринимаются для вовлечения общественности в дискуссии по уголовной политике за экономические преступления?
2. Какова роль общественности в формировании уголовной политики?
3. Какие основные цели уголовного наказания за экономические преступления выделяются в Вашей практике?
4. Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными?
5. Как социально-экономические факторы влияют на процесс принятия решений в сфере уголовного наказания?
6. Какова роль и значение института присяжных заседателей в современной судебной системе РФ?
7. Какие механизмы существуют для обеспечения общественного контроля над деятельностью судебной системы?
8. Какие критерии используются для определения адекватности наказания экономическому преступлению?
9. Какие альтернативные формы наказания могли бы быть введены или расширены в РФ?
10. Какие факторы стратификации наиболее значимы при рассмотрении уголовных дел за экономические преступления?
11. Как Вы оцениваете текущее состояние уголовной политики в РФ с точки зрения функциональности и легитимности?
12. Какие изменения в уголовной политике, на Ваш взгляд, могли бы способствовать улучшению ее легитимности и функциональности?
13. Какие социальные группы, на Ваш взгляд, наиболее уязвимы в контексте уголовного наказания за экономические преступления и почему?

14. Какие аспекты уголовного наказания вызывают наибольшее общественное недовольство и как это можно было бы исправить?

15. Каков уровень удовлетворенности граждан от участия в качестве присяжных заседателей?

16. Какие некоммерческие организации активно участвуют в формировании уголовной политики?

17. Каковы основные направления деятельности общественных движений в этой сфере?

18. Какие цели наказания наиболее приоритетны в современной уголовной политике РФ?

19. Какие виды наказания за экономические преступления наиболее часто применяются в РФ?

20. Как общество оценивает адекватность наказаний, назначаемых за экономические преступления?

21. Какие факторы, по мнению общества, должны учитываться при определении адекватности наказания за экономические преступления?

22. Какие социальные группы наиболее часто подвергаются уголовному наказанию за экономические преступления?

23. Какие виды наказаний за экономические преступления наиболее часто применяются к различным социальным группам?

24. Каков социальный портрет типичного преступника/жертвы в РФ (касаемо именно экономических преступлений)?

25. Как социально-экономические факторы влияют на вероятность стать преступником или жертвой?

26. Как различные социальные группы оценивают эффективность существующей системы уголовного наказания?

27. Какие аспекты уголовного наказания вызывают наибольшее неодобрение среди различных социальных групп?

28. Какие наказания за экономические преступления общество считает наиболее справедливыми?

29. Какие представления о справедливости наказания доминируют в обществе?

30. Как Вы думаете, какие именно виды поведения общество считает принятыми или непринятыми?

31. Какие наказания за экономические преступления общество считает адекватными для различных видов поведения?

32. Каковы долгосрочные социальные и экономические последствия уголовного наказания для осужденных?

33. Как общество относится к тем, кто отбыл наказание за экономические преступления?

34. Как общество реагирует на применение различных видов наказаний за экономические преступления?

35. Считается ли наказание пропорциональным преступлению с точки зрения общества?

36. Как вы считаете, есть ли прямая связь между принадлежностью к определенному социальному классу и тяжестью наказания за экономические преступления?

37. Заметны ли различия в подходе к экономическим преступникам из разных социальных слоев?

38. Существуют ли механизмы, которые снижают влияние социального неравенства на процесс уголовного правосудия?

39. Замечаете ли вы, что более обеспеченные обвиняемые получают более мягкие или альтернативные наказания по сравнению с представителями менее обеспеченных слоев?

40. Есть ли различия в долгосрочных социальных и экономических последствиях для осужденных из различных классов?

41. Существуют ли явные барьеры для определенных слоев населения в доступе к справедливому судебному разбирательству?

42. Насколько успешно представители различных классов возвращаются в общество после отбытия наказания?

Уважаемые участники исследования!

В рамках нашего исследования мы стремимся понять, насколько уголовное наказание, применяемое в отношении лиц, осужденных за экономические преступления, является конвенциональным и соответствует принципам справедливости.

Ваше участие в данном исследовании абсолютно добровольно. Мы гарантируем конфиденциальность всех Ваших ответов. Информация, собранная в ходе анкетирования, будет использоваться исключительно в научных и статистических целях.

Инструкция по заполнению анкеты:

Читайте вопросы внимательно. Каждый вопрос предполагает конкретный ответ. Если у Вас возникнут трудности с интерпретацией вопроса, обратитесь за помощью к исполнителю.

Будьте честны. Мы ценим Ваше мнение и стремимся получить наиболее точные и объективные данные. Не бойтесь высказывать свое мнение открыто.

Не торопитесь. Ответьте на все вопросы не спеша, обдумывая каждый ответ.

После того как Вы заполните анкету, передайте ее исполнителю.

Благодарим Вас за участие в исследовании. Ваш вклад поможет нам сделать систему уголовного наказания более справедливой и эффективной.

1. Как бы Вы оценили свой уровень доверия к системе уголовного наказания в РФ?

1. Очень высокое.
2. Высокое.
3. Низкое.
4. Очень низкое.
5. Затрудняюсь ответить.

2. Считаете ли Вы, что Вам предоставили все возможности для защиты в суде?

1. Да, конечно.
2. Скорее, да, чем нет.
3. Скорее, нет, чем да.
4. Нет.
5. Затрудняюсь ответить.

3. Считаете ли Вы, что Ваше наказание соответствует общепринятым нормам и ценностям общества?

1. Полностью соответствует.
2. Частично соответствует.
3. Частично не соответствует.
4. Совсем не соответствует.
5. Затрудняюсь ответить.

4. Считаете ли Вы, что Вас судили справедливо и без дискриминации по каким-либо признакам?

1. Да, полностью справедливо.
2. В основном справедливо.
3. В основном несправедливо.
4. Полностью несправедливо.
5. Затрудняюсь ответить.

5. Считаете ли Вы, что Ваше наказание способствует предотвращению экономических преступлений?

1. Да, полностью.
2. В некоторой степени.
3. Скорее, нет, чем да.
4. Совсем нет.
5. Затрудняюсь ответить.

6. Существуют ли механизмы для выявления и исправления судебных ошибок в нашей стране?

1. Да, эффективные механизмы.
2. Существуют, но неэффективные.
3. Не существуют.
4. Не знаю.
5. Затрудняюсь ответить.

7. Насколько прозрачным был процесс Вашего судебного разбирательства?

1. Полностью прозрачным.
2. Частично прозрачным.
3. Мало прозрачным.
4. Совсем не прозрачным.
5. Затрудняюсь ответить.

8. Считаете ли Вы, что общество должно активнее участвовать в формировании уголовной политики?

1. Да, полностью.
2. Скорее, да, чем нет.
3. Скорее, нет, чем да.
4. Совсем нет.
5. Затрудняюсь ответить.

9. Сталкивались ли Вы с дискриминацией в процессе судебного разбирательства?

1. Да, часто.
2. Да, но редко.
3. Нет.
4. Затрудняюсь ответить.

10. Насколько понятными и доступными для Вас были законы, регулирующие уголовное наказание?

1. Очень понятными и доступными.
2. Достаточно понятными и доступными.
3. Недостаточно понятными и доступными.
4. Совсем не понятными и доступными.
5. Затрудняюсь ответить.

11. Считаете ли Вы, что Ваш судебный процесс был справедливым и беспристрастным?

1. Да, полностью.
2. В основном да.
3. В основном нет.
4. Совсем нет.
5. Затрудняюсь ответить.

12. Считаете ли Вы, что система уголовного наказания подлежит общественному контролю?

1. Да, полностью.
2. В большей степени да, чем нет.
3. В большей степени нет, чем да.
4. Совсем нет.
5. Затрудняюсь ответить.

13. Считаете ли Вы, что потребности и интересы пострадавших были учтены в ходе Вашего судебного процесса?

1. Да, в полной мере.
2. Частично учитывались.
3. Не учитывались.
4. Затрудняюсь ответить.

14. Как бы Вы оценили эффективность исправительных мер, применяемых в Вашем случае?

1. Очень эффективные.
2. Достаточно эффективные.
3. Не очень эффективные.
4. Совсем не эффективные.
5. Затрудняюсь ответить.

15. Как, на Ваш взгляд, общество в целом относится к уголовному наказанию за экономические преступления?

1. Положительно.
2. Скорее, положительно, чем отрицательно.
3. Скорее, отрицательно, чем положительно.
4. Отрицательно.
5. Затрудняюсь ответить.

16. Как бы Вы оценили свой уровень юридической грамотности до начала судебного процесса?

1. Очень высокий.
2. Высокий.
3. Средний.
4. Низкий.
5. Затрудняюсь ответить.

17. Считаете ли Вы, что у Вас была возможность обратиться за квалифицированной юридической помощью?

1. Да, полностью.
2. Частично.
3. Нет.
4. Затрудняюсь ответить.

18. Как бы Вы оценили условия отбывания Вашего наказания?

1. Очень хорошие.
2. Хорошие.
3. Плохие.
4. Очень плохие.
5. Затрудняюсь ответить.

19. Считаете ли Вы, что уголовное наказание способствует Вашему реабилитационному процессу?

1. Да, полностью.
2. В некоторой степени.
3. Нет.
4. Затрудняюсь ответить.

20. Как Вы думаете, общество готово принять Вас обратно после отбытия наказания?

1. Да, полностью.
2. Скорее, да, чем нет.
3. Скорее, нет, чем да.
4. Совсем нет.
5. Затрудняюсь ответить.

21. Считаете ли Вы, что Ваше наказание соответствует тяжести совершенного Вами преступления?

1. Да, полностью.
2. Скорее, да, чем нет.
3. Скорее, нет, чем да.
4. Совсем нет.
5. Затрудняюсь ответить.

22. Считаете ли Вы, что у Вас есть все необходимые условия для самореализации во время отбывания наказания?

1. Да, полностью.
2. Частично.
3. Нет.
4. Затрудняюсь ответить.

23. Как бы Вы оценили доступность правосудия в стране?

1. Очень доступно.
2. Доступно.
3. Недоступно.
4. Совсем недоступно.
5. Затрудняюсь ответить.

24. Считаете ли Вы, что система уголовного наказания в Вашей стране требует реформ?

1. Да, значительных реформ.
2. Да, но небольших реформ.
3. Нет, система работает хорошо.
4. Затрудняюсь ответить.

25. Считаете ли Вы, что у вас есть возможность для образования и профессиональной подготовки во время отбывания наказания?

1. Да, полностью.
2. Частично.
3. Нет.
4. Затрудняюсь ответить.

26. Встречались ли Вам факты вымогательства денежных средств, имущества, бизнеса у осужденных за экономические преступления со стороны других осужденных?

1. Да.
2. Нет.
3. Затрудняюсь ответить.

27. Встречались ли Вы с фактами притеснения (оскорбления, применения физической силы, издевательства) со стороны других осужденных?

1. Да.
2. Нет.
3. Затрудняюсь ответить.

28. Укажите Ваш возраст:

1. До 18 лет.
2. 18–24 года.
3. 25–34 года.
4. 35–44 года.
5. 45–54 года.
6. 55–64 года.
7. 65 лет и старше.

29. Назовите Ваш основной род деятельности до отбывания наказания:

1. Наемный работник.
2. Служащий.
3. Предприниматель.
4. Пенсионер.
5. Не было постоянной работы.
6. Самозанятый.
7. Другое (укажите, что именно)_____.

30. Укажите Ваш уровень образования:

1. Высшее.
2. Среднее образование (школа или ПТУ).
3. Среднее специальное образование (техникум).
4. Незаконченное высшее.
5. Затрудняюсь ответить.

31. Укажите срок Вашего наказания:

1. До 1 года.
2. 1–3 года.
3. 3–5 лет.
4. 5–10 лет.
5. 10–20 лет.
6. Другое.

32. Укажите Ваш семейный статус:

1. Не женат.
2. Женат.
3. В разводе.
4. Вдовец.

33. Укажите, имели ли Вы до ареста опыт работы в сфере, связанной с Вашим образованием:

1. Да, более 5 лет.
2. Да, менее 5 лет.
3. Нет.
4. Затрудняюсь ответить.

34. Укажите, имеются ли у Вас дети:

1. Да, несовершеннолетние.
2. Да, совершеннолетние.
3. Нет.
4. Затрудняюсь ответить.

35. Каков был Ваш уровень дохода до начала отбывания наказания?

1. Высокий.
2. Средний.
3. Низкий.
4. Не имел постоянного дохода.

36. Оспаривали ли Вы приговор в суде вышестоящей инстанции?

1. Да.
2. Нет.
3. Нет, но планирую.

37. Как Вы считаете, Ваш социальный статус оказал влияние на справедливость судебного разбирательства в отношении вашего дела?

1. Да, значительно
2. Да, умеренно
3. Нет, не оказал
4. Затрудняюсь ответить

38. Сталкивались ли Вы с несправедливым обращением правоприменительной системы из-за своего социально-экономического положения?

1. Часто
2. Иногда
3. Никогда
4. Затрудняюсь ответить

39. Считаете ли Вы, что люди с высоким социальным статусом получают более мягкие наказания за те же преступления, что и люди с низким социальным статусом?

1. Да, так происходит всегда
2. Да, весьма часто
3. Иногда
4. Нет, никогда
5. Затрудняюсь ответить

40. Влияет ли, по Вашему мнению, уровень дохода на результаты судебного разбирательства в делах о преступлениях экономического характера?

1. Да, существенно влияет
2. Влияет, но незначительно
3. Нет, не влияет

4. Затрудняюсь ответить

41. Как бы Вы оценили свое положение в обществе до отбывания наказания?

1. Высокое

2. Среднее

3. Низкое

4. Затрудняюсь ответить

42. А как Вы думаете, измениться ли Ваше положение в обществе после отбывания наказания?

1. Изменится в лучшую сторону

2. Измениться в худшую сторону

3. Никак не изменится

4. Затрудняюсь ответить

43. Считаете ли Вы, что социально-экономический статус обвиняемого должен учитываться при вынесении приговора?

1. Да, обязательно

2. Да, в определенных случаях

3. Нет, не должен

4. Затрудняюсь ответить

Спасибо за участие в исследовании!

Линейные распределения ответов респондентов из числа осужденных к лишению свободы

Как бы вы оценили свой уровень доверия к системе уголовного наказания в РФ?	% ответов
1. Очень высокое	5,3
2. Высокое	14,2
3. Низкое	18,5
4. Очень низкое	59,3
5. Затрудняюсь ответить	2,7

Считаете ли вы, что Вам предоставили все возможности для защиты в суде?	% ответов
1. Да, конечно	21,7
2. Скорее да, чем нет	21,7
3. Скорее нет, чем да	11,9
4. Нет	38,9
5. Затрудняюсь ответить	5,8

Считаете ли Вы, что ваше наказание соответствует общепринятым нормам и ценностям общества?	% ответов
1. Полностью соответствует	5,37
2. Частично соответствует	14,78
3. Частично не соответствует	28,45
4. Совсем не соответствует	47,23
5. Затрудняюсь ответить	4,17

Считаете ли Вы, что Вас судили справедливо и без дискриминации по каким-либо признакам?	% ответов
1. Да, полностью справедливо	10,85
2. В основном справедливо	19,67
3. В основном несправедливо	38,23
4. Полностью несправедливо	25,89
5. Затрудняюсь ответить	5,36

Считаете ли Вы, что Ваше наказание способствует предотвращению экономических преступлений?	% ответов
1. Да, полностью	5,89
2. В некоторой степени	15,32
3. Скорее нет, чем да	22,47
4. Совсем нет	50,78
5. Затрудняюсь ответить	5,54

Существуют ли механизмы для выявления и исправления судебных ошибок в нашей стране?	% ответов
1. Да, эффективные механизмы	10,34

2.Существуют, но неэффективные	31,25
3.Не существуют	19,58
4.Не знаю	25,79
5.Затрудняюсь ответить	13,04

Насколько прозрачным был процесс Вашего судебного разбирательства?	% ответов
1. Полностью прозрачным	9,87
2. Частично прозрачным	24,36
3. Мало прозрачным	42,57
4. Совсем не прозрачным	18,92
5.Затрудняюсь ответить	4,28

Считаете ли Вы, что общество должно активнее участвовать в формировании уголовной политики?	% ответов
1.Да, полностью	32,15
2.Скорее да, чем нет	39,26
3.Скорее нет, чем да	14,68
4.Совсем нет	8,34
5.Затрудняюсь ответить	5,48

Сталкивались ли Вы с дискриминацией в процессе судебного разбирательства?	% ответов
1. Да, часто	24,53
2. Да, но редко	29,67
3. Нет	34,18
4. Затрудняюсь ответить	11,62

Насколько понятными и доступными для Вас были законы, регулирующие уголовное наказание?	% ответов
1.Очень понятными и доступными	9,12
2.Достаточно понятными и доступными	27,34
3.Недостаточно понятными и доступными	36,45
4.Совсем не понятными и доступными	20,76
5.Затрудняюсь ответить	6,33

Считаете ли Вы, что Ваш судебный процесс был справедливым и беспристрастным?	% ответов
1.Да, полностью	11,47
2.В основном да	24,56
3.В основном нет	35,67
4.Совсем нет	22,78
5.Затрудняюсь ответить	5,52

Считаете ли Вы, что система уголовного наказания подлежит общественному контролю?	% ответов
1.Да, полностью	22,45
2.В большей степени да, чем нет	31,64
3.В большей степени нет, чем да	24,56

4. Совсем нет	13,48
5. Затрудняюсь ответить	7,87

Считаете ли Вы, что потребности и интересы пострадавших были учтены в ходе вашего судебного процесса?	% ответов
1. Да, в полной мере	14,56
2. Частично учитывались	36,47
3. Не учитывались	28,45
4. Затрудняюсь ответить	20,52

Как бы вы оценили эффективность исправительных мер, применяемых в Вашем случае?	% ответов
1. Очень эффективные	7,34
2. Достаточно эффективные	25,76
3. Не очень эффективные	38,67
4. Совсем не эффективные	23,12
5. Затрудняюсь ответить	5,11

Как, на Ваш взгляд, общество в целом относится к уголовному наказанию за экономические преступления?	% ответов
1. Положительно	16,89
2. Скорее положительно, чем отрицательно	26,34
3. Скорее отрицательно, чем положительно	31,23
4. Отрицательно	19,67
5. Затрудняюсь ответить	5,87

Как бы Вы оценили свой уровень юридической грамотности до начала судебного процесса?	% ответов
1. Очень высокий	6,78
2. Высокий	19,56
3. Средний	43,67
4. Низкий	25,34
5. Затрудняюсь ответить	4,65

Считаете ли Вы, что у вас была возможность обратиться за квалифицированной юридической помощью?	% ответов
1. Да, полностью	16,45
2. Частично	42,78
3. Нет	33,12
4. Затрудняюсь ответить	7,65

Считаете ли Вы, что уголовное наказание способствует вашему реабилитационному процессу?	% ответов
1. Да, полностью	10,23
2. В некоторой степени	24,67
3. Нет	56,78
4. Затрудняюсь ответить	8,32

Как Вы думаете, общество готово принять вас обратно после отбытия наказания?	% ответов

1. Да, полностью	14,78
2. Скорее да, чем нет	29,45
3. Скорее нет, чем да	35,67
4. Совсем нет	15,34
5. Затрудняюсь ответить	4,76

Считаете ли вы, что Ваше наказание соответствует тяжести совершенного Вами преступления?	% ответов
1. Да, полностью	11,34
2. Скорее да, чем нет	22,56
3. Скорее нет, чем да	38,45
4. Совсем нет	23,67
5. Затрудняюсь ответить	3,98

Считаете ли Вы, что у Вас есть все необходимые условия для самореализации во время отбывания наказания?	% ответов
1. Да, полностью	12,33
2. Частично	14,56
3. Нет	66,78
4. Затрудняюсь ответить	6,32

Как бы вы оценили доступность правосудия в стране?	% ответов
1.Очень доступно	7,12
2.Доступно	11,45
3.Недоступно	50,78
4.Совсем недоступно	23,67
5.Затрудняюсь ответить	7,98
Считаете ли вы, что система уголовного наказания в вашей стране требует реформ?	% ответов
1.Да, значительных реформ	52,45
2.Да, но небольших реформ	28,56
3.Нет, система работает хорошо	12,34
4.Затрудняюсь ответить	6,65

Считаете ли Вы, что у вас есть возможность для образования и профессиональной подготовки во время отбывания наказания?	% ответов
1.Да, полностью	16,78
2.Частично	42,34
3.Нет	34,56
4.Затрудняюсь ответить	6,32

Встречались ли Вам факты вымогательства денежных средств, имущества, бизнеса у осужденных за экономические преступления со стороны других осужденных?	% ответов
1. Да	65,78
2. Нет	24,34
3. Затрудняюсь ответить	9,88

Встречались ли Вы с фактами притеснения (оскорбления, применения физической силы, издевательства) со стороны других осужденных?	% ответов
1. Да	60,78
2. Нет	28,45
3. Затрудняюсь ответить	10,77

Укажите Ваш возраст:	% ответов
1.18-24 года	9,34
2.25-34 года	26,45
3.35-44 года	33,01
4.45-54 года	21,34
5. 55-64 года	6,78
6. 65 лет и старше	3,08

Назовите Ваш основной род деятельности до отбывания наказания:	% ответов
1. Наемный работник	38,67
2. Служащий	17,45
3. Предприниматель	22,34
4. Пенсионер	9,56
5. Не было постоянной работы	8,45
6. Самозанятый	2,23
7. Другое	1,30

Укажите Ваш уровень образования:	% ответов
1. Высшее	25,67
2. Среднее образование	54,23
3. Среднее специальное образование	13,45
4. Незаконченное высшее	4,56
5. Затрудняюсь ответить	2,09

Укажите срок Вашего наказания:	% ответов
1. До 1 года	12,45
2. 1-3 года	33,67
3.3-5 лет	27,34
4.5-10 лет	18,45
5.10-20 лет	6,89
6. Другое	1,20

Укажите Ваш семейный статус:	% ответов
1. Не женат	28,34
2. Женат	51,23
3. В разводе	15,67
4. Вдовец	4,76

Укажите, имели ли Вы до ареста опыт работы в сфере, связанной с Вашим образованием:	% ответов
1. Да, более 5 лет	34,56

2. Да, менее 5 лет	25,45
3. Нет	30,34
4. Затрудняюсь ответить	9,65

Укажите, имеются ли у Вас дети:	% ответов
1. Да, несовершеннолетние	27,45
2. Да, совершеннолетние	33,67
3. Нет	35,78
4. Затрудняюсь ответить	3,10

Каков был Ваш уровень дохода до начала отбывания наказания?	% ответов
1. Высокий	21,34
2. Средний	51,23
3. Низкий	20,45
4. Не имел постоянного дохода	6,98

Как Вы считаете, Ваш социальный статус оказал влияние на справедливость судебного разбирательства в отношении вашего дела?	% ответов
1. Да, значительно	27,45
2. Да, умеренно	35,67
3. Нет, не оказал	22,34
4. Затрудняюсь ответить	14,54

Сталкивались ли Вы с несправедливым обращением правоприменительной системы из-за своего социально-экономического положения?	% ответов
1. Часто	18,23
2. Иногда	41,56
3. Никогда	17,78
4. Затрудняюсь ответить	22,43

Считаете ли Вы, что люди с высоким социальным статусом получают более мягкие наказания за те же преступления, что и люди с низким социальным статусом?	% ответов
1. Да, так происходит всегда	32,56
2. Да, весьма часто	50,12
3. Иногда	8,45
4. Нет, никогда	5,78
5. Затрудняюсь ответить	3,09

Влияет ли, по Вашему мнению, уровень дохода на результаты судебного разбирательства в делах о преступлениях экономического характера?	% ответов
1. Да, существенно влияет	65,78
2. Влияет, но незначительно	22,45
3. Нет, не влияет	5,23
4. Затрудняюсь ответить	6,54

Как бы Вы оценили свое положение в обществе до отбывания наказания?	% ответов
1. Высокое	11,34
2. Среднее	66,78
3. Низкое	18,45
4. Затрудняюсь ответить	3,43

А как Вы думаете, изменится ли Ваше положение в обществе после отбывания наказания?	% ответов
1. Изменится в лучшую сторону	12,34
2. Изменится в худшую сторону	48,67
3. Никак не изменится	30,23
4. Затрудняюсь ответить	8,76

Считаете ли Вы, что социально-экономический статус обвиняемого должен учитываться при вынесении приговора?	% ответов
1. Да, обязательно	19,45
2. Да, в определенных случаях	34,23
3. Нет, не должен	40,12
4. Затрудняюсь ответить	6,20

Линейные распределения ответов респондентов из числа населения

Может ли человек из небогатой семьи, не имеющий связей, добиться высокого социального положения?	% ответов
Определенно может	29,9
Скорее, может	31,3
Скорее, не может	29,0
Определенно не может	7,1
Затрудняюсь ответить	21,7

Может ли человек из небогатой семьи в России, не имеющий связей, добиться высокого социального положения, устроившись на государственную службу?	% ответов
Определенно может	27,6
Скорее, может	30,8
Скорее, не может	18,7
Определенно не может	6,9
Человек из небогатой семьи в России, не имеющий связей, не может устроиться на государственную службу	11,6
Затрудняюсь ответить	4,4

Что из перечисленного определяет уровень жизни человека в справедливо устроенном обществе?	% ответов
Уровень жизни человека в справедливо устроенном обществе должен зависеть от его образования и способностей	45,8
Уровень жизни должен зависеть от того, кем и как много работает человек	29,9
Уровень жизни должен быть примерно одинаковым у всех	19,4
Затрудняюсь ответить	4,9

№ п/п	К какому слою в настоящее время относятся следующие социально-профессиональные группы в России?	Высокий	Средний	Низкий
1	Силовики: работники спецслужб, армии, МВД	69,3	22,7	8,0
2	Интеллигенция: учителя, врачи, инженеры, деятели культуры, ученые	14,0	52,4	23,6
3	Начальники отделов и подразделений	25,3	64,0	10,7
4	Рядовые офисные служащие	7,6	38,5	53,9
5	Частные предприниматели в малом и среднем бизнесе	9,7	69,5	20,8
6	Промышленные и сельскохозяйственные рабочие, водители, продавцы	5,1	15,3	79,6
7	Чиновники высокого уровня: министры, губернаторы, депутаты	88,8	8,2	3,0
8	Другие чиновники: руководители местных администраций, работники министерств и ведомств	54,9	41,6	3,5
9	Крупные предприниматели, банкиры	72,8	24,6	2,6

Чувствуете ли Вы себя под защитой закона?	% ответов
Определенно да	9,3
Скорее, да	29,3
Скорее, нет	34,1
Определенно нет	19,9
Затрудняюсь ответить	7,5

Почему Вы не чувствуете на себе защиты закона?	% ответов
Потому что законы несправедливы, не защищают интересы обычных людей	24,6
Потому что у меня нет средств, чтобы отстоять свои законные права в случае необходимости	21,6
Потому что всё коррумпировано, и я не могу надеяться на честное и объективное рассмотрение моего дела в суде	39,7
Потому что законы писаны не для всех, появилось слишком много людей, которые ощущают себя над законом	31,9
Потому что законы вольно трактуются теми, кто находится у власти	34,1
Потому что законы постоянно меняются	10,1

Как Вы считаете, есть ли сейчас в России люди, которые считают себя находящимися «над законом»?	% ответов
Да, такие люди есть	90,9
Нет таких людей нет	9,1

Как вам кажется, государство относится к Вам справедливо или не справедливо?	% ответов
Государство относится ко мне несправедливо, я считаю, что заслуживаю большего как гражданин	31,7
В целом государство относится ко мне, скорее, справедливо, но иногда я сталкиваюсь с несправедливым отношением к себе	41,4
Государство относится ко мне справедливо	19,2
Затрудняюсь ответить	7,7

Считаете ли Вы, что государство должно следить за частной жизнью граждан и контролировать ее больше, так же или меньше, чем сейчас	% ответов
Так же, как сейчас	24,2
Больше, чем сейчас	16,1
Меньше, чем сейчас	13,9
Государство не должно следить за частной жизнью граждан	36,3
Затрудняюсь ответить	9,6

За последние пять лет Вы подвергались насилию, становились жертвами преступления?	% ответов
Да	9,4
Нет	90,6

Как часто Вы испытываете обеспокоенность по поводу того, что Вашу квартиру (дом) могут обокрасть?	% ответов
Никогда	39,7
Очень редко	44,6
Время от времени	12,1
Постоянно	3,6

Как часто Вы испытываете обеспокоенность по поводу того, что Вы можете стать жертвой насилия?	% ответов
Никогда	41,5
Очень редко	46,4
Время от времени	9,7
Постоянно	2,5

Влияет ли на качество Вашей жизни беспокойство о том, что Вы можете оказаться жертвой насилия?	% ответов
Почти никак не влияет	35,1
Влияет, но не сильно	56,5
Сильно влияет	8,3

Правоохранительные органы одинаково относятся к жертвам преступлений, если они являются представителями различных этнических групп?	% ответов
К представителям нетитульной национальности относятся лучше	7,3
К представителям нетитульной национальности относятся хуже	68,3
Ко всем людям относятся одинаково	21,2
Затрудняюсь ответить	4,2

Если жертвой преступления оказался богатый/бедный человек: к кому правоохранительные органы отнесутся лучше?	% ответов
К бедным и богатым относятся одинаково	21,7
К богатым относятся лучше	68,3
К бедным относятся хуже	6,1
Затрудняюсь ответить	3,9

Насколько успешно полиция предотвращает совершаемые преступления в том месте, где Вы постоянно проживаете?	% ответов
Плохо	39,8
Очень плохо	7,5
Относительно успешно	9,7
Очень успешно	1,6
Затрудняюсь ответить	41,4

Как часто Вы слышите о проявлении уважении к населению со стороны правоохранительных органов?	% ответов
Очень часто	10,8
Не очень часто	30,1
Совсем не часто	4,1
Часто	55,0

Как часто правоохранительные органы принимают справедливые и беспристрастные решения?	% ответов
Очень часто	7,1
Не очень часто	34,4
Совсем не часто	39,8
Затрудняюсь ответить	18,7

Насколько часто правоохранительные органы объясняют свои решения и действия широкой общественности?	% ответов
Очень часто	2,8
Не очень часто	27,6
Совсем не часто	72,4
Затрудняюсь ответить	12,2

Насколько Вы согласны со следующим утверждением: «У полиции такие же представления о правильном и неправильном, как и у меня»?	% ответов
Согласен	31,6
Не согласен	21,0
Ни согласен, ни не согласен	35,1
Полностью согласен	5,4
Полностью не согласен	6,8

Как Вы можете оценить работу судебной системы?	% ответов
Очень плохо	3,0
Плохо	12,2
Ни хорошо, ни плохо	60,5
Хорошо	23,1
Очень хорошо	1,3

Как часто суды принимают справедливые, беспристрастные решения на основе имеющихся доказательств?	% ответов
1	1,3
2	4,3
3	8,0
4	9,1
5	36,1
6	12,7
7	1,6
8	10,7
9	2,8
10	1,1

Как часто судьи берут взятки?	% ответов
1	2,5
2	6,3
3	7,7
4	7,2
5	23,0
6	13,6
7	13,3
8	12,4
9	6,2
10	6,9

Как Вы думаете, у кого больше шансов быть признанным виновным: у богатого человека или у нуждающегося человека?	% ответов
У всех равные шансы	24,6
Бедный человек с большей вероятностью будет признан виновным	70,5
Богатый человек с большей вероятностью будет признан виновным	4,9

Насколько Вы согласны со следующим утверждением: «Суды защищают богатых и власть имущих, а не простых людей»?	% ответов
Полностью не согласен	0,5
Не согласен	6,8
Ни согласен, ни не согласен	23,4
Согласен	26,2
Полностью согласен	43,1

Насколько Вы согласны со следующим утверждением: «Каждый обязан поддержать окончательный вердикт суда»?	% ответов
Полностью не согласен	1,6
Не согласен	10,3
Ни согласен, ни не согласен	28,2
Согласен	47,0
Полностью согласен	12,9

Как Вы думаете, какой приговор должен быть вынесен в следующей ситуации: 25-летний мужчина совершил кражу со взломом во второй раз?	% ответов
Тюремное заключение	70,5
Условное лишение свободы	11,3
Общественное порицание	9,9
Штраф	5,7
Другое наказание	2,6

Насколько вероятно, что Вы вызовете полицию, если увидите, что у человека украли кошелек?	% ответов
Вполне вероятно	32,3
Вероятно	41,5
Не очень вероятно	19,9
Маловероятно	6,2

Насколько Вы были бы готовы дать показания против такого человека в суде?	% ответов
Сделаю это с удовольствием	27,9
Готов к такому	45,7
Очень неохотно	19,6
Не готов ни при каких условиях	6,8

Считаете ли Вы, что уголовное наказание является эффективным средством борьбы с преступностью?	% ответов
Да всегда	68,9
Да, но не всегда	17,1
Нет	9,5
Затрудняюсь ответить	4,5

Считаете ли Вы, что уголовное наказание должно быть обязательным для всех видов преступлений?	% ответов
Да	46,9
Нет	30,3
Затрудняюсь ответить	22,8

Как Вы считаете, влияет ли социальное положение человека на вероятность столкновения с правовыми проблемами?	% ответов
Да, значительно влияет	45,7
Да, влияет в определенной степени	34,6
Нет, не влияет	13,8
Затрудняюсь ответить	5,9

Считаете ли Вы, что люди из обеспеченных слоев населения реже сталкиваются с уголовным наказанием за экономические преступления по сравнению с менее обеспеченными?	% ответов
Да, значительно реже	38,2
Да, немного реже	31,5
Нет, не реже	19,7
Затрудняюсь ответить	10,6

Как Вы оцениваете справедливость уголовного наказания в отношении людей разного социального положения?	% ответов
Система справедлива ко всем одинаково	26,4
Более справедлива к людям из высших слоев	22,7
Более справедлива к людям из низших слоев	19,5
Затрудняюсь ответить	31,4

Считаете ли Вы, что уровень дохода человека влияет на строгость наказания за совершенное преступление?	% ответов
Да, существенно влияет	55,1
Влияет, но незначительно	38,8
Нет, не влияет	9,4
Затрудняюсь ответить	2,7

Считаете ли Вы, что в России существуют значительные различия в практике правоприменения для разных социальных слоев?	% ответов
1. Да, различия очень значительные	52,6
2. Да, есть небольшие различия	29,7
3. Нет, различий нет	13,8
4. Затрудняюсь ответить	3,9

Как Вы думаете, общественное мнение о справедливости наказаний зависит от социального статуса преступника?	% ответов
Да, общество строже судит людей из низших слоев	40,8
Да, общество строже судит людей из высших слоев	37,5
Нет, общественное мнение одинаково ко всем	15,6
Затрудняюсь ответить	6,1

Ваш пол:	% ответов
1. Мужской	47,9
2. Женский	52,1

Место вашего проживания	% ответов
Город с численностью от 100 до 500 тыс. чел.	34,1
Город с численностью от 50 до 100 тыс. чел.	25,4
Город с численностью до 50 тыс. чел.	18,6
Поселок городского типа	12,0
Село	9,9

Ваше семейное положение:	% ответов
Не замужем (не женат)	
Состою в зарегистрированном браке	
Состою в незарегистрированном браке	
Разведен	
Вдова/вдовец	

Как Вы оцениваете свое положение в обществе:	% ответов
Высокое	4,8
Среднее	74,3
Низкое	17,2
Затрудняюсь ответить	3,7

К какому социальному слою населения Вы себя относите?	% ответов
Денег хватает на удовлетворение потребностей без особых ограничений.	15,3
Денег хватает на питание, жилье, одежду, образование, здоровье, отдых, товары длительного пользования	40,8
Денег хватает в основном на питание, жилье, товары первой необходимости	32,7
Денег не хватает даже на питание	11,2

Ваш основной род деятельности	% ответов
Наемный работник	56,4
Предприниматель	6,3
Студент	4,1
Военнослужащий, работник правоохранительных органов	7,0

Пенсионер	22,1
Безработный	1,6
Домохозяйка	2,5

Какое у Вас образование?	% ответов
Высшее	28,6
Среднее образование (школа или ПТУ)	48,2
Среднее специальное образование (техникум)	16
Незаконченное высшее	7,2

Ваш возраст:	% ответов
До 18 лет	6,4
19–33 года	32
34–45 лет	25,6
46–54 года	12,8
55–64 года	16
Свыше 65 лет	7,2

Транскрипция Интервью 4 с экспертом, являющимся судьей**_____ городского округа Ставропольского края**

Интервьюер: Какие меры предпринимаются для вовлечения общественности в дискуссии по уголовной политике за экономические преступления?

Информант: Вовлечение общественности в дискуссии по уголовной политике за экономические преступления играет важную роль (.) в формировании правоприменительной практики (.), легитимизации судебных решений и повышении уровня доверия к правосудию. В моей практике судьи _____ городского округа, а также на основе моего опыта работы мировым судьей в городе Ставрополе (.) могу выделить несколько ключевых мер.

Один из наиболее распространенных методов вовлечения общественности — это проведение общественных слушаний по наиболее резонансным делам (.) Например, в 2022 году мы провели слушания по делу о крупном мошенничестве в строительной отрасли (.), где обвиняемыми выступали представители крупной строительной компании. На слушания были приглашены представители общественных организаций и активные граждане (.). Это позволило получить широкий спектр мнений и обеспечить прозрачность судебного процесса (эмоционально).

Регулярная публикация материалов резонансных дел и судебных решений в открытом доступе способствует более глубокому вовлечению общественности (.). На официальном сайте суда регулярно размещаются подробные материалы по делам (.), что позволяет общественности следить за ходом судебного процесса и анализировать принятые решения (.). Например, по делу _____, касающемуся незаконного присвоения средств государственного гранта на развитие сельского хозяйства (.), материалы дела и решение суда были опубликованы, что вызвало широкую общественную дискуссию о необходимости усиления контроля за распределением грантов (.). Это повышает уровень доверия и позволяет гражданам лучше понимать специфику экономических преступлений и применяемые меры наказания (.).

Мы также организуем образовательные программы и семинары для студентов юридических факультетов и представителей общественности (.). Эти мероприятия направлены на повышение правовой грамотности и понимание принципов уголовной политики. В 2023 году был проведен цикл семинаров для студентов на тему «Экономические преступления и их правовые последствия», где обсуждались реальные кейсы и судебная практика (эмоционально).

Мы сотрудничаем с общественными организациями и правозащитными движениями. Они часто иницируют дискуссии и привлекают внимание к важным проблемам. Например, в прошлом году мы провели круглый стол

с организацией «Честный бизнес», где обсуждали конкретное дело о коррупции. Но его называть я не буду.

Вообще, на официальном сайте суда есть раздел для обратной связи (.), где каждый желающий может оставить свой комментарий или задать вопрос по интересующему его делу.

Кстати, регулярные опросы помогают нам лучше понять общественное мнение и ожидания. Вот с вами же мы провели исследование среди жителей нашего округа, посвященное восприятию справедливости и законности уголовных наказаний за экономические преступления.

Интервьюер: Какова роль общественности в формировании уголовной политики?

Информант: Ну вот когда мы рассматриваем дело о коррупции, мы часто получаем комментарии и вопросы от граждан через наш сайт или социальные сети. Люди рассказывают о своем опыте, выражают свои ожидания и опасения. Это очень ценно, потому что помогает нам учитывать общественное мнение при вынесении решений. Как я уже упоминал, общественные слушания по резонансным делам – это отличная возможность для граждан высказать свое мнение. Средства массовой информации также играют важную роль. Журналисты освещают судебные процессы, пишут статьи, делают репортажи. Это помогает привлечь внимание к важным делам и стимулирует общественное обсуждение.

Интервьюер: Какие основные цели уголовного наказания за экономические преступления выделяются в Вашей практике?

Информант: Уголовное наказание за экономические преступления преследует несколько ключевых целей. В нашей практике я выделяю следующие основные цели.

Первая и, наверное, самая очевидная цель – это наказание за совершенное преступление. Когда кто-то совершает экономическое преступление, например, мошенничество или уклонение от уплаты налогов, он должен понести наказание, соответствующее тяжести преступления.

Другая важная цель – это предупреждение подобных преступлений в будущем. Наказание должно служить примером для других, показывая, что за экономические преступления неизбежно следует суровое наказание. Это особенно важно в делах, где речь идет о крупномасштабных мошенничествах или коррупции. В деле о хищении бюджетных средств при строительстве школы осуждение подрядчика и строгий приговор сыграли роль сдерживающего фактора.

Да, еще... Наказание за экономические преступления также направлено на восстановление справедливости. Это означает, что виновный должен возместить ущерб пострадавшим и обществу в целом. Еще одна цель – это исправление виновного и его реабилитация. Важно не только наказать человека, но и помочь ему осознать свою вину, исправиться и вернуться в общество.

Наказание также должно защищать общество от дальнейших преступных действий со стороны осужденного. Это особенно актуально в случаях, когда речь идет о серийных нарушителях. В делах, где виновные неоднократно совершали преступления, суд может принять решение о более строгих мерах наказания, чтобы предотвратить дальнейшие преступления.

Наконец, важной целью является восстановление доверия общества к системе правосудия. Общество должно видеть, что преступники несут заслуженное наказание и что судебная система работает справедливо и эффективно. Это помогает поддерживать законность и порядок.

Интервьюер: Какие виды наказаний за экономические преступления, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными?

Информант: Наказания за экономические преступления должны быть как справедливыми, так и эффективными. Вот что я считаю наиболее действенным.

Штрафы работают отлично. Они не только наказывают человека, но и помогают возместить ущерб. Штрафы эффективны, потому что они ударяют по карману виновного и отпугивают других. Тюремное заключение тоже важно, особенно для серьезных преступлений. Оно изолирует преступника и предотвращает дальнейшие преступления. Конфискация тоже важна, особенно в крупных финансовых преступлениях. Она помогает вернуть незаконно приобретенные деньги государству или пострадавшим. Запрет на работу в определенной сфере также... наверное весьма эффективен. Это важно, если преступления связаны с профессиональной деятельностью виновного. Например, в деле о мошенничестве в банковской сфере обвиняемому _____ запретили работать в финансовом секторе на десять лет.

Интервьюер: Как социально-экономические факторы влияют на процесс принятия решений в сфере уголовного наказания?

Информант: Ну... Не могу обобщить сразу, но вот как это на практике происходит. Во-первых, социальное положение обвиняемого играет большую роль. Например, если передо мной стоит человек из небогатой семьи, который впервые нарушил закон, я буду учитывать его жизненные обстоятельства. Это не значит, что ему дадут поблажку... нууу... или могут дать. Может, это поможет понять, почему он пошел на преступление. А вот когда мы имеем дело с бизнесменом, который уже не первый раз попадает на мошенничество, тут уже другой разговор – наказание будет строже.

Во-вторых, учитывается, какое влияние это преступление оказало на общество. Если из-за преступления пострадало много людей, например, как в случае с мошенничеством в строительной компании_____, наказание будет жестче. Люди потеряли свои деньги, остались без жилья – это огромный ущерб, и виновные должны за это отвечать.

Образование и осведомленность обвиняемого тоже важны. Если человек хорошо понимает, что делает, и все равно идет на преступление, это отягчающий фактор. Например, в деле о налоговом уклонении _____

обвиняемый был опытным бухгалтером. Он знал, что нарушает закон, и сознательно шел на это. В таких случаях наказание будет строже, потому что человек осознавал свои действия.

Экономическая ситуация в регионе имеет значение. Например, в сельской местности, где работы мало и люди часто идут на преступления из-за безвыходности, суд может учесть это и вынести более мягкое наказание, например, обязательные работы вместо тюрьмы.

Также важно учитывать, как преступление влияет на репутацию бизнеса в целом. Если один нечестный предприниматель портит репутацию всей отрасли, это серьезная проблема. Здесь наказание должно быть максимально строгим, чтобы показать, что такие действия недопустимы.

Если обвиняемый готов возместить ущерб, это может смягчить наказание. В деле о финансовых махинациях _____, когда обвиняемый добровольно вернул похищенные деньги, это учли при вынесении приговора. Это показывает, что человек осознал свою вину и пытается ее исправить.

Интервьюер: Какие механизмы существуют для обеспечения общественного контроля над деятельностью судебной системы?

Информант: Да по факту никаких (смеется). Шучу. Общественный контроль над судебной системой — это очень важная штука. Люди должны знать, что суды работают честно и прозрачно. Одним из самых эффективных способов является проведение открытых судебных заседаний. Любой желающий может прийти и посмотреть, как проходит процесс. Например, у нас недавно было громкое дело о мошенничестве в _____, и в зале суда было полно народу. Это очень важно для доверия к суду.

На сайте суда есть специальный раздел для обратной связи. Любой человек может оставить комментарий, задать вопрос или выразить свое мнение по поводу какого-либо дела. Мы активно сотрудничаем с различными общественными организациями и правозащитными движениями. Журналисты играют огромную роль в контроле над судебной системой. Они освещают резонансные дела, пишут статьи, делают репортажи.

Интервьюер: А какие критерии используются для определения адекватности наказания экономическому преступлению?

Информант: Определение адекватного наказания за экономическое преступление — это дело тонкое. Нужно учесть много факторов, чтобы наказание было справедливым и эффективным. Первое, на что смотрим, — это тяжесть самого преступления. Если речь идет о крупном мошенничестве или хищении государственных средств, наказание будет серьезным.

Очень важно понять, какие были намерения и мотивы у обвиняемого. Например, если человек совершил преступление из-за тяжелых жизненных обстоятельств, это одно. Но если он сознательно шел на мошенничество, чтобы обогатиться, это совсем другое.

Размер причиненного ущерба играет большую роль. Чем больше украли или присвоили, тем серьезнее наказание. Если у обвиняемого уже

были судимости за аналогичные преступления, наказание будет строже. Если обвиняемый сотрудничает со следствием, помогает вернуть похищенные средства, это может смягчить наказание. Важно учесть все эти критерии, чтобы наказание было справедливым и соответствовало совершенному преступлению.

Интервьюер: Какие альтернативные формы наказания могли бы быть введены или расширены в РФ?

Информант: Знаете, часто традиционные виды наказаний, такие, как тюрьма, не всегда работают как хотелось бы. Есть несколько альтернативных форм наказания, которые могли бы быть введены или расширены в России, и они действительно могут быть эффективными. Вот что я имею в виду.

Обязательные работы – отличная альтернатива. Они не только наказывают человека, но и приносят пользу обществу. Например, у нас было дело о мелком мошенничестве, где человек обманул нескольких пожилых людей на небольшую сумму. Условное осуждение с обязательным посещением курсов: Иногда людям просто нужно дать шанс исправиться и обучиться чему-то новому.

Домашний арест с электронным браслетом – это тоже хорошая альтернатива. Человек остается дома, но под строгим контролем. Это можно использовать, когда преступление не связано с насилием и нет риска, что человек сбежит. Было дело о мошенничестве в интернете, где молодой парень обманул людей на небольшие суммы. Если его оставили бы под домашним арестом, это помогло бы ему не потерять связь с семьей.

Компенсационные выплаты пострадавшим тоже могут быть эффективными. А... да, если человек совершил преступление под влиянием наркотиков или алкоголя, принудительное лечение может быть лучшим вариантом. Запрет на работу в определенной сфере тоже может быть наказанием. Например, в деле о коррупции в госучреждении, где чиновник брал взятки, суд запретил бы ему работать на госслужбе. Это предотвратит его повторное совершение преступлений в этой сфере.

Эти альтернативные формы наказания могут действительно изменить жизнь людей к лучшему. Они дают шанс исправиться, а не просто изолируют от общества. Ну, наверное, как-то так.

Интервьюер: Какие факторы стратификации наиболее значимы при рассмотрении уголовных дел за экономические преступления?

Информант: ...Вы что имеете в виду?

Интервьюер: Ну, когда мы говорим о стратификации, то это в основном про то, как разные социальные слои влияют на восприятие и наказание за преступления.

Информант: А, все, я понял. Социальный статус обвиняемого играет огромную роль. Люди с высоким статусом, например, директора крупных компаний, часто имеют больше возможностей для защиты, лучшие адвокаты и ресурсы.

Экономическое положение тоже важно. Если обвиняемый из бедной семьи, это может влиять на его мотивацию совершить преступление. В деле о мелком воровстве в магазине, обвиняемый украл продукты, потому что не имел денег на еду. Суд в данном случае учел его тяжелое экономическое положение.

Уровень образования однозначно влияет на понимание и осознание своих действий. Люди с высоким уровнем образования чаще осознают последствия своих поступков. Возраст тоже имеет значение. Молодые люди часто совершают преступления по неопытности или под давлением обстоятельств. Было у коллеги дело о кибермошенничестве, где обвиняемому было всего 19 лет. Суд принял во внимание его молодой возраст и назначил ему более мягкое наказание.

Семейное положение влияет на восприятие суда. Например, в одном тут деле о хищении обвиняемый был единственным кормильцем в семье с двумя детьми. Суд учел это.

Наличие или отсутствие прошлых судимостей тоже важно. Если человек уже привлекался к ответственности, суды обычно назначают более строгое наказание. В деле о повторном мошенничестве, оно не у нас было, обвиняемый уже был судим за аналогичное преступление, и это повлияло на решение о более строгом наказании.

Интервьюер: Как Вы оцениваете текущее состояние уголовной политики в РФ с точки зрения функциональности и легитимности?

Информант: Ну Вы же понимаете, что мое положение не позволяет сказать абсолютно все, что я думаю (пауза). Но попробую аккуратненько так... Уголовная политика в России – это как большой механизм, который работает, но иногда скрипит. Давайте разберемся по порядку. С точки зрения функциональности, наша система работает, но есть куда расти. Мы видим, что законы применяются, преступники наказываются, но не всегда это происходит так быстро и эффективно, как хотелось бы. Это слишком долго, и людям хочется видеть более оперативное правосудие.

Что касается легитимности, то здесь ситуация лучше. Большинство людей все-таки доверяют нашей судебной системе, особенно когда видят, что суды работают честно и открыто.

Но есть и проблемы. Коррупция в судебной системе все еще существует. Это подрывает доверие людей. Например, у нас было дело, где адвокат пытался дать взятку судье. Судья, конечно, отказался и сообщил о попытке, но сам факт такого предложения говорит о том, что проблема есть. Мы должны бороться с этим, чтобы укрепить легитимность.

Законодательство меняется, и это тоже влияет на состояние уголовной политики. Например, недавно были введены более строгие наказания за определенные виды экономических преступлений, что, с одной стороны, хорошо, а с другой – требует времени для адаптации.

В общем, текущее состояние уголовной политики в России можно оценить как функциональное, но с определенными проблемами, которые

нужно решать. Легитимность высокая, но требует постоянного укрепления, особенно в борьбе с коррупцией и повышении прозрачности. Нам нужно продолжать работать над этим, чтобы наша система правосудия была еще лучше и справедливее.

Надеюсь, я Вас удовлетворил (смеется).

Интервьюер: Какие изменения в уголовной политике, на Ваш взгляд, могли бы способствовать улучшению ее легитимности и функциональности?

Информант: О, тут много чего можно улучшить, чтобы наша система стала более легитимной и функциональной. Вот несколько идей, которые могли бы реально помочь.

Во-первых, нужно ускорить рассмотрение дел. Люди не хотят ждать годами, пока их дело будет рассмотрено. Надо улучшить процессы и, возможно, увеличить количество судей, чтобы разгрузить систему и сделать ее более оперативной.

Во-вторых, опять же, та же самая борьба с коррупцией, о которой уже говорили. Третье – это прозрачность и открытость судебных процессов. Люди должны видеть, что все происходит честно. Судьи и сотрудники суда должны постоянно повышать свою квалификацию. Это важно для улучшения качества работы. Мы регулярно проводим семинары и тренинги, и это дает свои плоды.

Технологии могут сильно упростить и ускорить судебные процессы. Электронные документы, видеоконференции и другие технологии могут помочь сделать систему более эффективной.

Необходимо больше внимания уделять поддержке пострадавших. Они должны чувствовать, что их права защищены и что они могут рассчитывать на справедливость. Активное участие общественности и СМИ также помогает сделать систему более легитимной. Когда дела широко освещаются, это привлекает внимание и помогает контролировать, чтобы все было по закону.

Интервьюер: Какие социальные группы, на Ваш взгляд, наиболее уязвимы в контексте уголовного наказания за экономические преступления и почему?

Информант: Это хороший вопрос, потому что действительно есть группы людей, которые оказываются более уязвимыми, когда речь идет об экономических преступлениях. Вот кого я имею в виду:

Малый бизнес часто оказывается в зоне риска. У них нет таких ресурсов, как у крупных компаний, чтобы защитить себя в суде. Малый бизнес часто просто не знает всех юридических тонкостей и легко может попасть в ловушку.

Лица с низким уровнем образования тоже сильно уязвимы. Они часто просто не понимают, что делают что-то незаконное, или не знают, как правильно вести бухгалтерию. В деле о финансовых махинациях _____ обвиняемый даже не осознавал, что его действия являются преступлением.

Такие люди легко могут стать жертвами своих же ошибок или недостатка знаний.

Молодые люди, особенно те, кто только начинает свой бизнес или карьеру, также в группе риска. Они могут быть наивными и доверчивыми и легко могут попасть под влияние недобросовестных партнеров. Само собой, люди из социально незащищенных слоев, такие, как безработные или малообеспеченные, тоже часто становятся уязвимыми. Они могут пойти на преступление из-за нужды.

Женщины могут быть уязвимы в контексте экономических преступлений, особенно если они работают в низкооплачиваемых или нестабильных сферах. Было дело о хищении средств компании, где обвиняемая была единственным кормильцем в семье и пошла на преступление, чтобы прокормить детей. Суд учел ее положение и назначил более мягкое наказание, но ситуация все равно сложная.

Пожилые люди особенно сегодня находятся в группе риска. Они могут стать жертвами мошенничества и не всегда могут адекватно защитить себя.

Эти группы действительно более уязвимы в контексте уголовного наказания за экономические преступления. Они нуждаются в защите и поддержке, чтобы не попасть в ловушку и не стать жертвами системы. Нам нужно делать больше для их защиты и информирования, чтобы они могли лучше ориентироваться в юридических вопросах и защищать свои права.

Интервьюер: Какие аспекты уголовного наказания вызывают наибольшее общественное недовольство и как это можно было бы исправить?

Информант: Ох, тут много чего можно сказать. Люди часто недовольны, и это понятно. Давайте разберем основные моменты.

Ну... первое. Люди часто жалуются, что суды тянутся годами. Это реально бесит. Представьте, люди все это время в подвешенном состоянии. Это надо менять, ускорять процессы, может быть, нанимать больше судей, чтобы дела быстрее рассматривались.

Многие считают, что наказания не всегда справедливые. Например, за мелкие преступления люди получают суровые наказания, а за крупные — условные сроки. В деле _____ в 20____ году было, о мелком мошенничестве, где человек украл продукты на небольшую сумму, а получил реальный срок. А в другом деле, о налоговом уклонении на миллионы _____, обвиняемый отделался штрафом и условным сроком. Это вызывает огромное недовольство. Нужно пересматривать подходы и делать наказания более пропорциональными.

Коррупция — это вообще отдельная боль. Люди не верят в честность судов, когда слышат о взятках. Нам нужны жесткие меры против коррупции и больше прозрачности в судебных процессах... Ну вот... Еще многие просто не могут позволить себе хорошего адвоката. Надо делать правовую помощь доступной для всех, особенно для малоимущих и социально незащищенных.

Условия в пенитенциарных учреждениях тоже вызывают недовольство. Люди сидят в ужасных условиях, что только усугубляет их положение.

Многие... и часто не без оснований, считают, что после освобождения из мест лишения свободы людям не дают шанса начать новую жизнь. Нет реабилитационных программ, которые помогли бы им адаптироваться. Надо внедрять программы по реабилитации и социальной адаптации.

Все эти аспекты реально вызывают недовольство у людей. Нужно работать над улучшением системы, делать ее более справедливой и прозрачной. Это поможет вернуть доверие общества и сделать правосудие более эффективным.

Интервьюер: Спасибо... А какие некоммерческие организации активно участвуют в формировании уголовной политики? И вообще, есть ли такие в принципе?

Информант: Ну это вообще не мой вопрос. У нас можно сказать районный суд, тут конкретно я не помню таких случаев, а вот в краевом центре реально много такого. Тот же уполномоченный по правам бизнеса, уполномоченный по правам ребенка в крае и так далее. Ну здесь больше ничего не скажу.

Интервьюер: Спасибо, я понял. А какие цели наказания наиболее приоритетны в современной уголовной политике РФ?

Информант: Ну, когда мы говорим о целях наказания, есть несколько ключевых моментов, которые сейчас особо важны в нашей уголовной политике. Давайте разберемся.

Первое и самое очевидное – это наказание за совершенное преступление. Люди должны понимать, что за нарушение закона будет справедливое возмездие. Еще наказание должно отпугивать других от совершения подобных преступлений. Это называется превенцией. Это реально работает, потому что люди боятся последствий.

Важно не только наказать виновного, но и восстановить справедливость для пострадавших. Например, в деле о финансовых махинациях _____ виновных обязали вернуть похищенные деньги инвесторам. Это помогло пострадавшим получить свои деньги обратно и почувствовать, что справедливость восстановлена.

Мы должны дать людям шанс исправиться. Иногда наказание может включать исправительные работы. Наша задача – защитить общество от преступников. Если человек представляет опасность, его нужно изолировать.

Люди должны верить, что система работает честно и справедливо. Эти цели наказания помогают нам сделать систему правосудия более справедливой и эффективной. Мы должны учитывать все эти аспекты, чтобы наказание не только наказывало, но и помогало исправить ситуацию и предотвратить новые преступления.

Интервьюер: Какие функции наказания считаются наиболее важными с точки зрения общества?

Информант: Когда речь идет о наказании, общество смотрит на это с разных сторон. Давайте поговорим о том, что люди считают самым важным.

Первое и, наверное, самое главное — это справедливость. Люди хотят видеть, что, если кто-то нарушил закон, он понесет за это заслуженное наказание. Например, в деле о крупном мошенничестве в строительной компании, когда руководителя компании приговорили к реальному сроку и штрафу, многие почувствовали, что справедливость восторжествовала. Это важно, потому что люди хотят верить, что правосудие работает.

Наказание должно отпугивать других от совершения подобных преступлений. Люди хотят видеть, что преступление не остается безнаказанным, и это заставляет остальных дважды подумать.

Люди также хотят, чтобы пострадавшие получили компенсацию за причиненный ущерб. В деле о финансовых махинациях _____ виновных обязали вернуть похищенные деньги инвесторам. Это помогло восстановить справедливость для пострадавших, и люди видят, что система работает на их защиту.

Общество хочет верить, что люди могут исправиться. Иногда наказание должно включать элементы, которые помогут человеку осознать свои ошибки и стать лучше. Вообще, люди хотят чувствовать себя в безопасности. Если преступник представляет угрозу, его нужно изолировать.

Члены общества должны верить, что система правосудия работает честно и справедливо.

Все эти функции наказания важны с точки зрения общества. Люди хотят видеть справедливость, безопасность и уверенность в том, что правосудие работает для них. Поэтому важно учитывать все эти аспекты, чтобы наказание было не только карательным, но и справедливым и полезным для всех.

Интервьюер: Какие виды наказания за экономические преступления наиболее часто применяются в РФ?

Информант: Ох, экономические преступления — это моя «любимая» тема, с ними сталкиваюсь почти каждый день. Тут я расскажу, как это обычно происходит у нас (смеется).

Самый распространенный вид наказания за экономические преступления — это, конечно, штрафы. Это не удивительно, потому что экономические преступления чаще всего связаны с деньгами. Еще один часто применяемый вид наказания — это тюремное заключение, особенно когда речь идет о крупных суммах или серьезных нарушениях. Было у нас дело о мошенничестве в крупной компании. Руководителя приговорили к пяти годам лишения свободы за крупное мошенничество. Такое наказание всегда вызывает резонанс, потому что люди хотят видеть, что за серьезные преступления следует серьезное наказание.

Иногда суды назначают условные сроки, особенно если у обвиняемого нет предыдущих судимостей и он сотрудничает со следствием. Это позволяет человеку исправиться, но при этом остается строгий контроль.

Запрет на занятие определенной деятельностью или должностью – это тоже эффективная мера. Это предотвращает повторные нарушения и очищает госаппарат от недобросовестных работников. Конфискация имущества редко сейчас применяется.

Ну, наверное... эти виды наказаний не только наказывают преступников, но и помогают возместить ущерб, предотвратить повторные нарушения и исправить виновных. Важно, чтобы наказания были справедливыми и пропорциональными, чтобы люди чувствовали, что правосудие работает для всех.

Интервьюер: Каково общественное мнение о различных видах наказаний за экономические преступления?

Информант: О, это тема, с которой я сталкиваюсь почти каждый день. Знаете, когда речь идет об экономических преступлениях, самые частые наказания – это штрафы. Простой и эффективный способ наказания, особенно когда дело касается денег. Вот, например, было у нас дело о налоговом уклонении. Владелец небольшой фирмы уклонялся от уплаты налогов и ему назначили крупный штраф. Это не только наказание, но и способ вернуть государству украденные деньги. Штрафы часто применяются, потому что они реально бьют по карману и заставляют задуматься.

Теперь про тюремные заключения. Да, бывает и такое. Особенно если суммы большие или дело серьезное. Вспомните дело о мошенничестве в крупной компании_____. Руководитель компании обманул людей на миллионы. Ему дали реальный срок. Люди должны видеть, что за такие дела следует серьезное наказание. Это важно для поддержания доверия к правосудию.

Но не всегда дело доходит до тюрьмы. Есть еще условные сроки. Это когда человека не сажают, но ставят на учет и наблюдают за ним. Еще один вариант – это обязательные работы. Часто применяется, когда преступление не такое серьезное.

Не забываем и про запрет на занятие определенной деятельностью. Это когда человеку запрещают работать в какой-то сфере.

Еще хочу отметить, что иногда мы применяем комбинированные наказания. Это когда одно наказание дополняет другое. Например, в деле о коррупции в госучреждении чиновнику не только запретили занимать государственные должности, но и наложили крупный штраф и конфисковали имущество. Такое сочетание помогает усилить наказание и сделать его более справедливым.

Нельзя забывать и про реабилитационные программы. Иногда это самое эффективное наказание

И знаете, важно не только наказывать, но и давать людям шанс исправиться. Мы должны помнить, что каждый может ошибиться, и наша задача – помочь человеку вернуться на правильный путь.

Вот так и работаем. Каждый случай уникален, и важно учитывать все обстоятельства. Мы стараемся, чтобы наказания были справедливыми и помогали людям исправляться. Главное – делать все честно и открыто, чтобы люди видели, что правосудие действительно работает.

Интервьюер: Как общество оценивает адекватность наказаний, назначаемых за экономические преступления?

Информант: Ну, я полагаю, что Вы же это у общества спросите? (улыбается). Я тут могу только предполагать и смотреть как бы... ну... со стороны. Тут много эмоций у людей, когда дело касается наказаний за экономические преступления. Они часто бывают недовольны и возмущены. Ну больше не считают возможным ничего на этот вопрос ответить.

Интервьюер: Какие социальные группы наиболее часто подвергаются уголовному наказанию за экономические преступления?

Информант: Это действительно интересный вопрос. Есть несколько социальных групп, которые особенно часто попадают под уголовные наказания за экономические преступления. Малый и средний бизнес часто оказывается в зоне риска. Владелец небольшого магазина, например, может попытаться сэкономить на налогах или пренебречь бухгалтерией. В итоге ему назначают штраф и обязательные работы. Это типичный случай, когда малый бизнес попадает в ловушку экономических преступлений из-за недостатка знаний или ресурсов.

Чиновники тоже часто оказываются под ударом. Коррупция и взятки – это проблемы, с которыми мы сталкиваемся регулярно. Работники банков и финансовых учреждений тоже часто попадают под суд за мошенничество и махинации с деньгами. Было дело о мошенничестве в банковской сфере, где менеджер банка подделывал документы для получения кредитов на подставные лица. Его приговорили к тюремному сроку и конфисковали имущество. Это показывает, как опасно злоупотреблять доверием клиентов и системных возможностей.

Молодые и начинающие предприниматели также нередко оказываются в сложных ситуациях. Часто это связано с недостатком опыта и знаний. Люди с низким уровнем образования часто не понимают, что нарушают закон. Социально незащищенные группы, такие, как безработные или малообеспеченные, тоже часто попадают под суд.

Эти группы наиболее уязвимы и часто оказываются в центре экономических преступлений. Они нуждаются в поддержке и защите, чтобы не попадать в такие ситуации. Важно не только наказывать, но и помогать им понять свои ошибки и дать шанс на исправление.

Еще одна группа, о которой стоит упомянуть, – это владельцы крупных компаний и корпораций. Они реже попадают под суд, но если это происходит, то дела обычно крупные и громкие. Такие дела обычно вызывают огромный общественный резонанс и показывают, что даже те, кто на вершине, не застрахованы от наказания.

Женщины-предприниматели тоже попадают под удар, хотя и реже. Еще иностранные граждане и мигранты тоже часто становятся фигурантами дел о экономических преступлениях. В деле о нелегальной предпринимательской деятельности _____ иностранный гражданин без необходимых документов открыл небольшое производство. Его приговорили к штрафу и депортации. Это еще раз показывает, как важно соблюдать законы, даже если ты не местный.

Все эти группы показывают, что экономические преступления могут затронуть любого, независимо от социального статуса или уровня дохода. Важно помнить, что наша задача не только наказывать, но и помогать людям исправляться и учиться на своих ошибках. Только так мы сможем сделать наше общество более справедливым и безопасным.

Интервьюер: Спасибо. А можете сказать, каков социальный портрет типичного преступника/жертвы в РФ (касаемо именно экономических преступлений)?

Информант: Социальный портрет преступников и жертв экономических преступлений действительно разный, и я часто сталкиваюсь с этим в своей работе. Часто это владельцы небольших компаний или индивидуальные предприниматели. Типичный возраст таких преступников – от 30 до 50 лет, чаще всего мужчины. Они обычно не имеют криминального прошлого, но попадают в ловушку из-за нехватки знаний или давления обстоятельств.

Чиновники тоже часто становятся фигурантами дел. Такие люди часто используют свое положение для получения взяток. У них высокий уровень образования, но моральные принципы, как говорится, хромают. Работники банков и финансовых учреждений. В деле о мошенничестве в банковской сфере менеджер банка подделывал документы для получения кредитов. Это часто молодые люди до 40 лет, с хорошим образованием и карьерой. Но – желание быстрого обогащения толкает их на преступление. Еще встречаются молодые, амбициозные, но иногда слишком наивные. Чаще всего это такие «эффективные бизнесмены».

Интервьюер: Теперь давайте поговорим о жертвах.

Информант: Пожилые люди часто становятся жертвами мошенников. Они уязвимы, потому что доверяют людям и не всегда могут проверить информацию. Малый бизнес тоже часто страдает. Вообще, чаще всего, это обычные люди, которые пытаются улучшить свое финансовое положение. Они часто не имеют специальных знаний и доверяют обещаниям высокой прибыли.

Мигранты и иностранцы тоже часто становятся жертвами. Еще один интересный случай касается женщин в бизнесе. Женщины-предприниматели также могут стать жертвами. Молодежь часто становится жертвами экономических преступлений. Молодые люди, которые только начинают свою карьеру или бизнес, могут попасть под влияние недобросовестных партнеров.

Семьи и родственники преступников также часто становятся жертвами, хотя и косвенно. Например, в деле о коррупции____, когда чиновника посадили, его семья осталась без средств к существованию. Это показывает, что экономические преступления имеют широкий круг пострадавших, и последствия могут быть серьезными не только для самого преступника, но и для его близких.

Так что социальный портрет преступников и жертв экономических преступлений в России довольно разнообразен. Преступники могут быть от владельцев бизнеса до молодых и неопытных предпринимателей, а жертвами могут стать как пенсионеры, так и представители среднего класса или молодежь. Важно понимать, что каждый случай уникален и требует индивидуального подхода, чтобы наказания были справедливыми, а пострадавшие получили необходимую помощь и поддержку.

Интервьюер: Как социально-экономические факторы влияют на вероятность стать преступником или жертвой?

Информант: Социально-экономические факторы играют огромную роль в том, кто становится преступником, а кто – жертвой. Зачастую люди с низким доходом или безработные попадают в сложные ситуации, которые толкают их на преступление. Например, мужчина подделал документы, чтобы получить небольшую сумму денег, потому что у него не было работы и он отчаянно нуждался в деньгах. Он не был преступником по натуре, просто обстоятельства вынудили его на такой шаг. Безработица и нехватка средств могут толкнуть человека на крайние меры.

Люди с низким уровнем образования часто не знают, что их действия могут быть незаконными. Был случай о финансовых махинациях, где молодой предприниматель, не имея достаточных знаний о законах, попал под суд за махинации с документами. Он просто не понимал, что нарушает закон. Образование играет огромную роль в формировании правового сознания.

Иногда люди совершают преступления под давлением окружения. В деле о кибермошенничестве молодой парень был втянут в схему своими друзьями. Они убеждали его, что это легкие деньги и ничего плохого не случится. Социальное окружение и давление со стороны друзей, и семьи могут сильно влиять на решения человека.

Некоторые преступления совершаются из-за чрезмерных амбиций и желания быстро разбогатеть.

Еще один интересный момент касается среднего класса. Эти люди часто становятся жертвами финансовых пирамид и мошеннических схем, потому что они стремятся улучшить свое финансовое положение. Молодые люди, которые только начинают свою карьеру или бизнес, могут легко стать жертвами недобросовестных партнеров.

Интервьюер: Как различные социальные группы оценивают эффективность существующей системы уголовного наказания?

Информант: Знаете, мнения у людей на этот счет очень разные. Все зависит от того, в каком положении они находятся и какой опыт у них был.

Владельцы малого бизнеса часто жалуются на систему. Им кажется, что законы работают не в их пользу. Было тут одно дело, владелец маленькой компании получил крупный штраф за неправильную отчетность. Он говорил: «Почему крупные компании могут уйти от ответственности, а нас наказывают за малейшую ошибку?» Малый бизнес часто чувствует себя уязвимым и считает, что система несправедлива.

Чиновники, которые честно работают, тоже бывают недовольны. Честные, так сказать, бюрократы хотят видеть, что система эффективно борется с коррупцией, чтобы поддерживать доверие к госструктурам.

Банковские работники и финансисты, попавшие под суд, часто считают наказания слишком жесткими. Молодые предприниматели часто не знают всех юридических нюансов и могут попасть в неприятности. Люди с низким уровнем образования часто не понимают, почему их наказывают так строго. Еще интересный момент касается пожилых людей. Они часто становятся жертвами мошенников и хотят видеть, что преступники получают заслуженное наказание.

Люди среднего класса часто недовольны тем, что наказания за крупные экономические преступления кажутся им слишком мягкими. Мигранты и иностранцы часто чувствуют, что система против них.

Таким образом, разные социальные группы по-разному оценивают эффективность системы уголовного наказания. Кто-то считает ее слишком жесткой, кто-то, наоборот, слишком мягкой. Важно, чтобы система была гибкой и справедливой, учитывала все обстоятельства и работала на благо общества. Только так можно повысить доверие к правосудию и сделать его более эффективным.

Интервьюер: Какие аспекты уголовного наказания вызывают наибольшее неодобрение среди различных социальных групп?

Информант: Тут действительно много недовольства, и оно разное у разных групп. Владельцы малого бизнеса часто недовольны жесткостью наказаний за, казалось бы, небольшие нарушения. Чиновники, которые попадают под суд за коррупцию, часто считают, что наказания слишком суровы. Вот в моей практике в деле о коррупции в местной администрации главного обвиняемого приговорили к длительному сроку. Его коллеги говорили: «Да, он ошибся, но разве нельзя было дать ему шанс исправиться?» Честные чиновники боятся, что один случай может испортить репутацию всей системы.

Работники банков и финансовых учреждений часто недовольны тем, что их наказывают слишком строго за ошибки. В деле о мошенничестве в банковской сфере менеджер получил реальный срок за подделку документов. Его коллеги считали, что наказание было слишком жестким. Они говорили: «Он просто хотел помочь клиентам и ошибся. Почему сразу тюрьма?» Финансисты хотят видеть больше гибкости и понимания.

Рабочие и наемные сотрудники часто недовольны, когда видят, что их начальники избегают наказания за финансовые нарушения. Пенсионеры

часто недовольны, когда видят, что мошенники, обманувшие их, получают, по их мнению, слишком мягкие наказания.

Еще один интересный момент касается людей из сельской местности. Они часто чувствуют, что законы не учитывают их специфики. В деле о незаконной вырубке леса местный фермер получил крупный штраф и условный срок. Он говорил: «Я просто хотел построить сарай для животных. Почему меня наказывают как преступника?» Люди из сельской местности считают, что законы должны быть более гибкими и учитывать их нужды.

Безработные часто недовольны тем, что их наказывают слишком жестко за попытки заработать нелегальным путем.

Ну вот эти примеры показывают, что разные социальные группы по-разному оценивают систему уголовного наказания. Кто-то считает ее слишком жесткой, кто-то, наоборот, слишком мягкой. Важно, чтобы система была гибкой, справедливой и учитывала особенности разных групп населения. Только так можно повысить доверие к правосудию и сделать его более эффективным.

Интервьюер: Какие наказания за экономические преступления общество считает наиболее справедливыми?

Информант: Это действительно интересный вопрос. Люди часто имеют свои представления о справедливости, и эти представления могут сильно различаться в зависимости от их опыта и социальной группы. Люди, кстати, как ни странно, часто считают штрафы справедливыми, особенно если они идут на возмещение ущерба.

Когда речь идет о крупных преступлениях, люди обычно требуют строгих мер. Обязательные работы тоже часто воспринимаются положительно. Но таких приговоров крайне мало... Ну мне так кажется. Конфискация имущества, особенно при крупных финансовых преступлениях, часто вызывает одобрение. Условные сроки, особенно если они сопровождаются реабилитационными программами, тоже часто воспринимаются положительно.

Еще одна интересная категория – это случаи, когда люди требуют более гибких наказаний для тех, кто попал в сложные жизненные обстоятельства. Вспомните дело о фермере из нашего района_____. Ему дали условный срок и обязательные работы. Многие жители его деревни говорили: «Он просто пытался выжить, не нужно было его строго наказывать». Люди считают, что в таких случаях нужно учитывать жизненные обстоятельства и проявлять гуманность. Когда жертвы получают компенсацию, люди считают это справедливым. В некоторых случаях, особенно при серьезных нарушениях, люди считают справедливым пожизненный запрет на занятие определенной деятельностью.

Вообще, очень важно, чтобы система была гибкой и учитывала индивидуальные обстоятельства каждого дела. Только так можно сделать правосудие справедливым и эффективным для всех.

Интервьюер: Каковы долгосрочные социальные и экономические последствия уголовного наказания для осужденных?

Информант: Это очень важный вопрос, и последствия могут быть действительно серьезными. Первое, что приходит на ум, – это социальная стигматизация. Осужденные люди часто сталкиваются с осуждением и недоверием со стороны общества. Для многих осужденных серьезной проблемой становится потеря работы и профессиональные ограничения. Найти работу очень сложно. Мало кто хочет нанимать человека с криминальным прошлым, особенно если это связано с экономическими преступлениями.

Экономические трудности – еще один серьезный аспект. Штрафы и конфискации имущества могут оставить человека без средств к существованию и восстановиться после этого крайне сложно.

Но это еще не все. Давайте поговорим о долгосрочных последствиях для семей осужденных. Долгосрочные последствия наказания сильно влияют на семьи осужденных. Семьи часто оказываются в тяжелом положении, когда главный кормилец попадает в тюрьму. Это влияет на их психическое здоровье и социальное положение.

Социальная изоляция – это еще одно последствие. Люди, отбывшие срок, часто чувствуют себя изолированными от общества. Психологические проблемы тоже не редкость. После долгого срока заключения люди могут потерять многие социальные навыки. Потеря социальных и профессиональных навыков делает возвращение к нормальной жизни еще более сложным.

К сожалению, многие осужденные снова совершают преступления. Это замкнутый круг, из которого сложно вырваться без поддержки и реабилитационных программ.

Интервьюер: Каковы долгосрочные социальные и экономические последствия уголовного наказания для осужденных?

Информант: Это такой сложный и многослойный вопрос. Знаете, когда работаешь судьей, начинаешь видеть, как наказания влияют на людей не только в моменте, но и спустя годы после суда.

Первое, что хочется отметить, – это социальная стигматизация, хоть я и о ней уже много говорю сегодня, но... что есть, то есть. Для многих осужденных серьезной проблемой становится потеря работы и профессиональные ограничения.

Экономические трудности – это еще одна серьезная проблема. Штрафы и конфискации имущества могут оставить человека без средств к существованию и восстановиться после этого крайне сложно.

Теперь представьте, как это влияет на семьи осужденных. Они часто оказываются в тяжелом положении, когда главный кормилец попадает в тюрьму. Это влияет на их психическое здоровье и социальное положение. Жена одного осужденного с пару лет назад рассказывала мне, как их дети

начали плохо учиться и замкнулись в себе из-за того, что их отец оказался в тюрьме.

Психологические проблемы – это еще одна большая проблема. После долгого срока заключения люди могут потерять многие социальные навыки. Потеря социальных и профессиональных навыков делает возвращение к нормальной жизни еще более сложным.

К сожалению, многие осужденные снова совершают преступления. Это замкнутый круг, из которого сложно вырваться без поддержки и реабилитационных программ.

Интервьюер: Как общество относится к тем, кто отбыл наказание за экономические преступления?

Информант: Знаете, общество часто очень строго относится к людям, которые отбыли наказание за экономические преступления. Даже после того, как они отбыли свой срок, их не всегда принимают обратно.

Первое, что приходит на ум, – это стигматизация. На моей памяти руководитель компании отбыл пять лет в тюрьме за обман на миллионы рублей. После выхода он пытался начать новую жизнь, но люди не доверяли ему. Везде, куда бы он ни пошел, все знали о его прошлом. Даже соседи начали относиться к нему настороженно. Он рассказывал: «Кажется, что на лбу у меня написано «преступник». Никто не верит, что я изменился».

Для тех, кто работал в высоких должностях, возвращение к нормальной жизни особенно сложно. Чиновник из Ставрополя потерял свою должность и репутацию. После выхода на свободу он пытался устроиться на работу, но везде получал отказ. Он говорил: «Я готов работать хоть кем, но никто не хочет брать меня. Все думают, что я снова начну нарушать закон».

Экономические трудности преследуют многих осужденных. Владелец небольшой компании после отбытия наказания не смог восстановить свой бизнес. Все его активы были конфискованы, и он остался без средств к существованию. «Я пытался начать все заново, но с пустыми руками это очень сложно», – рассказывал он.

Еще один важный аспект – это влияние на семью осужденных. Семьи осужденных тоже сильно страдают. Я об этом много сегодня говорю, но это очень большая проблема. В деле о мошенничестве с ценными бумагами отец семейства отбыл срок. Когда он вернулся домой, его жена и дети не смогли простить его. Дети начали испытывать проблемы в школе из-за насмешек и издевательств со стороны одноклассников. «Мои дети страдают из-за моих ошибок, и это самое страшное», – говорил он.

Социальная изоляция – это еще одна серьезная проблема. В деле о мелком мошенничестве человек после отбытия обязательных работ пытался вернуться в свое сообщество, но друзья и знакомые стали избегать его. «Раньше я был частью этого общества, теперь чувствую себя чужим», – жаловался он. Люди боятся, что он снова может нарушить закон, и это создает для него огромные трудности.

Многие осужденные сталкиваются с психологическими проблемами после выхода на свободу. Один обвиняемый после тюрьмы сильно страдал от депрессии и тревожности. Он рассказывал моим коллегам: «Каждый день я просыпаюсь с мыслью о том, что меня все ненавидят. Это ужасное чувство».

После долгого срока заключения люди могут потерять многие социальные и профессиональные навыки. К сожалению, многие осужденные снова совершают преступления, потому что не могут найти свое место в обществе. Общественное мнение и давление также играют большую роль.

Ну, наверное, вот эти примеры показывают, насколько тяжелыми могут быть долгосрочные последствия для осужденных за экономические преступления. Важно не только наказывать, но и помогать людям вернуться к нормальной жизни, предоставляя им поддержку, обучение и возможности для реабилитации.

Интервьюер: Спасибо. Как общество реагирует на применение различных видов наказаний за экономические преступления?

Информант: Ну, опять же, вопрос не совсем ко мне. Мне трудно абстрагироваться от профессиональной сферы и говорить как обывателю... Ну... люди по-разному реагируют на наказания за экономические преступления, и часто их мнения зависят от того, как они сами сталкиваются с этими проблемами. Давайте я расскажу несколько примеров из моей практики.

Начнем со штрафов. Например, владелец небольшой компании получил крупный штраф за сокрытие доходов. Мнения разделились: многие говорили, что это справедливо, потому что он вернул деньги государству. Но были и те, кто считал, что штрафы слишком мягкие для таких преступлений. «Почему ему просто дают штраф, когда он украл у государства миллионы?» — возмущались люди. Это показывает, что общество часто ожидает более жестких мер.

Когда дело доходит до тюремных сроков, общество обычно поддерживает такие решения, особенно если преступление серьезное. Обязательные работы часто воспринимаются положительно. Еще один интересный аспект — это восприятие конфискации имущества. Конфискация имущества часто вызывает одобрение, особенно при крупных финансовых преступлениях.

Условные сроки часто воспринимаются неоднозначно. В деле о финансовых махинациях _____ молодой предприниматель получил условный срок. Некоторые считали это справедливым, потому что он получил шанс исправиться. Но многие говорили: «Почему ему дали условный срок? Он ведь украл деньги!». Условные сроки могут быть восприняты как слишком мягкое наказание.

В некоторых случаях, особенно при серьезных нарушениях, люди считают справедливым запрет на занятие определенной деятельностью. Это помогает предотвратить повторные преступления и очистить сферы от недобросовестных работников.

Интервьюер: Какие случаи применения уголовного наказания вызывают наибольший общественный резонанс?

Информант: Тут столько разных мнений! Каждый раз, когда я выношу приговор по экономическому преступлению, слышу множество откликов. Люди по-разному реагируют на наказания, и часто их мнения зависят от того, как они сами сталкиваются с этими проблемами. Когда дело доходит до тюремных сроков, общество обычно поддерживает такие решения, особенно если преступление серьезное.

Еще один аспект, который часто вызывает споры, – это лишение определенных прав. В деле о злоупотреблении служебным положением обвиняемого лишили права занимать руководящие должности в течение трех лет. Некоторые люди считали это справедливым, говоря: «Он больше не сможет использовать свою власть во зло». Но были и те, кто считал, что это слишком сурово, особенно если человек искренне раскаялся.

Ну все остальное я рассказал в ответах на предыдущие вопросы... думаю так.

Интервьюер: Я понял, спасибо. А считается ли наказание пропорциональным преступлению с точки зрения общества?

Информант: Это вечный вопрос. Когда дело касается экономических преступлений, люди часто спорят, справедливо ли вынесено наказание и соответствует ли оно тяжести преступления. Но тут точно, считаю, что не мне отвечать на этот вопрос. Я тут явно лицо заинтересованное (смеется).

Интервьюер: Как Вы считаете, есть ли прямая связь между принадлежностью к определенному социальному классу и тяжестью наказания за экономические преступления?

Информант: Вопрос о связи между социальным классом и тяжестью наказания за экономические преступления действительно заслуживает внимания. В моей практике я неоднократно сталкивался с ситуациями, когда социальный статус обвиняемого оказывал определенное влияние на ход судебного разбирательства. Например, люди из более обеспеченных слоев общества зачастую имеют возможность нанять опытных адвокатов, которые способны выстроить более грамотную защиту. Это может привести к более мягкому наказанию или даже оправдательному приговору.

Однако это не означает, что система правосудия в целом предвзята. Важно учитывать, что судьи руководствуются законом и обстоятельствами конкретного дела, а не социальным положением обвиняемого. Тем не менее, реальность такова, что люди с высоким социальным статусом зачастую обладают ресурсами, позволяющими лучше защитить свои интересы в суде. Это не делает их менее виновными, но может смягчить последствия.

С другой стороны, представители менее обеспеченных слоев нередко сталкиваются с ограниченным доступом к качественной юридической помощи, что, в свою очередь, может привести к более суровым приговорам. Важно понимать, что такие различия не всегда связаны с предвзятостью судебной системы, а скорее с неравными возможностями сторон в процессе.

Поэтому, можно сказать, что прямая связь между социальным классом и тяжестью наказания существует, но она обусловлена не столько предвзятостью системы, сколько различиями в доступе к ресурсам и возможностям защиты. Этот вопрос требует глубокого анализа и поиска решений, которые помогут снизить влияние социального неравенства на правосудие

Конечно, можно рассмотреть этот вопрос более детально, добавив несколько важных аспектов, которые проливают свет на сложность данной проблемы. Во-первых, стоит обратить внимание на культурные и социальные предубеждения, которые могут быть неявно вплетены в процесс правосудия. Судьи, как и любые другие люди, подвержены влиянию стереотипов, даже если они стараются их избегать. Представители высших социальных слоев могут восприниматься как «уважаемые люди», чье преступление воспринимается как отклонение от нормы, что иногда приводит к более мягкому подходу. В то время как представители менее привилегированных слоев, особенно если они уже имели дело с законом, могут автоматически ассоциироваться с нарушителями, что, в свою очередь, влияет на восприятие их действий и строгость наказания.

Во-вторых, экономические преступления часто требуют сложного анализа финансовой документации, что может быть труднодоступным для менее обеспеченных обвиняемых. Это связано не только с доступом к качественной юридической помощи, но и с возможностью привлечения финансовых экспертов и аналитиков, которые могут значительно повлиять на исход дела. Высокий социальный статус нередко предоставляет возможность не только оплатить услуги таких специалистов, но и иметь доступ к внутренним знаниям и ресурсам, которые могут облегчить защиту.

Третий аспект касается общественного давления и общественного мнения. В случаях с представителями высших классов часто наблюдается более активное участие СМИ и общественности. Это может сыграть двойную роль: с одной стороны, усиливая контроль над судебным процессом, что снижает вероятность несправедливого решения, но с другой стороны, создавая условия для более мягких приговоров под давлением общественного мнения, особенно если речь идет о людях с известными именами или крупными социальными связями.

Четвертый аспект связан с тем, как сама судебная система воспринимает экономические преступления, совершенные различными социальными группами. Например, когда преступление совершается крупным бизнесменом, оно может рассматриваться как результат сложных экономических условий или деловой среды, а не как умышленное преступление. В то же время, аналогичное деяние, совершенное представителем среднего или нижнего класса, может рассматриваться как попытка личного обогащения за счет общества, что автоматически может повлиять на строгость наказания.

И, наконец, важно отметить, что система правосудия в различных регионах страны может функционировать по-разному, что также влияет на тяжесть наказания. В регионах с высокой концентрацией представителей элиты и бизнеса может существовать неофициальное понимание того, что более мягкие приговоры для этих групп способствуют сохранению социальной стабильности и экономического роста. В то время как в менее развитых регионах, где доступ к ресурсам ограничен, суды могут быть строже в отношении представителей высших классов, стремясь показать беспристрастность и усилить доверие населения к судебной системе.

Таким образом, связь между социальным классом и тяжестью наказания за экономические преступления является многослойной проблемой, в которой переплетаются правовые, экономические и социальные аспекты. Это требует комплексного подхода к анализу и реформированию системы, чтобы минимизировать влияние неравенства на правосудие и обеспечить более справедливое применение закона для всех граждан, независимо от их социального статуса.

Интервьюер: Заметны ли различия в подходе к экономическим преступникам из разных социальных слоев?

Информант: Вопрос о различиях в подходе к экономическим преступникам из разных социальных слоев является также весьма актуальным и сложным. В моей практике я наблюдал, что, несмотря на стремление судебной системы к объективности, определенные различия все же имеют место. Эти различия проявляются не только в ходе самого судебного процесса, но и на этапах расследования, предъявления обвинений и вынесения приговоров.

Во-первых, наблюдается разница в восприятии общественностью и средствами массовой информации экономических преступников из разных слоев. Когда речь идет о представителях элиты или бизнеса, такие дела часто привлекают больше внимания и обсуждений, что, с одной стороны, может усилить контроль за процессом, но с другой — может оказать давление на судей, которые могут стремиться избежать обвинений в предвзятости, что иногда приводит к более мягким приговорам. В случаях с представителями низших социальных слоев, дела могут не получить такого резонанса, и судебные процессы проходят с меньшим общественным вниманием, что иногда позволяет судьям выносить более строгие решения, не опасаясь общественного осуждения.

Еще одно различие заключается в самой природе экономических преступлений, совершаемых различными социальными группами. Экономические преступления, совершенные представителями высших слоев, зачастую более сложны и многоуровневы. Они могут включать в себя схемы мошенничества, уклонение от налогов или отмывание денег, что требует более сложного расследования и понимания финансовых механизмов. Это, в свою очередь, может привести к тому, что такие дела рассматриваются более детально и, возможно, с большим пониманием со стороны суда. В то же

время, преступления, совершенные представителями низших слоев, могут быть более прямолинейными, что приводит к их более быстрой квалификации и вынесению приговоров.

Следующим важным аспектом является влияние социального статуса на восприятие судом мотивации и предыстории обвиняемого. Люди из высших слоев общества могут быть представлены как лица, которые совершили преступление под влиянием внешних факторов, таких как сложные экономические условия или давление конкуренции, что иногда смягчает приговор. В то время как представители низших слоев могут восприниматься как лица, совершившие преступление из-за недостатка моральных принципов или из-за желания быстро обогатиться, что приводит к более суровым решениям.

Таким образом, можно сказать, что различия в подходе к экономическим преступникам из разных социальных слоев действительно существуют, и они обусловлены как объективными факторами, такими как доступ к ресурсам и характер совершенных преступлений, так и субъективными аспектами, включая общественное мнение и региональные особенности.

Интервьюер: Существуют ли механизмы, которые снижают влияние социального неравенства на процесс уголовного правосудия?

Информант: Вопрос о том, существуют ли механизмы, способные снизить влияние социального неравенства на процесс уголовного правосудия, является крайне важным, особенно в контексте стремления к обеспечению справедливости и равенства перед законом для всех граждан. В моей практике я могу выделить несколько ключевых механизмов, которые, хотя и не всегда полностью устраняют социальное неравенство, но значительно способствуют его смягчению.

Во-первых, один из наиболее эффективных механизмов — это система бесплатной обязательной юридической помощи. Это особенно важно в делах, где обвиняемый не имеет средств для найма адвоката. Такие программы позволяют людям, находящимся в неблагоприятном экономическом положении, защитить свои права на равных условиях с более обеспеченными гражданами. Однако, стоит отметить, что качество предоставляемой юридической помощи может варьироваться и здесь еще есть потенциал для улучшения.

Во-вторых, важную роль играет судебная система, ориентированная на строгое соблюдение процессуальных норм и равенство сторон в суде. Независимость судей и их профессионализм являются фундаментом для обеспечения справедливого правосудия. Важным элементом этого является обязательное обоснование вынесенных решений, что позволяет избежать произвола и снизить влияние личных предубеждений судей, которые могут быть связаны с социальным статусом обвиняемого. Это также повышает прозрачность судебного процесса и доверие к нему со стороны общества.

Третий механизм — это развитие альтернативных видов наказаний, таких как общественные работы или исправительные программы, которые могут применяться вместо тюремного заключения. Эти альтернативы позволяют учитывать социальные и экономические условия обвиняемого, способствуют его реабилитации и снижению рецидива, что особенно важно для лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию. Эти программы направлены на то, чтобы наказание не разрушало жизнь обвиняемого, а способствовало его возвращению к нормальной социальной жизни.

Четвертым механизмом являются общественные организации и правозащитные движения, которые активно занимаются мониторингом и контролем за соблюдением прав человека в процессе уголовного правосудия. Эти организации часто оказывают поддержку обвиняемым, привлекая внимание к случаям несправедливого обращения и оказывая юридическую помощь. Они также играют важную роль в формировании общественного мнения и способствуют улучшению законодательства, направленного на устранение социальных неравенств в правовой системе.

Кроме того, немаловажную роль играют информационные и образовательные программы, направленные на повышение правовой грамотности населения. Чем больше люди знают о своих правах и возможностях защиты, тем меньше шансов, что они столкнутся с несправедливостью или неравенством в суде. Образовательные инициативы, направленные на обучение граждан основам правовой системы и их правам в судебных процессах, могут существенно уменьшить негативное влияние социального неравенства.

Вообще, механизмы, снижающие влияние социального неравенства на процесс уголовного правосудия, существуют и активно развиваются. Однако их эффективность зависит от множества факторов, включая качество предоставляемой юридической помощи, уровень независимости судей и вовлеченность общественных организаций. Для достижения большей справедливости и равенства перед законом необходимо продолжать совершенствовать эти механизмы и работать над устранением пробелов, которые все еще существуют в системе правосудия.

Интервьюер: Замечаете ли вы, что более обеспеченные обвиняемые получают более мягкие или альтернативные наказания по сравнению с представителями менее обеспеченных слоев?

Информант: Знаете, это один из тех вопросов, которые всегда вызывают много споров и обсуждений. В своей практике я действительно замечал, что обеспеченные люди иногда получают более мягкие наказания или вообще уходят с альтернативными мерами, когда их менее обеспеченные «коллеги по несчастью» получают вполне реальные сроки. И, конечно, это вызывает вопросы, особенно у тех, кто видит эту картину со стороны.

Во-первых, давайте посмотрим правде в глаза: деньги и связи играют роль. У человека с хорошим достатком есть возможность нанять лучшего адвоката, привлечь специалистов и экспертов, которые могут провести

тщательное расследование, подготовить мощную защиту. И это нормально, каждый имеет право на защиту. Но что это значит на практике? Это значит, что адвокат, который прекрасно знает все лазейки и нюансы закона, может найти способ смягчить наказание, предложить суду альтернативу в виде штрафа или условного срока. А суд, видя такую убедительную аргументацию, вполне может пойти навстречу.

С другой стороны, люди из менее обеспеченных слоев общества часто вынуждены полагаться на адвокатов по назначению, которые, хоть и стараются сделать свою работу честно и добросовестно, но просто не имеют тех же ресурсов, что и их коллеги из крупных юридических фирм. Они работают с тем, что есть, и это иногда приводит к более суровым приговорам. Не потому что суд хочет наказать бедного человека, а потому что доказательная база и линия защиты часто бывают слабее.

Еще один момент, который нельзя упускать из виду, — это восприятие судом социального статуса обвиняемого. Представьте себе, если перед судом стоит человек, который всю жизнь работал на хорошей работе, имел солидный доход, а тут оступился — это одно. Суд может посчитать, что это была ошибка, что человек в остальном является законопослушным гражданином, и дать ему шанс исправиться. А если перед судом кто-то, у кого за плечами уже есть проблемы с законом, да и жить ему особо не на что, судья может решить, что мягкое наказание не поможет, и вынесет более жесткий приговор.

Конечно, это не значит, что система несправедлива по определению. Судьи, как правило, стараются быть объективными и учитывать все обстоятельства дела. Но человеческий фактор, он, знаете ли, тоже играет свою роль. И нельзя исключать, что у кого-то может сработать стереотип — мол, богатый человек, наверное, просто попал в трудную ситуацию, а бедный, вероятно, нарушил закон по привычке.

Интервьюер: Ясно, спасибо, а есть ли различия в долгосрочных социальных и экономических последствиях для осужденных из различных классов?

Информант: Да, конечно, такие различия есть, и они, к сожалению, довольно ощутимы. Когда речь заходит о долгосрочных последствиях для осужденных из разных социальных классов, то тут можно увидеть, как сильно влияет на жизнь человека его социальное положение до приговора.

Начнем с того, что для людей из высших классов, у которых есть деньги и связи, последствия могут быть не такими разрушительными. Да, судимость — это всегда серьезный удар по репутации, но если у тебя есть ресурсы, то ты можешь хоть как-то смягчить этот удар. Например, кто-то из бизнесменов, даже отсидевший срок, может после освобождения вернуться к своему делу, если у него остались деньги и партнеры, которые готовы его поддержать. Они могут восстановить свой бизнес, пусть и не сразу, или начать новое дело, используя свои накопленные знания и связи.

А вот для людей из менее обеспеченных слоев ситуация намного тяжелее. Представьте себе, что человек, и так живший небогато, возвращается после тюрьмы. У него нет ни денег, ни связей, ни поддержки. Найти работу становится практически невозможно — кто возьмет человека с судимостью, особенно если он не имеет какой-то уникальной квалификации? Часто такие люди оказываются на самом дне, без перспектив и шансов на нормальную жизнь. И это уже прямой путь к рецидиву, потому что, когда человек не видит выхода, он может снова пойти на преступление просто чтобы выжить.

Еще один важный момент — это то, как разные классы справляются с социальной стигмой. Для людей из высших слоев, даже если их осудили, общество может дать второй шанс. Да, будет шепот за спиной, но у них есть возможность уехать в другой город, страну, начать жизнь заново. А вот человеку из бедной семьи, особенно если он живет в маленьком городе, куда деваться? Все его знают, и даже если он захочет исправиться, это клеймо с него не снимут. В таких условиях очень трудно вернуться к нормальной жизни.

Ну и конечно, не стоит забывать о семье. У людей из обеспеченных слоев чаще всего есть финансовая подушка, на которую можно опереться, пока ты пытаешься восстановиться после тюрьмы. У них могут быть родственники или друзья, которые помогут с деньгами или жильем. А вот у человека из бедной семьи его семья и так еле-еле сводила концы с концами, а теперь еще и он вернулся с судимостью, без работы, без денег. Это создаёт дополнительную нагрузку на всех и еще больше усугубляет и без того сложную ситуацию.

Еще одно различие — это возможности для реабилитации. Те, у кого есть деньги, могут позволить себе психологов, терапевтов, пройти программы реабилитации, которые помогут вернуться к нормальной жизни. А у бедных такой возможности нет. Они вынуждены сами справляться со своими проблемами, и часто это приводит к депрессиям, алкоголизму, другим проблемам, которые тянут человека еще дальше вниз.

Так что да, долгосрочные социальные и экономические последствия для осужденных из разных классов сильно отличаются. Те, у кого есть ресурсы, могут хоть как-то восстановиться и начать жизнь заново, пусть и с трудностями. А вот для людей без таких возможностей последствия часто оказываются катастрофическими, и выбраться из этой ямы крайне сложно.

Интервьюер: Существуют ли явные барьеры для определенных слоев населения в доступе к справедливому судебному разбирательству?

Информант: Знаете, когда речь заходит о доступе к справедливому судебному разбирательству, нельзя отрицать, что для некоторых слоев населения этот доступ серьезно ограничен. И хотя, по закону, все должны быть равны перед судом, на практике все оказывается не так просто. Есть несколько явных барьеров, с которыми сталкиваются люди, особенно те, кто находится в менее привилегированном положении.

Во-первых, давайте поговорим о деньгах. Юридическая помощь — это дорогое удовольствие. Хороший адвокат, который сможет грамотно выстроить защиту и отстоять права своего клиента, стоит недешево. И тут-то как раз и появляется первый барьер: у многих людей, особенно из бедных семей, просто нет таких денег. Они вынуждены довольствоваться услугами адвокатов по назначению. И хотя многие из них профессионалы своего дела, они зачастую перегружены работой и просто не могут уделить делу столько времени, сколько требуется. В итоге защита получается слабее, и шансы на справедливое разбирательство снижаются.

Еще один важный момент — это уровень правовой грамотности. Люди, у которых нет юридического образования или опыта общения с правовой системой, часто просто не понимают, какие у них есть права и как их защитить. Они могут не знать, какие документы нужно подать, какие доводы представить в суде. Это особенно актуально для людей из сельских районов или из семей, где родители тоже никогда не сталкивались с правосудием. Они могут растеряться в сложной судебной процедуре, и даже если у них есть возможность нанять адвоката, они не всегда могут оценить, насколько качественно тот выполняет свою работу.

Еще один барьер — это доступ к информации и возможность собрать доказательства. Представьте себе ситуацию: человек из обеспеченной семьи может нанять частного детектива, провести экспертизы, собрать все необходимые доказательства для суда. А что делать человеку, у которого нет таких возможностей? Если у него нет денег даже на адвоката, откуда у него возьмутся средства на все остальное? В итоге суд может рассматривать дело на основании неполной информации, что опять-таки снижает шансы на справедливое решение.

Кроме того, есть такой фактор, как предвзятость или стереотипы, которые, хотим мы того или нет, иногда влияют на судебные процессы. Представьте себе, что перед судьей стоит человек из благополучной семьи, хорошо одетый, образованный, и человек, у которого и одежды приличной нет, и говорить он, может быть, не так складно умеет. Даже если судья старается быть максимально объективным, подсознательно он может воспринимать этих людей по-разному. А это уже может повлиять на исход дела.

Ну и, конечно, не стоит забывать о географии. В крупных городах, где есть доступ к лучшим адвокатам, к правозащитным организациям, шансы на справедливое разбирательство выше. А вот в маленьких городах или сельских районах, где выбор юристов ограничен, да и сами суды могут быть не так хорошо оснащены, добиться справедливости гораздо сложнее. Там, где каждый друг друга знает, и судья, и обвиняемый, и потерпевший, иногда личные связи могут сыграть свою роль.

Так что да, можно сказать, что для некоторых слоев населения действительно существуют барьеры на пути к справедливому судебному разбирательству. Это и деньги, и уровень образования, и доступ к

информации, и даже место проживания. И хотя система правосудия должна работать одинаково для всех, на деле оказывается, что не всем удается преодолеть эти барьеры и добиться справедливости.

Интервьюер: А насколько успешно представители различных классов возвращаются в общество после отбытия наказания?

Информант: Возвращение в общество после отбытия наказания — это всегда непростой процесс, и насколько успешно это происходит, часто зависит от того, к какому социальному классу принадлежит человек. Разница тут, честно говоря, огромная.

Начнем с того, что у людей из обеспеченных слоев общества, конечно, больше шансов вернуться к нормальной жизни. Представьте, что человек из богатой семьи отбывает срок. Да, это удар по репутации, и, возможно, он потеряет какие-то позиции в обществе, но у него есть ресурсы, чтобы снова встать на ноги. У него могут остаться связи, деньги, и он вполне может открыть новый бизнес или уехать в другой город или страну, где его прошлое не так известно. Ну и, конечно, поддержка семьи и друзей играет огромную роль. У него есть куда вернуться, и есть с кем начинать новую жизнь.

Теперь возьмем кого-то из рабочего класса или, скажем, из бедной семьи. Для них все обстоит намного сложнее. После выхода из тюрьмы они часто оказываются в ситуации, когда некуда идти. Работу найти крайне сложно, особенно если у человека нет какой-то особой квалификации. Судимость висит как клеймо, и многие работодатели просто не хотят связываться с такими людьми. Если до тюрьмы он работал на низкооплачиваемой работе, то после освобождения шансы вернуться хотя бы на тот же уровень резко падают. А если учесть, что у таких людей часто и до этого была нестабильная жизнь, то после наказания они оказываются в еще более уязвимом положении.

Далее, нужно учитывать и психологические моменты. Люди из обеспеченных слоев могут позволить себе психологическую помощь, пройти курсы реабилитации, которые помогают вернуться к нормальной жизни. У них есть возможность переосмыслить свой опыт, получить поддержку от специалистов и начать все заново. А вот те, у кого нет денег на такие программы, остаются один на один со своими проблемами. Психологический стресс, чувство безысходности, отсутствие поддержки — все это может привести к тому, что человек снова окажется на дне.

Не стоит забывать и о социальном окружении. Если ты возвращаешься в семью, где тебя поддерживают, где готовы помочь, это одно. А если возвращаешься туда, где и до тюрьмы было сложно, например, в район с высоким уровнем преступности, безработицы, то шансы снова пойти по кривой дорожке значительно возрастают. Без перспектив, без помощи, человек может снова оказаться в тюрьме, потому что просто не видит других вариантов.

Вообще, можно сказать, что успешное возвращение в общество после отбытия наказания во многом зависит от социального класса. Люди с

деньгами и связями имеют гораздо больше возможностей восстановить свою жизнь, в то время как представители бедных слоев часто остаются наедине со своими проблемами и сталкиваются с огромными трудностями, пытаясь вернуться к нормальной жизни. И это, к сожалению, часто приводит к тому, что они снова оказываются на скамье подсудимых. Ну вот как-то так.

Интервьюер: Понятно. Огромное Вам спасибо за уделенное время.